Министерство науки и высшего образования РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

ЕЖЕГОДНИК
финно-угорских исследований

Том 14
Выпуск 4

“Yearbook of Finno-Ugric Studies”

Volume 14
Issue 4

Ижевск
2020

Редакционная коллегия журнала

Главный редактор: *Загребин Алексей Егорович* (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)
Зам. главного редактора: *Кондратьева Наталья Владимировна* (УдГУ, Ижевск, Россия)

Мерзлякова Галина Витальевна (УдГУ, Ижевск, Россия)
Жеребцов Игорь Любомирович (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия)
Муллонен Ирма Ивановна (ИЯЛИ Карельский НЦ РАН, Петрозаводск, Россия)
Сааринен Сиркка (Туркуский университет, Турку, Финляндия)
Тулуз Ева (Институт восточных культур и цивилизаций, Париж, Франция)
Насибуллин Риф Шакрисламович (УдГУ, Ижевск, Россия)
Надь Золтан (Печский университет, Печ, Венгрия)
Владыкина Татьяна Григорьевна (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)
Ковычева Елена Ивановна (УдГУ, Ижевск, Россия)
Ванюшев Василий Михайлович (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)
Кудрявцев Владимир Геннадьевич (МарГУ, Йошкар-Ола, Россия)
Нуриева Ирина Муртазовна (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)
Шаланки Жужанна (Университет им. Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия)
Чепреги Марта (Университет им. Л. Этвеша, Будапешт, Венгрия)
Шутова Надежда Ивановна (УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, Ижевск, Россия)
Норманская Юлия Викторовна (Институт языкознания РАН, Москва, Россия)
Кудрявцева Раисия Алексеевна (МарГУ, Йошкар-Ола, Россия)
Минниахметова Татьяна Гильниахметовна (Инсбрукский университет, Инсбрук, Австрия)
Саарикиви Янне (Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндия)
Мызников Сергей Алексеевич (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)
Маклыгин Александр Львович (Казанская государственная консерватория им. Н. Г. Жиганова, Казань,Россия)
Кудрявцева Екатерина Львовна (Пирейский университет, Пирей, Греция)
Винклер Эберхард (Гёттингенский университет им. Георга-Августа, Гёттинген, Германия)
Пойбеау Тиерри (Университет Париж III Новая Сорбонна, Франция)
Ишмуратов Анатолий Васильевич (УдГУ, Ижевск, Россия)

Ответственные редакторы: Черашняя Дора Израилевна (УдГУ, Ижевск, Россия)
Кириллова Роза Владимировна (УдГУ, Ижевск, Россия)
Тот Силард (Нарвский колледж, филиал Тартуского университета, Нарва, Эстония)

The Editorial Board

Chief Editor: *Aleksey Ye. Zagrebin (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)*
Deputy Chief Editor: *Natalia V. Kondratyeva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*

Galina V. Merzlyakova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)
Igor L. Zherebtsov (Institute of Language, Literature and History of Komi Research Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
Irma I. Mullonen (Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk, Russia)
Sirkka Saarinen (University of Turku, Turku, Finland)
Eva Toulouze (National Institute of Oriental Languages and Civilizations, Paris, France)
Rif Sh. Nasibullin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)
Zoltán Nad' (University of Pécs, Pécs, Hungary)
Tat'yana G. Vladykina (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)
Elena I. Kovycheva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)
Vasilii M. Vanyushev (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)
Vladimir G. Kudryavtsev (Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia)
Irina M. Nurieva (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)
Zsuzsanna Salánki (Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary)
Márta Csepregi (Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary)
Nadezhda I. Shutova (Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center, Ural Branch of RAS, Izhevsk, Russia)
Yulia V. Normanskaya (Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russia)
Raisia A. Kudryavtseva (Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia)
Tat'yana G. Minniyakhmetova (Institute of History and Europian Ethnology, University of Innsbruck, Innsbruck, Austria)
Janne Saarikivi (University of Helsinki, Helsinki, Finland)
Sergei A. Myznikov (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia)
Alexander L. Maklygin (N. G. Zhiganov Kazan State Conservatory, Kazan, Russia)
Ekaterina L. Kudryavtseva (University of Piraeus, Piraeus, Greece)
Eberhard Winkler (University of Göttingen, Göttingen, Germany)
Thierry Poibeau (New Sorbonne University, Paris, France)
Anatolii V. Ishmuratov (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Executive Editors: *Dora I. Cherashnyaya (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)*
Roza V. Kirillova (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)
Szilárd Tóth (Narva College of the University of Tartu, Narva, Estonia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Андуганова М. Ю. Специфика графической лингвостилистики в сакральных текстах ханты «Песни Пелымского Торума»..... 582

Касаткина Т. Ю. Ассоциативное поле как модель анализа значения слова..... 589

Максимов С. А. Тюркско-удмуртские лексические метаморфозы II: о происхождении слов ИТАЛМАС ‘купальница европейская’, КОНЬЫ ‘белка’, АТТА ‘всё время, постоянно’.... 604

Ванчо И., Ефремов Д. А. Ревитализация саамского языка через призму образования в Финляндии.... 617

Норманская Ю. В. Коми-язьвинский – диалект коми-пермяцкого или отдельный язык?..... 628

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Панина Т. И. Прескрипции о снах и сновидениях в удмуртской традиционной культуре..... 642

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Зверева Т. В. «Сумерки богов» в поэтической книге Сергея Стратановского «Оживление бубна»..... 651

Шэнкар П. Венгерский и Словацкий вопрос в текстах Лайоша Хаана на фоне культурологии и литературоведения..... 659

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

Потемкина М. Н., Пашковская Т. Г. Эстонцы в советской эвакуации на Южном Урале в годы Второй мировой войны..... 675

Бахарев Д. С. Этнический ландшафт Пермской губернии в начале XX в.: картография контактных зон..... 688

Черниенко Д. А. Этнополитические установки населения Удмуртии (по материалам социологического исследования)..... 699

Кляшев А. Н. Удмурты – адвентисты Седьмого Дня в селе Якшур-Бодья: этно-демографический анализ..... 710

Нечвалода Е. Е. Народы Волго-Уральского региона в творческом наследии Федора Солнцева... 720

Пузанов Д. В. Письменные известия о казнях пленных в потестарных образованиях Поволжья и Прибалтики конца XII – середины XIII в..... 733

Хотинец В. Ю., Сабрекова Ю. Р. Этнокультурные предпочтения логического и интуитивного мышления..... 745

ЮБИЛЕИ

Карпова Л. Л. Тайны топонимического звучания (к юбилею Л. Е. Кирилловой)..... 754

IN MEMORIAM

Сидорова А. П., Кошаев В. Б., Ковычева Е. И. Памяти Рафхата Мухаметовича Каримова (1946–2020).... 761

Указатель статей и материалов, опубликованных в 2020 году в «Ежегоднике финно-угорских исследований»..... 765

CONTENTS

LINGUISTICS

Anduganova M. Yu. Specific features of graphical stylistics in the sacred texts of khanty "Pesni Pelymskogo Toruma"..... 582

Kasatkina T. Yu. Associative field as a model for word meaning analysis..... 589

Maksimov S. A. Turkic-udmurt lexical Metamorphoses II: on the origin of the words ITALMAS 'trollius europaeus', KOŃĮ 'squirrel', ATTA 'all the time, constantly'..... 604

Vančo I., Efremov D. A. Revitalizing saami through education in Finland..... 617

Normanskaja Ju. V. Is Komi-Yazva separate language or Komi-Permian's dialect?..... 628

FOLKLORISTICS

Panina T. I. Beliefs and prohibitions related to sleeping and dreams In the Udmurt traditional culture..... 642

STUDY OF LITERATURE

Zvereva T. V. "Twilight of gods" in Sergey Stratanovsky's poetic book "Animation of the tambourine"..... 651

Šenkár P. Hungarian and Slovak issues in the texts of Lajos Haan in the background of cultural and literary science..... 659

HISTORY, ARCHAEOLOGY, ETHNOGRAPHY

Potemkina M. N., Pashkovskaya T. G. Estonians in the soviet evacuation in the south Urals During world war II..... 675

Bakharev D. Perm' province ethnic landscape in the early 20th century: Mapping inter-ethnic clusters Chernienko D. A. Ethno-political values of the population of Udmurtia (based on the materials of sociological research)..... 688

Chernienko D. A. Ethno-political values of the population of Udmurtia (based on the materials of sociological research)..... 699

Klyashev A. N. Udmurts – adventists of the seventh day in the village of Yakshur-Bodya: ethno-demographic analysis..... 710

Nechvaloda E. E. Peoples of the Volga-Ural region in Fedor Solntsev's creative heritage..... 720

Puzanov D. V. Written sources about executions of prisoners in potestary societies of the volga region and the baltic states of the end of the XII – The middle of the XIII centuries..... 733

Khotinets V. Yu., Sabrekova Yu. R. Ethnocultural preferences of logic and intuitive thinking..... 745

ANNIVERSARIES

Karpova L. L. Secrets of toponymic sound (to the anniversary of L. E. Kirillova)..... 754

IN MEMORIAM

Sidorova A. P., Koshaev V. B., Kovycheva E. I. In memory of Rafkhat Mukhametovich Karimov (1946–2020)..... 761

Index of articles and materials published in 2020 in the 'Yearbook of the Finno-Ugric Studies'..... 765

УДК 811.511.11:39

М. Ю. Андуганова

СПЕЦИФИКА ГРАФИЧЕСКОЙ ЛИНГВОСТИЛИСТИКИ В САКРАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ ХАНТЫ «ПЕСНИ ПЕЛЫМСКОГО ТОРУМА»

Статья посвящается выявлению стилистического потенциала графики печатного сакрального текста, что попутно позволяет обнаружить возможности письменного кодирования и декодирования информации эмотивного характера.

Сакральные тексты являются эталонными, поскольку имеют вековые традиции устного хранения и передачи информации. Они содержат обращения к исконным богам этого этноса. Такой текст не может быть лишен эмоциональной составляющей. Он является кладезью духовной, философской и языковой культуры. Текст сопровождается сакральным ритуалом и, следовательно, считается языком в действии.

Материалом для анализа послужили «Песни Пелымского Торума». Это один из немногих ритуальных текстов, имеющих графическую форму представленности, что объясняется не только относительно молодым характером письменной традиции хантыйского языка и, тем самым малой документируемостью языкового материала, но и строгим табуированием того, что происходит во время обряда: не всегда допускаются дети, женщины, а тем более посторонние.

Таким образом, особенность данной работы заключается в том, что с одной стороны она направлена на анализ графического стилистического потенциала, который незаслуженно остается в тени лингвистических исследований по финно-угроведению, а с другой стороны позволяет установить связь графики с другими уровнями стилистики языка сакральных текстов, выявляя их неповторимость. Для достижения поставленной цели считается уместным определить инвентарь графического уровня стилистики.

Все результаты подтверждены данными фольклора на хантыйском языке, которые собирались и обрабатывались ученым-фольклористом, этнографом и носителем языка – Т. А. Молдановой [Молданова 2010].

Ключевые слова: сакральный текст, хантыйский язык, графика, знаки препинания, лингвостилистика, графическая стилистика, фонологический уровень, синтаксический уровень, графон, эллипсис, синтаксический параллелизм, рифма, риторический вопрос, верлибр, вопрос в повествовании.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-582-588

Графическая стилистика долгое время не являлась объектом лингвистического анализа. В финно-угорском языкознании она и в настоящее время незаслуженно остается в тени. Это, возможно, связано с тем, что под графикой понимаются, с одной стороны, буквенно-звуковые соответствия и соотношения [Куликова 2001, 222], а с другой – знаки, с помощью которых звучащая речь отображается на письме [Балинская 1967, 11–15].

Ввиду того, что финно-угорские языки являются письменными, то вопросы графики и письма считаются решенными, и, следовательно, не нуждаются в анализе, поскольку исключается сам факт постановки научной проблемы.

В отличие от классического языкознания графическая стилистика предполагает значительно иные подходы к графике и ее предназначению, поскольку она нацелена на: 1) анализ и выявление функциональных стилей; 2) решение вопросов теории информации, ее кодирования и декодирования; 3) анализ и выявления изобразительных и выразительных средств [Виноградов 1957б, 167–258, Crystal, Davy 1969, Арнольд 1991, Aitchison 1994, Bakst 1997, Rey 2005]. Последнее направлено на эмоционально-экспрессивные способы передачи и восприятия устного или письменного языка.

В данной работе под графической лингвостилистикой понимаются изобразительные и выразительные средства, используемые для передачи и восприятия информации, усиливающей ее эмоционально-экспрессивную коннотацию в письменном источнике информации – тексте, дискурсе, где первое – это письменный носитель, т.е. пассивный; второе – язык в действии, иначе активный носитель информации [Андуганова 2012, 73–75].

Такой анализ позволяет решить следующие задачи:

1. Установить инвентарь графической стилистики.
2. Подтвердить древность происхождения текста.
3. Выявить особенности метрики.
4. Установить связь графической стилистики с другими языковыми уровнями.
5. Определить особенности исполнения текста и степень его эмоциональной составляющей.
6. Выявить динамичность исполнения и формы изложения.
7. Определить графико-стилистические маркеры, с помощью которых текст достигает возвышенно-духовной формы.

Материалом для анализа послужил хантыйский сакральный текст «Песни Пелымского Торума» в исполнении П. И. Сенгепова, представленный на бумажном носителе Т. А. Молдановой в монографии «Пелымский Торум – устроитель медвежьих игрищ».

Уникальность данного материала заключается в том, что до 2010 г. существовал в устной форме, поскольку в культуре хантов является элементом уникального, спиритического, таинственного ритуала, трансформация его в письменную форму осуществлялась автором монографии Т. А. Молдановой с особым тщательным, бережным, уважительным и почтительным отношением.

Инвентарь графической стилистики и ее специфика

На начальном этапе следует определить инвентарь графической стилистики, а именно – разделы, которые ее формируют:

1) текстовая сегментация (общая структура) – заголовок, разделы, параграфы, оглавление;

2) пунктуация (использование знаков препинания) – точки, кавычки, запятые, точка с запятой, восклицательные и вопросительные знаки, многоточия, скобки, тире, дефис и т.д.;

3) шрифт – курсив, полужирный, Times New Roman, Agency FB и т.д., размер шрифта.

4) аббревиатуры и другие сокращения;

5) иные визуальные маркеры [Гальперин 1958, 20–30].

Следует заметить, что и в классическом языкознании, и в стилистике минимальной единицей являются графемы, которые могут быть буквенными и небуквенными [Гальперин 1958, 20–30]. Поскольку буквенные единицы определяются алфавитом, то небуквенными являются – знаки пунктуации, знаки ударения, цифры, пробелы, знаки-символы различных наук, апострофы, шрифты, разрядки, сокращения.

Метрика текста

Сакральность искомой хантыйской песни заключается в том, что она исполняется на Медвежьих игрищах, которые проводятся обскими уграми с самых архаичных времен и являются незаменимой, но вариативной частью религиозного культа. Это свидетельствует о древности происхождения данной песни не просто как элемента устного народного творчества, а как жи-

вого эталонного памятника высокой языковой и духовной культуры, столь бережно сохраненной и через тысячелетия не утратившей своей первозданной формы.

Песня оформлена пятистишьями с неравномерным количеством слогов в строках, колеблющимся от 5 до 16, например:

80. Пєӈк хәл(ə) мухты	Сквозь щели их зубов
Йиӈкаӈа Пулум йиӈкал(ə) уви(йə)ӆумал(ə) ищи	Полноводного Пелыма воды протекали.
Юхаӈа Пулума юхи(йə)иел(ə)	Деревья, [имеющий] Пелым, деревья эти,
Ӆыв-ки(йə) тавант(ə) ӆумал(ə) ищи(йə).	Если они появились,
Мӯваӈа Пулум Мӯват(ə) киньща(йə)	Земли [имеющий], Пелым,
	[они] выше [других] земель,
85. Мосаӈ пӑ(йə) па паӆӆа(йə) тыви(йə) ӆумал(ə)	Быть может они на
Мӯваӈа Пулум мӯвиел(ə).	[священной] высоте появились.
[Молданова 2010, 116]	[Молданова 2010, 152]

Такая неравномерная метрика свидетельство того, что у песни действительно архаичная природа, так что ее вполне можно отнести к верлибру, как разновидности белого стиха, более приближенного к стиху, нежели к прозе. Верлибр в фольклорном тексте, на наш взгляд, представляет собой уникальную первозданную форму древнего стиха. Более того, несмотря на недостаточную метрическую организованность, такие стихи имеют строгую ритмичность. Об этом свидетельствует форма речитативного их исполнения в сопровождении музыкальных инструментов, в том числе струнных [Семенова 2006, 74].

Роль графонов в тексте

Самый явный графический стилистический маркер – это использование графонов (йə) и (э). Они же несут рифмообразующую функцию созвучия концов слов и строк [Anduganova 2010, 30]. Использование данных графонов – это еще одно подтверждение древнего происхождения песни. Графоны служат образцом зарождения первоначальной рифмы. Более того, заметим, что рифма формируется ими как межстрочная, так и внутристрочная, например:

135. Хуты(йə) ванты(йə)ӆатєм(ə) ищи(йə)	Что я увидел.
Тәрум(ə) сусал(йə) пелки(йə) йəла(йə) ищи(йə)	Торум в сторону осени
Хуты(йə) кєрӆы(йə)ӆумал(ə) ищи(йə).	Оказывается, повернулся.
Ари(йə) юхпи(йə) арал(ə) вәнтєм(ə)	С многочисленными деревьями
	многочисленные леса
Ӆыв ал(ə) вəӆи(йə) ӆумел(ə) ищи(йə)	Они уже пребывают [иными]
[Молданова 2010, 47]	[Молданова 2010, 99]

Графон применяется в функциональной стилистике, чтобы выделить особенности ненормированного произношения определенных социальных [Ширяев 2000, 13–29] или территориальных слоев общества, а также может подчеркивать индивидуальность произношения [Ефимов 1957, 337], В нашем случае с такой целью он не используется, поскольку отчасти формирует жанр и, как уже ранее было сказано, обладает рифмообразующей функцией, а также звукоорганизующей и ритмоорганизующей. Графоны **йэ** и **э** не наделены смысловой и информативной функцией. Они, при этом, являются одним из ключевых маркеров сегментного уровня фоностилистики стихотворного-песенного повествования в фольклоре хантыйского этноса.

Стилистическая специфика пунктуации

В стилистике пунктуация актуальна не в рамках правил её использования, а в плане дополнительной информации, которая служит для раскрытия эмоциональной, оценочной, личностной и экспрессивной характеристики или отношения автора или героя произведения

к окружающей его действительности. Нельзя также не согласиться с мнением Е. В. Куликовой относительно того, что посредством пунктуации отражается ритмико-мелодическое строение речи [Куликова 2001, 224).

На фоне существующих работ, освещающих графическую стилистику разных языков, следует отметить, что до настоящего времени не выдвигалось гипотезы относительно соотношения частотности использования пунктуационных знаков и их влияния на создание определенной эмоциональной ситуации или динамичности развития событий. Например, выбор точки или запятой. Оба знака в стилистике означают не длительную паузу, но чем обусловлен выбор того или иного из перечисленных знаков не всегда представляется ясным, если руководствоваться лишь правилами пунктуации. Так, запятая свидетельствует о более спокойном течении действий, а точка – динамичность и напряжение, когда данные знаки используются для передачи перечисления событий или действий. Точка усиливает ритмику, запятая ее ослабляет, например:

115. Сохӆаӈа пасан(ə), кӯтпема хуща(йə)	Досчатый стол посреди него
Хуӆаӆаӈем(ə) сорнеӈ(ə), лыспи лысаӈа ёш	С нескончаемыми золотыми листами, листами руку[имеющий]
Караш(ə) тухаӆ(ə) йшшмаӈ(ə), ям йош	Перьями беркута пишущую, славную руку[имеющий]
Вəрт, ма(йə) омсы(йə)ӆумем(ə) ищи(йə).	Вэрт, я сижу.
[Молданова 2010, 117]	[После] времени этого какого-то [Молданова 2010, 153].

1180. Кӯшпаӈ(ə) хəрпи(йə) ӆапат(ə)овем(ə),	Гладкие, как ноготь большого пальца, семь дверей,
Ма па(йə) пунши(йə) ӆумем(ə) ищи(йə).	Я [их] открываю
Вуӆтум(ə) сохаӆ(ə) вуӆтаӈ(ə) ям ов(ə),	Из струганных рубанком досок, струганные славные двери
Хаӆум(ə) сохаӆ(ə) вуӆтум(ə) ям ов(ə),	[Шириной] в три доски струганные славные двери,
Ӆыв па(йə) омсы(йə) ӆатєӆ(ə) ищи(йə).	Они имеются.
[Молданова 2010, 148]	[Молданова 2010, 181].

Пауза при использовании точки с запятой и двоеточия не столь экспрессивна и информативна как при использовании тире и многоточия. Многоточие может означать как недосказанность или эллипсис, так и длительную паузу. Однако, стоит заметить, что применительно к нашему материалу использование многоточий и тире не характерно. Они практически отсутствуют, Следовательно, являются стилистически иррелевантными.

Ввиду того что «Песни Пелымского Торума» относится к идеальным, божественным текстовым видам, так как предполагает обращение к «Высшим силам», то напряженный, интенсивный ритм при их исполнении не уместен. Этим объясняется и приоритетное использование запятых и точек, которые позволяют судить о ровном, спокойном ее исполнении с множеством описательных перечислений, которые придают иносказательность и придают тексту элементы таинства, например:

Хəӆмен(ə) ӆуӆпи(йə) ӆуӆаӈ(ə) хопем(ə),	С тремя распорками, распорками лодка,
835 Кутпаӈ(ə) хопи(йə) кӯтпи(йə)йеӆа(йə),	С серединой лодка, в ее середине
Ӆыпат(ə) питӆа(йə) шуваӆ(ə) вуӆа(йə),	От листьев падающих защищенное место
Ма па(йə) лєщат(ə)ӆумем(ə) ищи(йə),	Я подготавливаю,
Ньəрум вой вəӆӆа(йə) айӆа(йə) пушхем(ə),	[Для] тундрового зверя, маленького моего детеночка,
Вəнт вой(ə) вəӆӆа(йə) айӆа(йə) пушхем(ə).	[Для] лесного зверя, маленького моего детеночка,
[Молданова 2010, 136]	[Молданова 2010, 172]

Данный маркер графической стилистики возникает как результат синтаксического параллелизма, а также однородных и неоднородных перечислений. Иначе говоря, его можно идентифицировать как графико-синтаксическое стилистическое средство.

Другим средством является использование вопросительного знака. В текстах такого порядка вопросительный знак придает имитацию дискуссии и, тем самым позволяет отнести его к разновидности дискурса. Во-первых, – по причине использования текста в действии, то есть при совершении ритуала, а во-вторых, – при наличии вопросно-ответных форм изложения. Такие формы изложения в стилистике относятся либо к разновидностям риторического вопроса, а именно ответствование [Гальперин 1958, 279], либо к вопросу в монологической речи, иначе называемый вопросом в повествовании, который придает ей эмфатический оттенок, например:

Муя(йə) кари(йə)ԓумаԓ(ə) ищи(йə)?	Почему изменились [они]?
Эԓяң(ə) хори(ə) сухи(йə)еԓа(йə)	Как у пестрого оленя шкура
260. Муя(йə) ювант(ə)ԓумаԓ(ə) ищи(йə)?	Почему [они] стали [такими]?
Пӯԓԓаң(ə) Пулум(ə) пӯңԓы(йə)йеԓа(йə),	С берегами Пелым , берега свои,
Ԓув па(йə) иртупт(ə)йицум(ə) ищи(йə).	Он разветвляет.
Пəтаң(ə) авпий(ə) арԓа(йə) союм(ə)	С наледью в устьях многочисленные ручьи,
Мӯԓаң(ə) овпи(йə) арԓа(йə) юхан(ə}.	С ледяной кашицей в устьях многочисленные ручьи.
[Молданова 2010, 121]	[Молданова 2010, 156]

Восклицательный знак используется в тексте единожды – в самом начале изложения. Это зачин Медвежьих песен, их первые строки:

Кай(ə)йңа-(йə)йңа- (йə)йңа(ə)!	Кай(э)йнга-(йэ)йнга(йэ)!
Омсума хот тєԓ(ə) арԓа(йə) хəйем(ə)	Сидящие в заполненном доме многочисленные мужчины,
[Молданова 2010, 114]	[Молданова 2010, 149]

Этими же строками песня заканчивается, но на письме нет восклицательного знака, что говорит об их завершении в спокойном и ровном эмоциональном тоне.

Выводы

Проведенный анализ графической стилистики текста «Песни Пелымского Торума» позволяет сделать следующие выводы:

– графическим инвентарем стилистики данного текста являются – буквы алфавита, точка, запятая, вопросительный знак, восклицательный знак, графоны **йэ** и **э**, круглые и квадратные скобки, стихотворное оформление в виде пятистиший с неравномерной метрической структурой.

– тексты являются архаическими и относятся к самому начальному этапу зарождения рифмы.

– вид стиха данного текста характеризуется как верлибр.

– графическая стилистика данного материала имеет тесную связь с фонологическим и синтаксическим уровнями стилистики.

– текст достигает возвышенно-духовной формы благодаря относительно спокойному, методично ровному изложению, вопросно-ответному повествованию, метрически неравномерным синтаксическим конструкциям, рифмо-образующим специфическим графонам и синтаксису предложения и словосочетания.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. Киев: Вища школа, 1991. 278 с.

Андуганова, М. Ю. Потенциал дискурса в исследовании фоностилистики устного народного творчества: гуманитарные науки и образование. Саранск, 2012.

Балинская В. И. Графика современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1964. 363 с.

Виноградов В. В. Язык художественных произведений // Вопросы языкознания.1954. № 5. С. 167–258.

Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. Москва, 1958. 459 с.

Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. Москва: Изд–во Моск. ун-та, 1957. 448 с.

Куликова Е. В. Графические средства как стилистические приемы художественного текста. URL: http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/82860/29-Kulikova.pdf?sequence=1 (2.06 2020).

Молданова, Т. А. Пелымский Торум – устроитель медвежьих игрищ. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2010. 224 с.

Семенова М. Ю. Фонологические средства выразительности марийских языческих молитв и текстов карело-финских рун. Ханты-Мансийск, 2006. 171 с.

Ширяев С. Н. Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках // Культурно-речевая ситуация в современной России / под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 13–29.

Aitchison J. Words in the Mind: an Introduction to the Mental Lexicon. Basil Blackwell Ltd: Oxford. 1994. 145p.

Bakst A. Mathematics. Its Magic and Mastery. Princeton (N.G.) Van Nosfraud. 1997. 842 p.

Crystal D., Davy D. Investigating English Style. Longman, 1969. 251 p.

Semenova M. Yu. Phonetic Stylistic devices in Mari Prayers: Congresssus IX Internationalis Fenno-Ugristarium Pars II. Tartu, 2000. P. 256–257.

Rey A. Dictionnaire culturel en langue française (dir. Alain Rey, dir. édit. Danielle Morvan), Le Robert, 2005. 4 Vol., 732 p.

Anduganova. M. Yu. The main phonostilistics means in sacred texts of Khanty: Congresssus XI Internationalis Fenno-Ugristarium. Piliscsaba. 2010. P. 30.

Поступила в редакцию 07.08.2020

Андуганова Марианна Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»
628011, Ханты-Мансийск, Чехова, 16
E-mail: Sem-Marianna@yandex.u

M. Yu. Anduganova

SPECIFIC FEATURES OF GRAPHICAL STYLISTICS IN THE SACRED TEXTS OF KHANTY "PESNI PELYMSKOGO TORUMA"

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-582-588

This article is devoted to revealing of stylistic resource of graphics in printed sacred texts. It also gives opportunities in finding out ways of coding and decoding emotive information.

Sacred texts are perfect because they include ancient traditions of oral saving and delivering of information. They contain appeals to the nation traditional Gods. Such texts are always emotional. They have been being a wellhead of highest moral, religious, philosophic and language culture. Text is accompanied by sacred ritual and so it is a language in use.

The lines of the Khanty text "Pesni Pelymskogo Toruma" are the data for analyzing. They are one of the random texts which have graphical form of presentation. This fact could be explained by *newly scripted* position of Khanty language, by small amount of language data and by strict taboo of ritual participations: not everybody is allowed to be member or attestor of sacred proses for example children, woman, outsider.

So, *specialness* of this research work is firstly investigating of graphical stylistics potential capacity, which is undeservingly ignored in finno–ugric linguistic study, secondly it gives an opportunity to connect graphics with other levels of the sacred texts stylistics. It demonstrates *particularity* and *uniqueness* of Khanty people's sacred texts. For the aim achieving it is necessary to identify the *inventory* of graphic stylistics.

All the results are proved by the Khanty language folklore texts, which are collected and compiled by the specialist in folklore, ethnographer and native language speaker T. A. Moldanova

Key words: sacred text, Khanty language, graphics, punctuation marks, linguistic stylistics, graphic stylistics, phonological level, syntactical level, graphon, ellipsis, syntactical parallelism, rhyme, rhetorical question, vers libre, question –in –he narrative.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 582–588. In Russian.

REFERENCES

Arnol'd I. V. *Stilistika sovremennogo angliiskogo yazyka* [Stylistics of modern English language]. *Kiyev,* Vishcha shkola Publ., 1991. 278 p. In Russian.

Anduganova, M. Yu. Potentsial diskursa v issledovanii fonostilistiki ustnogo narodnogo tvorchestva [Discourse potentional in folklore] gumanitarnye nauki i obrazovanie [Humanities and education]. 2012, no. 3, pp. 73–75. In Russian.

Balinskaya V. I. Grafika sovremennogo angliiskogo yazyka [Graphics of modern English language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1964. 363 p. In Russian.

Vinogradov V. V. Yazyk khudozhestvennykh proizvedenii [Language of works of art] Voprosy yazykoznaniya [Questions of linguistics] 1954, no. 5, pp. 167–258. In Russian.

Gal'perin I. R. Ocherki po stilistike angliiskogo yazyka [Essays on the style of the English language]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1958. 459 p. In Russian.

Efimov A. I. Stilistika khudozhestvennoi rechi [Stylistics of artistic speech]. Moscow, Izd–vo Mosk. un-ta Publ., 1957. 448 p. In Russian.

Kulikova E. V. Graficheskie sredstva kak stilisticheskie priemy khudozhestvennogo teksta [Graphic means as stylistic techniques of artistic text] *Kul'tura narodov Prichernomor'ya, 2001, no 23,*. URL:.http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/82860/29-Kulikova.pdf?sequence=1 (accessed 2 June 2019). In Russian.

Moldanova, T. A. Pelymskii Torum – ustroitel' medvezh'ikh igrishch [Pelymsky Torum-organizer of bear merrymaking]. Khanty-Mansiisk, Poligrafist Publ., 2010. 224 p. In Russian.

Semenova M. Yu. Fonologicheskie sredstva vyrazitel'nosti mariiskikh yazycheskikh molitv i tekstov karelo–finskikh Run [Phonological expressive means in the texts of Mari ethnic prayers and Karelian-Finnish runes]. Khanty-Mansiisk, Yugorskii gos. un–t Publ., 2006. 171 p. In Russian.

Shiryaev E. N., Matveeva T. V., Krysin L .P., Ermakova O. P., Vepreva I. T. Kul'turno-rechevaya situatsiya v sovremennoi Rossii [Cultural and speech situation in modern Russia], Ekaterinbur, Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2000. 379 p. In Russian.

Aitchison J. *Words in the Mind: an Introduction to the Mental Lexicon.* Basil Blackwell Ltd. Oxford. 1994. 145 p. In English.

Anduganova M. Yu. The main phonostilistics means in sacred texts of Khanty. *Piliscsaba – Congresssus XI Internatioal Fenno-Ugristarium,* 2010, pp. 30. In English.

Bakst A. *Mathematics. Its Magic and Mastery.* Princeton (N.G.) Van Nosfraud. 1997. 842 p. In English.

Crystal D., Davy D. *Investigating English Style.* Longman. 1969. 251 p. In English.

Semenova M. Yu. Phonetic Stylistic devices in Mari Prayers. Tartu, – *Congresssus IX Internationalis Fenno-Ugristarium Pars II.* 2000, pp. 256–257. In English.

Rey A. *Dictionnaire culturel en langue française* (dir. Alain Rey, dir. édit. Danielle Morvan), Le Robert, 2005, 4 vol. 732 p. In French.

Received 07.08.2020

Anduganova Marianna Yuryevna
Candidate of Science (Philology), Associate Professor
Yugra State University
16, Chekhova st., 628011 Khanty-Mansiysk, Russian Federation
e-mail: Sem-Marianna@yandex.ru

УДК 81’23(045)

Т. Ю. Касаткина

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ КАК МОДЕЛЬ АНАЛИЗА ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

На материале удмуртского языка в статье рассматривается полевой подход к изучению значения слова с психолингвистических позиций. Актуальность обращения к изучению семантики слова в таком ракурсе определяется тем, что подобных исследований с носителями удмуртского языка ранее не проводилось. Также материал данного исследования даст возможность для проведения дальнейших межъязыковых сопоставительных работ.

Основной метод исследования – свободный ассоциативный эксперимент (САЭ), позволяющий исследователю получить и изучить ассоциативное поле (окружение) слова и идентифицировать наиболее актуальные для носителей языка лексико-семантические варианты. Задача подобного рода работ – это исследование коллективного сознания, что обусловливает необходимость массового анкетирования с целью получения репрезентативной выборки. Полученное в ходе эксперимента ассоциативное поле (АП) является моделью и инструментом анализа семантики слова. Состав АП, характер и соотношение реакций в нём позволяют существенно изменить представления о значении слова как коммуникативной единицы. Для того, чтобы успешно общаться, необходимо иметь не только общий код, но и общность знаний об ассоциативном окружении слова, т. е. его ассоциативно-вербальной сети. АП любого слова имеет ядро с наиболее частотными реакциями и периферию с наименее частотными и единичными реакциями и проявляется в многообразии семантических, тематико-ситуативных и оценочно-прагматических связей.

В данной статье представлен анализ ассоциативных полей лексем *АДЯМИ/ЧЕЛОВЕК, УЛОН/ЖИЗНЬ* и *КОРКА/ДОМ* с целью выявить содержание их ассоциативной структуры и наиболее актуальных для экспериментальной группы носителей удмуртского языка компонентов значения слова. Полученные данные последовательно сопоставлялись с данными лексикографических источников, чтобы установить психологически актуальное значение исследуемых слов и обозначенных ими понятий.

Ключевые слова: полевой подход, значение слова, лексико-семантический вариант, лексикон, носитель языка, семантическое поле, ассоциативное поле, ассоциативный эксперимент, достояние индивида, языковое сознание, ядро языкового сознания, вербальные ассоциации, реакция, ассоциат, удмуртский язык, количественный анализ.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-589-603

Полевой подход к изучению языка в целом и отдельных его аспектов получил в современной лингвистике и психолингвистике широкое распространение. Как известно, родоначальниками полевого метода были немецкие ученые И. Трир и В. Порциг; впоследствии зарубежные и отечественные лингвисты начали относить это понятие к широкому кругу явлений языка: лексическим группам, парадигматическим (Трир, Гуденаф, Лаунсбери), синтаксическим (Порциг, Вейсгербер), грамматическим (Адмони), грамматико-лексическим (Гулыга, Шендельс),

функционально-семантическим полям [Щур 1974, 22–23]. Значительный вклад в разработку теории поля также внесли А. В. Бондарко [Бондарко 1983], Л. М. Васильев [Васильев 1990], Ю. Н. Караулов [Караулов 1972], З. Д. Попова [Попова 1989], И. А. Стернин [Стернин 1985], А. А. Уфимцева [Уфимцева 1962].

Поле в лингвистике представляет собой определенную семантическую структуру. Несмотря на свою обширную сеть, оно интуитивно понятно носителю языка и обладает для него психологической реальностью. Каждое *семантическое поле* характеризуется относительной автономностью, целостностью, упорядоченностью, непрерывностью и динамичностью смыслового пространства. Каждая единица *семантического поля* определяется через соседние единицы. *Семантическое поле* может включать слова, принадлежащие к разным частям речи, и связанные между собой не только семантическими, но и словообразовательными отношениями. При этом психолингвистическое понятие «семантическое поле» представляет собой совокупность слов (связанных по смыслу с данной лексемой) вместе с их ассоциациями.

Таким образом, каждая единица лексикона одновременно входит в несколько полей (лексико-семантическое, словообразовательное, словоизменительное), которые переплетаются и пересекаются друг с другом. Каждая словоформа в памяти человека существует в сочетании с другой или с другими, обычно встречающимися вместе с ней в речи, словоформами.

Для выявления и описания *семантических полей* нередко используются методы компонентного анализа и ассоциативного эксперимента. Группы слов, полученные в результате ассоциативного эксперимента, носят название ассоциативных полей. Термин *«ассоциативное поле»* был введён Ш. Балли и часто употребляется как синоним термина «семантическое поле». Особенность семантических полей такого рода состоит в том, что при их установлении сознательно используются слово-стимул и его ассоциаты, а установление объёма поля происходит в результате эксперимента с испытуемыми, следовательно, опирается на анализ не текста, а ответные реакции людей, участвующих в эксперименте. Ассоциативные реакции на слово-стимул, структурированные по принципу поля, образуют ассоциативное значение, которое отражает не только прямое лексическое значение слова, но и множество дополнительных признаков, в том числе оценочные и качественные характеристики, репрезентирующие концептуальные признаки.

Согласно Ю. Н. Караулову, ассоциативное поле – это не только фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок носителей той или иной культуры [Караулов 2000]. Ассоциативные поля динамичны, так как в результате постоянного информационного воздействия люди начинают переосмысливать некоторые значения слов, происходит трансформация значений, обладающих большой коммуникативной активностью, которая во многом зависит от ассоциативного восприятия данных лексем носителями того или иного языка.

Данный вид *поля* образуется из микрополей, в которых слова характеризуются семантической близостью. В ассоциативную группу могут входить слова разных частей речи. Ассоциации делятся на *синтагматические* (образующие со стимулом словосочетание) и *парадигматические* (имеющие какую-либо общность со стимулом, но не образующие с ним словосочетаний). АП позволяет выявить ядро и периферию лексико-семантической группы. В ядро поля входят наиболее стереотипные, автоматические реакции. Периферию составляют менее частотные реакции. Кроме этого, свободный ассоциативный эксперимент хорошо выявляет относительную яркость разных семем по отношению друг к другу в составе семантемы. Полученные экспериментальные данные последовательно сопоставляются с данными лексикографических источников, чтобы установить соответствие значений слов, зафиксированных в словарях с теми, которые нашли своё отражение в результатах эксперимента.

На важность изучения содержания ассоциативного поля с целью выявления полноты значения слова, представленного в языковом сознании носителей различных языков, указывают в своих работах отечественные и зарубежные учёные, в числе которых А. А. Леонтьев [Леонтьев 1971], А. А. Залевская [Залевская 2000; 2005], Т. М. Рогожникова [Рогожникова 2000],

З. Д. Попова, И. А. Стернин [Попова, Стернин 2001], А. Р. Лурия [Лурия 1979, 54], Кейл и Баттерман [Keil & Batterman, 1984], Факонье и Тёрнер [Fauconnier & Turner, 2002], Бёрк [Burke 1987; 2000], Хирш и Три [Hirsh & Tree, 2001], Рутроф [Ruthrof, 1998, 2000].

В настоящее время результаты проведённых исследований, полученных от носителей разносистемных языков, свидетельствуют о том, что *психологическая структура значения*, отражаемая в *ассоциативном поле*, намного шире значения, представленного в толковых словарях. Она зависит от жизненного опыта, способа получения, переработки и хранения информации, особенностей ассоциирования участников эксперимента [Залевская 2003, 2004; Горошко 2001].

Всё вышесказанное свидетельствует о важности изучения значения слова как достояния пользующегося им человека, то есть значения словоформы, хранящейся в ассоциативной структуре памяти. Выявить реальную для носителей языка психологическую структуру содержания слова возможно через получение и анализ ассоциативного поля идентифицируемого слова.

Вопросы организации ассоциативного эксперимента с носителями удмуртского языка

Проведение современных научных исследований на материале удмуртского языка продиктовано несколькими важными причинами. Во-первых, в связи с процессами глобализации количество языков постоянно сокращается. К сожалению, удмуртский язык не является исключением. В 2009 г. ЮНЕСКО отнесла удмуртский язык к языкам, которым угрожает исчезновение. Проблема сохранения языка тесно связана с вопросами сохранения национальной самобытности, языка и культуры удмуртского народа. Удмуртским языком владеют в основном люди старшего поколения. Среди молодых людей владение им распространено существенно меньше. Значительное число носителей языка составляют люди, которые понимают язык, но не говорят на нём – пассивные носители. Во-вторых, актуальность обращения к изучению семантики слова определяется не только возросшим за последние десятилетия интересом к проблеме идентификации слова и его значения, но и тем, что подобных исследований на материале удмуртского языка ранее не проводилось. Материалы данного исследования возможно использовать для проведения межъязыковых сопоставительных работ.

Материал исследования составили данные свободного ассоциативного эксперимента (САЭ), проведённого с молодыми носителями удмуртского языка. Анализу были подвергнуты 15 000 ассоциативных реакций, полученных на 15 слов-стимулов.

Список стимулов для эксперимента был составлен на основании слов, входящих в ядро ментального лексикона носителей разных языков. Экспериментальным материалом послужили следующие лексемы удмуртского языка: ***мон/я, улон/жизнь, коньдон/деньги, музъем/земля, вуж/старый, чебер/красивый, шудбур/счастье, дыр/время, вераськыны/говорить, тӧдьы/белый, сьӧд/чёрный, карт/муж, кышно/жена, корка/дом, адями/человек.***

Слова, предъявленные в эксперименте, были напечатаны крупным шрифтом заглавными буквами. Выбор материала был продиктован следующими соображениями:

1. Некоторые слова были использованы в проведённых ранее экспериментах на материалах башкирского, татарского, а также русского и других славянских языков.

2. Все эти слова частотны, хорошо знакомы испытуемым.

Перед началом проведения эксперимента исследователь объяснял его суть и на примере нескольких слов-стимулов, не входящих в список основных слов, проводил пробную процедуру в устной форме. Испытуемых информировали о том, что их данные будут анонимными, и что для исследователя не существует хороших или плохих ответов.

САЭ проводился методом письменного опроса испытуемых на родном для них языке. Экспериментальные бланки сопровождались инструкцией в письменном виде на удмуртском языке. Устно пояснялась цель эксперимента. На одной стороне экспериментального бланка испытуемые указывали свой пол, возраст, родной язык, а на другой, согласно инструкции, записывали рядом с каждым словом-стимулом то слово, которое в связи с ним первым приходило на ум.

В эксперименте участвовало более 120 человек. Но для удобства анализа полученного материала рассматривались реакции только 100 участников. Такое количество испытуемых достаточно для получения результативных выводов, свидетельствующих об особенностях функционирования значения слова для данной возрастной категории. Участники эксперимента не только владеют устной речью, но свободно пишут и читают на родном языке. Удмуртский язык, наряду с русским, для них – язык повседневного общения. Данный эксперимент был проведён со студентами 1–4 курсов Удмуртского государственного университета, отделения удмуртской филологии. Все респонденты, участвовавшие в САЭ, получают образование на родном для них языке. Также в эксперименте были задействованы сторонние носители удмуртского языка. Для получения как можно более полных и достоверных данных об ассоциативно-вербальной сети носителей удмуртского языка к эксперименту были привлечены не только жители сельских районов, но и жители городов, средний возраст которых составил 24 года. Время проведения эксперимента не учитывалось и не ограничивалось.

Как указывалось уже ранее, мы выбрали САЭ с регистрацией первичной реакции, который сочетался с анализом представленных в толковых словарях ЛСВ выбранных слов.

Количественный анализ экспериментальных данных

Основной принцип анализа материала – группировка ассоциаций по общности основания для их связи со словом-стимулом, в результате чего устанавливается структура ассоциативного поля и выявляются ассоциативные потенции исходного слова.

На этапе внутриязыкового анализа, в первую очередь, предпринимается попытка установить факт наличия ассоциатов, свидетельствующих об актуализации отдельных ЛСВ у испытуемых. В данном случае речь идёт не о количестве реакций (в процентах), а о факте наличия актов актуализации того или иного ЛСВ.

В числе количественных параметров анализа материалов, проведённых нами экспериментов, учитываются уровень стереотипности реакций, количество разных и единичных реакций на слово-стимул, преобладание синтагматических или парадигматических реакций, расхождения в степенях актуальности различных ЛСВ.

Необходимо отметить, что *стереотипность* реакций – достаточно важный показатель особенностей вербального поведения испытуемых. Уровень стереотипности реакций может измеряться по двум показателям, с учетом которых был проведён данный анализ:

1) по тому, какой процент от общего числа реакций составляют три наиболее частые или самая частая реакция;

2) по среднему количеству разных реакций на предъявленный в эксперименте стимул [Залевская 1979, 24].

К сожалению, привести в работе детальный анализ АП всех слов стимульного ряда не представляется возможным, поэтому подробный анализ АП рассмотрим на примере семантической структуры удмуртских существительных **АДЯМИ/ЧЕЛОВЕК, УЛОН/ЖИЗНЬ** и **КОРКА/ДОМ.** Выбор данных лексем продиктован тем, что *концепты «человек», «жизнь» и «дом» являются ключевыми в концептосфере любого этноса.* В значительной степени они семантически взаимосвязаны и представляют собой важнейшие для носителя языка и культуры понятия.

Начнём анализ с рассмотрения ассоциативной структуры и содержания АП, полученного на стимул **АДЯМИ**. Семантическая структура АП удмуртской лексемы **«АДЯМИ/ЧЕЛОВЕК»** представлена следующими реакциями: *умой/хороший; визьмо/умный; homo sapiens/человек разумный 9; чебер/красивый; улон/жизнь 8; дунне/вселенная 7; пичи/маленький; эшъяськон/дружба; общество 5; ӟеч мылкыдо/доброжелательный; улэп/живой 4; быдтэ инкуазез/разрушает природу; ваньзэ быгатӥсь/способный делать всё 2; дунне адями/человек; дуннелэн частичкаез/часть вселенной; вордӥськем инты/место рождения; выль улон/новая жизнь; ӟеч/добро; инкуазь/природа; йыр/голова;/ вылтӥяськон/гордость; кыл/язык; ляб/слабый; мон/я; наука; одйг кадь/одинаковые; ответственность; йыркур/злость; планета Земля; сюлмаськон/забота; уж/работа; кузё/хозяин; шумпотон/радость; юрттэт/помощь; яратон/любовь 1;* [100: 35: 0: 22].

Ассоциативная статья, полученная на стимул, построена по тем же принципам, что и словарные статьи в РАС (Русский ассоциативный словарь) [Караулов, Сорокин, Тарасов и др. 1994], где реакции на стимул располагаются по мере убывания их частоты, которая указывается после реакции или группы слов-реакций с одинаковой частотой. В конце ассоциативной статьи приводятся количественные показатели, где *первая цифра* указывает на общее число реакций, полученных на слово-стимул, *вторая* – на число разных реакций, *третья* – на число нулевых реакций и четвертая – на число единичных реакций.

Перейдём к группировке ассоциаций по общности основания для их связи с исходным словом и анализу структуры АП. Суть работы на этапе группировки реакций по общности основания для их связи со словом-стимулом иллюстрируют таблицы, в которых приведены перечни ассоциативных реакций, соответствующие разным ЛСВ исходных слов.

Для установления структурно-содержательной специфики лексемы АДЯМИ обратимся к удмуртско-русским словарям, чтобы определить лексическое значение слова, которое будет определено как базовое при анализе структуры АП. Изучив словарные статьи, зафиксированные в словарях удмуртского языка, мы выделили ЛСВ лексемы АДЯМИ, которые представлены в таблице 1. ЛСВ 1 имеет несколько подвариантов, согласно которым и были распределены полученные реакции.

Таблица 1

Ассоциативные реакции, соответствующие ЛСВ удмуртского слова АДЯМИ/ЧЕЛОВЕК

Зарегистрированные ЛСВ		Ассоциаты, сгруппированные по общности основания для их связи с исходным словом
ЛСВ1	1. Живое существо, индивидуум, обладающий способностью думать, говорить, создавать орудия труда и пользоваться ими в процессе труда.	*homo sapiens/человек разумный; дунне адями/человек; мон/я; кузё/хозяин; ваньзэ быгатйсь/способный делать всё; йыр/голова; кыл/язык; уж/работа*
	2. Обладающий какими-либо общими качествами, принадлежащий к какой-либо среде, организации и т. п.	*умой/хороший; визьмо/умный; чебер/красивый; йыркур/злость; эшъяськон/дружба; ӟеч мылкыдо/доброжелательный; улэп/живой; ляб/слабый; пичи/маленький; шумпотон/радость*
	3. Для обозначения родственных отношений, принадлежности к классу по половому и возрастному признаку.	*одйг кадь/одинаковые*
	4.Обладатель лучших моральных и духовных качеств.	*ӟеч/добро; вылтйяськон/гордость; ответственность; сюлмаськон/забота; юрттэт/помощь; яратон/любовь*
ЛСВ 2	Всякий человек, любой; кто-то, кто-либо.	*дунне адями/человек; дуннелэн частичкаез/часть вселенной*
	Прочие:	*вордйськем инты/место рождения; инкуазь/природа; наука; планета Земля; дунне/вселенная; выль улон/ новая жизнь; общество; быдтэ инкуазез/разрушает природу*

Семантическая структура стимула АДЯМИ свидетельствует о том, что ЛСВ1 является наиболее актуальным и «рельефным» для участников эксперимента. Большинство участников исследования опознали предложенный стимул в значении *«живое существо, индивидуум, обладающий способностью думать, говорить, создавать орудия труда и пользоваться ими в процессе труда // Обладающий какими-либо общими качествами, принадлежащий к какой-либо среде, организации и т. п. // Для обозначения родственных отношений, принадлежности к классу по половому и возрастному признаку // Обладатель лучших моральных и духовных качеств»*. Всего 2 % реакций было отнесено к ЛСВ 2 – *всякий человек, любой; кто-то, кто-либо*. Кроме того, была выделена группа реакций (прочие), которая не имеет ярко выраженной отнесённости к значениям, зафиксированным в словарях удмуртского языка. Хотя психологически, в языковом сознании любого человека, эти ассоциации имеют непосредственные связи и отношения с лексемой «человек».

На данном этапе исследователем также осуществляется работа по группировке ассоциаций по принадлежности к некоторым тематическим группам, учитывающим различные виды *глубинных* семантических связей ассоциатов со словом-стимулом. Мы выделили следующие группы:

а) «субъективные оценочные характеристики человека»: *умой/хороший; визьмо/умный; homo sapiens/человек разумный 9; чебер/красивый; ӟеч мылкыдо/доброжелательный; улэп/живой; ваньзэ быгатӥсь/способный делать всё; ляб/слабый; пичи/маленький.*

б) «эмоции и чувства»: *йыркур/злость; эшъяськон/дружба; ӟеч мылкыдо/доброжелательный; ӟеч/добро; вылтӥяськон/гордость; ответственность; сюлмаськон/забота; шумпотон/радость; юрттэт/помощь; яратон/любовь.*

в) «жизненное пространство»: *улон/жизнь; дунне/вселенная; общество; дуннелэн частичкаез/часть вселенной; вордӥськем инты/место рождения; выль улон/новая жизнь; инкуазь/природа; планета Земля.*

г) «объективные физические характеристики человека»: *улэп/живой; ваньзэ быгатӥсь/способный делать всё; йыр/голова; кыл/язык; ляб/слабый; одӥг кадь/одинаковые.*

д) «деятельность человека»: *наука; уж/работа; быдтэ инкуазез/разрушает природу.*

Анализ АП слова АДЯМИ также позволил сделать следующим выводы:

1. На долю самой частой реакции приходится всего 27 % от общего числа реакций. Тремя стереотипными реакциями молодых людей оказались следующие ответы – *умой/хороший; визьмо/умный; homo sapiens/человек разумный 9.* Они оказались наиболее устойчивыми ассоциативными парами (стимул-реакция) для исследуемой группы носителей удмуртского языка. Количество единичных реакций составило 22 %, что свидетельствует о низком уровне стереотипности реакций на данный стимул.

2. Ядро в ассоциативном поле концепта «адями» составляют реакции: *умой/хороший; визьмо/умный; homo sapiens/человек разумный 9; чебер/красивый; улон/жизнь 8; дунне/вселенная 7.* Околоядерная зона представлена ассоциациями *пичи/маленький; эшъяськон/дружба; общество 5; ӟеч мылкыдо/доброжелательный; улэп/живой 4; быдтэ инкуазез/разрушает природу; ваньзэ быгатӥсь/способный делать всё 2.* Остальные единичные реакции образуют периферию АП исследуемой лексемы. Обращает на себя внимание тот факт, что в составе АП присутствуют и реакции на русском языке: *общество, наука, ответственность, планета Земля*.

3. Количественный анализ показал, что парадигматические реакции преобладают в АП лексемы АДЯМИ. Респонденты дали 59% парадигматических и 41% синтагматических реакций. При этом, важной составляющей представления современных носителей удмуртского языка о человеке является его эмоциональная оценка, выраженная синтагматической связью с исходной лексемой. Субъективные оценочные характеристики человека, которые отражают отношение одного индивида к другому и имеют ярко выраженную эмоциональную окраску, оказались важными для языкового сознания носителей удмуртского языка в исследуемой группе: *умой/хороший; визьмо/умный; homo sapiens/человек разумный; чебер/красивый; ӟеч мылкыдо/доброжелательный; улэп/живой; ваньзэ быгатӥсь/способный делать всё; ляб/слабый; пичи/маленький*.

4. *Человек* в языковом сознании молодых носителей удмуртского языка представлен как живое существо, наделённое эмоциями и чувствами, свойственными всем людям: радость, злость, любовь, доброта. Эти компоненты значения также представлены в полученной модели АП *(яратон/любовь; шумпотон/радость; йыркур/злость и т. д.)*.

Связь лексико-семантических элементов в выделенных тематических группах является показателем близости этих семантических областей. Можно с уверенностью утверждать, что в центре языкового сознания любого этноса находится и сам человек, и его жизнь. В связи с этим интересным представляется рассмотрение ассоциативно-семантического поля лексемы УЛОН/ЖИЗНЬ, модели, построенной по результатам экспериментального исследования.

Семантическая структура АП удмуртской лексемы «УЛОН/ЖИЗНЬ»

От участников эксперимента мы получили следующую ассоциативную статью. **УЛОН**: *умой/хорошая; кузь/длинная 12; улон инты/место жительства; секыт/трудная 8; корка/дом; кулон/смерть 5; уж/работа; шудо/счастливая 4; улыны-вылыны/жить-поживать; ужаны/работать 3; аръёс/годы; мӧзмыт/скучная 2; вакчи дыр/короткое время; вордскем инты/место рождения; узыр/богатая; трос аръёс/много лет; пиналъёс/дети; дунне вылын улыны/жить на свете; узыр улыны/жить богато; валантэм/непонятная; улон сюрес/жизненный путь; студентъёслэн/студенческая; мынам улонэ/моя жизнь; лякыт уг лу/лёгкой не бывает; нюръяськон/борьба; улон сярысь вераны/говорить про жизнь; сюрес/дорога/путь; шудон ӧвӧл/не игра; яратон/любовь; егитъёс/молодёжь; анай но атае/мама и папа; будущее; коньдон/деньги; семья; туала улон/современная жизнь; планета; адями/человек; проблема; мынам тазалыке/моё здоровье; чебер/красивая; улон дун/цена жизнь; улон понна/ради жизни; улон корка/жилой дом; дышетскон/учёба; сюлмаськон/беспокойство;* **100+67+0+33.**

Традиционно в конце ассоциативной статьи приведены количественные показатели, где первая цифра указывает на общее число реакций, полученных на слово-стимул; вторая – на число разных реакций; третья – на число нулевых реакций и четвертая – на число единичных реакций.

Семантическая структура АП стимула УЛОН/ЖИЗНЬ

Полученные на данный стимул реакции, были классифицированы по группам в соответствии с двумя ЛСВ зарегистрированными в русско-удмуртском словаре:

1. жизнь, существование, бытие, житьё || жизненный, бытовой, житейский;
2. жильё || жилой; жилищный;

Таблица 2 демонстрирует распределение ассоциаций, полученных на слово УЛОН, по значениям, зафиксированным в словаре удмуртского языка.

Таблица 2

Ассоциативные реакции, соответствующие ЛСВ удмуртского слова УЛОН/ЖИЗНЬ

ЛСВ лексемы	Ассоциаты, сгруппированные по общности основания для их связи с исходным словом
ЛСВ 1 жизнь, существование, бытие, житьё // жизненный, бытовой, житейский;	*умой/хорошая; кузь/длинная 12; секыт/трудная 8; уж/работа; шудо/счастливая 4; улыны-вылыны/жить-поживать; ужаны/работать 3; аръёс/годы; мӧзмыт/скучная 2; вакчи дыр/короткое время;узыр/богатая; трос аръёс/много лет; пиналъёс/дети; дунне вылын улыны/жить на свете;*

Окончание таблицы 2

		узыр улыны/жить богато; валантэм/ непонятный; улон сюрес/жизненный путь; мынам улонэ/моя жизнь; лякыт уг лу/лёгкой не бывает; нюръяськон/ борьба; улон сярысь вераны/говорить про жизнь; сюрес/дорога/путь; шудон ӧвӧл/не игра; яратон/любовь; егитъёс/ молодёжь; анай но атае/мама и папа; будущее; коньдон/деньги; семья; туала улон/современная жизнь; планета; адями/человек; проблема; мынам тазалыке/ моё здоровье; чебер/красивая; улон дун/цена жизнь; улон понна/ради жизни; дышетскон/учёба; студентъёслэн/студенческая; сюлмаськон/ беспокойство.
ЛСВ 2	Жильё; жилой; жилищный;	*улон инты/место жительства; корка/ дом; вордскем инты/место рождения; улон корка/жилой дом.*

Семантическая неоднородность ассоциативных ответов в рамках ЛСВ1 указывает на необходимость группировки реакций по неким тематическим микрополям, отражающим различные отношения между стимулом и объектами или понятиями реального мира:

«Что есть жизнь?»: *аръёс/годы; вакчи дыр/короткое время; трос аръёс/много лет; улон сюрес/жизненный путь; нюръяськон/борьба; сюрес/дорога/путь; мынам тазалыке/ моё здоровье; шудон ӧвӧл/не игра; яратон/любовь; будущее; проблема; сюлмаськон/беспокойство.*

«субъекты жизни»: *адями/человек; егитъёс/молодёжь; анай, но атае/мама и папа; семья; пиналъёс/дети.*

«характеристика жизни»: *шудо/счастливая; умой/хорошая; кузь/длинная; секыт/ трудная; мӧзмыт/скучная; узыр/богатая; лякыт уг лу/лёгкой не бывает; туала улон/ современная жизнь; чебер/красивая; студентъёслэн/студенческая.*

«место, где происходит жизнь»: *улон инты/место жительства; корка/дом; уж/работа; вордскем инты/место рождения; дышетскон/учёба.*

«жизнь – действие»: *улыны-вылыны/жить-поживать; ужаны/работать; дунне вылын улыны/жить на свете; узыр улыны/жить богато; улон сярысь вераны/говорить про жизнь.*

Анализ ассоциативной статьи на стимул УЛОН/ЖИЗНЬ также позволил сделать следующие выводы:

1. На долю самых частых реакций (*умой/хорошая, кузь/длинная*) приходится по 12% от общего числа реакций, что, в целом, говорит о невысоком уровне стереотипности. На долю трёх самых частых реакций, полученных на вышеуказанный стимул, приходится 32% реакций.

2. Базовыми единицами, составляющими ядро ассоциативного поля слова УЛОН, являются *умой/хорошая; кузь/длинная 12; улон инты/место жительства; секыт/трудная 8; корка/дом; кулон/смерть 5.* Околоядерную зону занимают ассоциаты *уж/работа; шудо/счастливая 4; улыны-вылыны/жить-поживать; ужаны/работать 3; аръёс/годы; мӧзмыт/скучная 2.*

3. На периферии ассоциативного поля оказываются такие реакции, как *вакчи дыр/короткое время; вордскем инты/место рождения; узыр/богатая; трос аръёс/много лет; пиналъёс/дети; дунне вылын улыны/жить на свете; узыр улыны/жить богато; улон сюрес/жизненный путь; лякыт уг лу/лёгкой не бывает; нюръяськон/борьба; сюрес/дорога/путь* и др.

4. В полученной модели АП, слово-стимул УЛОН вызвало как реакции те словоформы, которые обычно сочетаются со словом-стимулом в речи: *умой/хорошая, кузь/длинная, секыт/трудная, мӧзмыт/скучная, узыр/богатая, лякыт уг лу/лёгкой не бывает, чебер/красивая.*

Полученные в результате ассоциативного эксперимента реакции являются языковыми репрезентациями семантических компонентов, образующих значение слова-стимула УЛОН. Признаки концепта, репрезентированные свободными ассоциациями в сознании респондентов, отражают, прежде всего, реальное значение лексемы УЛОН, которое в сознании людей шире и многообразнее его словарного значения, а общие компоненты значений имеют различную степень релевантности и представляют не только оценочные характеристики жизни, но и принципиальные жизненные ценности. Среди этих ценностей безусловно важным в жизни человека представляется концепт *дом*, в его узком и широком смысле. Он является одной из наиболее важных единиц языкового сознания любого народа. По этой причине мы решили провести семантический анализ АП лексемы **КОРКА/ДОМ**, которая входит в лексико-семантическую группу «жилище» и представляет концепт, отражающий исследуемое семантическое пространство в равной степени важное для всех носителей удмуртского языка.

Семантическая структура АП удмуртской лексемы «КОРКА/ДОМ»

В ходе эксперимента были получены следующие реакции от респондентов:

КОРКА: *шуныт/теплый 17; уют 14; вордйськем инты/родной дом/место рождения; мой дом – моя крепость 7; анай/мама; семья/семья 5; анай-атай(ёс)/родители; югыт/светлый; яратоно валес/любимая кровать 4; гурт/деревня; жуась гур/растопленная печь; пу корка/деревянный дом; улон инты/место проживания; очаг 3; азбар/двор; шудбур/счастье; шутэтскон/отдых 2; бадзым шуныт корка, кытын улэ бадзым семья/большой теплый дом, в котором живёт большая семья; вордйськем инты, кытын ваньзы ярато тонэ/родной дом, в котором все любят тебя; защищенность; кышноен карт/муж с женой; липет/навес; пиналъёс/дети; укно/окно; пи/сын; спокойствие; чебер/красивый; шумпотыны /испытывать радость; яратон/любовь 1.*

Как и в случае с предыдущими словами-стимулами, начнём работу с группировки ассоциаций по общности основания для их связи с исходным словом и анализу структуры АП исходных слов.

Необходимо соотнести ассоциативные реакции с указанными в словарях ЛСВ. Для решения поставленной задачи обратимся к электронным версиям удмуртско-русского (2008) и русско-удмуртского словарей (2019).

В новом русско-удмуртском словаре зафиксированы следующие ЛСВ слова **КОРКА/ДОМ**:

1. (здание, строение для жилья) *корка; жилой ~ улон корка; каменный ~ из корка; дома-новостройки ~ выль пуктэм коркаос*.

2. (жилое помещение, квартира, жильё) *квартира, улон инты, дор, гурт; брать работу на ~ гуртэ уж басьтыны; разбудить весь ~ быдэс коркаез сайкатыны; работать на дому ~ гуртын ужаны.*

3. (семья, люди, живущие одним хозяйством) *корка, семья, юрт; принять в свой ~ ас юртад пыртыны; жить своим домом ас ~ юртэныд улыны; хлопотать по дому ~ корка котырын берганы.*

4. (царствующий род, династия) *выжы; трёхсотлетие дома Романовых ~ Романовъёслэн выжызылы куинь сю ар тырмон.*

5. (в составе названий различных учреждений, заведений) *корка, юрт, дом; ~ культуры~ лулчеберетъя юрт; ~ отдыха ~ шутэтскон корка; ~ слепых сукыръёслэн юртсы; ~ техники ~ техника юрт; родильный ~ нылпи ваён юрт.*

6. (о помещении, служащем временным жильём) *огдырлы улон инты; космический ~ космосын огдырлы улон инты (космической корабль).*

7. (о месте жительства, работы, ставшем для человека родным, своим) *дор, гурт, вордскем инты, кыкетӥ дор (гурт); корабль для моряка – второй ~ корабль моряклы – кыкетӥ дор.*

Результаты группировки реакций по общности основания для их связи со словом-стимулом представлены в таблице 3.

Таблица 3

Ассоциативные реакции, соответствующие ЛСВ удмуртского слова КОРКА/ДОМ

Зарегистрированные ЛСВ		Ассоциаты, сгруппированные по общности основания для их связи с исходным словом
ЛСВ1	здание, строение для жилья	*пу корка/деревянный дом 3;азбар/двор 2; липет/навес 1; мой дом - моя крепость 7; укно/окно 1; бадзым шуныт корка, кытын улэ бадзым семья/большой тёплый дом, в котором живёт большая семья 1; чебер/красивый 1.*
ЛСВ 2	жилое помещение, квартира, жильё	*шуныт/тепло 17; уют 14; югыт/светлый; яратоно валес/любимая кровать 4; жуась гур/растопленная печь 3; очаг3;шудбур/счастье2;шутэтскон/отдых 2; защищённость 1; спокойствие 1; шумпотыны /испытывать радость 1; яратон/любовь 1.*
ЛСВ3	семья, люди, живущие одним хозяйством	*анай/мама 5;семья/семья 5; анай-атай(ёс)/родители 4; кышноен карт/муж с женой 1; ныпиос/дети 1; пи/сын 1.*
ЛСВ 4	царствующий род, династия	
ЛСВ 5	в составе названий различных учреждений, заведений	
ЛСВ 6	о помещении, служащем временным жильём	
ЛСВ 7	о месте жительства, работы, ставшем для человека родным, своим)	*улон инты/место проживания 3; гурт/деревня 3; вордйськем инты/родной дом 7; вордйськем инты, кытын ваньзы ярато тонэ/родной дом, в котором все любят тебя 1.*

Данная таблица позволяет сделать следующие заключения:

1. Большинство респондентов идентифицировали стимул КОРКА в значении 1. (*здание, строение для жилья*) корка; 2. (*жилое помещение, квартира, жильё*) квартира, улон инты, дор, гурт; 3. (*семья, люди, живущие одним хозяйством*) корка, семья, юрт; 7. (*о месте жительства, работы, ставшем для человека родным, своим*) дор, гурт, вордскем инты, кыкетй дор (гурт). ЛСВ 4, 5, 6 не актуализировались в эксперименте, что указывает на слабость установленных связей и отношений между стимулом и предполагаемыми реакциями, связанными с этими ЛСВ.

2. Анализируя ассоциативную статью, полученную на данный стимул, выявляем, что самыми стереотипными реакциями являются следующие: *шуныт/теплый 17; уют 14; вордйськем инты/родной дом; «мой дом моя крепость» 7.* Ассоциативная пара КОРКА – *шуныт* оказалась наиболее устойчивой для исследуемой группы носителей удмуртского языка. На долю самой частой реакции приходится 17% от общего числа реакций. Любопытно отметить,

что вторым по частоте ответом является русское слово – *уют*. 14% участников отреагировали на заданный стимул русской реакцией.

3. Проанализировав АП лексемы КОРКА, приходим к выводу, что респонденты использовали разные стратегии идентификации знакомого им слова. Наиболее отчётливо прослеживается опора на конкретную понятийную систему (с опорой на конкретный образ или представление), например, *анай/мама; семья/семья; анай-атай(ёс)/родители, яратоно валес/любимая кровать, гурт/деревня; ӝуась гур/растопленная печь; пу корка/деревянный дом; улон инты/место проживания; очаг; азбар/двор; кышноен карт/муж с женой; липет/навес; пиналъёс/дети; укно/окно; пи/сын.*

4. Некоторые молодые люди продемонстрировали совершенно другой способ реагирования на стимул – опора на «абстрактную» понятийную систему». По мнению М. А. Холодной, человек, обладающий высоким уровнем абстрактности, способен преступать границы непосредственного и двигаться в рамках более отдалённых семантических и смысловых расстояний [Холодная 2002]. Для наглядности приведём несколько примеров: *шудбур/счастье, шутэтскон/отдых, защищенность, спокойствие, яратон/любовь.*

5. Хотя участников эксперимента просили реагировать одним словом на стимул, присутствуют развёрнутые ответы-дефиниции и устойчивые выражения: *бадӟым шуныт корка, кытын улэ бадӟым семья; вордйськем инты кытын ваньзы ярато тонэ/родной дом, в котором все любят тебя; защищённость; мой дом – моя крепость.*

6. На удмуртское слово КОРКА есть реакции на русском языке, которые мы условно обозначили как переводные: *уют; мой дом – моя крепость; очаг; защищённость; спокойствие.* Предполагаем, что те люди, которые выбрали такой способ реагирования на стимул КОРКА, имеют слабые ассоциативные связи этого слова на их родном языке.

7. Эмоционально-оценочный компонент значения слова прослеживается в следующих реакциях на стимул КОРКА: *теплый, светлый, красивый.*

8. Все ассоциации поля находятся в парадигматических или синтагматические связях с исходным словом-стимулом. Парадигматические ассоциации включают в себя отношения синонимии *(вордйськем инты/родной дом/место рождения; мой дом – моя крепость 7; пу корка/деревянный дом; улон инты/место проживания; очаг 3; бадӟым шуныт корка, кытын улэ бадӟым семья; вордйськем инты, кытын ваньзы ярато тонэ/родной дом, в котором все любят тебя)* и, как правило, антонимии. В данном случае они отсутствуют. Парадигматические реакции могут также характеризоваться отношениями гиперонимии и гипонимии. Гипероним является результатом операции обобщения, например, КОРКА – *анай/мама; семья/семья; анай-атай(ёс)/родители; яратоно валес/любимая кровать; ӝуась гур/растопленная печь; азбар/двор, кышноен карт/муж с женой; липет/навес; пиналъёс/дети; укно/окно;* тогда как гипоним – ограничения *(вордйськем инты/родной дом/место рождения; мой дом – моя крепость; улон инты/место проживания; очаг; вордйськем инты, кытын ваньзы ярато тонэ/родной дом, в котором все любят тебя).*

9. Синтагматические связи представляют собой синтаксические закономерности речевой деятельности. Слово-стимул вступает в синтаксические отношения со словом-реакцией и образует словосочетание или грамматическую основу предложения; например, атрибутивные реакции типа *шуныт/теплый; югыт/светлый; пу корка/деревянный дом; чебер/красивый*. Синтагматические реакции в сочетании со словом-стимулом представляют собой грамматически правильные, осмысленные словосочетания удмуртского языка.

Таким образом, в концепте КОРКА концентрируются самые существенные признаки понятия «дом» – его ядро, представленное парадигматическими реакциями, называющими конструктивные элементы, а также знания, преломлённые в сознании индивида в соответствии с его чувственной сферой – пониманием дома, связанном с представлением «уютного уголка»; чувствами человека, вызванными образом дома, его положительной оценкой. Особо следует выделить те значения исследуемой лексемы, которые объединены семой «группа людей».

В сознании молодых носителей удмуртской культуры при употреблении слова КОРКА часто возникает образ семьи, людей, живущих вместе, под одной крышей, а также хозяйство, быт семьи. Дом является реалией, многосторонне осваиваемой человеком в различные периоды его бытия и во многом составляющей смысл и цель жизни.

Заключение

Полевый подход к изучению значения позволяет объяснить семантические потенции слова и разнообразие его возможных семантических вариаций. Анализ полученного материала на примере АП лексем АДЯМИ, УЛОН и КОРКА позволяет предположить, что модель системы живого языка представлена в виде ассоциативно-вербальной сети, в которой лексика и грамматика не разделены. В структуре семемы может быть выделено ядро и периферия значения. К ядру, как правило, относятся основные, постоянные, эксплицитные, яркие семы, к периферии – неосновные, вероятностные, скрытые, слабые семы. Ядерные семы в большинстве случаев отражаются в дефинициях толковых словарей. Периферийные семы в словаре не фиксируются, так как дифференциальных функций в системе языка, как правило, не выполняют. Однако, они могут представлять собой психологически и лингвистически реальные компоненты значения и служить основой образования переносных значений. Они также могут актуализироваться в речи и стать коммуникативно релевантными для говорящих, реализуясь в различных контекстах употребления слова. Экспериментальные методы исследования значения слова, среди которых одним из основных является свободный ассоциативный эксперимент, позволяют установить психологическую структуру значения слова в сознании носителей языка, которая проявляется как система ассоциативных связей слов. Любое слово в индивидуальном сознании не существует в отдельности. Оно множественными нитями, связями тянется к другим словам. Работа механизмов функционирования слова приводит к возникновению ассоциативной структуры значения слова. Чем слабее ассоциативное окружение слова, тем менее жизнеспособным оно является. Совокупность ассоциативных реакций представляет собой ассоциативный профиль образов сознания, специфичный для данной культуры и языка. Процесс обработки информации при восприятии слова-стимула индивидом протекает при участии всех познавательных процессов (обобщение, анализ, синтез, сравнение, противопоставление, воображение, оценка и т. д) с преобладанием одного или нескольких из них, что непременно сказывается на способе и стиле кодирования информации. АП, получаемое в результате эксперимента, представляет собой модель, пригодную для изучения семантики слова и являет собой совокупность знаний человека об окружающей его действительности.

Разумеется, данные, полученные на одной социальной группе – в основном студентах, не могут претендовать на полноту, и их нельзя безоговорочно переносить на картину мира всех удмуртов. Тем не менее, данные ассоциативных экспериментов, словарей широко используются в лексикографии, лингводидактике, этнолингвистике, этнопсихолингвистике для проведения внутриязыковых и межъязыковых сопоставительных исследований.

Таким образом, изучая ассоциативные поля, исследователь может получить богатый материал для освоения, понимания языка и его национальной специфики. В преподавании удмуртского языка в национальной аудитории можно использовать ассоциативно-семантические поля слов в качестве вербального выражения концептов.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А. В. Категориальные ситуации (К теории функциональной грамматики) // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 20–32.

Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.

Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.-Харьков: Ра-Каравелла, 2001. 320 с.

Залевская А. А. Из опыта сопоставления ассоциативных реакций в условиях различных культур // Психолингвистика и обучение русскому языку нерусских. М.: Русский язык, 1979. С. 158–171.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 382 с.

Залевская А. А. Языковое сознание и описательная модель языка // Методология современной психолингвистики: проблемы, поиски, перспективы. Сб. статей. Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 72–78.

Залевская А. А. Концептуальная интеграция как базовая ментальная операция // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 56–71.

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.

Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 42–53.

Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 191–206.

Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. РАС – Русский ассоциативный словарь. Т. 1. М.: Поморский и партнеры, 1994. 224 с.

Леонтьев А. А. Психолингвистическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. С. 7–19.

Лурия А. Р. Язык и сознание. Под редакцией Е. Д. Хомской. М.: Изд-во МГУ, 1979. 319 с.

Попова З. Д. Полевые структуры в системе языка: коллективная монография / Под. ред. проф. З. Д. Поповой. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 207 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. 191 с.

Рогожникова Т. М. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантичного слова: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2000. 42 с.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. 46 с.

Удмуртско-русский (2008) и русско-удмуртский словари [Эл. ресурс]. URL: http://udmcorpus.udman.ru/dictionary (дата обращения 31.05.2020).

Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. Академия наук СССР, 1962. 288 с.

Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.

Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. С. 22–23.

Burke D. M. & Peters L. Word association norms for young and older adults // Social and Behavioral Science Documents. 1987. 17 (2). P. 123–131.

Burke D. M., Mackay D. G., & James L. E. Theoretical approaches to language and aging // T. Perfect & E. Maylor (Eds.), Models of cognitive aging. Oxford, U.K.: Oxford University Press, 2000. P. 204–237.

Fauconnier G. & Turner M. The Way We Think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York: Basic Books, 2002. 464 p.

Hirsh K. & Tree J. Word association norms for two cohorts of British adults // Journal of Neurolinguistics. Vol. 14. Issue 1. 2001. P. 103–110.

Keil F. C. & Batterman N. A characteristic-to-defining shift in the development of word meaning // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. 1984. Vol. 23. №2. P. 221–236.

Ruthrof H. Semantics and the Body: Meaning from Frege to the Postmodern. Melbourne: Melbourne University Press, 1998. P. 38–62.

Ruthrof H. The Body in Language. London; New York: Cassell, 2000. P. 72–76.

Поступила в редакцию 18.08.2020

Касаткина Татьяна Юрьевна,
кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
426034 Россия, г. Ижевск, ул. Университетская 1
E-mail: tatyana-kasatkina@rambler.ru

T. Yu. Kasatkina

ASSOCIATIVE FIELD AS A MODEL FOR WORD MEANING ANALYSIS

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-589-603

Based on the material of the Udmurt language, the article considers a field approach to the study of a word meaning from psycholinguistic positions. The relevance of addressing the study of word semantics in this perspective is determined by the fact that such studies with native speakers of the Udmurt language have not been conducted before. Also, the material of this study will provide an opportunity for further cross-language comparative work. The main method of research is the free associative experiment (FAE), which allows a researcher to identify the most relevant lexical and semantic variants of a word for the experimental group of the Udmurt language speakers. The task of this type of work is to study the collective consciousness, which makes it necessary to conduct a mass survey in order to obtain a representative sample. The associative field obtained during the experiment is represents a model and tool for analyzing the semantics of a word. The composition of the associative field, the nature and ratio of reactions in it can significantly change the idea of the meaning of the word as a communicative unit. In order to communicate successfully, it is necessary to have not only a common code, but also a common knowledge about the associative environment of the word, i.e. its associative-verbal network.

Associative field of any word has a core with the most frequent reactions and a periphery and is manifested in a variety of semantic, thematic-situational and evaluative-pragmatic relationships.

This article presents an analysis of the associative fields of the Udmurt lexemes KORKA/HOUSE, ADYAMI / HUMAN and ULON/LIFE in order to identify the most relevant components of the word meaning for speakers of the Udmurt language. The experimental data obtained were consistently compared with the data from lexicographic sources in order to establish the psychologically relevant meaning of the studied words and their designated concepts.

Keywords: field approach, word meaning, lexical-semantic variant, lexicon, native speaker, semantic field, associative field, associative experiment, psycholinguistics, individual property, language consciousness, core of linguistic consciousness, verbal associations, reaction, associate, Udmurt language, quantitative analysis.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 589–603. In Russian.

REFERENCES

Bondarko A. V. Kategorial'nye situatsii (K teorii funktsional'noi grammatiki). [Categorical situations (To the theory of functional grammar)] Voprosy yazykoznaniya [Problems of linguistics]. Moscow, 1983. No 2. Pp. 20–32. In Russian.

Vasil'ev L. M. *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika* [Modern linguistic semantics]. Moscow, Vysshaya shkola Pbl., 1990. 176 p. In Russian.

Goroshko E. I. *Integrativnaya model' svobodnogo assotsiativnogo ehksperimenta.* Moscow – Khar'kov: Ra-Karavella, 2001. 320 p. In Russian.

Zalevskaya A. A. Iz opyta sopostavleniya assotsiativnykh reaktsii v usloviyakh razlichnykh kul'tur [From experience of comparing associative reactions in different cultures]. *Psikholingvistika i obuchenie russkomu yazyku nerusskikh* [Psycholinguistics and Russian Studies for non-Russian language learners]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1979. Pp. 158–171. In Russian.

Zalevskaya A. A. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to Psycholinguistics]. Moscow, Rossiisk. gos. gumanit. un-t Publ., 2000. 382 p. In Russian.

Zalevskaya A. A. Yazykovoe soznanie i opisatel'naya model' yazyka [Linguistic consciousness and a descriptive model of language]. *Metodologiya sovremennoi psikholingvistiki: problemy, poiski, perspektivy.* [Methodology of modern psycholinguistics]. Moscow; Barnaul, 2003. Pp. 72–78. In Russian.

Zalevskaya A. A. Kontseptual'naya integratsiya kak bazovaya mental'naya operatsiya [Conceptual integration as a basic mental operation]. *Slovo i tekst: psikholingvisticheskii podkhod* [Word and Text: Psycholinguistic Approach], 2004. Vol. 2. Pp. 56–71. In Russian.

Zalevskaya A. A. *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst.* [Psycholinguistic studies. Word. Text]. Moscow, GNOSIS Publ., 2005. 543 p. In Russian.

Karaulov Yu. N. Struktura leksiko-semanticheskogo polya [Structure of the lexical and semantic field]. *Filologicheskie nauki* [Philological science]. 1972. No.1. Pp. 42–53. In Russian.

Karaulov Yu. N. Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noi seti [Indicators of the national mentality in the associative-verbal network] *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Linguistic consciousness and the image of the world]. Moscow, In-t yazykoznaniya RAN Publ., 2000. Pp. 191–206. In Russian.

Karaulov Yu. N., Sorokin Yu. A., Tarasov E. F., Ufimtseva N. V., Cherkasova G. A. RAS – Russkii assotsiativnyi slovar' [RAD – Russian Associative Dictionary]. Moscow, Pomorskii i partner Publ., 1994. Part 1. 224 p. In Russian.

Leont'ev A. A. Psikholingvisticheskaya struktura znacheniya znacheniya [Psycholinguistic structure of meaning]. *Semanticheskaya struktura slova. Psikholingvisticheskie issledovaniya* [Semantic structure of a word. Psycholinguistic research]. Moscow, Nauka Pbl, 1971. Pp. 7–19. In Russian.

Luriya A. R. *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness]. Moscow, Moscow State University Pbl., 1979. 319 p. In Russian.

Popova Z. D. *Polevye struktury v sisteme yazyka: kollektivnaya monografiya* [Field structures in the language system: a collective monograph]. Voronezh, Voronezh University Pbl., 1989. 207 p. In Russian.

Popova Z. D., Sternin I. A. *Ocherki po kognitivnoi lingvistike* [Essays on cognitive linguistics]. Voronezh, Voronezh institute Publ., 2001. 191 p. In Russian.

Rogozhnikova T. M. *Psikholingvisticheskie problemy funktsionirovaniya polisemantichnogo slova* [Psycholinguistic problems of the functioning of the polysemantic word. Abstract of Doc. filol. sci. diss.]. Ufa, 2000. 42 p. In Russian.

Sternin I. A. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of a word in speech]. Voronezh: Voronezh University Pbl.,1985. 46p. In Russian.

Удмуртско-русский и русско-удмуртский словари [Udmurt - Russian and Russian - Udmurt dictionaries] [Эл. ресурс]. URL: http://udmcorpus.udman.ru/dictionary (accessed 31.05.2020).

Ufimtseva A. A. *Opyt izucheniya leksiki kak sistemy* [Experience of studying vocabulary as a system]. Academy of Sciences of the USSR, 1962. 288 p. In Russian.

Kholodnaya M. A. *Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya* [Psychology of intelligence. Paradoxes of research]. Snt. Peterburg: Piter Pbl., 2002. 72 p. In Russian.

Shchur G. S. *Teoriya polya v lingvistike* [Field theory in linguistics]. Moscow, Nauka Pbl., 1974. Pp. 22–23. In Russian.

Burke D. M. & Peters L. Word association norms for young and older adults. *Social and Behavioral Science Documents,* 1987,17 (2). Pp. 123–131.

Burke D. M., Mackay D. G., & James L. E. Theoretical approaches to language and aging. T. Perfect & E. Maylor (Eds.). *Models of Cognitive Aging.* Oxford.: Oxford University Press, 2000. Pp. 204–237.

Fauconnier G. & Turner M. The way we think: *Conceptual Blending and The Mind's Hidden Complexities.* New York: Basic Books, 2002. 464 p.

Hirsh K. & Tree J. Word association norms for two cohorts of British adults. *Journal of Neurolinguistics,* Vol. 14, Issue 1, 2001. Pp. 103–110.

Keil F. C. & Batterman N. A characteristic-to-defining shift in the development of word meaning. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior,* 1984. Vol. 23. Issue 2. Pp. 221–236.

Ruthrof H. Semantics and the Body: Meaning from Frege to the Postmodern. Melbourne: Melbourne University Press, 1998. Pp. 38–62.

Ruthrof H. The Body in Language. London; New York: Cassell, 2000. Pp. 72–76.

Received 18.08.2020

Kasatkina Tatyana Yurievna
Candidate of Science (Philology), Associate Professor,
Udmurt State University,
1, ul. Universitetskay, Izhevsk, 426034, Russian Federation,
e-mail: tatyana-kasatkina@rambler.ru

УДК 811.511.131

С. А. Максимов

ТЮРКСКО-УДМУРТСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ II: О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВ *ИТАЛМАС* ‘КУПАЛЬНИЦА ЕВРОПЕЙСКАЯ’, *КОНЬЫ* ‘БЕЛКА’, *АТТА* ‘ВСЁ ВРЕМЯ, ПОСТОЯННО’

Исследованием взаимовлияния удмуртского и тюркских языков занимались и зарубежные, и отечественные ученые. За более чем вековую историю этой тематике посвящено большое количество публикаций различного характера. Тем не менее в проблеме удмуртско-тюркских контактов еще много нерешенных вопросов. Настоящая работа посвящена верификации происхождения лексем, которые восходят к тюркскому источнику. Рассматриваются удмуртские слова: *италмас* ‘купальница европейская’, *коньы* ‘белка’, ‘копейка’, диалектное *амма* ‘всё время, постоянно’, а также русское слово *белка*. Их этимология неоднократно становилась предметом исследования, тем не менее остается открытой проблема их происхождения. В ходе изыскания было найдено удовлетворительное объяснение происхождения рассматриваемых лексем. Для фитонима *италмас* ‘купальница европейская’, который происходит от кыпчакского **it almas* ‘подобный алмазу’ (< ‘собачий алмаз’), нами представлена дополнительная аргументация в пользу существующей этимологии. Тюркские диалекты кыпчакского типа, с которыми предки удмуртов контактировали с X по XIV–XV вв., предлагаем мы обозначать термином «древнетатарский язык». Кроме указанного выше фитонима, к названному источнику восходит также зооним *коньы* ‘белка’; при этом др.-тат. **kön* служило вовсе не для именования зверька, а для обозначения *кожи*, *шкуры*. Попутно рассмотрена этимология русского слова *белка*. Оно может представлять собой кальку тат. *акча* ‘деньги’. Для слова *амма* ‘всё время, постоянно’, считавшегося продолжением тат. *хәмма* ‘вплоть, до, даже’, нами предложен другой татарский источник: *һәрвакытта* ‘всегда, всё время’, – который на удмуртской почве испытал лексико-морфологическое и фонетические преобразования.

Ключевые слова: удмуртский язык, татарский язык, древнетатарский язык, русский язык, языковые контакты, этимология, лексические заимствования, тюркизмы, понятие «купальница европейская», понятие «белка», этимология русского «белка», понятие «постоянно».

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-604-616

История исследования взаимовлияния удмуртского и тюркских языков насчитывает уже более века. Данным направлением в языкознании занимались и зарубежные ученые (Бернат Мункачи, Юрьё Вихманн, Карой Редеи, Андраш Рона-Таш, Шандор Чуч), и отечественные (преимущественно – И. В. Тараканов). История изучения языковых контактов восточных финно-угорских (включая удмуртский) и тюркских народов обстоятельно освещена в одной из работ В. К. Кельмакова [Кельмаков 2017], так что останавливаться на этом вопросе здесь мы не будем. В другой работе тот же автор отмечает, что проблема удмуртско-тюркских контактов не может считаться решенной удовлетворительно, хотя данной тематике посвящено большое число публикаций [Кельмаков 2016, 192, 195]. Не удивительно, а может, даже вполне закономерно, что периодически появляются новые работы, исследующие тему тюркизмов в удмуртском языке.

Статья посвящена происхождению трех удмуртских лексем: *италмас* ‘купальница европейская’, *коньы* ‘белка’ и диалектного слова *атта* ‘всё время, постоянно’, а также русского зоонима *белка*. Этимология всех указанных слов неоднократно становилась предметом исследования лингвистов; тем не менее проблема их происхождения остается открытой. В частности, происхождению фитонима *италмас* уже было дано аргументированное объяснение, однако вновь появляются новые толкования, представляющие народную этимологию, которая большинством людей воспринимается гораздо легче, чем этимология научная. Это обстоятельство подтолкнуло нас еще раз обратиться к теме происхождения названия любимого цветка удмуртов, ставшего также одним из символов Удмуртской Республики. Весьма не проста история происхождения названия белки *коньы*: до того как стать зоонимом, оно испытало настоящие семантические и фонетические метаморфозы, так что обнаружить его тюркский источник было совсем не просто. В связи с удмуртским названием белки, попутно нами рассматривается происхождение русского слова *белка*, этимология которого, с нашей точки зрения, остается нерешенной даже в новейшем этимологическом словаре [Аникин 2009, 72].

Исходя из вышесказанного, актуальность работы представляется очевидной. Цель ее – исследовать дискуссионные этимологии удмуртских слов *италмас* ‘купальница европейская’, *коньы* ‘белка’, *атта* ‘всё время, постоянно’, а также русского слова *белка* и (по возможности) дать их происхождению аргументированное, непротиворечивое толкование.

1. Италмас *бот.* ‘купальница европейская’. Название это распространено в большинстве удмуртских диалектов (*италмас, итоўмас, итамас, аталмас*), за исключением нижнечепецкого, отдельных говоров среднечепецкого диалекта северного наречия, бесермянского наречия, а также завятских говоров [ДАУЯ 2014, 39]. На юго-западе Удмуртии еще возможен вариант *итаўмас*. Финский финно-угровед Ю. Вихманн в к. XIX в. зафиксировал это слово также в большинстве обследованных диалектов (*italmas, itåu̯mas*), но в глазовском (совр. среднечепецком), а также в малмыжско-уржумском диалектах (совр. шошминский говор) записать это название ему не удалось [Wichmann 1987, 68]. В словаре венгерского ученого Б. Мункачи, исследовавшего язык удмуртов также в к. XIX в., название цветка имеет следующие варианты: *italmas, italmas-śaśka, itamat, atalmas*. Они относятся к речи срединных и собственно южных удмуртов [Munkácsi 1990, 49, 13].

Италмас – любимый цветок удмуртов, Еще в прошлом веке он стал одним из символов Удмуртской Республики, чему, на наш взгляд, способствовало несколько обстоятельств. Один из выдающихся удмуртских мастеров слова М. Петров сочинил поэму «Италмас» по мотивам народной легенды, названную по имени девушки. Создание академического ансамбля песни и танца Удмуртии «Италмас», в течение долгих лет являвшегося визитной карточкой Республики. Благозвучие слова в сочетании с красивым видом цветка сыграло не последнюю роль также в широком использовании его как средство номинации (называния). Италмас в Удмуртии – это и торгово-развлекательный центр, и жилой комплекс, и село, и радиола сетевая ламповая, и удмуртское женское имя, и резиновые коврики, и моющее средство, и крепкий алкогольный напиток и др. Практически каждая пользовательница социальных сетей «Инстаграм», осознающая себя жительницей Удмуртии или удмурткой, считает делом чести иметь в своем профиле фотографию этого растения.

В течение длительного времени для населения Удмуртии было достаточно красивого образа и внешнего благозвучия слова. Но времена меняются, меняется, по-видимому, и образ мышления человека: ум становится более пытливым и желает глубже познать неизведанное. Иногда удмуртских лингвистов справедливо упрекают в том, что не всегда они идут в ногу со временем и не успевают удовлетворять потребности общества в языковой информации. Однако в отношении слова *италмас* подобная критика, полагаем, неуместна: названию купальницы европейской в Диалектологическом атласе удмуртского языка посвящена отдельная карта, на которой представлено распространение названий этого цветка в удмуртских диалектах. Карта

снабжена достаточно большим комментарием, в котором, в частности, рассматривается происхождение слова *италмас* [ДАУЯ 2014, 116–122]. К сожалению, научные изыскания на традиционном бумажном носителе в нынешних условиях не всегда доходят до адресата, а пытливый человеческий ум всегда старается дать толкование чему-то непонятному, включая и названия. Так, появился один из постов в социальных сетях «Фейсбук» со следующим содержанием: «Поле, мичуринские скиты, а на горизонте – деревня ИТАЛМАС. Оказывается, в переводе с татарского языка слово "ЭТ АЛМАС" – "НЕТ МЯСА". Очень символичное наименование селения, которое было предназначено для проживания животноводов, мясников, переработчиков свинины и представителей служб обеспечения свинокомплекса "ВОСТОЧНЫЙ" [Мустаев]. Впоследствии автор поста получил несколько сообщений типа: «эт – это собака, а мясо будет *ит*; алмас – это *не возьмет*». В результате фраза "ЭТ АЛМАС" – "НЕТ МЯСА" была изменена на "ИТ АЛМАС" – "НЕТ МЯСА".

Собственно, содержание изложенного выше поста стало причиной вновь обратиться к происхождению названия цветка *италмас*, которое, как мы считаем, восходит к кыпчакскому (древне- или старотатарскому) атрибутивному сочетанию **it almas* (**ит алмас*), ср. совр. тат. *эт* ‘собака’ и *алмаз*. Оглушенный конечный звонкий согласный з мог быть воспринят как глухой с. Однако озвончение является поздним звуковым изменением: тат. уст. *алмас* ‘алмаз’ фонетически стоит ближе к источнику – араб. *алмāс* < греч. *adamas* ‘не крошится, не раскалывается’ [ТатЭтим. I, 93] и идентичен второму компоненту удмуртского слова.

В номинации растений компонент со значением ‘собака; собачий’, как и названия некоторых других животных (волка, медведя, зайца, журавля, коровы, овцы и др.) типологически выступает как атрибут непригодного для использования человеком, ненастоящего, «нечеловеческого» [об этом см. напр.: Дмитриева 2001, 137], ср.: удм. *пуны сутэр* ‘жимолость красная’ (букв. ‘собачья смородина’, ядовитое растение), *пуны льӧм* ‘крушина ломкая’ (букв. ‘собачья черемуха’, ягоды малопригодны для употребления в пищу), *пуны весь* ‘паслен черный’ (букв. ‘собачьи бусы’, шаровидной формы блестящие ягоды свисают с растения в виде бус). В случае с рассматриваемым словом как мотивом при номинации послужил ассоциативный признак «подобный алмазу», иначе говоря, «такой, как алмаз, – красивый, сияющий (но не настоящий)».

Предложенный принцип номинации исследуемого фитонима в свое время был воспринят Л. В. Бусыгиной, нашедшей многочисленные подтверждающие примеры не только в удмуртском языке, но и в близкородственном коми: *пончӧд* ‘водяника, вороника’ (букв. ‘собачья черника’), *понпир* ‘черный паслен; собачьи ягоды’, *пон жыннян* ‘колокольчик’ (букв. ‘собачий колокольчик’; также в тюркском языке Поволжья – чувашском: *йыт(ă) çĕмĕрчĕ* ‘крушина’ (букв. ‘собачья ягода’); и в дальнеродственном финском: *koiranputki* ‘купырь лесной’ (букв. ‘собачья трубка’), *koiranvehnä* ‘рапс морской’ (букв. ‘собачья пшеница’) [ДАУЯ 2014, 118–119].

В современном татарском языке соответствия не сохранилось, однако такое название растения могло существовать в языке одного из кыпчакских племен Казанского ханства или (еще ранее) в золотоордынский период. Согласно исследованиям татарского вокализма, эволюция поволжско-тюркской системы гласных началась в XIII–XIV вв. и завершилась к XVIII в. [см. напр.: Фасеев 1985, 105–106]. В указанный промежуток времени протекал и следующий звуковой процесс: **i* > **э (*е)*, соответственно: **it* > *эт* ‘собака’. Учитывая широкое, но не повсеместное бытование исследуемого слова в удмуртских диалектах, можно предположить, что оно было заимствовано примерно в XIV–XVI веках, при этом из кыпчакского диалекта, в котором изменение гласных еще не завершилось.

В истории тюркских языков период X–XV (или IX–XIV) вв. принято называть среднетюркской эпохой [Периодизация; Фасеев 1985, 105–106], за которой следует новотюркская эпоха, когда литературным языком тюркских народов Поволжья служил так называемый старотатарский язык [Старотатарский язык]. В научных изданиях можно встретить также понятие «древнетатарский язык», под которым понимают кыпчакский язык Среднего Поволжья примерно до конца XIV в. [Ахметьянов 1978, 8]. Данным термином можно было бы назвать со-

вокупность диалектов кыпчакских племен Среднего Поволжья, с которыми предки удмуртов контактировали в упомянутую выше среднетюркскую эпоху (X–XV вв.). Термин «древнетатарский язык» важен с точки зрения исследования ранних тюркских заимствований кыпчакского типа в удмуртском языке, которые от собственно татарских заимствований отличаются: а) фонетически (отражают древнетюркский / древне- или среднекыпчакский вокализм); б) территориально (являются общеудмуртским достоянием или имеют весьма широкое распространение по диалектам).

Возвращаясь к исследуемой лексеме, следует подчеркнуть, что трактовка фитонима как ‘собака не возьмет’ (ср. тат. *эт алмас*) предлагаемая некоторыми исследователями, напр. М. Г. Атамановым и Р. Ш. Насибуллиным [Атаманов 1990, 221; ДАУЯ 2014, 118], представляет собой народную этимологию – переосмысление семантически неясного слова на основе чисто внешнего, случайного звукового совпадения. Народная этимология представляет собой своего рода «ловушку» даже для опытного исследователя, в связи с чем нелишне привести более подробное толкование: «В отличие от научной этимологии “народная этимология” <…> не реконструирует утраченные этимологические связи, а пытается объяснить происхождение слова, исходя из современного для автора этимологии состояния языка. Никакой научной аргументации подобные “этимологии”, как правило, не содержат. Опираются они лишь на случайное совпадение или даже на весьма отдаленное сходство в звучании слов» [Введенская, Колесников 2004, 39].

Рассмотрев происхождение слова *италмас*, хотелось бы остановиться еще на одном моменте. При исследованиях подобного типа возникают и логически вытекающие, и реально задаваемые вопросы, как-то: 1) разве не было у удмуртов своего названия купальницы? 2) если оно было, как оно могло звучать? 3) почему сами не придумали новое, оригинальное название?

Первоначальным названием купальницы в удмуртском языке было, скорее всего, слово *гудырисяська*, которое ныне обозначает калужницу болотную. Однако у удмуртов севера Глазовского района и большинства бесермян наименование *гуд(ъ)рис'ас'ка (гъдъръс'ас'ка)* служит также для обозначения купальницы. Полагаем, что этим словом, а также словом *ӟужсяська* ‘желтый цветок’ удмурты ранее называли представителей семейства лютиковых: ядовитые растения с желтыми цветами. В суровых жизненных условиях древнего человека значимым, приметным могло считаться лишь то, что могло быть полезным для его выживания, или, напротив, что могло навредить ему. Растения, подобные лютиковым, непригодные даже для корма скоту, вряд ли могли получить особые названия. Так, большинство несъедобных грибов или считающихся таковыми, включая шампиньоны, в удмуртском и поныне не имеют названий, относясь к разряду *«сӧтьгуби/кыедгуби»* букв. ‘кал, фекалии + гриб / навоз + гриб’.

Интересно, что наименования лютиковых и некоторых других растений связаны с народными поверьями. Так, *гудырисяська* состоит из двух компонентов: *гудыри* ‘гром’ и *сяська* ‘цветок’. Мотивационной базой для номинации фитонима послужило народное поверье в то, что если сорвать цветы калужницы, может поразить молнией (удм. *гудыри ӵашъёз* ‘гром поразит’). Н. Ю. Сунцова названное поверье объясняет тем, что время цветения калужницы, купальницы, некоторых видов гвоздики «совпадает с грозовыми весенним и летним периодами. В этот период возрастает опасность повреждения или уничтожения сельскохозяйственных культур градом и ураганом, возрастает пожарная опасность и вероятность поражения людей и скота молнией» [Сунцова 2005, 148]. Таким образом, слово *гудырисяська* ранее служило общим наименованием *калужницы* и *купальницы*, возможно, и отдельных видов *лютика*. Впоследствии в большинстве диалектов удмуртского языка купальницу стали именовать древнетатарским заимствованием *италмас*, а лютик – русским *купанча*, ср. рус. диал. *купáльница* ‘лютик’ [СРНГ 1980, 98]. Для сравнения отметим, что в близкородственном коми-пермяцком языке, а также в некоторых южных диалектах коми-зырянского языка купальницу именуют словом *горадзуль (горадзоль)*, состоящим из компонентов *гора* ‘звонкий, звучный, гулкий, громкий, раскатистый’ [ССКЗД, 83] и *дзуль (дзоль)* ‘цветок’, ‘шар, шарик’.

Принцип номинации аналогичен удмуртскому *гудырисяська*: атрибут *го́ра* является отражением раскатов грома; ср. кп. *го́ра-гыма кымӧр* ‘грозовая туча’ [КПРС, 101].

Следует сказать, что носители отдельных диалектных групп не успокоились ни старым родовым названием лютиковых, ни специализированными заимствованиями. Таковым является нижнечепецкий диалект, где купальницу называют словом *кикокукы*, которым в среднечепецком *(кикоку(к)кы, кикоку(к)къ)* именуют кукушку. Указанное название кукушки, а впоследствии и цветка, возникло в результате миграции завятских удмуртов (Татарстан) на Чепцу: шошминских – с названием кукушки *кикы* и кукморских – с названием кукушки *ку(к)къ*. В отдельных населенных пунктах среднечепецкого и бесермянского ареалов купальницу называют словом *лудмак* ‘дикий мак’ – не из-за красивого бутона, а в силу того, что спелые черного цвета семена, богатые эфирными маслами, ранее употреблялись в пищу. Имеются и некоторые другие названия купальницы в удмуртском, об этом можно узнать в Диалектологическом атласе удмуртского языка [ДАУЯ 2014, 39, 116–122].

Что касается современного татарского литературного языка, то в нем название купальницы образовано вполне обыденно – *сарычәчәк* букв. ‘желтый цветок’ [ТРС 2007, II: 219].

2. Коньы 1. ‘белка’ 2. ‘копейка’. Приведенное слово общепринятой этимологии не имеет. По мнению Р. Ш. Насибуллина, оно заимствовано из древнерусского языка и восходит к слову *куна* > *куница* > *кунья* [ДАУЯ 2010, 322–323]. Данное предположение несет в себе трудности в первую очередь фонетического характера: если даже допустить существование в древнерусском гипотетического слова *кунья, то в современном удмуртском мы бы имели название белки в форме **kuńjo (*куньё)*.

В. В. Напольских выдвигает несколько иную гипотезу происхождения исследуемого слова. Удмуртское *końi̯* ‘белка; денежная единица, копейка’, а также коми слова *kań* ‘кошка’ и *ki̯ń* ‘песец’ он возводит к прап. **końз* ‘пушной зверёк: белка, песец; кошка’, источником которого, как он считает, могло стать балт.-слав. **kouni̯a*: праслав. **kuna*, **kunica* ‘куница, кошка, пушной зверёк; vulva, девушка’ ~ балт.: лит. *kiaune*, *kiaunis*, прус. *caune*, лтш. *cauna*, *caune* ‘куница’, лтш. *kuna*, *kunina* ‘сука’ [Напольских 2006, 13–14].

В данной гипотезе, с нашей точки зрения, неубедительно выглядят несколько моментов. Во-первых, из реконструируемой прапермской формы **końз* вряд ли следовало бы ожидать следующие изменения гласного первого слога: **o* > к. *а, ы,* поскольку прапермское открытое *o̭* во всех коми диалектах представлено аналогичным гласным, как и закрытое *ö̭*, субститутом которого лишь в коми-язьвинском наречии является звук *у*, а в верхнесысольском диалекте – *o̭*. Во-вторых, из прап. **końз* в удмуртском должна была развиться форма **kuńз* ~ **kuńi̯*. В-третьих, если допустить, что балто-славянское заимствование в пермские языки проникло в связи с пушной торговлей, то в коми языке вряд ли сохранилось бы исконное слово *ур* ‘белка’; а если заимствование произошло, например, по причине табу, которое имеет место в отношении многих названий зверей, то в удмуртском языке было бы вытеснено, скорее всего, слово *сёр* ‘куница’. Приведенные нами доводы показывают, что проникновение удм. *коньы* с запада маловероятно. В то же время вполне возможно, что коми названия зверей *kań* ‘кошка’ и *ki̯ń* ‘песец’ могли быть заимствованы из балтийских языков (но не в прапермский язык).

Марийский лингвист В. И. Вершинин указывает на возможную связь удмуртского названия белки со словом *гон* ‘шерсть; пух перо; волосы на теле’ [Вершинин 2015, 94, 51]. Такая связь сомнительна уже из-за несоответствия консонантизма сопоставляемых слов, не говоря уже о проблемах иного плана.

Отсутствие бесспорной этимологии исследуемого слова подвигло нас на поиск новых путей решения проблемы. В Древнетюркском словаре мы находим слово: *kön* ‘выделанная кожа’, *tęvä köni* ‘верблюжья кожа’ [ДТС 1996, 314][1], – фонетически напоминающее название белки в удмуртском языке; семантически же – хотя и весьма отдаленное, но вполне сопоставимое.

[1] На возможность связи данных тюркских слов с удм. *коньы* нам указал историк-любитель А. В. Краснов, уроженец д. Азаматово Алнашского района УР.

Как известно, до появления металлических денег расчетной единицей в торговле служили разные предметы, в частности шкурки пушных зверей или иных животных. В языках Среднего Поволжья и Предуралья в качестве торгового эквивалента использовалась шкурка белки, о чем говорит функционирование названия этого зверька еще в значении ‘копейка’ или другой денежной единицы в современных языках упомянутого региона, ср.: тат. *тиен* I ‘белка’, *тиен* II ‘копейка; грош’, удм. *коньы* 1. ‘белка; векша’ 2. ‘копейка’, мар. *ур* 1. ‘белка’ 2. ист. ‘денежка, копейка’ [ТРС 2007 II, 371; УРС 2008, 317; МРС 1991, 366]; чув. *пус* ‘копейка’ < перс. *пуст* ‘шкура’ [Ахметьянов 1978: 123].

Не исключено, что среднеазиатские тюркские купцы вели торговлю с народами Среднего Поволжья еще до проникновения сюда булгарских племен (VII–VIII вв.). С созданием к X в. Волжской Булгарии [История Удмуртии… 2007, 229–231], торговые связи с тюркоязычным населением должны были только усилиться. Однако мы не может утверждать, что искомое слово проникло из языка булгарского типа, поскольку в современном чувашском аналогичное слово отсутствует. В то же время соответствие имеется в татарском языке – тат. *күн* ‘кожа (выделанная), шкура’, которое восходит к общекыпчакскому *кӧн* ‘кожа (выделанная)’ < др.-тюрк. *кӧӧн* ~ монг. *кӧм* ‘тж.’ [ТатЭтим. I, 493; см. также: Räsänen 1969, 290].

Подчеркнем, что в языке предков современных казанских татар начального периода удмуртско-татарских отношений, как и в других языках кыпчакских племен, выделанная кожа должна была звучать как **kön (*kön)*. На данном этапе торговых отношений предков удмуртов с тюркскими купцами древнеудмуртское понятие **ur ku* ‘беличья шкурка’ (букв. ‘белка + кожа, шкура’) должно было соотноситься с тюркской расчетной единицей типа **tejin köni*, ср. совр. тат. *тиен күне* ‘беличья шкурка’. Так, беличья шкурка, будучи торговой единицей, могла замениться тюркским словом, которым впоследствии древнеудмуртские охотники по табуистическим соображениям начали называть и «валютного» зверька: др.-удм. **ur ku* > **ur köni* > праудм. **(ur) kóńi* > удм. *коньы*.

Как уже сказано выше, эволюция поволжско-тюркской системы гласных началась в XIII–XIV вв. и завершилась к XVIII в. В указанный временной период (вероятно, уже в его начале) фонетические изменения должны были коснуться и древнетатарского слова со значением ‘кожа (выделанная), шкура’: **kön* > *күн*. Заимствование должно было произойти до указанного изменения. Поскольку лексема *коньы* имеет общеудмуртское распространение, она является одним из наиболее ранних древнетатарских заимствований (заимствований кыпчакско-татарского типа).

Название белки послужило также базой для наименования денег в удмуртском языке – *коньдон* < *коньы* ‘белка’ + *дон* ‘цена’ (букв. ‘цена белки’). Второй компонент восходит к прап. **don* ‘цена, стоимость’, в современных пермских языках представлено лексемами: к. *дон* и удм. *дун*. По утверждению Р. Ш. Насибуллина, в составе сложного слова компонент *дон* в удмуртском языке сохранился в архаической форме [ДАУЯ 2010, 322; КЭСК, 95].

Другое наименование денег в удмуртском – *уксё*, которое в удмуртском языкознании принято относить к булгарским заимствованиям, сравнивая с чув. *укҫа ~ окҫа*, тат. *акча*, башк. *аҡса* ‘деньги’ [Тараканов 1993, 133; ЭтимЧув. II, 273–274; ДАУЯ 2010, 322]. Чув. *укҫа ~ окҫа*, как и тат. *акча*, – общетюркское слово, с первоначальным значением ‘нечто белое’, т. е. ‘серебряная монета’; восходит оно к *ак* ‘белый’ [ТатЭтим. I, 86].

Учитывая ареал функционирования слова *уксё* в удмуртских диалектах (преимущественно в южной диалектной зоне; занимает не более 60–65 % этнической территории) [см.: ДАУЯ 2010, 72], его следует отнести не к булгаризмам, а к чувашским заимствованиям. Одна из причин распространения среди южных удмуртов – это популярность серебряных монет как женских украшений. В бассейн Чепцы проникло вместе с переселенцами-бесермянами, для которых *уксё* служило обозначением денег еще во вт. пол. прошлого века, ср.: бес. *uks'ode as'lөs'tөd šet't'ө*. ‘Ты у себя самого поищи мелочь (деньги)’ [Тепляшина 1970, 188]. В настоящее время

в северной диалектной зоне оно бытует лишь в речи слободских удмуртов. Бесермяне же вновь восприняли от северных удмуртов уже забытую «цену белки» – *коньдон*.

2.1. Бе́лка. Рассмотрев этимологию названия белки в удмуртском языке, а также коснувшись вкратце отношения его к товарно-денежному обмену, хотелось бы попутно остановиться на происхождении лексемы *белка* в русском, которое не менее путаное, чем в удмуртском. Большинство найденных нами этимологий, как правило, отталкиваются от гипотезы Макса Фасмера или / и В. И. Даля. Суть этимологии М. Фасмера: *бе́лка*, др.-рус. *бѣла* (СПИ) («Слово о полку Игореве». – С. М.), *бѣла вѣверица* ‘белая белка’ (Лаврентьевск. и Ипатьевск. летоп. под 859 г.). Автор отмечает, что «Благодаря этим свидетельствам этимология ясна и связь с *бѣлъ* ‘белый’ является доказанной» [Фасмер 1964, 148].

Изложенное М. Фасмером происхождение названия всем известного зверька, с рыжеватым окрасом летом и сероватым зимой, от прилагательного *белый* многих приводит в недоумение. В сети интернета можно найти разные попытки объяснить данное несоответствие. Но прежде представим материал из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля: «*Веіверица* ж. стар. пушной зверок, которым платили дань; вероятно ласочка, горностай или белка; всячески некстати иные ученые *сурка* прозвали *веіверицей*. Виру (денежное возмещение за убийство или др. преступление. – С. М.) платили по *белей веверице или* по *белей векше*; но это *или* не доказывает, чтобы *веверица* и *векша, векша* было одно и то же, а только что они были в одной цене. Горностай и ласочка летом бурые, зимой белые; *белая веверица*, зимнего, дошлого улова; *векша*, рыжая, зимою голубая, но и здесь *белая* могло бы означать дошлую, зимнюю, и, хотя векша никогда не бывает белою, получила название *белки*. *Вевёрка* зап. поныне векша, белка» [Даль: веверица].

Из приведенного разъяснения можно понять, что: во-первых, летописная *бѣла вѣверица* (Лаврентьевск. и Ипатьевск. летоп. под 859 г.) – это вовсе не ‘белая белка’, а белый горностай или ласка; во-вторых, *белая векша* – это ценный мех белки, который добывали в зимнее время. У других пушных зверьков, которыми платили дань (горностай и ласка), зимой был естественный белый мех. Возможно, по аналогии с этими зверьками зимний мех векши (белки) называли белым. Однако возможно и другое объяснение (см. ниже).

Информация о белой векше находит разные толкования. В частности, в этимологическом онлайн-словаре Г. А. Крылова дается следующее описание: «*Бе́лка.* Древнерусское образование от существительного *бела*. Животное это, как ни странно, получило название по цвету шкурки необычного и хорошо знакомого нам зверька, а по очень редкой – белой – разновидности [Крылов]. В этимологическом словаре русского языка А. В. Семёнова в целом повторяется мысль М. Фасмера, а для объяснения собственно причины названия зверька *белкой* автор дает вольную интерпретацию материала словаря В. И. Даля: «Мнения ученых сходятся в том, что в эпоху Древней Руси была особая порода белок с белым окрасом шерсти, что и послужило основой для их названия [Семёнов]. Автор не указывает никакой ссылки на источник, и если бы даже имелась ссылка, вряд ли она могла бы представлять мнение ученых. Биологическая наука не располагает данными о существовании какой-либо особой породы или вида белки с белым окрасом, а белки альбиносы рождаются чрезвычайно редко – 10 из миллиона [Белка альбинос].

При изучении происхождения названия белки, безусловно, нельзя обойти данные нового многотомного этимологического словаря А. Е. Аникина: *бе́лка* ‘зверек из отряда грызунов, векша’, ‘шкурка белки’, ‘денежная единица’ (XIV в.), *писчая бѣлка* ‘пошлина за перепись земель с их владельцев’ (1425) || укр. *бі́лка*, блр. *бе́лка*, болг. *бя́лка* ‘белка’, польск. диал. *białka* ред. ‘белка, мех белки’, в остальных славянских языках представленные родственные слова означают в основном ‘белое домашнее животное’. Как и М. Фасмер, автор считает возможным происхождение от др.-рус. *бѣлъ*, при этом вполне допускает, что первоначально обозначало животного белой / светлой масти, которое уже в восточно-славянских закрепилось за белкой [Аникин 2009, 72]. Как видим из описания, этот словарь также не вносит ясность в этимологию «белки». При этом по непонятной нам причине автор совсем не упоминает материалы словаря В. И. Даля.

Совершенно иной взгляд на происхождение русского слова *белка* представлен в «Этимологическом словаре татарского языка», составленного Р. Г. Ахметьяновым. Выше уже было сказано, что тат. *акча* ‘деньги’, как и чув. *укҫа*, является общетюркским словом с первоначальным значением ‘нечто белое’ < ‘серебряная монета’ и восходит к лексеме *ак* ‘белый’. Из тюркских языков данные слова проникли в финно-угорские языки Поволжья, при этом в мокша-мордовском соответствии *акша* (< ног.) означает не деньги, а ‘нечто белое, белизна’. Автор словаря, ссылаясь на другие источники, отмечает, что во многих языках слова со значением ‘деньги’ образованы от ‘белый’, например: мингрел. *tetari*, греч. *аспр*, исп. *bianche*, тур. *акча* – все они означают и ‘белый’, и ‘деньги’; таково происхождение и названия хазарских денег *шэлэг* [ТатЭтим. I, 86]. По мнению Р. Г. Ахметьянова, русское *белка* является калькой тюркско-татарского слова *акча* [Там же, 86, 260].

Если принять вышеизложенную гипотезу, то *белая векша* (в словаре Даля) – это ценная (приносящая деньги) белка или ее мех, который добывали в зимнее время.

3. Атта *диал.* ‘всё время, постоянно, всегда’. В лексикографических источниках фиксируется относительно недавно: *атта* диал. ‘беспрестанно, постоянно, всегда, часто’; *атта со ог кылэ вера* ‘он беспрестанно говорит об одном и том же’ [УРС 1983, 35; УРС 2008, 51]. Территориально лексема распространена в закамских говорах (периферийно-южный диалект): шг. *атта*, бт. татш. тшк. *әттә*, канл. *эттэ* ‘всё время, постоянно, всегда’. Примеры-предложения: шг. *туэ гужэм атта зорэ*. ‘Этим летом постоянно идут дожди’; татш. *пинал'л'ос әттә урамти кърҙаса вэ'ло.* ‘По улице всё время ходит молодежь, распевая песни’. Зафиксировано также в одном из завятских говоров – шошминском: *а та* ‘всегда, всё время, постоянно, беспрестанно’ [Алатырев 1978: 129]. Однако при опросе носителей шошминского говора подобного слова в их родном диалекте выявить не удалось.

По мнению В. И. Алатырева, исследуемое слово – татарское заимствование; приводит следующие возможные соответствия: тат. *хәтта* ‘вплоть, до, даже’, *хәтти* ‘достаточно много, далеко’, башк. *һәттәйүк, һәттүк* ‘изрядно, порядочно’ < араб. [Там же, 129]. Данную этимологию поддерживает марийский лингвист В. И. Вершинин [2015, 13]. Однако *атта* отсутствует в словаре тюркизмов И. В. Тараканова [Тараканов 1993]. Действительно, сопоставление сомнительно ввиду семантической отдаленности. Кроме того, если анлаутное *h* в удмуртском может передаваться нулевым звуком, то субститутом татарского согласного *х* должен быть звук *к*.

Предлагаем следующую альтернативу: удм. *атта (әттә)* < тат. *һәрвакытта* ‘всегда, всё время, в любое время’, ‘всякий раз, постоянно, вечно’. Слово испытало опрощение. Препозита *һәр-*, употребляемая в татарском также как самостоятельное слово *һәр* ‘каждый, всякий’, отпала, поскольку компонент *вакытта* в удмуртском отдельно не употребляется и может нести полностью семантическую нагрузку. Однако до этого слово прошло через фонетические преобразования, в числе которых и гармоническое выравнивание гласных (в «*ӓ*-говорах»): *һәрвакытта* > 1) *(h)ар^{ў}ак^{ы}тта > ак^{ы}тта > атта*; 2) *(h)әр^{ў}әк^{ы}ттә > әк^{ы}ттә > әттә*. Также нельзя полностью исключать версию о том, что источником послужило аналогичное татарское слово типа **әттә ~ *әктә (< һәрвакытта)* ‘всё время, всегда, постоянно’. Подобное слово, хотя и не зафиксировано, но ранее могло употребляться в отдельных татарских (или башкирских) говорах, как и в случае со словом *италмас*.

Заключение

В ходе исследования рассматриваемых лексем было найдено удовлетворительное решение проблемы их происхождения. Для фитонима *италмас* ‘купальница европейская’ уже ранее было дано логичное объяснение этимологии, однако она оспаривалась сторонниками толкования происхождения по принципу народной этимологии. Нами приведена дополнительная аргументация в пользу существующей этимологии названия растения, которое происходит от тюркского **it almas* ‘подобный алмазу’ (букв. ‘собачий, ненастоящий алмаз’). Тюркские диалекты Среднего Поволжья небулгарского (кыпчакского и, возможно, огузского) типа, с ко-

торыми предки удмуртов контактировали с X по XIV–XV вв., вслед за некоторыми учеными нами предложено обозначать термином «древнетатарский язык». Кроме указанного выше фитонима, к названному источнику также восходит зооним *коньы* ‘белка’, при этом др.-тат. **kön* служило вовсе не для обозначения зверька, а для именования кожи, шкуры. Это слово проникло в удмуртский в ходе товарно-денежного обмена. Попутно рассмотрена этимология русского слова *белка*, которая до сих пор не нашла окончательного решения. Русское название зверька, вероятно, имеет определенную аналогию с происхождением слова *коньы*. Оно может представлять собой кальку тат. *акча* ‘деньги’ < *‘серебряные / белые деньги’, с первоначальным значением *‘нечто белое, белизна’ < *ак* ‘белый’. Для диалектного слова *атта* ‘всё время, постоянно, всегда’, считавшегося продолжением тат. *хәтта* ‘вплоть, до, даже’, нами предложен другой татарский источник – *һәрвакытта* ‘всегда, всё время, в любое время’, который на удмуртской почве испытал лексико-морфологическое и фонетические преобразования.

Поскольку история этноса и его языка очень тесно взаимосвязаны, исследование происхождения слов может пролить свет на некоторые стороны жизненного пути народа.

СОКРАЩЕНИЯ

Языков и диалектов: араб. – арабский язык; балт. – балтийские языки; балт.-слав. – балто-славянский праязык; башк. – башкирский язык; блр. – белорусский язык; болг. – болгарский язык; бт. – буйско-таныпский говор (пюж.); греч. – греческий язык; др.-рус. – древнерусский язык; др.-тат. – древнетатарский язык; др.-тюрк. – древнетюркский язык; др.-удм. – древнеудмуртский язык; исп. – испанский язык; к. – коми язык; канл. – канлинский говор (пюж.); кп. – коми-пермяцкий; лит. – литовский язык; лтш. – латышский язык; мар. – марийский язык; мингрел. – мингрельский (грузинский) язык; монг. – монгольский язык; ног. – ногайский язык; перс. – персидский язык; польск. – польский язык; прап. – прапермский язык; праслав. – праславянский язык; праудм. – праудмуртский язык; прус. – прусский язык; тат. – татарский язык; татш. – татышлинский говор (пюж.); ташк. – ташкичинский говор (пюж.); тур. – турецкий язык; удм. – удмуртский язык; укр. – украинский язык; чув. – чувашский язык; шг. – шагиртско-гондырский говор (пюж.); шошм. – шошминский говор (пюж.)

Прочие сокращения: бот. – ботанический термин; букв. – буквально, буквальный перевод; диал. – диалект, диалектное; ист. – исторический термин; ред. – редко, редкое употребление; совр. – соврменный, современное; уст. – устарелое.

ЛИТЕРАТУРА

Алатырев В. И. Этимологический словарь удмуртского языка: Буквы А, Б / НИИ при Сов. Мин. УАССР. Ижевск, 1988. 240 с.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси. Вып. 3 (бе – болдыха́ть). 2009. 344 с.

Атаманов М. Г. Удмурт нимбугор = Словарь личных имён удмуртов. Ижевск, 1990. 396 с.

Ахметьянов. Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). М.: Наука, 1978. 248 с.

Белка альбинос – Белка альбинос, описание, образ жизни, среда обитания, фото, видео [Эл. ресурс]. URL: http://pitomci.nemo.su/articles/318-belka-albinos-opisanie-obraz-zhizni-sreda-obitanija-foto-video.html (Дата обращ.: 21.05.2020)

Введенская Л. А., Колесников Н. Н. Этимология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2004. 221 с. (Серия «Учеб. пос.»)

Вершинин В. И. Этимологии удмуртских слов. Йошкар-Ола, 2015. 254 с.

Даль: веверица // Толковый словарь Даля [Эл. ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/dal/веверица (Дата обращ.: 21.05.2020)

ДАУЯ 2010 – Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. II. Науч. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. 364 с.

ДАУЯ 2014 – Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. IV / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Л. В. Бусыгина. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2014. 280 с.

Дмитриева Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений / Ed. by K. Agyagási. Vol. I. Debrecen, 2001. 211 c. (Studies in Linguistics of the Volga-Region)

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / АН СССР. Ин-т языкознания. Л., 1969. XXXVIII + 677 с.

История Удмуртии… – История Удмуртии: С древнейших времен до XV в. / Под ред. М. Г. Ивановой; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2007. 304 с.

Кельмаков В. К. К проблеме о тюркском влиянии на удмуртский язык // Тюркское языкознание в контексте евразийской гуманитарной науки: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 1–4 нояб. 2016 г. / под общ. ред.: Р. Р. Замалетдинова, Г. Р. Галиуллиной. Казань, 2016. С. 192–196.

Кельмаков В. К. К истории изучения языковых контактов Восточно-финских и тюркских народов Поволжья и Приуралья // Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики. Сборник статей. Ижевск: Изд. центр «Удм. ун-т», 2017. С. 127–141.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27 000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман; АН СССР. Ин-т языкознания; Перм. гос. пед. ин-т. М.: Рус. яз., 1985. 624 с.

Крылов – Белка // Этимологический онлайн-словарь русского языка Крылова Г. А. [Эл. ресурс]. URL: https://lexicography.online/etymology/б/белка (Дата обращ.: 21.05.2020)

КЭСК – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 430 с.

МРС 1991 – Васильев В. М., Саваткова А. А., Учаев З. В. Марийско-русский словарь. 2-е изд., с изм. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 512 с.

Мустаев – Страница «Василий Мустаев» на Facebook [Эл. ресурс]. URL: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=2635999210004638&id=100007837531249 (Дата обращ: 07.04.2020)

Напольских В. В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в сер. I тыс. н. э. // Славяноведение. 2006. № 2. С. 3–19.

Периодизация – Периодизация истории чувашского языка // Чувашская энциклопедия [Эл. ресурс]. URL: http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=3888 (Дата обращ.: 06.06.2020)

Семёнов – Белка // Этимологический словарь русского языка Семенова [Эл. ресурс]. URL: https://semenov.academic.ru/134/белка (Дата обращ.: 21.05.2020)

СРНГ 1980 – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин; Ред. Ф. П. Сороколетов; АН СССР. Ин-т русского языка. Л.: Наука. Вып. 16: Куделя–Лесной. 1980. 376 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Ок. 25 000 слов / Сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачёва; Под. ред. В. А. Сорвачёвой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.

Старотатарский язык – Старотатарский язык // Википедия [Эл. ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Старотатарский_язык (Дата обращ.: 06.06.2020).

Сунцова Н. Ю. Эколого-биологический анализ и история использования ресурсных растений, а также грибов и лишайников Удмуртии: Дис. … канд. биол. наук. Уфа, 2005. 181 с.

Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи: Теория и словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. 170 с.

ТатЭтим. I – Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда (= Этимологический словарь татарского языка: в двух томах). Казан: Мәгариф Вакыт, 2015. Т. I (А–Л). 543 с.

ТРС 2007 II – Татарско-русский словарь: В 2-х т. Казань: Магариф, 2007. Т. 2 (М–Я). 726 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; под ред. В. М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; Отв. ред. Л. Е. Кириллова; РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2008. 925 с.

Фасеев Ф. С. Вокализм татарского языка в синхронии и диахронии // К формированию татар Поволжья и Приуралья: Сб. статей / АН СССР. Казанский филиал. Казань, 1985. С. 99–109.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс. Т. I: А–Д. 1964. 562 с.

ЭтимЧув. II – Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х т. / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары, 1996. Т. 2 (С–Я). 509 с.

Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. XVI + 836 l. 2. kiadás: Pécs, 1990.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. 1. Helsinki, 1969. XVI + 533 S.; 2: Wortregister, 1971. 136 S. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae LSFU XVII)

Wichmann – Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S.

Поступила в редакцию 07.09.2020

Максимов Сергей Анатольевич,
кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
e-mail: makser02@yahoo.com

S. A. Maksimov

TURKIC-UDMURT LEXICAL METAMORPHOSES II: ON THE ORIGIN OF THE WORDS *ITALMAS* ‘TROLLIUS EUROPAEUS’, *KOŃI* ‘SQUIRREL’, *ATTA* ‘ALL THE TIME, CONSTANTLY’

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-604-616

Foreign and domestic scientists have been studying the mutual influences of the Udmurt and Turkic languages. For more than a century, this issue has been covered in a sufficient number of publications. However, the problem of Udmurt-Turkic contacts *had not yet been* fully resolved. This work is devoted to verification of the origin of lexemes dating back to the Turkic source. The Udmurt words *italmas* ‘Trollius europaeus’, *końį* ‘squirrel’, the dialect word *atta* ‘all the time, constantly’, as well as the Russian word *belka* ‘squirrel’ are considered. The etymologies of these words have been repeatedly studied, however, the problem of their origin remains unresolved. The study found a satisfactory explanation of the origin of the considered lexemes. We have presented additional arguments in favor of the existing etymologies for phytonym *italmas* ‘Trollius europaeus’, which derived from the Kipchak **it almas* ‘like a diamond’ (< ‘dog diamond’). We propose to denote the Turkic dialects of the Kipchak type with which the ancestors of the Udmurts contacted from the 10th to the 14th – 15th centuries by the term “ancient Tatar language”. In addition to the above phytonym, the zoononym *końį* ‘squirrel’ goes back to the same source, but the ancient Tatar word **kön* did not name the animal, but designated the skin of the animal. Along the way, the etymology of the Russian word *belka* ‘squirrel’ is considered. It may be a *calque* from the Tatar *akcha (акча)* ‘money’. For the word *atta* ‘all the time, constantly’, which was considered a continuation of the Tat. *khatta (хәмма)* ‘until, even’, we proposed another Tatar source – harwakytta (һәрвакытта) ‘always, all the time’, which experienced lexical-morphological and phonetic transformations on the basis of Udmurt language.

Keywords: Udmurt language, Tatar language, ancient Tatar language, Russian language, language contacts, etymology, lexical borrowings, Turkisms, concept “Trollius europaeus”, concept “squirrel”, etymology of Russian *belka* ‘squirrel’, concept “constantly”.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 604–616. In Russian.

REFERENCES

Alatyrev V. I. *Etimologicheskii slovar' udmurtskogo yazyka: Bukvy A, B.* [Etimologicheskii slovar' udmurtskogo yazyka: Letters A, B. Izhevsk, 1988. 240 p. In Russian.

Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi. Vol. 3 (be – boldykhát'). 2009. 344 p. In Russian.

Atamanov M. G. *Udmurt nimbugor = Slovar' lichnykh imen udmurtov* [Dictionary of personal names of Udmurts]. Izhevsk, 1990. 396 p. In Russian.

Akhmet'yanov. R. G. *Sravnitel'noe issledovanie tatarskogo i chuvashskogo yazykov (fonetika i leksika)* [Comparative study of the Tatar and Chuvash languages (phonetics and vocabulary)]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 248 p. In Russian.

Belka al'binos – Belka al'binos, opisanie, obraz zhizni, sreda obitaniya, foto, video [Albino squirrel, description, lifestyle, habitat, photo, video] [El. resource]. URL: http://pitomci.nemo.su/articles/318-belka-albinos-opisanie-obraz-zhizni-sreda-obitanija-foto-video.html (accessed 21 May 2020). In Russian.

Vvedenskaya L. A., Kolesnikov N. N. Etimologiya: uchebnoe posobie [Etymology: study guide]. Sankt-Peterburg: Piter Publ., 2004. 221 p. (Seriya «Uchebnoe posobie»). In Russian.

Vershinin V. I. *Etimologii udmurtskikh slov* [Etymologies of the Udmurt words]. Ioshkar-Ola, 2015. 254 p. In Russian.

Dal': veveritsa – Tolkovyi slovar' Dalya [Dahl's Explanatory Dictionary] [El. resource]. URL: https://gufo.me/dict/dal/veveritsa (accessed 21 April 2020). In Russian.

DAUYa 2010 – *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Vyp. II* [Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue II] / R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, G. V. Otstavnova. Izhevsk, NITs Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika Publ., 2010. 364 p. In Russian.

DAUYa 2014 – *Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka. Karty i kommentarii. Vyp. IV* [Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue IV] / R. Sh. Nasibullin, S. A. Maksimov, V. G. Semenov, L. V. Busygina. Izhevsk, NITs Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika Publ., 2014. 280 p. In Russian.

Dmitrieva Yudit. *Chuvashskie narodnye nazvaniya dikorastushchikh rastenii* [Chuvash folk names of wild plants] / Ed. by K. Agyagási. Vol. I. Debrecen, 2001. 211 p. (Studies in Linguistics of the Volga-Region). In Russian.

ДТС 1969 – *Drevnetyurkskii slovar'* [Old Turkic dictionary]. Leningrad, 1969. XXXVIII + 677 p. In Russian.

Istoriya Udmurtii… – *Istoriya Udmurtii: S drevneishikh vremen do XV v.* [History of Udmurtia: From ancient times to the 15th century] / Ed. M. G. Ivanova. Izhevsk, Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007. 304 p. In Russian.

Kel'makov V. K. K probleme o tyurkskom vliyanii na udmurtskii yazyk [To the problem of Turkic influence on the Udmurt language]. *Tyurkskoe yazykoznanie v kontekste evraziiskoi gumanitarnoi nauki: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Kazan', 1–4 noyab. 2016 g.* [Turkic linguistics in the context of the Eurasian humanities: proceedings of the Intern. scientific-practical conf., Kazan, November 1–4. 2016] / Ed.: R. R. Zamaletdinova, G. R. Galiullinoi. Kazan, 2016, pp. 192–196. In Russian.

Kel'makov V. K. K istorii izucheniya yazykovykh kontaktov Vostochno-finskikh i tyurkskikh narodov Povolzh'ya i Priural'ya [On the history of the study of linguistic contacts of the East Finnish and Turkic peoples of the Volga and Ural regions]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya X: aktual'nye problemy normativnoi i istoricheskoi fonetiki, grammatiki, leksikologii i stilistiki. Sbornik statei* [Language contacts of the peoples of the Volga X: current problems of normative and historical phonetics, grammar, lexicology and stylistics. Digest of articles]. Izhevsk, Udmurt University Publishing Center Publ., 2017, pp. 127–141. In Russian.

KPRS – *Komi-permyatsko-russkii slovar': Ok. 27 000 slov* [Komi-Permyak-Russian Dictionary: Approx. 27 000 words] / Comp. R. M. Batalova, A. S. Krivoshchekova-Gantman. Moskcow, Russkii yazyk Publ., 1985. 624 p. In Komi-Permyak. In Russian.

Krylov – Belka. Etimologicheskii onlain-slovar' russkogo yazyka Krylova G. A. [Squirrel. Etymological online dictionary of the Russian language by G. Krylov] [El. resource]. URL: https://lexicography.online/etymology/b/belka (accessed 21 May 2020). In Russian.

KESK – Lytkin V. I., Gulyaev E. S. *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka* [A concise etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar, Komi Book Publ. House, 1999. 430 p. In Russian.

MRS 1991 – Vasil'ev V. M., Savatkova A. A., Uchaev Z. V. *Mariisko-russkii slovar'* [Mari-Russian dictionary]. Ioshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo Publ, 1991. 512 p. In Mari. In Russian.

Mustaev – Stranitsa «Vasilii Mustaev» na Facebook [The Vasily Mustaev Facebook Page] [El. resource]. URL: https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=2635999210004638&id=100007837531249 (accessed 7 April 2020). In Russian.

Napol'skikh V. V. Balto-slavyanskii yazykovoi komponent v Nizhnem Prikam'e v ser. I tys. n. e. [Balto-Slavic language component in the Lower Prikamye in the middle of the 1st millennium e.]. *Slavyanovedenie* [Slavic studies], 2006, No. 2, pp. 3–19. In Russian.

Periodizatsiya – Periodizatsiya istorii chuvashskogo yazyka. Chuvashskaya entsiklopediya [Periodization of the history of the Chuvash language // Chuvash Encyclopedia] [El. resource]. URL: http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=3888 (accessed 6 June 2020). In Russian.

Semenov – Belka. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka Semenova [Squirrel. The etymological dictionary of the Russian language by Semenov] [El. resource]. URL: https://semenov.academic.ru/134/belka (accessed 21 May 2020). In Russian.

SRNG 1980 – *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects] / Ch. ed. F. P. Filin; Ed. F. P. Sorokoletov. Leningrad, Nauka Publ. Vol. 16: Kudelya–Lesnoi, 1980. 376 p. In Russian.

SSKZD – *Sravnitel'nyi slovar' komi-zyryanskikh dialektov* [Comparative Dictionary of Komi-Zyryan dialects] / Comp. T. I. Zhilina, M. A. Sakharov, V. A. Sorvacheva; ed. V. A. Sorvacheva. Syktyvkar, Komi Book Publ. House, 1961. 492 p. In Komi. In Russian.

Starotatarskii yazyk – Starotatarskii yazyk. Vikipediya [Old Tatar language. Wikipedia] [El. resource]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Starotatarskii_yazyk (accessed 6 June 2020). In Russian.

Suntsova N. Yu. *Ekologo-biologicheskii analiz i istoriya ispol'zovaniya resursnykh rastenii, a takzhe gribov i lishainikov Udmurtii: Dis. kand. biol. Nauk* [Ecological and biological analysis and the history of the use of resource plants, as well as fungi and lichens of Udmurtia. Cand. biol. sci. diss.]. Ufa, 2005. 181 p. In Russian.

Tarakanov I. V. *Udmurtsko-tyurkskie yazykovye vzaimosvyazi: Teoriya i slovar'* [Udmurt-Turkic language interrelations: Theory and the dictionary]. Izhevsk: Udmurt University Publishing House Publ., 1993. 170 p. In Russian.

TatEtim. I – *Akhmet'yanov R. G. Tatar teleneң etimologik syzlege: Ike tomda* (= Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka: v dvukh tomakh) [Etymological Dictionary of the Tatar Language: in two volumes]. Kazan, Məgarif – Vakyt Publ., 2015. Vol. I (A–L). 543 p. In Tatar.

TRS 2007 II – *Tatarsko-russkii slovar': V 2-kh t.* [Tatar-Russian Dictionary: In 2 volumes]. Kazan', Magarif Publ., 2007. Vol. 2 (M–Ya). 726 p. In Tatar.

URS 1983 – *Udmurtsko-russkii slovar': Ok. 35 000 slov* [Udmurt-Russian Dictionary: Approx. 35 000 words]. Comp. A. S. Belov, V. M. Vakhrushev, N. A. Skobelev, T. I. Teplyashina; ed. V. M. Vakhrushev. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1983. 592 p. In Udmurt. In Russian.

URS 2008 *Udmurtsko-russkii slovar': Ok. 50 000 slov* [Udmurt-Russian Dictionary: Approx. 50 000 words]. Comp. T. R. Dushenkova, A. Egorov, L. M. Ivshin, and others; ed. L. E. Kirillova. Izhevsk, Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008. 925 p. In Udmurt. In Russian.

Faseev F. S. Vokalizm tatarskogo yazyka v sinkhronii i diakhronii [Vocalism of the Tatar language in synchrony and diachrony]. *K formirovaniyu tatar Povolzh'ya i Priural'ya: Sb. Statei* [On the formation of the Tatars of the Volga and Urals: Collection of articles]. Kazan, 1985, pp. 99–109. In Russian.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka:* V 4 t. [Etymological dictionary of the Russian language: In 4 vol.]. Moscow, Progress Publ. Vol. I: A–D, 1964. 562 p. In Russian.

Fedotov M. R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka*: v 2-kh t. [Etymological Dictionary of the Chuvash Language: in 2 volumes]. Cheboksary, 1996. Vol. 2 (S–Ya). 509 p. In Russian.

Munkácsi B. *A votják nyelv szótára* [Dictionary of the Udmurt language]. Budapest, 1896. XVI + 836 p. 2nd edition: Pécs, 1990. In Udmurt. In Hungarian. In German. In Russian.

Räsänen M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen.* 1. Helsinki, 1969. XVI + 533 S.; 2: Wortregister, 1971. 136 S. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae LSFU XVII). In German.

Wichmann – *Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann.* Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S. In Udmurt. In German. In Finnish.

Received 07.09.2020

Maksimov Sergey Anatolyevich,
Candidate of Sciences (Philology), Research Associate
Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
e-mail: makser02@yahoo.com

УДК 811.511.12:37(480)(045)

I. Vančo, D. A. Efremov

REVITALIZING SAAMI THROUGH EDUCATION IN FINLAND

The article deals with the institutional aspects of how indigenous minority languages are taught in Finland, with particular attention to sustainability and revitalization issues among the Saami minority. The source material for the research project was obtained during field work organized by the International Research Group on Bilingual Education of the Faculty of Central European Studies at Constantine the Philosopher University (Nitra, Slovakia), conducted in Finland in 2019. The aim of the expedition was to study strategies for revitalizing the Saami language in Finland in the context of code switching. The authors of the article want to highlight how legal regulation can take into account educational problems that arise in different situations. In Finland, on a legislative basis, two languages (Finnish and Swedish) are taught, so all citizens, regardless of nationality, learn both of them. The law guarantees access to Saami education, i.e. it is optional for everyone. The education system offers opportunities for learning the Saami language in preschool educational institutions, in general education schools, as well as for individual groups, adult citizens. At the same time, the authors emphasize the fact that although state regulation centralizes education in the European Union, and in particular in Finland, the revitalization program of minority languages is still being successfully implemented, mostly due to the fact that program coordinators take into account the diversity and variety of cases and, as a result, adopt certain normative acts to solve different situations. Only society, political decision-makers, self-operating and self-conscious civil activity can help developing a successful national education system where bilingualism is reachable for minorities with significantly different backgrounds.

Keywords: Saami language, bilingualism, code switching, indigenous language, language revitalization.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-617-627

1. Introduction

This paper focuses on the institutional aspects of teaching native minority languages in Finland with special attention to sustainability and revitalization among the Saami minority. The fieldwork of our study was conducted in Finland in 2019, organized by the international Bilingual Education Research Group, which is part of the Faculty of Central European Studies at the Constantine the Philosopher University in Nitra. The main goal of the field trip was to study the revitalization strategies of the Saami people living in Finland in the midst of a language shift. The study reflects our experiences about the ways legal regulations can take into consideration educational challenges in different situations. We emphasize that in fact there is such a state regulation in the European Union which is not based on the idea of centralizing education, but offers diversified and flexible regulations

providing targeted solutions to different situations. In the following, we present the Finnish example as best practice.

2. Education among the minorities living in Finland

The linguistic majority in Finland is Finnish, however a 5.22% Swedish and a 0.04% Saami minority also lives in the country. Both Swedish and Saami minorities live both in larger units and scattered in a given area. The linguistic and social circumstances of the Swedish and Saami minorities are radically different. While the Swedish minority possesses a mother country with its own historical traditions and literacy,[1] the Saami people comprise a native minority in the northernmost area of the Scandinavian peninsula, whose living space ranges across several different countries[2] and do not have a mother country in the traditional sense. There is a significant difference between the two peoples when it comes to their population, their linguistic status and language use potential, bilingualism, and social integration prospects. Swedish is one of Finland's national languages,[3] the effects of which can be observed in many aspects of everyday life. The most obvious one, even to outsiders, is the presence of Finnish-Swedish bilingual signs. There is a standard Swedish variant spoken by the minority, however we can differentiate between dialectal variants as well. Another important difference is that Swedish is not considered an endangered language in Finland either. The Swedish minority living in the Åland Islands has special autonomy and the Swedish language is used in all areas of life, even though the island belongs to Finland. Our research group has not had the opportunity to analyze the social and linguistic impact of this situation on the bilingualism and integration prospects of the Swedish minority living in the Åland Islands, and therefore, this topic requires further study.

The Saami language is not official anywhere, however the bilingual status is officially guaranteed in the northern Saami regions. Despite the relatively small number of Saami people living in Finland, three Saami languages are distinguished with different levels of standardization: Northern Saami, Inari Saami and Skolt Saami. These languages are all severely endangered; practically speaking, a Saami-Finnish language shift has already occurred, therefore reaching bilingualism has become the focus of the efforts made in the Saami territories, with the main goal being the revitalization of the native language and halting further Saami-Finnish language shift (for the role of the Saami language in Saami identity see Duray 2017, 2018; for Saami linguistic landscape see Duray 2016).

The table below presents the linguistic situation in Finland. The data show that a significant number of immigrants (7.1 %) is represented alongside Finnish, Swedish and Saami natives. The different aspects of teaching the national language to immigrants is beyond the scope of this study.

Table 1

The population of Finland based on native language

Native language	2015	2016	2017	2018
Finnish	4 865 628	4 857 795	4 848 761	4 835 778
Swedish	290 161	289 540	289 052	288 400
Saami	1 957	1 969	1 992	1 995
Other languages	329 562	353 993	373 325	391 746
Russian	72 436	75 444	77 177	79 225
Estonian	48 087	49 241	49 590	49 691
Arabic	16 713	21 783	26 467	29 462
Somali	17 871	19 059	20 007	20 944

[1] The Swedish minority started to settle down in the territory of modern day Finland in the 12th-13th century.

[2] Saamiland is a region that extends across the northern parts of Norway, Sweden, Finland, and the Kola Peninsula of Russia.

[3] There are two official languages in Finland: Finnish and Swedish.

The end of the table 1

Kurdish	11 271	12 226	13 327	14 054
Persian, Farsi	8 745	10 882	12 090	13 017
Chinese	10 722	11 334	11 825	12 407
Albanian	9 233	9 791	10 391	10 990
Vietnamese	8 273	9 248	9 872	10 440
Total	**5 487 308**	**5 503 297**	**5 513 130**	**5 517 919**

Source: Statistics Finland, Demographic structure
https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto.html#v%C3%A4est%C3%B6syntyper%C3%A4n,syntym%C3%A4maanjakielenmukaan2017

Teaching national and minority languages in Finland is a task realized in four significantly different situations: legislation and the education system have to solve and handle the education of the Swedish minority, the autonomous Swedish minority, the Saami minority and the immigrants.

3. Teaching the Saami language in Finland

3.1. Saami as a critically endangered language

In the following passage we are going to focus on the education and relearning programs of the Saami language and culture.[4] Northern Saami spoken in Finland is considered definitely endangered, whereas Inari and Skolt Saami are critically endangered,[5] thus undergone an almost complete language shift. Haugen [1990] represents language shift as follows: A > AI/BII > BI/AII > B, where A is the minority language, and B is the language of higher status.

UNESCO has the following variables as criteria for language vitality in its framework:

1) intergenerational language transmission;
2) absolute number of speakers;
3) proportion of speakers within the total population;
4) availability of materials for language education and literacy;
5) response to new domains and media;
6) community members' attitudes towards their own language;
7) governmental and institutional language attitudes and policies, including official status and use;
8) shifts in domains of language use;
9) type and quality of documentation (cited by [Tódor 2019]).

The fact that the Saami minority is currently undergoing a language shift and considering the above criteria, it can be concluded that the Saami languages are critically endangered. In the last hundred years a constant language loss could be observed among the Saami minorities living in Finland, which has resulted in the slow shrinking of language use in favor of the more broadly used,

[4] In the study we use both the terms 'Saami languages' and 'Saami language varieties'. The reason for this is a certain terminological uncertainty present in the descriptions and analyses of Saami languages and language varieties. In the literature dealing with the Saami, in many cases we are presented Saami language, Saami language education, Saami literature without distinguishing between the different Saami languages/language varieties/dialects (see Duray 2018; 2016; Duray, Horváth, Várnai 2017; Tamás 2018 a; 2018b; https://www.nyest.hu/renhirek/lappok-a-spajzban). Outside of Finland, Saami languages are spoken in Norway, Sweden and Russia, in the Kola Peninsula. The Saami languages constitute a dialect continuum spreading across borders, however there is no universally accepted opinion about the number of languages/language varieties despite the fact that mutual intelligibility is only present among neighbouring varieties (see Bogár: http://www.regulytarsasag.hu/fv_xxii_1_g_bogar/). Currently ten dialects are distinguished, however due to the vast differences among them, they can be considered separate languages. Six Saami languages have literary standards. http://finnugor.elte.hu/tortenelem/Egyesnepek/Lapp/lapp.htm

[5] UNESCO uses the following scale to classify endangered languages: vulnerable, definitely endangered, severely endangered, critically endangered and extinct. Critically endangered are those languages whose youngest speakers are grandparents and older, and they speak the language partially and infrequently http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger/

both socially and economically dominant language. Although bilingualism occurs temporarily in such situations, the final outcome is language shift due to the low prestige of the minority language [cf. Grenoble, Whaley 2006; Tóth 2007]. It was only in the last moments that the Saami minority realized that losing their language as a result of a language shift leads to the loss of community and culture as well. In this case the main problem is not teaching and learning the national language (in our case Finnish), but maintaining knowledge and use of the Saami language.

Inari and Skolt Saami are spoken exclusively in Finland; there are approximately 300 Inari Saami speakers, whereas Skolt Saami has about 400 speakers.[6] Saami language shift is a good indicator of the minority situation, where a state of well-functioning bilingualism could not be reached. The prestige of the language used by the native minority has decreased significantly due to the changes in power, economical interests and culture, hence it has fallen farther behind in language use and intergenerational language transmission. Language education faced a new situation in which teaching the minority language requires new institutional criteria, adequate tools for language teaching and a supporting framework for social regulations. The language revitalization program, whose goal is achieving bilingualism among others, started basically after the last moment, and therefore its success is uncertain. (For a detailed explanation of the topic see [Olthuis, Kivela, Skutnabb-Kangas 2013] and [Magga, Skutnabb-Kangas 2010]. For the Saami language teaching project and teaching materials development see: https://www.samediggi.fi/ in Inari Saami and Finnish).

3.2. Language revitalization

Language revitalization is a planned process aimed at reversing language shift and reviving a minority language. The theoretical basis of the stages of language vitality was developed by Fishman [Fishman 1991, 88–110], who divided the process into eight stages. Based on his GIDS (Graded Intergenerational Disruption / Dislocation Scale), Fishman distinguishes the following levels (in Hungarian [Gál 2010, 42–44]):

Level 8: The most advanced level of language shift, vestigial users are socially and geographically isolated.

Level 7: Most users of the language are socially integrated and ethnolinguistically active, but beyond child-bearing age.

Level 6: The language is used in the family, but not in formal situations, where communication is made in the dominant national language.

Level 5: The language is used in primary, secondary and tertiary education

Level 4: The language is in vigorous use, with standardization and literature being sustained through a widespread system of institutionally supported education.

Level 3: The language is used in work and mass media without official status to transcend language differences across a region. However written or other official communication of the workplace is made in the dominant national language.

Level 2: The language is used in education, work, mass media, and government within major administrative subdivisions of a nation.

Level 1: The language is used in education, work, mass media, and government at a national level, however speakers do not have any form of autonomy.

Revitalization endeavours can be organized bottom-to-top, when a speech community initiates the process [Holmes, Wilson 2017], or top-to-bottom, when the planning and execution is made by the state or other political or academic organizations. Language and cultural revitalization is initiated and supported both by the state and the speech community in the case of the Saami living in Finland.

Concrete aims of the Saami revitalization program:

1) expanding domains of language use and linguistic landscape;[7]

2) reintroducing the Saami language to the society's language use, including all age groups;

[6] The estimated total number of Saami is about 100 000. On the issues regarding determining the number of ethnic Saami and Saami speakers see [Outakoski 2015].

[7] See Duray, Horváth, Várnai 2017.

3) expanding language use in families;
4) raising interest in Saami culture;
5) presenting the versatility of the Saami language(s) and culture;[8]
6) broadening multiculturalism;
7) introducing Saami culture to the Finnish population – learning about the Saami language and culture is not part of the Finnish education system, thus an important objective is to eradicate the centuries-old negative attitudes towards them.

3.3. Legal background of Saami education

Obligatory content of education is listed in § 11 of the Basic Education Act of Finland. Lawmakers mention here the teaching and learning of a second domestic language, which is detailed by Kozmács [2017] in his relevant study. Second domestic language is Swedish in Finnish language schools and Finnish in Swedish language schools.

The use of Saami is guaranteed by law, ensuring that the Saami people can exercise their language and cultural rights. The main goal of the 35 sections is to advance language maintenance and revitalization in cases where intergenerational language transmission ceased. The law precisely names those districts, official bodies and institutions which fall under its legal authority. It determines rights to language use, and declares, among others, that official procedures whose sole participants are Saami have to be given the opportunity to be conducted in Saami (§ 10). It also provides ample opportunities for the Saami to use their mother tongue in Saami-majority territories. For this reason, the law declares that in these territories employers have to make sure that their partners can conduct their business in Saami, so the knowledge of language should be considered a factor when hiring new employees (§ 14). Another declaration is that even if the authorities cannot ensure that that the language of the procedure is Saami, clients still have the right to conduct business in their mother tongue; in these cases the state is obligated to pay for an interpreter and the translation of documents (§ 22). It is also set by law that official bodies have to aim for providing services in Saami, and these services must be publicly available in Saami as well (§ 25). Saami Language Law includes all Saami language varieties spoken in Finland in Saami-majority territories (*Saamen kielilaki* [Saami Language Law] Law no. 1086/2003).

The language revitalization program is supported by the Department of Youth at the Finnish Ministry of Culture. One positive aspect is that the Saami enjoy a certain cultural autonomy. Financial aid provided by the state is given to the Saami Parliament, who is responsible for its distribution. The leader of this program is the program coordinator, the Secretary of Language Rights, who elaborates a proposal for the distribution of funds. The final decision is made by the Saami Language Council.

Current domains of language revitalization are:
1) language nests for preschool children;
2) creating and establishing primary education in Saami;
3) teaching traditional crafts and trades in Saami in vocational centers;
4) language teaching programs for adults – including online courses;
5) teacher training (Saami language and culture teacher training in Oulu).

It is noteworthy that revitalization strategies for Saami are elaborated for all age groups, and they are implemented in a limited way on all levels of education, from preschool to higher education. Its shortcoming is the limited options within secondary and tertiary education, as it is possible to learn only a few crafts and trades in the Saami language in vocational secondary schools, and the only course available in higher education is Saami primary and secondary school teacher training.

[8] Saami art has a definitive role in Saami identity and language maintenance. For example Mikkâl Antti Morottaja, also known as Amoc, a singer who raps in Saami is popular among youth. Even a documentary has been made of the artist: https://www.sapmifilm.com/film/30096. For a brief introduction to Saami culture in Hungarian see Tamás http://www.regulytarsasag.hu/fv_xxii_1_tamas/#_ftn34; in English: Gaski http://www.laits.utexas.edu/sami/diehtu/newera/samiculturenordic.htm

3.4. Language nests for preschool children

One of the achievements of the revitalization program is the foundation of language nest programs, whose objective is to revive native languages and cultures. Apart from legal support, the program started as a bottom-to-top initiative, organized by the community who, upon realizing the threat of language and culture loss, became motivated to revive their native language. The issue of financial support became relevant in the case of Saami language nests as well, as a stable financial background is not legally guaranteed. Saami experts are currently attempting to change this situation, their goal being having regulated financial support guaranteed by law. Program organizers receive the yearly revised budget in one instalment. There is public demand for increasing the capacity of Saami nests, however there are two factors which hold back this process. On the one hand the budget is not enough to further extend the program, on the other hand there is a shortage of trained teachers. Apart from taking into consideration the bottom-to-top initiatives, villages and towns are also financially interested in organizing and maintaining such programs, as they receive 15% of the sum dedicated to the programs every year.

Currently there are 12 language nests in Finland, nine in Sápmi and three in other areas of Finland. These nests were established by parental demand. Villages and towns organize language nests as part of an early, preschool education program. Following the principles of Finnish education, teaching in language nests is not centralized, each village and town has their own programs. Teachers are in touch with each other, they organize joint development days where they present and share best practices, thus developing the professional network of language nests. According to their reports, in many cases even the parents of children attending language nest programs begin to learn Saami. Their objective is both to establish working bilingualism in children by the time they get to primary school, and to broaden language use within the family. A long-term aim is to increase the vitality of the language and to prevent language loss in the case of the youngest generation.

Sessions are conducted using language showers in a familiar environment. Education is personalized not only in terms of slogans (education programs in Hungary, Slovakia, Romania, Ukraine also contain the principle of personalized education, but it is hardly ever implemented), as teachers are required to compile a personalized program for each child in the language nest. The type of education can be classified as bilingual language submersion. Sessions are in small groups, one teacher can work with maximum three children. The transmission of language is made by the "one person – one language" bilingual language socializing principle. Teachers are bilingual, but they lead sessions only in Saami. This language has priority in every case, but children can speak in either of their languages. Teachers support the use of Saami, but its use is not compulsory for children. Their utterances are not corrected or modified. Adults aim to speak slowly and in a well articulated way. They keep eye contact during communication, and language acquisition is supported by games, gestures and vocabulary enrichment related to the relevant topic. One trait of the method is the frequent repetition of a word or expression in a given situation. Teachers repeat children's utterances in Saami, and they use pictures and body language to facilitate understanding. Vocabulary enrichment is done by first uttering the word, then showing a picture and finally using the word in a situation.

3.5. Primary education

Saami education was made possible from 1st August 2000 by the Basic Education Act of Finland, amended in 1998. The following guidelines are found in section 10: The language of instruction and the language used in extracurricular teaching shall be either Finnish or Swedish. The language of instruction may also be Saami, Roma or sign language. In addition, part of teaching may be given in a language other than the 5 pupils' native language referred to above, provided that this does not risk the pupils' ability to follow teaching. (Basic Education Act 21.8. 1998./628).

From this point on it became the responsibility of the communities to provide education to Saami children mainly in Saami. As a result, from autumn 2000 Inari Saami children who had been raised in language nests got the opportunity to continue their studies in their mother tongue in primary schools

in Inari. Saami education is organized in some classes of some schools. We could not get exact data regarding the actual number of students or classes during our field trip, and the relevant literature does not provide statistics either. Education is in Saami, teachers are bilingual. Pupils listen to the Saami language and use it during play sessions. The language levels of pupils in the same class can be different; there are some who know it well, and some who communicate at a lower, beginner level. Teaching is done in small classes, using individualized programs in primary schools as well. The road to Saami education has been long and difficult, and it is especially true to the Inari Saami language, which has approximately 350–400 speakers.

The rest of the article will focus on the Inari Saami language.

The beginnings of teaching Inari Saami go back to 1976, when it became an optional subject for native pupils in lower classes, taught in one lesson per week. Teaching was only "half legal" [Morottaja 2010], cited by [Pasanen 2015, 122] as there was neither legal regulation, nor an established teaching program, so officials did not have a supportive attitude towards it. In the following 20 years not much changed regarding Inari Saami as a school subject, it was taught in ever different schools, ever different classes with a variable number of pupils.

Here is an example for education in Saami from the teaching program of the Utsjoki primary school: "According to the teaching programs, the school is bilingual and multicultural. The languages of education are Northern Saami and Finnish. Bilingualism is present in the life of the school: announcements, information are presented in both languages, events are bilingual, etc. Saami culture is part of our education, current events, cooperation with other Saami schools, and it is considered a special subject, too. Our school fulfils the educational goals set by the municipality (*kunta*)[9] both in the case of the Saami language and Saami education and the Finnish language and Finnish education. In grades 0–6 the language of education is mostly Saami or Finnish, based on the mother tongue of the pupils. Norwegian can be taught in our school as well."

Pupils in the Finnish education system start to learn spelling at the age of 5–6, and follow the syllabic method to learn literacy. They reach full literacy at the age of 8, progressing at their own pace, and the fact that Saami has more phonemes than Finnish does not hinder reaching fluency either. Pupils study in small groups; even in 2015 there were only 9 pupils in preschool or in 1st and 2nd grades, whereas 5 pupils studied together in 3rd to 5th grades. The biggest challenge of Saami education is the lack of teachers. In an Inari school an Inari Saami teacher taught handicraft or physical education in Inari Saami to all Saami pupils, while a Northern Saami teacher taught all their students in Northern Saami. In higher grades Inari Saami has been used since autumn 2010. Since 2015 subjects taught in Saami include Saami language, Mathematics, Biology, Geography, Religion, Healthcare, History and Social Studies. Saami education started in Ivalo in 2014. All in all, Saami education has taken off, but another crucial problem is the lack of materials. The responsible institution is the Bureau of Teaching Materials Development of the Saami Parliament, which is financed by the Finnish Ministry of Education.

The following Inari Saami coursebooks are currently available [Saamelaiskäräjät dokumenttipankki]:

– Inari Saami language for grades 1 to 2

– Inari Saami as a foreign language for grades 1 to 6 and 7 to 9 and secondary school 1st and 2nd course

– Mathematics for grades 1 to 4

– Religion for grades 2 to 3 and 6

– Environment for grades 1 to 4

[9] The smallest administrative unit in Finland is the kunta. Until 1970 it had three different legal variants: city, market town and municipality. According to § 121 of the constitution revised in 2000: "Finland is divided into municipalities, whose administration shall be based on the self-government of their residents" [Suomi jakaantuu kuntiin, joiden hallinnon tulee perustua kunnan asukkaiden itsehallintoon]. Currently there are 311 kuntas, some of them call themselves cities, but it does not indicate any special legal status.

https://web.archive.org/web/20190801202944/http://www.utsjoki.fi/fi/palvelut/opetus--vapaa-aika-ja-kulttuuripalvelut/utsjokisuun-koulu/lukuvuoden-tyoesuunnitelma.php (Last accessed 15.03.2020)

– Biology/Geography for grades 5 to 7
– Geography for grades 7 to 9
– Physics and Chemistry for grade 6
– Social Studies for grade 9
– Feeding Reindeer

Teachers use photocopied materials as well. In many cases written materials are in Finnish, but teaching itself and the discussion of the materials is in Saami.

Each Saami language is affected by the lack of teachers and teaching materials. The most difficult situation concerns the Saami population living scattered in a larger area. Another sensitive topic is the possibilities of using the Saami language. The most prominent domain for using the language is education; teachers pay special attention that children use Saami during lessons, as they speak Finnish outside the classroom. Research has supported the claim that even though pupils appreciate the Saami language and consider it important to transmit the language to their future children, they still speak Finnish among themselves (e.g. Northern Saami speakers, see [Taipale 2012], cited by [Pasanen 2015, 134]).

In Saami classes Finnish is taught in one lesson per week in this educational format. In Finnish lessons focus is on the particularities of the language and text comprehension.

3.6. Vocational education

Vocational training in Saami is given in the Educational Center (*Saamelaisalueen koulutuskeskus*) of the Northern Saami language. In this center, equipped with dormitories, students can learn traditional Saami crafts and trades. The linguistic landscape of the school is Saami or Saami and Finnish. The names of the tools are written in Saami, and on whiteboards we could see explanations in Saami. Vocational education is available not only to school children, but to adults as well. The aim of vocational training besides maintaining language is the survival of traditional Saami crafts and trades; however only a small number of students is involved in this type of education.

3.7. Language teaching for adults

Saami is taught as a second language in adult language programs, and there are two platforms of education: classroom education and online courses. Classroom courses are organized in Saami language areas, whereas online courses are available to Saami living in all territories of Finland. There are different language levels in both types of education, classes are small, and the length of the course is one year. The program is financed by the state, most courses are free for students. The courses are well organized, a technical helper assists and helps to solve every technology-related problem. The maximum number of students is 15 in each group, and they learn Saami using the Finnish language. Most participants do not speak Saami at all. There are many teachers among them, who live in Saami territories and study the language to improve the quality of their teaching. As school curricula are quite flexible in Finland, regional culture can be a part of Finnish language education as well. Another goal is to obtain language skills, which would be useful in the labor market in the future. As bilingualism is guaranteed by law in Saami areas, civil servants have to know the language to a certain degree. In our opinion, this ordainment, together with the provision of language teaching, is an important element of language revitalization, which may play a key role in the successful revival of the language. Most of the adults we interviewed claimed that they studied Saami so that their salary would rise because of the newly acquired language skill.

Another particularly important area besides language teaching is the transmission of traditional Saami culture, which is why *Saamelaisalueen koulutuskeskus* (SAKK) was established. This institution provides not only language courses, but also lessons in traditional Saami lifestyle (tanning and leathercraft, weaving, jewellery, smithing, etc.). Each participant has to enroll in a 36-hour Saami language course and has to master the Saami terminology of their craft.

Inari Saami has also become an academic language. The first two Inari Saami language teachers (MA) graduated in 2013, which means that two dissertations were written in Inari Saami that year.

Since then, the number of such dissertations has increased to well over ten [Pasanen 2015: 136]. Several dissertations have been published on the Saami language, which shows an increasing interest in the Saami languages, not to mention it can also help to raise the prestige of the language.

4. Conclusions

The example of Finland shows that an efficiently working system can be created with individually and parallelly working subsystems in a non-centralized education scheme, which can be adapted to different situations. Majority society, political decision-makers, self-operating and self-conscious civil activity together can create a successful national education system where bilingualism is not only reachable for minorities with significantly different backgrounds, but it is also useful for the whole society, whose task is to provide an opportunity for speakers of endangered languages to revitalize their language.

Received 18.09.2020

Vančo Ildikó,
PhD in Linguistics, Associate Professor
Constantine the Philosopher University in Nitra
Tr. Andreja Hlinku 1, Nitra, Slovakia, 949 01
E-mail: ivanco@ukf.sk

Efremov Dmitry Anatolyevich,
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Udmurt State University
1, ul. Universitetskaya, Izhevsk, Russian Federation, 426034
E-mail: dmitjef@mail.ru

И. Ванчо, Д. А. Ефремов
РЕВИТАЛИЗАЦИЯ СААМСКОГО ЯЗЫКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ФИНЛЯНДИИ

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-617-627

Статья посвящена институциональным аспектам преподавания языков коренных малочисленных народов Финляндии с особым вниманием к вопросам устойчивости и активизации жизни среди саамского меньшинства. Источником исследования послужили материалы, полученные в ходе полевой работы международной исследовательской группы по двуязычному образованию, факультета центрально-европейских исследований Университета имени Константина Философа (г. Нитра, Словакия), проведенной в Финляндии в 2019 году. Целью экспедиции было изучение стратегий ревитализации саамского языка в Финляндии в условиях переключения кодов. Авторы статьи показывают, как правовое регулирование может учитывать образовательные проблемы, возникающие в различных ситуациях. В Финляндии на законодательной основе ведется преподавание двух (финского и шведского) языков; таким образом, все граждане, вне зависимости от национальной принадлежности, изучают оба языка. Для саамского языка закон гарантирует изучение саамами, т.е. он не является обязательным для всех. Система образования предлагает возможности изучения саамского языка в дошкольных образовательных учреждениях, в общеобразовательной школе, а также для отдельных групп, для взрослых работающих граждан. При этом авторы подчеркивают тот факт, что государственное регулирование в Европейском Союзе, в частности, в Финляндии, хотя и является централизованным, тем не менее, программа по ревитализации языка меньшинств успешно реализуется, в первую очередь, с учетом конкретных случаев и вследствие этого – с принятием определенных нормативных актов для решения разных ситуаций. Только общество, лица, принимающие политические решения, активная и сознательная гражданская деятельность могут создать возможность для развития двуязычия для меньшинств в существенно отличающейся ситуации в системе образования государства.

Ключевые слова: саамский язык, двуязычие, переключение кодов, язык коренного народа, ревитализация языка.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, Vol. 14, Issue 4, pp. 617–627. In English.

REFERENCES

A lappok (számik) története. http://finnugor.elte.hu/tortenelem/Egyesnepek/Lapp/lapp.htm (Last accessed 15.03.2020). In Hungarian.

Amoc – vuosmuš https://www.sapmifilm.com/film/30096 (Last accessed 15.03.2020). In Saami and Finnish.

Basic Education Act 21.8.1998./628. https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1998/19980628 (Last accessed 15.03.2020). In English.

Duray Zsuzsa. "If you don't speak the language, you're excluded. You're a tough one, so to say.": Conceptions of being a Sámi today as reflected in interviews on language and identity with Sámi people in Enontekiö, Finland. *Finnisch-ugrische Mitteilungen,* 2018, Vol. 42, pp. 1–51. In English.

Duray Zsuzsa. Az északi számi vizuális nyelvhasználata a finnországi Hettában [The linguistic landscape of Notrhern Saami]. *Folia Uralica Debreceniensia,* 2016, Vol. 23, pp. 17–38. In Hungarian.

Duray Zsuzsa, Horváth Csilla, Várnai Zsuzsa. Visual multilingualism in the Arctic minority context of indigenous urban communities. *Journal de la Société Finno-Ougrienne,* 2017, Vol. 96, pp. 22–74. In English.

Fishman Joshua A. *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages.* Clevedon: Multilingual Matters, 1991. 431 p. In English.

G. Bogár Edit. Nyelv vagy nyelvek? – A számi nyelv(ek) számáról [Language or languages. About the numbers of Saami langugaes]. http://www.regulytarsasag.hu/fv_xxii_1_g_bogar/ (Last accessed 04.09.2020). In Hungarian.

Gál Noémi. *A nyelvi revitalizáció. Elméletek, módszerek, lehetőségek* [Linguistic Revitalization. Theories, Methods, Possibilities]. Kolozsvár: Anyanyelvápolók Erdélyi Szövetsége, 2010. 240 p. In Hungarian.

Gaski Harald. Sámi Culture in the Nordic Countries – Administration, Support, Evaluation. http://www.laits.utexas.edu/sami/diehtu/newera/samiculturenordic.htm (Last accessed 15.03.2020). In English.

Grenoble, Lenore A., Whaley, Lindsay J. *Saving Languages. An Introduction to Language Revitalization.* Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p. In English.

Haugen Einar, Derrick J. McClure, Derick S. Thomson (eds.). *Minority Languages Today.* Edinburgh: Edinburgh University Press, 1990. 250 p. In English.

Holmes Janet, Wilson Nick. *An Introduction to Sociolinguistics (Learning about Language).* London: Routledge, 2017. 504 p. In English.

Kozmács István. A másik hazai nyelv oktatása Finnországban [The teaching of the second domestic language in Finland]. *Magyar Nyelvőr,* 2017, pp. 310–322. In Hungarian.

Magga Ole Henrik, Skutnabb-Kangas Tove. The Saami Languages: the present and the future. 2010. Cultural Survival Quarterly. https://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/saami-languages-present-and-future. (Last accessed 15.03.2020). In English.

Morottaja Matti. Tušes tulkkum [Unnecessary translation]. *Anarâš-lostâ cuánuimáánu,* 2010, p. 2. In Saami.

Olthuis Marja-Liisa, Kivela Suvi, Skutnabb-Kangas Tove. *Revitalising Indigenous Languages: How to Recreate a Lost Generation.* Bristol: Multilingual Matters, 2013, 272 p. In English.

Outakoski Hanna. *Multilingual literacy among young learners of North Sámi: Contexts, complexity and writing in Sápmi.* Umeå: Department of Language Studies Umeå University, Umeå Studies in Language and Literature, 2015, Vol. 27, 127 p. In English.

Pasanen Annika. *Kuávsui já peeivičuová 'Sarastus ja päivänvalo'. Inarisaamen kielen revitalisatio.* [Dawn and daylight. Revitalization of the Inari Sami language]. *Uralica Helsingiensia,* 2015, Vol. 9, Helsinki. 439 p. In Finnish and Saami.

Saamelaiskäräjät dokumenttipankki / Koulutus ja oppimateriaali

[Documentary Bank of Sámi Parliament / Education materials]. https://dokumentit.solinum.fi/samediggi/?f=Dokumenttipankki%2FKoulutus%20ja%20oppimateriaali%2FOppimateriaalit (Last accessed 15.03.2020). In Finnish and Saami.

Saamen kielilaki [Saami Language Law] Law no. 1086/2003. https://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2003/20031086 (Last accessed 29.11.2019). In Finnish and Saami.

Taipale Riitta. *Ohsejoga sámegielat nuoraid giallageavaheapmi* [Language use of Sami-speaking young people in Utsjoki]. Ohcejohka: Sámi Siida ja Ovttas-prošeakta, 2012. 40 p.

Tamás Ildikó. Field, data, access. Fieldwork among the Sámi from the perspective of assimilation and ethnic revitalization processes. *Acta Ethnographica Hungarica,* 2018a, Vol. 63. pp. 95–112. In English.

Tamás Ildikó. Revitalization of the stigmatized roots. How Sami yoik and shamanistic symbols appear in Christian discourses from the early modern age. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2018b, Vol 12, Issue 2, pp. 28–42. In English.

Tamás Ildikó. Lapp csoportoktól a számi nemzetig [From Lapp groups to Saami nation]. http://www.regulytarsasag.hu/fv_xxii_1_tamas/#_ftn34. (Last accessed 4.09.2020). In Hungarian.

Tamás Ildikó. The Colours of the Polar Lights: Symbols in the Construction of Sami Identity. Szilárd Tibor Tóth, Roza Kirillova, Sullõv Jüva (eds.): *Vabahusõ mõistõq Hummogu-Euruupa kirändüisin. Vabaduse kontsept Ida-Euroopa kirjandustes. The concept of freedom in the literatures of Eastern Europe.* Tartu. Võro Instituudi Toimõndusõq, 2017, Vol. 32, pp. 11–54. In English.

Tódor Erika. *A nyelvi revitalizáció lehetőségei. Reflexiók egy szakmai tanulmányút tanulságairól. Pályamunka* [Possibilities of linguistic revitalization. Reflections on conclusions of a scholarly stay. Projectwork]. Kézirat. Magyar Tudományos Akadémia [Manuscript. Hungarian Academy of Sciences], Budapest, 2019.

Tóth Sándor János. Postoj k dvojjazyčnosti v Slovenskom Komlóši [Attitudes on bilingualism in Slovenský Komlóš]. *Aktuálne problémy slovakistiky* [Actual problems of Slovak Studies], Budapest: ELTE BTK, 2007, pp. 166–171. In Slovak.

Utsjokisuun koulun työsuunnitelma. https://web.archive.org/web/20190801202944/http://www.utsjoki.fi/fi/palvelut/opetus--vapaa-aika-ja-kulttuuripalvelut/utsjokisuun-koulu/lukuvuoden-tyoesuunnitelma.php (Last accessed 10.09.2020). In Finnish.

Поступила в редакцию 18.09.2020

Ванчо Илдико,
доктор философии (лингвистика), доцент
Университет им. Константина Философа
949 01, Словакия, г. Нитра, тр. Андрея Глинки 1
E-mail: ivanco@ukf.sk

Ефремов Дмитрий Анатольевич,
кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1
e-mail: dmitjef@mail.ru

УДК 811.51

Ю. В. Норманская

КОМИ-ЯЗЬВИНСКИЙ – ДИАЛЕКТ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ИЛИ ОТДЕЛЬНЫЙ ЯЗЫК?[1]

Вопрос о статусе коми-язьвинского языка и близости его к коми-пермяцким диалектам в настоящее время остается открытым. Существуют противоречивые мнения: лингвисты к. XIX – нач. XX вв. считали его диалектом; в нач. XXI в. мнения разделились, и часть специалистов придерживаются гипотезы, что это отдельное наречие или даже язык. В настоящее время на платформе ЛингвоДок разработаны специальные программы, воспроизводящие работу этимолога с большими данными, и представлены 16 словарей диалектов коми языков, объединенных этимологическими связями. Это – аудиословари, материалы для которых собраны в полевых условиях в 2015–2018 гг., и архивные словари XVIII–XIX вв. В результате их обработки с помощью специальной сравнительно-исторической программы по фонетическо-этимологическим критериям было установлено, что расстояние от коми-язьвинского диалекта до современных диалектов коми-зырянского и коми-пермяцких языков значительно больше, чем между ними, поэтому с точки зрения фонетических изменений коми-язьвинский в настоящее время считается отдельным языком, наиболее близким коми-пермяцким словарям, записанным П. С. Палласом и Никитой Овчинниковым в XVIII в. Как показывает проведенный анализ, 250 лет назад коми-язьвинский и коми-пермяцкий языки имели лишь незначительные диалектные различия, но за последующие два века коми-пермяцкие диалекты претерпели инновационные изменения, сблизившие их с коми-зырянскими диалектами Республики Коми, а коми-язьвинский язык сохранился в архаичном состоянии: в нем представлены особенности, характерные для коми-пермяцких первых словарей XVIII в.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, коми-язьвинский язык, коми-зырянский язык, этимология, фонетика, лингвистические платформы, компьютерные статистические методы анализа, генетическое родство языков.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-628-641

Вопрос о степени доказательности той или иной генетической классификации языков и диалектов неоднократно ставился лингвистами. Он касается и определения степени близости родства как достаточно далеких языков, так и близкородственных языков и диалектов. В настоящее время наиболее разработана точка зрения наличия четких алгоритмов, реализованных в виде компьютерных программ и классификации языков по количеству родственных слов, между которыми можно установить регулярные соответствия в 100-словном или в 110-словном списке Сводеша. С. А. Старостин разработал специальную формулу скорости распада языков в зависимости от количества различий в списках базисной лексики; на основании этой фор-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание уральских языков на основе больших данных».

мулы был создан алгоритм построения деревьев языкового родства, реализованный в СУБД Starling (starling.rinet.ru), см. подробнее [Бурлак, Старостин 2005].

Однако большинство компаративистов, особенно на Западе, не вполне доверяет классификации языков, созданной на основе анализа стословных списков (о противоречиях, которые возникают при классификации по 100-словным списка по сравнению с традиционным подходом, подробнее см. в [Беликов 2009]).

При этом традиционный подход к генетической классификации языков, основанный, в первую очередь, на анализе общих фонетических и морфологических инноваций и используемый большинством ученых-компаративистов до сих пор, не был алгоритмизирован и компьютеризирован, а потому его применение могло варьироваться в зависимости от личности ученого.

Приведем пример такого варьирования и неоднозначности мнений при классификации коми языков. Как указывают Р. В. Гайдамашко и Ю. А. Шкураток [Гайдамашко, Шкураток 2019: 577], «на протяжении более 130 лет изучения коми-язьвинцев выдвигалось множество различных точек зрения на статус коми-язьвинского идиома; приведем лишь некоторые из них:

• восточно-пермяцкий диалект – die ost-permische Mundart [Genetz 1897];

• коми-язьвинский диалект (одинаково далеко отстоящий от коми-зырянского и коми-пермяцкого) [Лыткин 1955, 6; 1961, 3];

• восточно-пермяцкий диалект – keleti permják nyelvjárás (вслед за А. Генетцем) [Kövesi 1965, 9];

• коми-язьвинский язык (один из четырех языков пермской группы) [Кривощекова-Гантман 2006, 90];

• коми-язьвинское наречие (наряду с коми-зырянским и коми-пермяцким, но одинаково далеко отстоящее от обоих) [Тепляшина, Лыткин 1976, 106];

• коми-язьвинское наречие (в языковом отношении одна из трех разных групп) [Хайду 1985, 54];

• диалект коми языка (наряду с коми-зырянским и коми-пермяцким) [Туркин 1995, 288];

• язьвинский диалект (хотя и считается коми-пермяцким, на самом деле может быть противопоставлен всем остальным коми диалектам) [Напольских 1997, 58–59];

• коми-язьвинский тополект – Jaźvan komi päämurre (наряду с коми-зырянским и коми-пермяцким) [Bartens 2000, 9];

• коми-язьвинское наречие (одно из четырех наречий коми-пермяцкого языка) [Баталова 2002, 134];

• коми-язьвинский язык (четвертый язык пермской группы) [Чагин 2002, 26];

• коми-язьвинский язык («я вполне могу разделять желание носителей коми-язьвинского наречия выделить свою речь как самостоятельный язык, отличный и от коми-зырянского, и от коми-пермяцкого (это их священное право!)») [Кельмаков 2004, 145];

• восточно-пермяцкий (язьвинский) диалект – ostpermjakischer (Jazva-)Dialekt (одна из трех групп зырянских диалектов) [Csúcs 2005, 20];

• коми-язьвинское наречие (одно из трех наречий коми диалектного континуума) [Цыпанов 2008, 72];

• коми-язьвинский язык [Усачёва 2019, 151]».

Авторы статьи [Гайдамашко, Шкураток 2019] сами указывают, что коми-язьвинский язык, с точки зрения морфологии более близкий к коми-пермяцкому языку, «отличается от других коми языков наличием не только 8-фонемной архаичной системы гласных и «качественно-вокального» ударения, но и некоторой базисной лексики, сближающей его с другими финно-угорскими языками».

Таким образом, становится ясно, что в настоящее время фонетические и лексические критерии довольно размыты и не дают возможности четко ответить на вопрос о генетической классификации коми языков.

На платформе ЛингвоДок (lingvodoc.ispras.ru) в настоящее время в открытом доступе находятся около 500 словарей и корпусов, созданных на основании аудиословарей, собранных в полевых условиях в формате .wav, и архивных записей по уральским и алтайским языкам. Этот материал позволил нам приступить к разработке программ анализа данных для уточнения транскрипций языковых данных (ранее транскрибирование для коми языков было выполнено «на слух», без привлечения фонетических программ), этимологического анализа и построения классификаций на основании обсчета фонетических инноваций в близкородственных языках и диалектах.

Несколько похожих больших компьютерных проектов по сравнительно-исторической лингвистике существуют на Западе. Но они основаны на лингвистических данных гораздо меньшего объема и на менее аккуратных и детализированных методах по сравнению с теми, которые были разработаны нами. В качестве такого примера можно упомянуть “Language Evolution: The Empirical Turn” (EVOLAEMP) – проект по моделированию эволюции языков под руководством Г. Ягера (Тюбинген). Но следует отметить, что он основывается на материалах баз данных, взятых из традиционных словарей и представленных на сайтах http://ielex.mpi.nl/ (для индоевропейских языков), для http://starling.rinet.ru/ (для других языков мира). Для уральских языков на сайте http://starling.rinet.ru/ база данных создана на основе словаря [RÉDEI 1986-1991].

С точки зрения компьютерных методов анализа в проекте EVOLAEMP предлагается лишь один инструмент, который дает возможность широкого сравнения между многими языками мира. Но более низкое качество материала, привлекаемого к анализу, его маленький объем для каждого из языков, и недостаточно детально разработанные методы приводят к тем результатам, которые официально представлены на сайте проекта EVOLAEMP (http://www.evolaemp.uni-tuebingen.de/): например, русский язык оказался более близок к сербо-хорватскому и словенскому, чем к белорусскому, а польский, македонский и словацкий языки также более близки к русскому, чем украинский (http://strauss.sfs.uni-tuebingen.de:8080/lang/russian/). Результат анализа уральских языков с помощью методики, разработанной в рамках проекта EVOLAEMP (http://strauss.sfs.uni-tuebingen.de:8080/lang/finnish/), показывает бóльшую близость финского языка к венгерскому, чем к северному и Инари саамским языкам, которым он близкородственный. Такой результат, несомненно, абсурден. Методы, используемые в EVOLAEMP и ASJP, основываются на оценке сочетаемости символов посредством точечной взаимной информации (т.е. на простой мере из теории информации, не учитывающей ряда свойств сопоставляемых слов: контекста символов, звуковых качеств символов и др.). Эти методы представляют собой значительное улучшение подходов, использовавшихся в предыдущем десятилетии, таких, как измерение расстояний Левенштейна и сравнение символов. Однако у этих методов есть ряд важных недостатков: они по определению не способны к уточнению транскрипции на основании анализа звукового материала; они не принимают во внимание фонетические особенности звуков, обозначаемых теми или иными символами в транскрипции, и возможности или невозможности регулярных соответствий между ними; транскрипции в материале, привлекаемом к анализу, сделаны не на основании инструментального анализа имеющегося звука, а в результате субъективных решений конкретного ученого, создавшего словарный список.

В рамках другого компьютерного европейского проекта LingPy предлагается программное обеспечение с открытым кодом, частично пересекающееся с функциями, предоставленными в EVOLAEMP. Эти инструменты предоставляют пользователю возможность оперировать данными в основном с помощью подсчета расстояний Левенштейна, и связь с программными пакетами из биоинформатики для построения филогенетических деревьев. Более качественное программное обеспечение, основанное на сочетании статистического и теоретико-информационного методов, разработано в Университете Беркли в 2007–2011 гг. под руководством Д. Клейна. Однако эти методы, протестированные на небольшом объеме лингвистических данных, не являются открытыми и не доступны для экспериментов.

Отличие программ на платформе ЛингвоДок от вышеперечисленных проектов состоит в том, что 1) к анализу привлекаются непосредственно звуковые данные и в значитель-

но большем объеме для каждого языка, их анализ проводится с помощью экспериментально-фонетической программы и специальной компьютерной программы *Phonology* (см. подробнее ниже), которая позволяет оценить качество выполненной транскрипции на основе анализа спектрограмм, выявить ошибки и уточнить ее; 2) анализ близости диалектов базируется на основании обсчета материала, значительно превышающего вышеперечисленные базы данных и соединенного этимологиями; 3) программы, созданные на платформе ЛингвоДок, основаны не на статистических алгоритмах, – они полностью воспроизводят традиционный этимологический анализ.

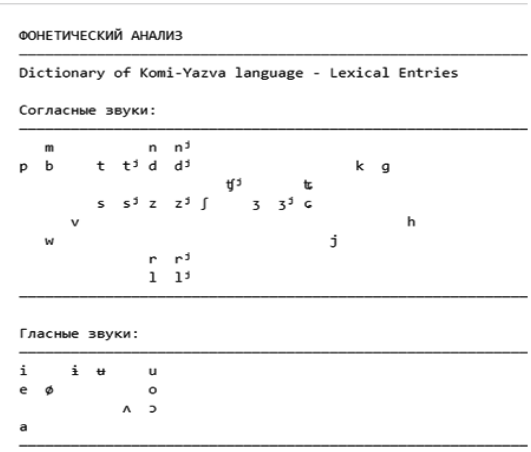
Ниже описаны принципы алгоритмов, используемые для создания программ анализа данных на ЛингвоДоке, а также приводятся результаты обработки с помощью этих программ архивных и аудиословарей коми языков.

Принципы алгоритма уточнения фонетической и фонологической транскрипции на платформе ЛингвоДок

В настоящее время для уточнения фонетической и фонологической транскрипции на платформе ЛингвоДок разработаны следующие алгоритмы. Для любого словаря на платформе ЛингвоДок есть возможность подгрузки к каждой словоформе спектрограммы, размеченной в фонетической программе Праат на отдельные звуки. После загрузки спектрограмм в систему можно выбрать в словаре опцию Tools > Phonology и запустить анализ данных спектрограмм всех словоформ. На выходе в меню Task будет получен файл в формате *.xlsx*, в котором на первой странице для каждого гласного будет дана информация о его длительности, интенсивности, числовых показателях первой, второй и третьей формант. На второй странице файла будет проведен анализ, какие формантные показатели характерны для всех аллофонов той или иной фонемы; на третьем листе будет построен 2D-график формант гласных, дополнительно в результате работы программы *Phonology* будет получен также 3D-график облаков формант гласных в формате *.png*.

По этим графикам можно наглядно увидеть, насколько корректно выполнена транскрипция. Если облака двух гласных имеют большую область пересечения, то, вероятно, их различение проведено неверно. Таким образом, графики позволяют выявить ошибки транскрибирования с помощью анализа синхронного материала. Второй этап проверки правильности транскрипции выполняется с помощью этимологического анализа, и о нем будет сказано в следующем разделе.

После проверки правильности транскрипции с помощью синхронного фонетического анализа на платформе ЛингвоДок есть возможность запустить программу выявления аллофонов одной и той же фонемы, для которых автор словаря не заметил распределения на первом этапе и счел их вариантами разных фонем. Проанализировать материал с помощью этой программы можно, открыв словарь и выбрав опцию *Tools > Phonemic analysis*. В результате обработки материала словаря программа выдает как результат 1) фонологические системы гласных и согласных звуков (Рис. 1), 2) таблицы сочетаемости фонемы и 3) примеры на каждое из возможных сочетаний фонем (Рис. 2).


ФОНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Dictionary of Komi-Yazva language - Lexical Entries

Согласные звуки:

	m			n	nʲ						
p	b		t	tʲ	d	dʲ				k	g
						ʧʲ		ʦ			
			s	sʲ	z	zʲ	ʃ	ʒ	ʒʲ	c	
	v										h
	w								j		
				r	rʲ						
				l	lʲ						

Гласные звуки:

i		ɨ	ʉ	u
e	ø			o
		ʌ	ɔ	
a				

Рис. 1. Фонологические системы гласных и согласных звуков в коми-язьвинском языке, автоматически полученные в ЛингвоДоке

Анализ этих таблиц позволяет выявить фонемы, которые находятся в дополнительном распределении и могут быть признаны аллофонами.

Принципы алгоритмов этимологического анализа на платформе ЛингвоДок

1) На первом этапе для каждого символа из транскрипции алгоритм обсчитывает его соответствия в словах из других диалектов этого же языка, связанных этимологиями с настоящим словарем. Высвечивается меню, в котором автор отмечает, с какими словарями он хочет обсчитать сравнения:

а) обсчитываются корни, исходя из того, что в них первый гласный (сочетание гласных) соответствует первому гласному (сочетанию гласных), первый согласный (сочетание согласных) соответствует первому согласному (сочетанию согласных), второй согласный – второму. На выходе получаем для каждой пары идиомов список соответствий. У автора словаря есть возможность его скачать, проанализировать, проверить правильность транскрипций и этимологий, которые привели к нестандартным рядам соответствий, и внести корректировки в транскрипцию и этимологию. Далее алгоритм перезапускается повторно уже на материале, выверенном автором;

б) алгоритм оценивает, есть ли фонемы, у которых два и более соответствий во втором диалекте. Если две или более фонем из рассматриваемого словаря соответствуют одной фонеме из другого, рассматривается, нет ли позиционного распределения между ними, не учтенного на 1-м этапе. По факту этого обсчета система выдает в формате Excel список соответствий между двумя диалектами с возможными правилами распределения;

2) соотнесение формантных облаков гласных с их соответствиями:

а) для каждой гласной, у которой два и более соответствия в другом диалекте, выясняется, как формантные точки, обозначающие гласные, соответствующие первой vs. второй vs. третьей и т.д. фонеме на графике, распределены по облаку. На выходе – N графиков в формате 3D в Excel (N = кол-во гласных), на каждом графике разными цветами обозначены точки, соответствующие разным гласным; к каждому графику прилагается расшифровка по словам с переводом, транскрипцией и значениями формант и указанием на цвет точки. Если оказывается, что на каком-то графике для фонемы *X* точки разного цвета пересекаются менее, чем на 30 %, алгоритм предлагает разделить эту фонему на две или три разных. Эти графики и предложения алгоритма автор словаря имеет возможность скачать и изучить;

б) если оказывается, что две или три фонемы из рассматриваемого словаря соответствуют одной фонеме из другого диалекта, выясняется, как формантные точки, обозначающие первую, вторую, третью гласную, распределены по облаку. На выходе – N графиков в формате 3D в Excel (N = кол-во гласных в другом диалекте, которым соответствует более одной гласной в рассматриваемом), на каждом графике разными цветами отмечены точки, обозначающие разные фонемы, к каждому графику прилагается расшифровка по словам с переводом, транскрипцией и формантами и указанием на цвет точки. Если оказывается, что на каком-то графике две или три фонемы пересекаются более, чем на 30 %, алгоритм предлагает объединить эти фонемы. Эти графики и предложения алгоритма автор словаря имеет возможность скачать и изучить;

в) далее у авторов словарей появляется возможность с учетом полученных данных уточнить транскрипцию. После внесения изменений такой обработки алгоритм переходит на следующий этап.

Пункты 1 и 2 повторяются циклически для всех диалектов одного языка или для ряда родственных языков, по желанию автора словаря.

Эти программы позволяют в полуавтоматическом режиме обрабатывать большие массивы словарных данных (15–20 тыс. единиц) для установления фонологических систем идиомов, фонетические словари которых введены в ЛингвоДок, и соединения этимологическими связями, выделения рядов соответствий и дополнительных распределений между ними на материале фонетических словарей диалектов одного языка и языков близкородственных. Эта функция необ-

ходима при обработке диалектных материалов; ее обычно очень не хватает диалектологам для выяснения полного набора рядов соответствий в однотипном материале. Пока что эта функция ЛингвоДока, насколько нам известно, не имеет аналогов в других системах.

В результате анализа материала с помощью алгоритма *Cognate analysis* получаются ряды соответствий для гласных и согласных звуков. Для примера приведем результаты этимологического анализа в коми диалектах. Примеры слов, в которых представлены соответствия, можно найти на платформе ЛингвоДок, открыв любой словарь коми языка и выбрав опцию *Tools > Cognate analysis*. Ниже приведены уже обобщенные версии таблиц, где соответствия в анлауте и инлауте по возможности обобщены в единый ряд. В онлайн-таблицах даются ряды соответствий по гласным и согласным для анлаута и инлаута, в которых еще учитываются сочетания гласных и согласных, опущенные нами в статье для экономии места. Следует отметить, что в Табл. 1 мы уже провели анализ появления особых рядов в позициях перед мягкими согласными и в анлауте и объединили их с рядами, представленными в нейтральной позиции, в одну строку, указывая на позиции появления рефлексов.

В настоящее время на платформе ЛингвоДок этимологиями соединены 16 словарей диалектов коми языков. Это **аудиословари**, материалы для которых собраны в **полевых условиях** в 2015–2018 гг., и **архивные словари XVIII-XIX вв.:**

Коми-пермяцкий язык:

северное наречие: **1.** Коми-пермяцкий словарь из записей П. С. Палласа, XVIII в., собранных А. М. Шёгреном, хранящийся в петербургском филиале архива РАН (латинский шрифт). **2.** Коми-пермяцкий словарь из записей П. С. Палласа, XVIII в., собранных А. М. Шёгреном, хранящийся в петербургском филиале архива РАН (кириллический шрифт). **3.** Словарь по «Первоначальному учебнику русского языка для чердынских пермяков», 1906 (северное наречие). **4.** Словарь, составленный по Списку русских слов с переводом на пермякский (Чердынский окр.) за подписью Никиты Овчинникова, конец XVIII в. **5.** Аудиословарь северного мысовского диалекта коми-пермяцкого языка (пос. Жемчужный, Гайнский муниципальный округ, Пермский край), 2015.

южное наречие: **6.** Словарь иньвенского диалекта, составленный по «Первоначальному учебнику русского языка для (северо-восточных, иньвенских) пермяков», 1896. **7.** Аудиословарь нижнеиньвенского диалекта (с. Доёг, Юсьвинский муниципальный округ, Пермский край), 2017. **8.** Аудиословарь южного кудымкарского диалекта коми-пермяцкого языка (с. Большая и Малая Серва, Кудымкарский муниципальный округ, Пермский край), 2015.

Коми-язьвинский язык: 9. Аудиословарь коми-язвинского языка (Красновишерский район, Пермский край), 2015.

Коми-зырянский язык:

северное наречие, ЯНАО: **10.** Аудиословарь ижемского диалекта коми-зырянского языка (с. Белоярск, Приуральский район, ЯНАО), 2012.

северное наречие, Республика Коми: **11.** Аудиословарь верхне-вычегодского диалекта коми-зырянского языка (с. Маджа, Корткеросский район, Республика Коми), 2020. **12.** Аудиословарь усть-вымского диалекта коми-зырянского языка (д. Туискерес, Усть-Вымский район, Республика Коми), 2020.

южное наречие, Республика Коми: **13.** Словарь верхнесысольского диалекта коми-зырянского языка (с. Грива, Койгородский район, Республика Коми), 2020. **14.** Словарь среднесысольского диалекта коми-зырянского языка (с. Ыб, Сыктывдинский район, Республика Коми), 2020. **15.** Коми-зырянский словарь из записей П. С. Палласа, XVIII в., собранных А. М. Шёгреном, хранящийся в петербургском филиале архива РАН (кириллический шрифт). **16.** Коми-зырянский словарь из записей П. С. Палласа, XVIII в., собранных А. М. Шёгреном, хранящийся в петербургском филиале архива РАН (латинский шрифт).

Решение привлечь к анализу архивные тексты обусловлено, во-первых, достаточно высокой точностью отражения в них фонетических противопоставлений (см. разбор рефлексов

ниже); во-вторых, эти данные важны как одни из первых письменных источников по языкам коми; именно по ним можно проследить, изменились ли языки за последние 100–250 лет. Это достаточно важно, поскольку в литературе (см. выше перечень работ, посвященных анализу диалектной принадлежности коми-язьвинского языка) часто высказывается мысль о том, что коми-язьвинский диалект отделился от коми-пермяцких диалектов не так давно, поэтому сравнение его с коми-пермяцкими источниками XVIII–XIX вв. представляется информативным.

В левом столбце дана реконструкция ПКоми, предложенная нами в транскрипции МФА. Она стала возможной после сравнительно-исторического современных полевых материалов в транскрипции МФА.

Таблица 1

Рефлексы гласных первого слога в коми языках
(«основные ряды», составленные с помощью автоматического анализа в ЛингвоДоке)

Пра Коми	**коми-пермяцкий**								**коми-язьв** 2015	**коми-зырянский**				
	северный					**южный**				**сев.** Паллас (кир.)	**южн.** Паллас (лат.)	**ЯНАО**	**сев.**	**юж.**
	Паллас (лат.) XVIII	Паллас (кир.) XVIII	Черд. 1906	Черд. XVIII	мысов. 2015	Иньв 1896	Н.-иньв. 2017	Кудым 2015				иж-ем. 2012	в.-выч. у.-вым. 2020	ср.-сыс. в.-сыс. 2020
**i*	*i*	*i*	*i*	*i*	*i*	*i*	*i*	*i*	*i*	*i*	*i*	*i*	*i*	*i*
**ɨ*	*ɨ (_и)*	*ɨ*	*ɨ (iC')*	*ɨ (iC')*	*ɨ (iC')*	*ɨ (iC')*		*ɨ (iC', ɕi)*	***ʌ (!)***	*ɨ*	*ɨ (_и)*	*ɨ*[2]	*ɨ*	*ɨ*
**и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*	*и*		*и*
**ӥ*	***и (!)***	*и*	*и*	***ɨ***	*и*	*и*	*и*	*и*	***и (!)***	*и*	***ø***	*и*	*и*	*и*
**o̭*	*o / **и (!)***		*o*	***и (!)***	*o*	*o*	*o*	*o / **ʊ (!)***	***и (!)***	*o*	*o*	*o*	*o*	*o*
**o*	*o*	*o*	*o*	*o*	*o*	*o*	*o*	*o*	*o*	*o*	*o*	*o*	*o*	*o*
**e*	*e*	*e*	*e*	*e*	*e*	*e*	*e*	*e*	*e*	*e*	*e*	*e*	*e*	*e*
**ḙ*	*e*	*ѣ*	*e*	***i (!)***	*e*	*e*	*e*	*e*	***i (!)***	*e*	*e*	***i (!)***	***i (!)***	***i / e (!)***
**œ*	*ø*	*(э)*	*ø*	***и (!)***	*ə*	*ø*	*ə (_ø)*	*ə*	***и (!)***	*ø*	*o (_ɨ)*	*ə*	*ø/e*	*ə (_ø)*
**ə*	***ø (!)***	*e*	***ø (!)***	*ɨ/(и)*	*ə*	***ø (!)***		*ə*	***ø (!)***	*ɨ*	***ø (!)***	*ə*	*ɨ*	*ɨ*
**ø*	*ø*		*ø*		*ø*	*ø*	*ø*	*ø*	*ø*	*ø*		*e (_ø)*	*ø*	*ø*
**a*	*a*	*a*	*a*	*a*	*a*	*a*	*a*	*a*	*a*	*a*	*a*	*a*	*a*	*a*

Для сравнения авторы [Лыткин, Гуляев 1970] во введении к словарю приводят следующие ряды соответствий. В левом столбце мы привели номера рядов, полученных нами (соот-

[2] ɨ > i (_C', ɕ, s'_)

несение производилось по конкретным лексемам, перечисленным в [Лыткин, Гуляев 1970] для каждого ряда).

Таблица 2

Соответствия гласных первого слога по [Лыткин, Гуляев 1970]

Номера рядов из Табл. 1	виш., воств.	коми-язьв.	ост. диал.
**a*	*a*		
**ø*	*ȯ*	*e̱*	
**o*	*o̱*	*o*	
**ʊ*	*o̱*	*i̇*	*o*
**e*	*e̱*	*e*	*e*
**ê*	*e*	*i*	*e*
**æ*	*ȯ*	*ȯ*	*e̱*
**ə*	*ȯ*	*ш*	*e̱*
**ɨ*	*ш*	*ө*	*i̱*
**i*	*i*		
**u*	*u*		

Как можно видеть, авторы [Лыткин, Гуляев 1970] не восстанавливали особого ряда для ПКоми **ы, *ø*. Вероятно, отсутствие в реконструкции ПКоми **ы* связано с тем, что этот ряд имеет особые соответствия только в коми-язьвинском диалекте и первых словарях и книгах, которые не привлекались к анализу на этапе создания [Лыткин, Гуляев 1970]. На сайте lingvodoc.ispras.ru в результатах опции Tools > Cognate analysis для любого коми словаря можно видеть, что оба новых ряда иллюстрирует достаточное количество примеров: ПКоми **ы* – 21 пример, ПКоми **ø* – 33 примера. В результате нашего исследования удалось уточнить не только количество гласных в Пкоми языке, но и их качество, поскольку теперь есть возможность с помощью экспериментально-фонетических программ установить более точно характер гласных в современных диалектах.

Как видно из табл. 1, в аудиоматериалах коми-язьвинского языка уникальные вокалические рефлексации (помечены полужирным шрифтом и восклицательным знаком) встречаются значительное чаще, чем в других современных коми диалектах. Привлечение материалов словарей и книг XVIII в. показывает, что схожие рефлексы, утраченные в современных коми-пермяцких и коми-зырянских аудиословарях, отмечены и в них:

ПКоми **ы* > коми-язьв. ы, к-.п. Паллас лат. (XVIII в.) *ы*, к.-зыр. Паллас лат. (XVIII в.) *ø*;

ПКоми **o̱* > коми-язьв. u; к-.п. Паллас лат. (XVIII в.) *u*; к.-п. чердын. (XVIII в.) *u*;

ПКоми **æ* > коми-язьв. ы; к.-п. чердын. XVIII в. *ы*;

ПКоми **ə* > коми-язьв. ø, к-.п. Паллас лат. (XVIII в.) *ø*, к.-п. чердын. XVIII в. ø, к.-п. иньвен. 1896 *ø*, к.-зыр. Паллас лат. (XVIII в.) *ø*.

С учётом, что все эти фонемы по [Лыткин, Гуляев 1970] имеют особые внешние соответствия в удмуртском языке, становится ясно, что в коми-язьвинском сохранились архаические рефлексации, которые были свойственны частично коми-зырянским и, в большей степени, северным коми-пермяцким диалектам в XVIII в. Лишь развитие ПКоми **i̱* > коми-язьв. л является уникальной чертой, параллелей для которой в коми-пермяцких и коми-зырянских книгах и рукописях XVIII–XIX вв. пока не найдено.

Таблица 3

Рефлексы анлаутных согласных в коми языках («основные ряды», составленные с помощью автоматического анализа в ЛингвоДоке)

коми-пермяцкий								коми-яз. 2015	коми-зырянский			
		северный			южный							
К.-п. Паллас (лат.)	К.-п. Паллас (кир.)	Черд. 1906	Черд. XIX в.	Мысов 2015	Иньв 1896	Н.-иньв. 2017	Кудым 2015		К.-п. Паллас (кир)	К.-п. Паллас (лат)	ЯНАО 2012	Коми Республика 2020
m	*m*	*m*	*m*	*m*	*m*		*m*	*m*	*m*	*m*	*m*	m
n	*n*	*n*	*n*	*n*	*n*		*n*	*n*	*n*	*n*	*n*	*n*
		n^{j}		*n*^{j}	*n*^{j}	*n*^{j}	*n*^{j}	*n*^{j}	*n*^{j}		*n*^{j}	
p	*p*	*p*	*p*	*p*	*p*	*p*	*p*	*p*	*p*	*p*	*p*	*p*
b	*b*	*b*	*b*	*b*	*b*	*b*	*b*	*b*	*b*	*b*	*b*	*b*
t	*t*	*t*	*t*	*t*	*t*	*t*	*t*	*t*	*t*	*t*	*t*	*t*
d		*d*	*d*		*d*		*d*	*d*	*d*	*d*	*d*	
k	*k*	*k*	*k*	*k*	*k*	*k*	*k*	*k*	*k*	*k*	*k*	*k*
g	*g*	*g*	*g*	*g*	*g*	*g*	*g*	*g*	*g*	*g*	*g*	*g*
s	*s*	*s*	*s*	*s*	*s*	*s*	*s*	*s*	*s*	*s*	*s*	*s*
s	*s*	*s*	*s*	**ɛ (!)**	*s*	**ɛ (!)**	**ɛ (!)**	*s*^{j}	*s*	*s*	*s*^{j}	**ɛ (!)**
		z		*z*	*z*		*z*	*z*		*z*	*z*	
ʃ	*ʃ*	*ʃ*	*ʃ*	*ʃ*	*ʃ*	*ʃ*	*ʃ*	*ʃ*	*ʃ*	*ʃ*	*ʃ*	*ʃ*
		ʒ		*ʒ*	*ʒ*		*ʒ*	*ʒ*		*ʒ*	*ʒ*	
tɛ		*tɛ*		*tɛ*	*tɛ*	*tɛ*	*tɛ*	*tɛ*	*tɛ*	*tɛ*	*tɛ*	
v	*v*	*v*	*v*	*v*	*v*	*v*	*v*	*v*	*v*	*v*	*v*	*v*
0		*0*	*0*		*0*	*0*	*0*	*0*	*v*	*v*	*v*	*v*
j	*j*	*j*	*j*	*j*	*j*	*j*	*j*	*j*	*j*	*j*	*j*	*j*
r		*r*	*r*	*r*	*r*	*r*	*r*	*r*	*r*	*r*	*r*	
l	*l*	*l*	*l*	*l*	*l*		*l*	*l*	*l*	*l*	*l*	*l*
l	*l*	*l*		*l*	***v* (!)**	***v* (!)**	***v* (!)**	*l*	*l*	*l*	*l*	*l*

Авторы [Лыткин, Гуляев 1970] специально не останавливаются на различиях систем согласных звуков в коми языках. Анализ рефлексов вокализма в современных диалектах показал, что ПУ **ś* в ряде случаев имеет рефлекс *ɛ* в коми-пермяцких и коми-зырянских диалектах Республики Коми. В коми-язьвинском языке, в ижемском диалекте коми-зырянского языка в ЯНАО, в первых книгах и словарях XVIII–XIX вв. такое развитие не представлено. Еще одной особенностью коми-язьвинского языка является переход ПКоми **l* > *v* южных коми-пермяцких диалектах.

Принципы алгоритма классификации диалектов по этимологико-фонетическим различиям на платформе ЛингвоДок

На основании проведенного анализа по уточнению фонетической и фонологической транскрипции и обсчету регулярных соответствий в словах родственных языков, связанных между собой этимологиями, на следующем этапе проводится программа определения этимологико-фонетической близости идиомов.

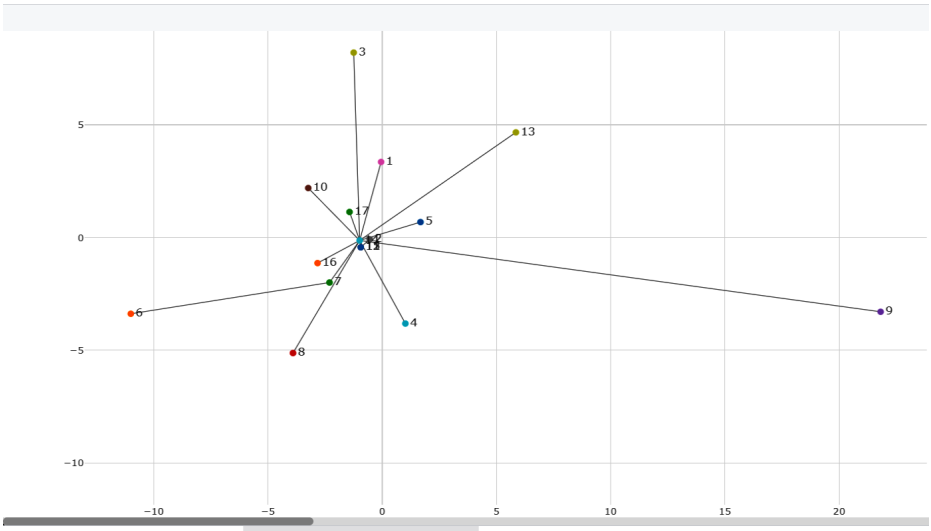
Расчет производится между словами звуковых словарей в программе ЛингвоДок, связанных как *cognates* (этимологически родственные), причем слова записаны в транскрипции МФА. Сначала выявляются ряды неединичных соответствий в выбранной группе идиомов (словарей). Отдельно порождаются такие ряды для гласного первого слога и для согласного первого слога (так же, как при анализе соответствий). Далее алгоритм идёт по всем этим рядам и вычисляет попарные различия между соответствующими друг другу в разных языках фонемами. Под «расстоянием» между двумя фонемами понимается условное число фонетических переходов, вообразимых в ходе фонетической эволюции. Оно определяется числом дискретных различий в месте образования, способе образования, глухости-звонкости (для согласных), огубленности (для гласных), а также наличии-отсутствии какого-либо коартикуляционного признака (палатализованность и т.д.). Внешне расстояние соответствует числу одинарных сдвигов по горизонтали и вертикали в таблицах МФА (с рядом поправок). Порождаются три матрицы (для гласных анлаута и первого слога и анлаутных согласных), а также суммарная.

Таблица 4

Суммарная матрица этимологико-фонетических различий, автоматически составленная в ЛингвоДоке

	коми-пермяцкий								**к.-яз. 2015**	**коми-зырянский**			
			северный			**южный**							
	К.-п. Паллас (лат.)	К.-п. Паллас (кир.)	Черд. 1906	Черд. XIX в.	Мысов 2015	Иньв 1896	Н.-иньв. 2017	Кудым 2015		К.-п. Паллас (кир)	К.-п. Паллас (лат)	ЯНАО 2012	Коми Респ. 2020
К.-п. Паллас (лат.)	0	0	2	10	10	11	16	19	14	12	8	9	13–15
К.-п. Паллас (кир.)	0	0	0	0	6	9	15	15	6	0	0	0	6
Черд. 1906	2	0	0	12	10	15	16	21	**32**[3]	12	12	9	11
Черд. XIX в.	10	0	12	0	13	12	11	13	16	11	9	11	12
Мыс. 2015	10	6	10	13	0	21	10	14	**42**	14	19	20	5
Иньв 1896	11	9	15	12	21	0	7	14	**47**	21	21	18	11–13
Н.-иньв 2017	16	15	16	11	10	7	0	1	20	16	15	0	0
Куд. 2015	19	15	21	13	14	14	1	0	**46**	23	28	**30**	5
К.-яз.	14	6	**32**	16	**42**	**47**	20	**46**	0	22	27	**34**	25–27
К.-п. Паллас (кир)	12	0	12	11	14	21	16	23	22	0	9	2	6–10
К.-п. Паллас (лат)	8	0	12	9	19	21	15	28	27	9	0	9	14–16
ЯНАО 2012	9	0	9	11	20	18	16	**30**	**34**	2	9	0	7
Коми Респ. 2020	13–15	6	11	12	5	11–13	0	5	25–27	6–10	14–16	7	0

[3] Здесь и далее полужирным шрифтом помечены цифры, которые больше 30.



Aa 1: Словарь коми-пермяцкого языка П. С. Палласа, XVIII в. из архива А. М. Шёгрена (латинница) – Лексические входы (175 форм = 14 % от числа соотв.)
Aa 2: Словарь коми-пермяцкого языка П. С. Палласа, XVIII в. из архива А. М. Шёгрена (кириллица) – Лексические входы (101 форм = 8 % от числа соотв.)
Aa 3: Словарь Первоначального учебника русского языка для чердынских пермяков (1906) - Лексические входы (643 форм = 52% от числа соотв.)
Aa 4: Словарь северного диалекта коми-пермяцкого языка, составленный по Списку русских слов с переводом на пермякский (Чердынский окр.) за подписью Никиты Овчинникова, конец XVIII в. – Лексические входы (177 форм = 14% от числа соотв.)
Aa 5: Словарь северного мысовского диалекта коми-пермяцкого языка (пос. Жемчужный) - Лексические входы (657 форм = 54 % от числа соотв.)
Aa 6: Словарь нижнеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка (д. Тимкино) – Лексические входы (0 форм = 0 % от числа соотв.)
Aa 7: Словарь нижнеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка (с. Доёг, носитель языка Г. Бычков) – Лексические входы (0 форм = 0 % от числа соотв.)
Aa 8: Словарь иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка, составленный по книге "Первоначальный учебник русского языка для (северо-восточных, иньвенских) пермяков" (1896) – Лексические входы (609 форм = 50 % от числа соотв.)
Aa 9: Словарь нижнеиньвенского диалекта коми-пермяцкого языка (с. Доёг, носитель языка А. А. Мальцев) – Лексические входы (95 форм = 7 % от числа соотв.)
Aa 10: Словарь южного кудымкарского диалекта коми-пермяцкого языка (с. Большая и Малая Серва) – Лексические входы (795 форм = 65 % от числа соотв.)
Aa 11: Словарь коми-язьвинского языка – Лексические входы (620 форм = 51 % от числа соотв.)
Aa 12: Словарь ижемского диалекта коми-зырянского языка, говор с. Белоярск Приуральского р-на ЯНАО – Лексические входы (454 форм = 37 % от числа соотв.)
Aa 13: Словарь вымского диалекта коми-зырянского языка (с. Туръя Княжпогостского района) – Лексические входы (0 форм = 0 % от числа соотв.)
Aa 14: Словарь нижневычегодского диалекта коми-зырянского языка (д. Ӧнчипиорд Усть-Вымского района) – Лексические входы (0 форм = 0 % от числа соотв.)
Aa 15: Словарь верхне-вычегодского диалекта коми-зырянского языка (с. Маджа Корткеросского района) – Лексические входы (99 форм = 8 % от числа соотв.)
Aa 16: Словарь усть-вымского диалекта коми-зырянского языка (д. Туискерес Усть-вымского района) – Лексические входы (102 форм = 8 % от числа соотв.)
Aa 17: Словарь коми-зырянского языка П. С. Палласа, XVIII в. из архива А. М. Шёгрена (кириллица) – Лексические входы (206 форм = 16 % от числа соотв.)

Рис. 2. График суммарной матрицы фонетико-этимологических различий, автоматически составленный в ЛингвоДоке

В Таблице 4 и на Рисунке 2 видно, что по фонетическо-этимологическим критериям расстояние от коми-язьвинского диалекта до современных диалектов коми-зырянского и коми-пермяцких языков значительно больше, чем между ними, поэтому с точки зрения фонетических изменений коми-язьвинский в настоящее время является отдельным языком, наиболее близким коми-пермяцким словарям, записанным П. С. Палласом и Никитой Овчинниковым в XVIII в. Как показывает проведенный анализ, 250 лет назад у коми-язьвинского и коми-пермяцкого языков были только незначительные диалектные различия, но за последующие два века коми-пермяцкие диалекты претерпели инновационные изменения, сблизившие их с коми-зырянскими диалектами Республики Коми, а коми-язьвинский язык сохранился в архаичном состоянии, в нем представлены особенности, характерные для коми-пермяцких первых словарей XVIII в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

в.-выч. – верхне-вычегодский диалект коми-зырянского языка
в.-сыс. – верхне-сысольский диалект коми-зырянского языка
виш. – вишерские диалекты
воств. – восточно-вычегодский диалект
диал. – диалекты
ижем. – ижемский диалект коми-зырянского языка
иньв 1896 – словарь иньвенского диалекта, составленный по «Первоначальному учебнику русского языка для (северо-восточных, иньвенских) пермяков», 1896

к.-п. – коми-пермяцкий язык

кир. – кириллица

коми-язьв 2015 – аудиословарь коми-язвинского языка (Красновишерский район, Пермский край), 2015

кудым 2015 – аудиословарь южного кудымкарского диалекта коми-пермяцкого языка (с. Большая и Малая Серва, Кудымкарский муниципальный округ, Пермский край), 2015

лат. – латиница

мысов. 2015 – аудиословарь северного мысовского диалекта коми-пермяцкого языка (пос. Жемчужный, Гайнский муниципальный округ, Пермский край), 2015

н.-иньв. 2017 – аудиословарь нижнеиньвенского диалекта (с. Доёг, Юсьвинский муниципальный округ, Пермский край), 2017

ост. – остальные диалекты

ПКоми – коми праязык

ПУ – прауральский язык

сев. – северные диалекты

ср.-сыс. – средне-сысольский диалект коми-зырянского языка

у.-вым. – усть-вымский диалект коми-зырянского языка

черд. 1906 – словарь по «Первоначальному учебнику русского языка для чердынских пермяков», 1906

черд. XVIII – словарь, составленный по Списку русских слов с переводом на пермякский (Чердынский окр.) за подписью Никиты Овчинникова, конец XVIII в.

южн. – южные диалекты

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баталова Р. М. О месте языка коми-язьвинцев в структуре пермских языков // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2002. С. 131–139.

Беликов В. И. Языковые контакты и генеалогическая классификация // Вопросы языкового родства. (1). 2009. С. 49–68.

Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005. 432 с.

Гайдамашко Р. В., Шкураток Ю. А. Современное состояние коми-язьвинского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 13. Вып. 4. 2019. С. 576–590.

Кельмаков В. К. Опыт создания письменности для коми-язьвинцев (*А. Л. Паршакова,* Коми-язьвинский букварь. Учебное издание, Пермское книжное издательство, 2003. 135 с.) // Linguistica Uralica. 2004. Т. XL. Вып. 2. С. 135–147.

Кривощекова-Гантман А. С. О некоторых закономерностях развития грамматического строя (на материале пермских языков финно-угорской группы) (1969) // Собр. соч. в двух томах. Том 1: Грамматика. Диалектология. Лексика и фразеология. Проблемы развития языка. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2006. С. 89–101.

Лыткин В. И. Введение // Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведений. Ч. 1. Фонетика, лексика, морфология. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1955. С. 5–12.

Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. 386 с.

Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 268 с.

Тепляшина Т. И., Лыткин В. И. Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). М.: Наука, 1976. С. 97–228.

Туркин А. И. К 100-летию со дня рождения В. И. Лыткина. Малоизвестные страницы жизни. II // Linguistica Uralica. 1995. Т. XXXI. Вып. 4. С. 288–293.

Усачёва М. Н. Эксперименты в полевой лингвистике как метод сбора данных и проверки научных гипотез (на материале пермских языков) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 1. С. 149–160.

Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 432 с.

Цыпанов Е. А. Сравнительный обзор финно-угорских языков. Сыктывкар: Изд-во «Кола», 2008. 288 с.

Чагин Г. Н. Коми-язьвинские пермяки – древний народ Северного Урала. Красновишерск; Соликамск: Соликамск. тип., 2002. 16 с.

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 238) 2000. 372 s.

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, (Bibliotheca Uralica 13) 2005. 405 s.

Genetz A. Ost-permische Sprachstudien. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft, (Journal de la Société Finno-Ougrienne XV, 1) 1897. 57 s.

Kövesi M. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1965. 432 o.

Uralisches Etymologisches Wörterbuch / Hrsg. von K. Rédei. Budapest, 1986–1991.

Поступила в редакцию 18.09.2020

Норманская Юлия Викторовна,
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
Институт системного программирования им. В.П. Иванникова РАН,
Институт языкознания РАН
125009, Москва, Большой Кисловский пер. 1, стр. 1
E-mail: julianor@mail.ru.

Ju. V. Normanskaja

IS KOMI-YAZVA SEPARATE LANGUAGE OR KOMI-PERMIAN'S DIALECT?

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-628-641

The question of Komi-Yazva separate language or Komi-Permian dialects is currently open. There are different opinions: linguists of the late XIX – early XX$^{th.}$ cent. suggested that it is a dialect. In the early XXI$^{th.}$ cent. opinions of the scientists were divided and some experts supposed that Komi-Yazva can be a separate language. Currently, on the LinguoDoc platform there are special program modules, which reproduce the etymologist's big data analysis results, as well as 16 dictionaries of Komi dialect related languages with etymological connections. These are audio dictionaries, materials for which were collected in 2015-2018, and archival dictionaries of the XVIII–XIX$^{th.}$ cent. As a result of the dictionaries' processing with the use of special comparative-historical module for phonetic and etymological criteria, it was found that the distance from the Komi-Yazva to the modern dialects of the Komi-Zyryan and Komi-Permyak languages is significantly greater than between the latter two ones, so in terms of phonetic changes, Komi-Yazva is currently a separate language. In the XVIII$^{th.}$ cent. Komi-Yazva was close to the Komi-Permyak dictionaries recorded by P. S. Pallas and Nikita Ovchinnikov. As the analysis shows, 250 years ago, Komi-Yazva and Komi-Permyak languages had only minor dialect differences, but over the next two centuries, the Komi-Permyak dialects had many innovative changes, which brought them closer to the Komi-Zyryan dialects of the Komi Republic, whereas the Komi-Yazva language presents the archaic stage of Komi languages: the features, which were the characteristics of the Komi-Permyak first dictionaries in the XVIII-th. century.

Keywords: Komi-Permian language, Komi-Yazva language, Komi-Zyryan language, etymology, phonetic, linguistic platforms, computer statistical methods of analysis, genetic kinship of languages.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 628–641. In Russian.

REFERENCES

Batalova R. M. O meste yazyka komi-yaz'vintsev v strukture permskikh yazykov [Perm researches 9: On the place of the Komi-Yazva language in the structure of Perm languages]. *Permistika 9: Voprosy permskoi i finno-ugorskoi filologii: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Problems of Perm and Finno-Ugric philology. Inter-university collection of scientific works]. Izhevsk, Udmurt State University, 2002, p. 131–139. In Russian.

Belikov V. I. Yazykovye kontakty i genealogicheskaya klassifikatsiya [Language contacts and genetic classification]. *Voprosy yazykovogo rodstva* [Problems of language relationship] no. 1 (1), 2009, p. 49–68. In Russian.

Burlak S. A., Starostin S. A. Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie [Comparative-historical linguistics]. Moscow, 2005. 432 p. In Russian.

Chagin G. N. Komi-yaz'vinskie permyaki – drevnii narod Severnogo Urala [Komi-Yazva Permians as an ancient people of the Northern Urals]. Krasnovishersk – Sokikamsk, Sokikamsk typography, 2002. 16 p. In Russian.

Cypanov E. A. Sravnitel'nyi obzor finno-ugorskikh yazykov [Comparative overview of Finno-Ugric languages]. Syktyvkar, Kola Publ., 2008. 288 p. In Russian.

Gajdamashko R. V., Shkuratok Yu. A. Sovremennoe sostoyanie komi-yaz'vinskogo yazyka [Current state of the Komi-Yazva language]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], no. 13 (4), 2019, p. 576–590. In Russian.

Hajdu P. Ural'skie yazyki i narody [Ural languages and peoples]. Moscow, Progress Publ., 1985. 432 p. In Russian.

Kel'makov V. K. Opyt sozdaniya pis'mennosti dlya komi-yaz'vintsev [The case of the creation of written language for Komi-Yazva people] (A. L. Parshakova. Komi-yaz'vinskii bukvar' [Komi-Yazva ABC book]. Perm, 2003. 135 p.). *Linguistica Uralica.* 2004. Vol. XL, no. 2, p. 135–147. In Russian.

Krivosh'ekova-Gantman A. S. O nekotorykh zakonomernostyakh razvitiya grammaticheskogo stroya (na materiale permskikh yazykov finno-ugorskoi gruppy) [About some laws of the development of the grammatical system (based on the Permic languages of the Finno-Ugric group)] (1969). *Sobranie sochinenii v dvuh tomakh* [Collected Works in two volumes]. Vol. 1: Grammatika. Dialektologiya. Leksika i frazeologiya. Problemy razvitiya yazyka [Grammar. Dialectology. Vocabulary and phraseology. Problems of language development]. Perm, 2006, p. 89–101. In Russian.

Lytkin V. I. Komi-yaz'vinskii dialekt [Komi-Yazva dialect]. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union, 1961. 228 p. In Russian.

Lytkin V. I. Vvedenie [Introduction]. *Sovremennyi komi yazyk. Uchebnik dlya vysshikh uchebnykh zavedenii* [Modern Komi language. Textbook for universities]. Vol. 1. Fonetika, leksika, morfologiya [Phonetics, vocabulary, morphology]. Syktyvkar, Komi Publ., 1955, p. 5–12. In Russian.

Lytkin V. I.,Guljaev E. S. Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka [Short etymological dictionary of Komi language]. Moscow, 1970. 386 p. In Russian.

Napol'skih V. V. Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku [Introduction to historical uralistics]. Izhevsk, 1997. 268 p. In Russian.

Tepljashina T. I., Lytkin V. I. Permskie yazyki [Permic languages]. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya (mariiskii, permskie i ugorskie yazyki)* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics (Mari, Permic and Ugric languages)]. Moscow, Nauka Publ., 1976, p. 97–228. In Russian.

Turkin A. I. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Lytkina. Maloizvestnye stranitsy zhizni [On the 100th anniversary of the birth of V. I. Lytkin. Little-known pages of life]. II. *Linguistica Uralica.* 1995. Vol. XXXI, no. 4, p. 288–293. In Russian.

Usachjova M. N. Eksperimenty v polevoi lingvistike kak metod sbora dannykh i proverki nauchnykh gipotez (na materiale permskikh yazykov) [Experiments in field linguistics as a method of collecting data and testing scientific hypotheses (based on Permic languages)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2019. Vol. 13, no. 1, p. 149–160. In Russian.

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 238) 2000. 372 s. In Finnish.

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, (Bibliotheca Uralica 13) 2005. 405 s. In German.

Genetz A. Ost-permische Sprachstudien. Helsingfors: Druckerei der Finnischen Litteratur-Gesellschaft, (Journal de la Société Finno-Ougrienne XV, 1) 1897. 57 s. In German.

Kövesi M. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1965. 432 o. In Hungarian.

UEU – Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch / Hrsg. von K. Rédei. Budapest, 1986–1991. In German.

Received 18.09.2020

Julia Viktorovna Normanskaya,
Doctor of Philology, PhD,
Head of the laboratory "Linguistic platforms"
Ivannikov's Institute of System Programing RAS,
Institute of Linguistic RAS
Moskva, Bol'shoi Kislovskii per. 1 str. 1
E-mail: julianor@mail.ru

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398(=511.131)

Т. И. Панина

ПРЕСКРИПЦИИ О СНАХ И СНОВИДЕНИЯХ В УДМУРТСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются запреты и предписания, регулирующие поведение человека перед сном, во сне и после пробуждения. Эти нормативы обусловлены восприятием сна как лиминального состояния спящего человека, как удивительного сочетания пространства и времени, в котором стираются границы между этим миром и потусторонним. Соблюдение прескрипций гарантирует безопасность: ограждает спящего от опасности, которая может подстерегать его как во время сна, так и после, если сон предвещает о предстоящих негативных изменениях в жизни. Основными апотропейными мерами до и после сна являются воззвание к богу, отсылка сна по воде, отгон с помощью плевка и экскрементов, укрытие/размещение спящего в безопасном пространстве, создание преграды, умилостивление умерших. Ряд запретов и предписаний направлен на предупреждение коммуникации между живыми и мертвыми во время сна, регулирование коммуникативного поведения при встрече с умершими во сне, в то время как другие, напротив, моделируют встречу и общение с покойным во сне. Выявлено, что некоторые предписания, связанные со сном, исчезли – в настоящее время информацию об их бытовании можно найти лишь в архивных и опубликованных материалах, в то время как часть прескрипций продолжает активно бытовать, подвергаясь определенным трансформациям, вызванным, в первую очередь, влиянием христианских воззрений.

Ключевые слова: удмурты, традиционная культура, нормативы, запреты, предписания, прескрипции, сон, сновидение, умершие.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-642-650

В удмуртской культуре отражается характерное для многих традиционных сообществ особое отношение к состоянию сна и сновидениям. Сон воспринимается как пограничное состояние человека, находящегося между жизнью и смертью; как удивительное сочетание пространства и времени, в котором стираются границы между этим миром и потусторонним; бытуют воззрения, что во сне человек может получить новые знания и способности, контактировать с умершими и представителями инобытия.

Восприятие сновидения и состояния сна как опасного периода требует соблюдения определенных мер, призванных защитить спящего. Настоящая статья посвящена нормативам, связанным со сном и сновидениями, в удмуртской традиционной культуре: анализируются прескрипции, регулирующие поведение человека перед сном, во сне и после пробуждения. Запреты и предписания, сопряженные со сновидениями, до сегодняшнего дня не становились объектом отдельного внимания исследователей удмуртской традиционной культуры, но фрагментарные упоминания о них содержатся и в этнографических источниках кон. XIX – нач. XX в., и в трудах современных фольклористов и этнографов. Наибольшую освещенность данная тема получила в диссертации Н. В. Анисимова: сновидения проанализированы им в связи с проблемой комму-

никации с потусторонним миром [Анисимов 2017]. Источниковой базой настоящего исследования послужили полевые материалы автора, отражающие современное состояние традиции, архивные данные фольклорного фонда Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета, а также опубликованные исследования по удмуртской народной культуре.

В традиционных культурах прескрипции обусловлены бытующими религиозно-мифологическими представлениями и являются дополнительным источником изучения последних. По сведениям исследователей кон. XIX – нач. XX в., удмурты считали, что во время сна душа *урт* может покинуть тело человека в виде бабочки (*уртбубыли*), летучей мыши (*урткыч*), птицы, пчелы или шмеля. Записан ряд сюжетов, повествующих о том, как бодрствующие наблюдали за *урт* уснувшего их товарища – по пробуждении он рассказывал о местах, которые видел во сне, соответствующих маршруту передвижения *урт* [Гаврилов 1880, 124–125; Первухин 1889, 47; Смирнов 1890, 177; Емельянов 1927, 4; Верещагин 2000, 130–131; Верещагин 2001, 38; Садиков, Хафиз 2010, 65]. В соответствии с этими воззрениями запрещалось резко будить спящего, в противном случае человек мог заболеть, т. к. он просыпался прежде, чем его душа *урт* возвращалась на место [Садиков, Хафиз 2010, 65]. В настоящее время подобные представления уже не встречаются, но бытует, к примеру, запрет будить человека, говорящего во сне – считается, что в этом случае он может лишиться разума [Анисимов 2017, 75].

В кон. XIX в. также бытовали верования, что сновидения могли наводить на людей высшие силы – бог *Инмар* (один из триады верховных божеств, Творец-демиург) и *Утись* (Ангел-хранитель), *кулэмъёс* (покойники), или *Шайтан* (чёрт / дьявол) [Верещагин 2001, 38]. По сведениям финского этнографа Уно Хольмберга (1882–1949), в д. Каймашабаш Ново-Кыргинской волости Бирского уезда (в настоящее время Янаульского р-на Республики Башкортостан) перед сном расстегивали ворот рубашки и плевали на грудь, чтобы отогнать злого духа *шайтан* [Садиков, Хафиз 2010, 51]. Защиты во сне просили и во время семейных обрядов: в вышеуказанной же деревне во время свадебной церемонии в доме невесты *тӧро* (главный распорядитель свадьбы), наряду с традиционным обращением к высшим силам *Инмару* и *Кылчину* с просьбой дать невесте счастья в новом доме, благополучия, детей, просил, чтобы домовой не мешал во сне и не насылал болезней [Садиков, Хафиз 2010, 74].

Перед сном и по пробуждении было принято обратиться к высшим силам с молитвой-прошением *куриськон*, в которой выражали благодарность высшим силам и обращались с просьбой оградить от опасности и ниспослать благоденствия на день грядущий / даровать спокойный сон. К сожалению, текстов молитв *куриськон*, которые читали вечером перед отходом ко сну и утром после сна, зафиксировано крайне мало. Благодаря венгерскому академику Бернату Мункачи в годы Первой мировой войны были записаны тексты таких молитвенных заклинаний от одного из удмуртских военнопленных – Ефрема Худякова из с. Кыйлуд Кыйлудской волости Сарапульского уезда (ныне Увинского р-на Удмуртской Республики (далее УР): *«Остэ! Ӟеч Инмаре, Кылчинэ, остэ! Ӵукна султэм поннам тӧныд остэ карко. Ӟеч нуналдэ сёт, та нуналыд понна ӟеч капчилыкъёстэ, сион-юондэ сёт! Урод синлэсь, тушмон кӧтлэсь ачид уть, та куриськемме кабыл кар: Инмаре, Кылчинэ, остэ!»* (Господи! Милостивый Инмар, Кылчин, благослови! Благодарю тебя, что я проснулся. Ниспошли мне хороший день, удачи, пропитания! От дурного глаза, ворога огради, благосклонно прими мою молитву: Инмар, Кылчин, Господи!); *«Остэ, Бадӟын Кылчин-Инмаре, ӟеч уйдэ сёт изьны! Эн кушты монэ; уйын ветлысь сиысь-юысьлэсь, кыльлэсь-кальлэсь ачид утялты, уть-ворды! Ӵукна султытоӟам эн сёт олокинъёслы: Кылчинэ, Инмаре, остэ!»* (Господи, Великий Кылчин-Инмар мой, ниспошли мне хороший сон! Не оставь меня; от тех, кто ест-пьет по ночам, от болезней-напастей сам остереги, убереги-огради! Не отдавай меня никому до тех пор, пока я не встану поутру, Кылчин, Инмар мой, Господи!) [Munkácsi 1952, 142–143].

На рубеже XX–XXI вв. были записаны и другие молитвы-прошения *куриськон*, которые читают перед сном и после пробуждения. Считается, что при обращении к высшим силам не-

обходимо встать на восток – если повернуться на запад, то молитва приобретет отрицательную коннотацию и испрашиваемое благословение превратится в своего рода проклятие (*юриськем*) [Полевые материалы (далее ПМ) 2020, д. Шабердино Завьяловского р-на УР. ИВМ. Записали (далее зап.) Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина[1]]. По сравнению с *куриськон* нач. XX в., современные молитвы более сжаты, в них утрачены свойственные удмуртским сакральным текстам дублетные слова, благодаря которым заклинания обретают выразительность, ритмичность и поэтичность: *«Остэ, Инмаре, Кылчинэ, ческыт мед изём, ӟеч вӧт мед вӧталом. Азинлык, капчилык сётыса сайкат»* (Господи, Инмар, Кылчин, [сделай так,] чтобы я сладко спал, чтобы приснился мне хороший сон. Разбудив меня, дай удачи и легкости [в делах]) [ФА УдГУ. ФЭ–1993. Д. 27. Т. 3. Л. 27. д. Кипчак Куединского р-на Пермского Края]. Кроме того, в современных молитвах-прошениях явно прослеживается влияние христианского вероучения: *«Туннэ нуналэн согрешить кари, Господи, Исусе Христэ, простить кар, ӟеч уйвӧт сёт. Аминь!»* (Сегодня согрешил, Господи, Иисусе Христе, прости, хороший сон дай. Аминь!) [ФА УдГУ. ФЭ-1982. Д. 9. Т. 3. Л. 72-73. д. Сеп Игринского р-на УР]. Однако в связи с ограниченностью материала, делать окончательные выводы о характере трансформаций данной группы молитв-*куриськон* на данный момент не представляется возможным. Более того, надо учитывать и тот факт, что поэтическое оформление сакральных текстов зависит непосредственно от информанта: от знания традиционных канонов и владения формульностью заклинательных текстов.

Сохранилось убеждение, что нельзя ложиться спать вечером и вставать утром не благословясь – обязательно стоит воззвать к Богу: *«Остэ, Инмаре!»* (Господи, Боже!) [ПМ 2009, д. Сеп Игринского р-на УР. КГЛ]. Если перед сном не испросишь благословения, то на теле могут появиться синяки, ассоциирующиеся с приближением скорой смерти, щипком покойника / колдуна / вампира / шайтана [Анисимов 2017, 174]. Удмуртское выражение *«Остэ, Инмаре!»* и его краткая форма *«Остэ!»* – универсальные вербальные формулы-обереги, которые использовали в случае различного рода опасностей во избежание негативных последствий: *«Ӧсэтӥ потыкуд «остэ» ке ӧд шу, висён кутоз* (Если при выходе из дому не скажешь «остэ» – «господи», заболеешь) [Владыкин 1994, 220]; *«Уин инвожоэз адӟид ке, «Остэ!» шу: со кулэм ведӥнлэн лулыз, адямилэн лулзэ басьтыны озьы ветлэ»* (Если ночью небесные сполохи увидишь, скажи «Господи!»: это душа умершего колдуна за душами живых приходит) [Munkácsi 1887, 6].

Кроме того, в настоящее время обращаются за помощью и к христианским оберегам и молитвам – сразу по пробуждении следует поцеловать нательный крест и сказать: «Господи, огради меня силою животворящего честного креста твоего от всяческого зла» [ПМ 2020, д. Шабердино Завьяловского р-на УР. ИВМ. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина].

Ряд поверий связан с традиционными представлениями, согласно которым сон может неблагоприятно повлиять на жизнь людей, предвещать негативные последствия и изменения, таких как смерть самого спящего или близких ему людей, болезнь, потеря. Бытует мнение, что сны могут сбываться в течение трех лет [ПМ 2020, г. Ижевск. КАВ]. Вещие сны видят с четверга на пятницу, с субботы на воскресенье и со вторника на среду [ФА УдГУ. ФЭ–1999. Т. 12. с. Брызгалово Вавожского р-на УР]. Если вдруг приснится нехороший сон, сразу после пробуждения следует умыться со словами: *«Урод вӧтэ ву кузя мед кошкоз»* (Дурной сон пусть по воде уйдёт) [ПМ 2020, г. Ижевск. НЛЛ] или плюнуть в отхожее место, чтобы сон не исполнился [ПМ 2017, д. Варклед-Бодья Агрызского р-на Республики Татарстан. АЕЕ]. В д. Баграш-Бигра Малопургинского р-на УР указанные выше действия закрепляют вербальной формулой-отсылкой: *«Алама вӧтэ сӥть-кизь вылэ мед кылёз»* (Дурной сон пусть в отхожем месте останется) [ПМ 2020, г. Ижевск. НЛЛ]. Подобные поверья встречаются и среди русского населения Удмуртии: совершая аналогичные действия, приговаривают: «Куда ночь, туда и сон» [ПМ 2020, с. Завьялово. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина]. В традиционных сообществах и плевок, и человече-

[1] В статье приняты следующие принципы оформления ссылок на полевые материалы: год и место записи, инициалы информанта, интервьюеры (если интервьюер не указан, материал записан лично автором). В целях защиты персональных данных полное имя и дата рождения информантов не указываются: данная информация хранится в авторском архиве.

ские экскременты воспринимаются как универсальные средства отгонного характера, что объясняет их широкое использование в лечебной и апотропеической магии.

Запрещается спать в местах, которые в традиционной культуре воспринимаются как пограничные локусы или места обитания представителей инобытия. Так, нельзя спать в заброшенном доме, в бане, на дороге, на берегу реки, на границе земельных участков – меже[2]: «Если человек заснет на берегу реки, придет *вумурт* и утащит его в воду» [Садиков, Хафиз 2010, 35]; «Кылчин – это Божий Ангел, он спускается на землю, ходит по домам, ходит по межам на полях, сейчас-то этих межей нет, вот его и не видно. Он охраняет посевы, поэтому спать на меже нельзя» [Черных 2002, 62]. Опасно спать в местах молений, даже если они уже не функционируют: в нач. XX в. был записан рассказ о женщине, которая уснула на месте заброшенной священной рощи *луд* – во сне к ней пришел незнакомец и отругал за дерзость [Васильев 1906, 16].

В настоящее время всё еще бытует запрет спать в новом доме до тех пор, пока в нём не поставят печь [ПМ 2010, д. Сеп Игринский р-н УР. ВАА]. Рекомендуют спать за матицей, т.к. полагают, что за неё не могут пройти умершие. Запрещено спать ногами к основному выходу, объясняют это тем, что так лежат только покойники [ПМ 2020, г. Ижевск. НЛЛ]. Не приветствуется спать и головой к двери: могут мучать ночные кошмары [Анисимов 2017, 43].

В прошлом существовали и другие нормативы, которые исчезли в связи с изменением быта, уклада жизни, традиционных представлений: в XIX в. замужняя женщина должна была постоянно носить головной убор *айшон* и ложиться спать в нем, если в доме были гости [Шкляев 2003, 144]. В пер. пол. XX в. женщинам не разрешали снимать традиционное головное полотенце *чалму* и чулки даже перед сном [Лехтинен 2007]. Запрет женщинам обнажать голову и ноги во время сна воспринимался не просто как знак почитания традиций и норм, проявления уважения к старшим, но и как залог счастья семьи и общества: несоблюдение правил, ненормативное поведение считалось опасным, могло навлечь несчастья на семью и даже на всю деревню.

Отдельную группу составляют поверья, направленные на предупреждение нежелательного контакта с умершими во время сна. Данная группа поверий тесно связана с похоронно-поминальной обрядностью. Например, по возвращении с кладбища в день похорон следует открыть вьюшку и обратиться с просьбой к покойному не возвращаться, не тревожить живых и не сниться, обещав взамен регулярно поминать его и навещать могилу. С этой же целью в д. Ванялуд Кезского р-на стучали по заслонке железным предметом, чаще кочергой, в день похорон и во время совершения поминального обряда *йыр-пыд сётон* (букв.: жертвование головы и ног [животного]), сущность которого заключается в приготовлении поминальной пищи, совместной трапезе и символическом угощении умерших [ПМ 2020, д. Шабердино Завьяловского р-на УР. ИВН. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина].

Появление покойного во сне (*вӧтатэ*) очень часто интерпретируется как напоминание о необходимости поминания усопшего – справления календарных и индивидуальных поминок: умерших задабривают во время ежегодных весенних и осенних поминок; справляют поминальные обряды *йыр-пыд сётон, куяськон* (букв.: бросание / отдаривание), *сьӧрлань / берлань куяськон*[3] (букв.: за пределы / назад бросание); поминают сразу после пробуждения или перед сном; в церкви ставят свечку за упокой.

В этом контексте актуализируется ситуация, в которой рассказываются сновидения о покойных – об увиденных снах сообщают близким людям и друзьям, чтобы поделиться своей проблемой (умершие беспокоят во сне) и найти ей решение: *«Милям гуртын (в д. Ванялуд Кез-*

[2] У удмуртов бытовало много поверий, связанных с межой: считали, что по ней ходит Бог-Творец *Кылчин* и дух – хранитель межи (*межа утись*), который охранял посевы от насекомых и птиц. В период летнего солнцестояния на ней играли его дети, и чтобы не причинить им непреднамеренно вреда, при нахождении на меже необходимо было звуком предупреждать о своем присутствии: например, напевать, покашливать [Первухин 1889, 4–6; Верещагин 2000, 211; Черных 2002, 62–63; Владыкина 2018, 16].

[3] Более подробно об указанных обрядах см.: Владыкин 1994; Шутова 2001; Владыкина, Глухова 2011; Владыкин, Чуракова 2012; Анисимов 2017; Панина 2019.

ского р-на УР – Т. П.), вот мамае доры лыктыло ни вал кышноос – ну куспазы лыктыло ук вал озьы но – вот и верасько: монэ нош ик вӧтатӥз ук, шуэ, нош ик. Сэре мама но шуэ мынам: дак давай уйлы тон пукты – буре вайыку пуктыло ук, о-ведь, – ну рюмка, стопка, о-ведь, сюкась кружкаен, сылал, нянь, нянь сукыридэ пукты, шуэ, уйлы и вӧсяськы, что, кур солэсь, медам ни вӧтаты, значит, умойгес улон мед сётоз, умой улон, и озьы каро и тӥни зэм но, маке но пайдаез, видимо, луэ вылэм» (В нашей деревне (в д. Ванялуд Кезского р-на УР – Т. П.) к моей матери приходили женщины – друг к другу ходили же в гости – и вот они разговаривают: мне опять приснился [покойный]. И моя мама отвечала: давай на ночь поставь – во время поминок ставят же, да, – рюмку, стопку [алкоголя], стакан кваса, соль, хлеб положи на ночь и помолись, попроси у него, чтобы больше не снился, чтобы дал хорошую жизнь, и так делали, и, видимо, точно, польза какая-то была) [ПМ 2020, д. Шабердино Завьяловского р-на УР. ИВН. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина]; *«Одноклассниксэ калыз быриз вӧтаса. Пичи дыръяз кышно но басьто шуэ вал. И весь-весь вӧтамисьтыз озьы, туклячи, пе, «Паллян пельпумтӥд куяськы ай, кен», пе, шуэ. «Собере дугдӥ, мама», – шуэ. <…> Конешно, шай улын бере, уллань куяськиз ни»* ([Дочь информантки] устала от того, что ей постоянно снится одноклассник. В детстве говорил даже, мол, в жёны возьмёт. И от того, что постоянно снится, сватья, мол, сказала: «Через левое плечо брось подношение [умершему], сноха». «Потом перестала [видеть его во сне], мама», – говорит. <…> Конечно, раз кладбище в низовье реки, в сторону низовья и совершила *куяськон*» [Анисимов 2017, 172].

Чтобы покойный не снился (*медам вӧтаты*), под подушку или матрас в качестве оберега кладут острый железный предмет: ножницы, нож. Если умерший начинает наведываться к живым (*ветлыны / бертылыны кутскиз*), нож или топор оставляют на пороге дома [ПМ 2020, д. Шабердино Завьяловского р-на УР. ИВМ. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина] или посыпают маком вокруг дома [ПМ 2020, с. Завьялово. МРК. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина]. Если ребенок не может заснуть, под подушку кладут ножницы или крест [ФА УдГУ. ФЭ–2002. Д. 33. Т. 2. Л. 47. д. Кечёво Малопургинского р-на УР].

Сновидение воспринимается как особый способ коммуникации с миром мертвых: во сне живые могут пообщаться с умершими, узнать об их загробной жизни, рассказать о своей, попросить совета; умершие обращаются с просьбой, предупреждают о надвигающейся опасности, высказывают свое недовольство. Плохим знаком считается сон, в которых умершие «зовут» спящего к себе: он может предвещать приближающуюся смерть. Во избежание негативных последствий в удмуртской традиции существует ряд запретов и предписаний, регулирующих коммуникативное поведение живых при встрече с умершими во сне: 1) необходимость соблюдения дистанции при общении с умершими; 2) табу на получение и дарение любых предметов; 3) табу на следование за покойным; 4) табу на преодоление препятствий (например, река, мост, стена), ассоциирующихся в традиционной культуре с границей между этим и тем светом [Анисимов 2017, 75]. Полагают, что нарушение любого из вышеперечисленных прескрипций может обернуться смертельной опасностью в реальной жизни. Пересказывая свои сны, информанты интерпретируют их в соответствии с набором существующих традиционных представлений, запретов и нормативов: *«…одӥг гуртын улэмъёсты, Бисарез тани адӟылӥсько куддыр, компаниямы вал, туж умой адямиос, али ӧвӧл ни, кулэмын (…). И как бы соос монэным вераськын турттo: «Я, давайте, – Бисар шуэ одӥг пол. – Вени, мон доры выж ай, давай, юри дорад потӥ, айда кидэ кутса мыном». Вот со киэз сётны кулэ ӧвӧл. «Кошкы али, кош бордысьтым!» Милям йырамы, видимо, со кылемын: уллясько мон сое»* (…односельчан, вижу [во сне], Бисара вот вижу [во сне] иногда, он был в нашей компании, очень хорошие люди были, умерли (…). И как бы они со мной начинают говорить: «Ну, давайте, – говорит однажды Бисар. – Веня, ко мне переходи, давай, специально к тебе пришел, давай руку, пошли». Вот руку давать нельзя. «Уходи, давай, уйди от меня!» В голове, видимо, осталось: прогоняю я его» [ПМ 2020, д. Шабердино Завьяловского р-на УР. ИВН. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина].

Наряду с запретами и предписаниями, направленными на предупреждение коммуникации между живыми и мертвыми во время сна, существует и группа поверий, которая, напро-

тив, моделирует встречу и общение с покойным во сне. Чаще всего к нижеперечисленным мерам прибегают в том случае, когда человеку очень сложно смириться с утратой близкого ему человека, он испытывает гнетущую, мучительную тоску. Считается, что увидеть умершего можно, если лечь спать на его привычное спальное место или постель, в которой он умер; положить под подушку одежду или головной убор, которые он носил при жизни, или уснуть в его одеянии. Обязательное условие при этом – то, что вещь не должна быть выстирана, чтобы сохранить связь с владельцем [ПМ 2020, с. Завьялово. МРК. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина]. В нач. XX в. удмуртские ворожцы *туночи* клали под голову одежду больного, чтобы во сне получить ответ о возможном источнике болезни и предполагаемой жертве, которую необходимо принести для исцеления [Садиков 2008, 130]. В настоящее время наблюдается трансформация традиционных представлений вследствие влияния христианских воззрений. Ссылаясь на слова священнослужителей, информант отмечает, что не следует искать встречи с умершим во сне: *«Ни в коем случае курны уг яра уйвӧтын, пе. Со, пе, уйвӧтын курса не ачиз, пе, лыктоз, а дьявол, пе, может лыктыны. Эн, пе, куры. Уд вӧтаськы, значит, немыр но кулэ ӧвӧл»* (Ни в коем случае нельзя просить, чтобы [умерший] приснился во сне, дескать. Если, мол, попросишь присниться, то придёт не он сам, а дьявол, мол, может прийти. Не проси, мол. Не снится, значит, ничего и не надо [ему]) [ПМ 2020, с. Завьялово. МРК. Зап. Т. Г. Владыкина, Т. И. Панина].

В д. Дубровский Киясовского р-на УР во время поминального обряда *йыр-пыд сётон* обращаются к покойному с просьбой присниться во сне в двух случаях: в целях получения обратной связи – удостовериться, что умерший доволен принесенной жертвой, и в назидательных целях – присниться тем, кто не верит в посмертное существование [Анисимов 2017, 77–78].

Предварительный обзор удмуртских предписаний и запретов, связанных со сном и сновидениями, позволяет говорить о наличии разветвленной системы нормативов, основная функция которых – оградить людей от опасности, которая может подстерегать их как во время сна, так и после, если сон предвещает о предстоящих негативных изменениях в жизни человека. Они аналогичны апотропейным мерам, применяемым и в других случаях – например, для защиты от сглаза, порчи, болезни или воздействия потусторонних сил. К ним относятся такие стратегии защиты, как воззвание к богу, отсылка по воде, отгон с помощью плевка и экскрементов, укрытие спящего в безопасном пространстве, создание преграды, умилостивление умерших. Ряд запретов и предписаний направлен на предупреждение коммуникации между живыми и мертвыми во время сна, регулирование коммуникативного поведения при встрече с умершими во сне, в то время как другие, напротив, моделируют встречу и общение с покойным во сне. Привлечение опубликованных данных кон. XIX – нач. XX вв. и полевых материалов, отражающих современное состояние традиции, позволило выявить, что некоторые предписания, связанные со сном и сновидениями, к настоящему времени исчезли – информацию об их бытовании можно найти лишь в архивных и опубликованных материалах, в то время как часть прескрипций продолжает активно бытовать, подвергаясь определенным трансформациям, вызванным, в первую очередь, влиянием христианских воззрений.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов Н. В. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов: Dissertationes folkloristicae universitatis tartuensis 26 / Институт исследований культуры факультета гуманитарных наук и искусств Тартуского университета, Тарту, Эстония. Тарту, 2017. 386 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 2. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 308 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т.4: Фольклор. Кн.1: Удмуртский фольклор: Предания. Легенды. Побывальщины. Сказки. Басни. Пословицы. Поговорки. Загадки. Ижевск, 2001. 220 с.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.

Владыкин В. Е., Чуракова Р. А. Обряд «йыр-пыд сётон» в поминальном ритуале удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 3. С. 27–41.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. Ижевск, 2018. 298 с.

Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год берган: Обряды и праздники удмуртского народного календаря. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 318 с.

Гаврилов Б. Г. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. 190 с.

Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921. Вып. 3. 156 с.

Лехтинен И. Одежда укрывает и показывает: заметки о запретах, связанных с одеждой // Этнография восточно-финских народов: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения профессора И. Н. Смирнова. Ижевск, 17–18 октября 2006 г. Ижевск, 2007. С. 97–108.

Панина Т. И. Куяськон (подношение / отдаривание) в практике врачевания удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 3. №3. С. 420–428.

Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Следы языческой древности в образцах устной народной поэзии вотяков. Эскиз IV. Вятка, 1889. 84 с.

Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа: Центр этнологических исследований УНЦ РАН, 2008. 232 с.

Садиков Р. Р., Хафиз К. Х. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа, 2010. 100 с.

Смирнов И. Н. Вотяки: Историко-этнографический очерк // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. 8. Вып. 2. Казань: Типография Императорского университета, 1890. 356 с.

Черных А. В. Удмурты Куединского р-на: история и культура. Пермь-Куеда, 2002. 70 с.

Шкляев Г. К. Очерки этнической психологии удмуртов. Ижевск, 2003. 300 с.

Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 301 с.

Munkácsi B. Votják Népköltészeti Hagyományok. Budapest, 1887. 335 с.

Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Helsinki, 1952. 715 с.

Поступила в редакцию 08.09.2020.

Панина Татьяна Игоревна,
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка
и литературы УдмФИЦ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, Ломоносова, 4
E-mail: tipanina@mail.ru

T. I. Panina
BELIEFS AND PROHIBITIONS RELATED TO SLEEPING AND DREAMS IN THE UDMURT TRADITIONAL CULTURE

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-642-650

The article analyzes Udmurt traditional beliefs and rules that regulate human behavior before going to bed, during a sleep and after waking up. The regulations are shaped by the perception of a sleep as the liminal state and as a surprising combination of space and time in which boundaries between this world and the other world are blurred. Compliance with the regulations is supposed to guarantee safety: it can protect the sleeper from the lurking danger during and after a sleep, or in case if the dream foreshadows the upcoming negative changes in life. The main apotropaic measures used before going to bed and after waking from sleep are an appeal to God, warding off a bad dream by water or spitting on excreta, hiding / placing the sleeper in a safe space, creating a barrier, and propitiating the dead. Some rules are aimed at preventing or regulating communication between the living and the dead in dreams, while others, on the contrary, simulate meeting and communicating with the deceased in a dream. It has been revealed that some sleep-related traditional beliefs and prohibitions

have disappeared so far – the information about them can only be found in archival and published materials nowadays, while others continue to actively exist, undergoing certain transformations caused primarily by the influence of Christian views.

Keywords: Udmurts, traditional culture, regulations, prohibitions, folk beliefs, sleeping, dream, the dead.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 642–650. In Russian.

REFERENCES

Anisimov N. V. *"Dialog mirov" v matritse kommunikativnogo povedeniya udmurtov: Dis. ... d-ra filos. po fol'kloristike* [Dialogue between the worlds through the lens of Udmurt communicative behaviour: PhD diss. in Folklore Studies]. Tartu: Izd-vo Tartusskogo un-ta Publ., 2017. 386 p. In Russian.

Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected works: in 6 vol.]. Izhevsk, 2000. *Vol. 3: Etnograficheskie ocherki. Kn.2* [Vol. 3: Ethnographic essays. Book 2]. 308 p. In Russian.

Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected works: in 6 vol.]. Izhevsk, 2001. *Vol. 4: Fol'klor. Kn. 1: Udmurtskii fol'klor* [Vol. 4: Folklore. Book 1: Udmurt folklore]. 220 p. In Russian.

Vladykin V. E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and mythological worldview of the Udmurts]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1994. 383 p. In Russian.

Vladykin V. E., Churakova R. A. Obryad "iyr-pyd seton" v pominal'nom rituale udmurtov [*Iyr-pyd seton* ceremony in the Udmurt funeral rite]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2012. Vol. 3. pp. 27–41. In Russian.

Vladykina T. G. Udmurtskii fol'klornyi mirotekst: obraz, simvol, ritual [The Udmurt folklore "worldtext": forms, symbols, rituals]. Izhevsk: MonPorazhen Publ., 2018. 298 p. In Russian.

Vladykina T. G., Glukhova G. A. *Ar-god bergan: Obryady i prazdniki udmurtskogo narodnogo kalendarya* [Ar-god-bergan: Rituals and festivals of the Udmurt calendar]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 2011. 318 p. In Udmurt and Russian.

Gavrilov B. G. *Proizvedeniya narodnoi slovesnosti, obryady i pover'ya votyakov Kazanskoi i Vyatskoi gubernii* [Folklore texts, rituals and beliefs of the Kazan and Vyatka Votyaks]. Kazan: Tipografiya Kokovinoy A.A. Publ., 1880. 190 p. In Russian.

Emel'yanov A. I. *Kurs po etnografii votyakov* [A Course on Ethnography of the Votyaks]. Kazan': Izdanie Kazanskogo Votskogo izdatel'skogo podotdela Publ., 1921. Vyp. 3: Ostatki starinnykh verovanii i obryadov u votyakov [Issue 3: Relics of Votyaks' ancient beliefs and rituals]. 156 p. In Russian.

Lekhtinen I. Odezhda ukryvaet i pokazyvaet: zametki o zapretakh, svyazannykh s odezhdoi [Clothing covers and shows: notes on prohibitions related to clothes]. *Etnografiya vostochno-finskikh narodov: istoriya i sovremennost': Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya professora I.N. Smirnova. Izhevsk, 17–18 oktyabrya 2006 g.* [Ethnography of the Eastern Finnic peoples: history and modernity: Proceedings of the all-Russian scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the birth of Professor I. N. Smirnov. Izhevsk, October 17–18, 2006]. Izhevsk, 2007. pp. 97–108. In Russian.

Panina T. I. Kuyas'kon (podnoshenie / otdarivanie) v praktike vrachevaniya udmurtov [Sacrificial offering *куяськон* in the Udmurt folk medicine]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2019. Vol. 3. No. 3. pp. 420–428. In Russian.

Pervukhin N. *Eskizy predanii i byta inorodtsev Glazovskogo uezda. Sledy yazycheskoi drevnosti v obraztsakh ustnoi narodnoi poezii votyakov* [Sketches of folk legends and life of non-Russians living in the Glazovsky uyezd. Traces of pagan antiquity in the Votyak folk poetry]. Vyatka: Gub. tip. Publ., 1889. Sketch IV. 84 p. In Russian.

Sadikov R. R. *Traditsionnye religioznye verovaniya i obryadnost' zakamskikh udmurtov (istoriya i sovremennye tendentsii razvitiya)* [Traditional Religious Beliefs and Rituals of the Zakamsk Udmurts (History and Contemporary Development Trends)]. Ufa: Tsentr etnologicheskikh issledovanii UNTS RAN Publ., 2008. 232 p. In Russian.

Sadikov R. R., Khafiz K. Kh. *Religioznye verovaniya i obryady udmurtov Permskoi i Ufimskoi gubernii v nachale XX veka (ekspeditsionnye materialy Uno Khol'mberga)* [The religious beliefs and the rituals of the Udmurts of the Perm and Ufa governments in early 20th century (Materials from Uno Holmberg's expeditions)]. Ufa, 2010. 100 p. In Russian.

Smirnov I. N. Votyaki: Istoriko-etnograficheskii ocherk [The Votyaks: A Historical and Ethnographic Study]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii* [Proceedings of the Society for Archeology, History and Ethnography]. T. 8. Vyp. 2. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo universiteta Publ., 1890. 356 p. In Russian.

Chernykh A. V. *Udmurty Kuedinskogo raiona: istoriya i kul'tura* [The Udmurts of Kuedinskii district: history and culture]. Perm' – Kueda. 2002. 70 p. In Russian.

Shklyaev G. K. *Ocherki etnicheskoi psikhologii udmurtov* [Essays on Udmurt ethnic psychology]. Izhevsk, 2003. 300 p. In Russian.

Shutova N. I. *Dokhristianskie kul'tovye pamyatniki v udmurtskoi religioznoi traditsii: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Pre-Christian Cult Monuments in the Udmurt Religious Tradition: Integrated Research Experience]. Izhevsk: UIIYAL UrO RAN Publ., 2001. 301 p. In Russian.

Munkácsi B. *Votják Népköltészeti Hagyományok.* Budapest: Kiadja a Magyar Tudományos Akadémia, 1887. 335 l. In Hungarian.

Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Helsinki, 1952. 715 p. In German.

Received 08.09.2020

Panina Tatiana Igorevna,
Candidate of Sciences (Philology), Researcher
Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS
4 Lomonosova St., Izhevsk, Russia 426004
E-mail: tipanina@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1(045)

Т. В. Зверева

«СУМЕРКИ БОГОВ» В ПОЭТИЧЕСКОЙ КНИГЕ СЕРГЕЯ СТРАТАНОВСКОГО «ОЖИВЛЕНИЕ БУБНА»

Данная статья обращена к книге Сергея Стратановского «Оживление бубна». Новизна работы связана с тем, что в ней впервые представлен развернутый анализ данного текста. В фокусе исследования – поэтическая интерпретация мифов народов России (карело-финские, марийские, мордовские, удмуртские, чувашские, мансийские, татарские, башкирские, бурятские, чукотские, нивхские, якутские и т. д). Особое внимание в статье уделено анализу стихотворений, обращенных к финно-угорским преданиям и мифам. Стратановский не только выявляет уникальность отдельных культур, но и обнаруживает единые архетипические структуры, на глубинном уровне нивелирующие внешние различия. Главный конфликт книги – столкновение языческих верований и пришедшей им на смену христианской веры. Большинство текстов оказываются преломлением «основного мифа», в качестве которого у Стратановского выступает «цивилизационный миф» о приходе Учителя. Важную роль в формировании смысла играют отсылки к литературным претекстам («Калевала», А. Блок, К. Ф. Жаков и Ю. С. Рытхэу и т.п.). Анализ текста позволил сделать вывод об условности художественного времени, которое соотносится не только с прошлым, но и с настоящим, т. е. речь идет не столько о конкретном моменте в истории человечества, сколько о ситуации «здесь и сейчас» (hic et ubique). В «Оживлении бубна» поднята важнейшая для современной России проблема, касающаяся соотношения русской культуры и культуры малых народов. Особо отмечена восходящая к фольклору принципиальная вариативность книги – имеется несколько авторских версий «Оживления бубна», которые отличаются между собой количеством текстов и жанровым составом.

Ключевые слова. С. Стратановский, постмодернизм, неофициальная поэзия, ленинградский андеграунд, поэтический цикл, миф, фольклор, архетипы, «Калевала».

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-651-658

Имя Сергея Стратановского по праву занимает одно из самых значимых мест на современном поэтическом Олимпе. Представитель «филологической школы», неофициального крыла ленинградской поэзии 1970-х гг., Стратановский по-прежнему много пишет, и его стихи носят крайне злободневный характер. В силу самого разного рода обстоятельств «филологическая поэзия» долгое время не привлекала внимания литературоведов, являясь в лучшем случае объектом критики. Собственно литературоведческий интерес к представителям ленинградской поэзии возник в начале 2000-х гг., когда появился ряд важных исследовательских работ, в которых были очерчены принципы уникальной поэтики как неофициальной поэзии в целом, так и творчества Стратановского в частности. [Нестеров 2003; Нитченко 2010; Луцевич 2010; Бак 2015]. Поэзия Сергея Стратановского характеризуется не столько утонченной игрой с предшествующей литературой («Башмачкин», «Болдинские размышления», «Иван Федорович Шпонь-

ка», «Гоголь в Иерусалиме», «Обломов», «Князь Мышкин», «Залепетал в исступленьи Шатов…», «Крысолов», «Шариков – Преображенскому», «Эдуард Багрицкий» и т.д.), сколько переосмыслением первичных кодов человеческой культуры. Предмет этой поэзии – катастрофическое столкновение эпох: языческой и христианской. Строгановский заново переосмыслил ветхозаветные и новозаветные сюжеты (книги «Смоковница», «Иов и Араб»), а также фольклор и мифы народов России (книга «Оживление бубна»).

«Оживление бубна» – беспрецедентное путешествие русского автора по фольклору народов России. Будучи в 1960-е гг. участником семинара В. Я. Проппа, Сергей Стратановский побывал на берегах Онежского озера, где в составе студенческой диалектологической экспедиции записывал фольклор, эти первичные впечатления отразились в книге, написанной спустя почти 50 лет (в скобках заметим, что Пропп видел в Стратановском будущего фольклориста). При обращении к анализу книги «Оживление бубна» необходимо иметь в виду, что книга написана не только поэтом, но и филологом, чьи теоретические и практические познания фольклора приводят к порождению неожиданных смыслов.

Поэтическая книга Стратановского включает в себя стилизацию эпоса малых народов России. Взгляд извне – взгляд всегда провокационный по своей сути. Насколько близко удалось представителю другой культуры приблизиться к пониманию того или иного культурного феномена? Возможен ли подлинный диалог между различными культурами? И не нарушают ли подобные тексты хрупкое равновесие между национальными мирами? В «Оживлении бубна» русская культура осмыслена как культура узурпирующая. Имперское величие России, по мысли автора, во многом обеспечено кровью и болью малых народов. Конфликт «большого» и «малых» миров усиливается трагическим столкновением языческой и христианской веры. В данном аспекте «Оживление бубна» – книга своевременная, еще раз указывающая не своеобразие России, на отсутствие в ней единой национальной картины мира. Однако парадокс заключается в том, что, критически осмысляя прошлое и указывая на тотальную власть русского народа над национальными меньшинствами, Стратановский сам в очередной раз покушается на чужие мифы, присваивая себе право на внешнюю оценку происходящего. Вместе с тем взгляд извне неизбежно разрушает миф, ибо миф есть «высшая реальность», не допускающая позиции вненаходимости. Вследствие этого перед автором стояла очень сложная задача: с одной стороны, воскресить мифологические сказания малых народов; с другой – сохранить их аутентичность, не разрушить мифа от соприкосновения с поэтическим словом. Именно этой, не снимаемой противоречивостью и напряженностью авторского взгляда, интересно данное произведение.

Как известно, у народов Сибири бубен – это «не только музыкальный инструмент, но и универсальное выражение модели мира, карта мироздания» [Новик, Христофорова]. Так уже в названии книги очерчивается смысловая перспектива, связанная с реконструкцией мифопоэтической картины мира. Композиция книги также связана с устройством бубна: с членением мироздания по вертикальной и горизонтальной оси. В Предисловии указан еще один принцип композиции, восходящий к географическому членению: «Принцип ее композиции – географический: с запада на восток, от карел до нивхов. Не все народы попали в поле моего внимания, поэтому книга эта всегда может быть дополнена. Иногда я точно следовал мифическим и фольклорным сюжетам, иногда же сочинял их сам, используя лишь мотивы» [Стратановский 2019, 225]. Таким образом, художественное пространство имеет тенденцию к предельному расширению, тем более, что данный поэтический цикл характеризуется принципиально открытой структурой, которая предполагает дальнейшее дополнение текстов. Художественное время также предельно раздвинуто – от первовремени до современности (от незапамятной эпохи Вяйнямёйнена, Ёна, Аттилы, Тангара до столетия чебоксарского бухгалтера и уральских «хищных заводов»). Своеобразными временными маркерами являются и отсылки к предшествующим фольклорным и литературным текстам («Калевала», А. Блок, К. Ф. Жаков и Ю. С. Рытхэу и т.п.). В результате подобного построения цикла время обнаруживает свою условность. Кроме того, преодолевается характерная для эпоса «эпическая дистанция» [Бахтин 2000]. Несмотря на

стилизацию древнего эпоса, действие в книге разворачивается «здесь и сейчас» (hic et ubique). Показательно, что в поэтическом цикле превалирует грамматическое настоящее время, а прошедшее время, как правило, выступает в функции настоящего.

Авторские интенции в «Оживлении бубна» связаны как с выявлением своеобразия отдельных культур, так и с обнаружением архетипов, на глубинном уровне нивелирующих внешние различия. В цикле имеются тексты, восходящие к мифам типологически разных народов, но Стратановский показывает их принципиальную близость. Взгляд автора устремлен к исходной глубине – к той первозданной тьме, которая отменяет различия. Так, зеркально отражаются друг в друге истории, рассказанные в стихотворениях «“Говорит дева Луны” Марийский миф» и «“Дева неба”. Якутский миф». Единым сюжетом, объединяющим книгу, является гибель языческих богов: карело-финских, марийских, мордовских, удмуртских, чувашских, мансийских, татарских, якутских и т. д. В целом ряде случаев в пределах одного теста осуществляется синтез разнородных культур: например, в «Урал-Батыре и Гильгамеше» изображен словесный поединок двух героев, принадлежащих башкирскому и шумеро-аккадскому эпосу. «Имена древних героев отсылают к двум разным эпическим мировоззрениям, отношениям к смерти, однако ни одно из них не отменяет друг друга…» [Бак 2015, 469–470]). Принцип сопротивопоставления является ведущим в книге, вследствие чего различные культуры переплетаются друг с другом, образуя новое парадоксальное единство.

Многие сюжеты намеренно созданы автором как поэтические вариации исходных легенд и преданий («“Эква-Пырищ и русский богатырь”. *По мотивам* мансийской устной прозы», «“Бегство богов”. *Фантазия* на зырянскую тему. По образцу рассказа-фантазии К. Ф. Жакова “Бегство северных богов”», «“Литова”. *По мотивам* мордовских песен», «“Говорит бог Тангар”. Фантазия по мотивам чувашских мифов», «“Идегей борется с великаном Алыпом”. *По мотивам* татарского эпоса “Идегей”», «“Гэсар и лама”. Использованы *мотивы* бурятского эпоса “Абай-Гэсэр”» и т.д.). Подобные отступления от изначальных текстов закономерны и вписываются в фольклорную парадигму, с ее установкой на живой голос и сказителя. Отметим также и восходящую к фольклору вариативность «Оживления бубна» – имеется несколько версий книги, отличающихся между собой количеством текстов, но и жанровым составом (некоторые варианты содержат прозаические фрагменты). Принципиальная открытость структуры связана с тем, что книга поднимает вопросы, отбрасывающие тень в будущее, вследствие чего текст может дописываться и дополняться. В какой-то степени, «Оживление бубна» – своеобразное обыгрывание художественных экспериментов, которые были предложены еще в нач. XX в. Каллистратом Жаковым (имя этого писателя чрезвычайно важно как для понимания книги «Оживление бубна», так и для русской словесности в целом [Созина 2007; Созина 2011]).

Уже в первом отрывающем цикл стихотворении («Русский князь и Вяйнямёйнен») содержится этическая и эстетическая декларация. Стратановский обращается к одному из важнейших сюжетов «Калевалы», повествующему о странствиях первогероя по Нижнему миру. Именно там по преданию Вяйнямёйнен должен узнать три слова, нужных для строительства лодки или починки «песенного полоза». «“Починить песенный полоз” – значит вернуть рунопевцу способность сказывать свои руны-заклинания, вложить недостающие слова в его уста» [Кундозерова 2018, 29]. Древнейшие представления о слове как строительном элементе преломляются у Стратановского в реплике Вяйнямёйнена: «Слово лечит, а не губит, / слово строит, а не рушит» [Стратановский 2019, 225]. Поэтическое слово как потомок слова вещего не имеет права на разрушение (в скобках отметим скрытую полемику Стратановского с известным стихотворением Н. Гумилева «Слово», где слову атрибутирована не только созидательная, но разрушительная функция: «Словом останавливали Солнце / Словом разрушали города»). Отказ старого кудесника Вяйнямёйнена от просьбы русского князя использовать слово для победы над врагами показателен. Гибель мира слишком хорошо видима герою, которому только и остается как отказаться от своего права на вещее слово и превратиться в обыкновенного воина, чтобы встретить свою смерть на поле боя и навсегда уйти из чуждого ему мира. Вслед за

Вяйнямёйненом покинут средний мир и другие боги. Неотвратимость *другой* культуры, *другого* времени, *другого* героя – сквозные темы, организующие идейно-художественное единство книги. Приход христианской эры осмыслен автором как трагический слом времен. Так в стихотворении «Бегство богов», связанным с рассказом К. Ф. Жакова «Бегство северных богов», великий Ён с горестью говорит о приходе нового бога:

Но недолог наш век
и конец его близок уже.
Вижу в толще грядущего
человека, с крестом к нам идущего,
Черноризца великого…
Повернет он народ к богу новому,
И народ нас низложит
[Стратановский 2019, 226]

Ему вторит чувашский Тангар:

Но прошло наше время.
……
И вот теперь новый бог
Сокрушил наши троны,
выгнал нас из дворцов изумрудных
[Стратановский 2019, 234]

Нижний мир – единственное надежное пристанище для героев книги:

«…И хочу сойти я к смерти,
к Туонелы водам черным»
[Стратановский 2019, 225];

«Мы уйдем от напасти,
мы в ладье поплывем с вами вместе
В море мрака холодного,
В море последнее – вместе»
[Стратановский 2019, 226].

Тема смерти как ведущая заявлена уже в эпиграфе, взятому из «Калевалы»: «У потока Туонелы / У глубоких вод Маналы». В карело-финском эпосе Туонела (Манала) – мифическая страна, связанная с миром мертвых. Как показано в исследовании V. J. Mansikka, топоним Туонела (*Tuonela*) образуется путем прибавления суффикса – la к основе лексемы “tuo-ni”, что означает «смерть, местопребывание мертвых» [«Suomen sanojen...» 2000, 330]. В основе параллельного Туонеле топонима Манала (*Manala*) лежит лексема “mana”, которая в свою очередь также восходит к семантике смерти [Turunen 1949, 202]. Обращает на себя внимание тщательная разработка данного сюжета в карельской и финской мифологии [Siikala 2012]. Если в «Калевале» сопряженное с опасностью странствие по мертвому необходимо героям для добычи сакрального знания, то у Стратановского Нижний мир – последнее пристанище богов, которым нет места в прежней действительности. В свою очередь последние стихотворения цикла также обращены к водным мифам, но теперь финские реки уступают место морям народов крайнего Севера («“Потомок кита”. Использованы мотивы повести Ю. С. Рыхтэу», «“Говорят охотники на тюленей”. Нивхский обряд»). Таким образом, «черные», «огнемутные» воды закольцовывают цикл, а завершается книга «Эвенкийскими похоронами». Стратановский уходит от мифологической модели восприятия мира, для которой свойственно понимание смерти как но-

вого рождения. Воды Туонелы и Маналы поглощают богов и первогероев навсегда, эсхатология превалирует над космогонией.

Для понимания замысла важно, что Стратановский предпочитает говорить от лица персонажей, вследствие чего изменяется и угол зрения на описываемые события и, самое главное, – оценка происходящего. Ориентация на голос героя часто проявлена в названиях стихотворений: «“*Говорит* дева Луны”. Марийский миф», «“*Говорит* Бог Тангар”. Фантазия по мотивам чувашских мифов», «“*Говорят* охотники на тюленей”. Нивхский обряд». Отметим также, что конструктивным принципом книги становится разрушение субъектной сферы – границы, отделяющие различные субъектные формы (автор-повествователь, рассказчик, персонаж) оказываются подвижными, как бы перетекающими друг в друга. При этом правом голоса наделен весь мир, в том числе предметы, природа, буквы.

В «Оживлении бубна» язычество выступает в своей жертвенной ипостаси, в то время как новая вера наделена автором чертами агрессивности (подобная оценка связана с изменением угла зрения – это взгляд из времени, предшествующему христианству):

Из Москвы пришли люди с ружьями.
Люди жадные, злые
К нам пришли и сказали: «Несите
Шкурки беличьи, заячьи,
соболей и куниц нам несите
[Стратановский 2019, 232]

Тема враждебности насаждаемой веры особенно ярко проявлена в стихотворениях, обращенным к финно-угорским мифам («“Человекодеревья”. Марийский миф», «“Литова”. По мотивам мордовских песен», «“Лесная книга”. Удмуртский миф»). Кричит марийская рябина, изрубленная по указанию попа («Криком кричала она, и до сих пор этот крик / Ночью слышен бывает» [Стратановский 2019, 227]); стонет от боли кинутая в огонь Лесная книга удмуртов («Застонала она, а потом заорала от боли…» [Стратановский 2019, 232]); проклята местным попом мордовская Литова («В пост великий не ходит Литова / В церковь Божью о грехах своих молиться…» [Стратановский 2019, 230]). В этих и других случаях можно говорить о гибели Космоса, неизменно сопровождающегося криком жизни. Мы уже писали, что Стратановский в большинстве случаев обращается к преданиям, типологически общим для различных культур. Так, в «Лесной книге» воскрешена история об утраченной книге удмуртов: книга, хранящая сакральные знания, сжигается в момент прихода русских. В результате боги навсегда отворачиваются от народа, не сумевшего сохранить «лесные буквы». Как показано в исследовании А. Камитовой, подобные представления характерны не только для удмуртского народа, но присутствуют и в мифологии близких народов – марийцев, мордвы, т.е. речь в очередной раз идет об общих архетипических сюжетах [Камитова 2016, 55–63].

Исходя из выше сказанного, ведущей темой в «Оживлении бубна» является столкновение двух эпох – дохристианской и христианской (в сущности большинство текстов оказываются преломлением «основного мифа», в качестве которого у Стратановского выступает «цивилизационный миф» о приходе Учителя). Возможным претекстом «Оживления бубна», на наш взгляд, могут быть «Труды и дни» Гесиода (напомним, что отцом поэта был Георгий Стратановский – известный переводчик трудов Гесиода. Безусловно, Сергею Стратановскому, филологу по образованию, были хорошо известны «Труды и дни»). В то время как человеческая культура в целом ориентирована на прогрессивную модель истории, древнегреческий автор в своем главном труде утверждает противоположную – регрессивную – модель, в соответствии с которой «золотой век» уступает место «железному» и положение людей ухудшается с течением времени.

Вместе с тем, в «Оживлении бубна» прошлое и настоящее не столько противопоставлены, сколько сопоставлены друг с другом. Речь идет не о конкретном моменте в истории чело-

вечества, но о вечной борьбе света и тьмы, нижнего и верхнего миров. Не случайно целый ряд текстов обращен к сюжету поединка, в том числе и словесному агону («Идегей борется с великаном Алыпом», «Урал-Барыр и Гильгамеш», «Эква-Пырищ и русский богатырь», «Гэсэр и Лама»). В одном из своих исследований О. М. Фрейденберг писала о первичной сути подобных поединков: «...Один герой олицетворяет аспект “преисподней”; другой – “неба”. <…> поединок представляет собой агон этих же двуединых носителей положительно-отрицательной стихии – воплощений в живом виде “да”, жизни, и “нет”, смерти» [Фрейденберг 1998, 77]. Единство всех времен обеспечено невозможностью окончательной победы человека над нижним миром, о чем говорит один из героев книги («“Нюргун-Боотур в старости”. Использованы мотивы якутских олонхо»):

…и, наверно, века продолжаться
Будут войны со злом,
потому что мир Нижний, мир хищный
Никогда не исчезнет
[Стратановский 2019, 245]

При этом в «Оживлении бубна» стерта граница, отдаляющая жизнь людей от существования Богов. В данном аспекте изображенный автором мир обладает удивительной целостностью, подчинен единым законам – общим для обитателей верхнего, среднего и нижнего миров.

В ткань всей жизни страданье
вплетено незаметными нитями.
Все страдают… Боги – и те страдают…
[Стратановский 2019, 243]

В соответствии с авторской логикой пришедшее на смену язычеству христианство заведомо несет в себе черты всё той же обреченности, поскольку история человеческой культуры неотделима от трагической смены формаций, катастрофические сломы – неизменное свойство истории как таковой. Жизнь людей и жизнь Богов подчинена единым законам, один из которых – умение смириться перед неотвратимостью нового хода вещей и вовремя уйти в Нижний мир. Однако драматическая тональность всё же не определяет смысловое целое книги. Сергей Стратановский возвращает Слову его изначальную (вокативную) функцию – называть имена героев и тем самым воскрешать мифы. Название книги оказываются решающим для понимания позиции автора и напрямую отсылает к важнейшему для русской культуры «орфическому сюжету» о добывании «живого слова» [Асоян 2015]. Боги нисходят, уходят герои, но «бубен», олицетворяющий у Стратановского поэзию, остается тем инструментом, благодаря которому осуществляется связь времен и через который возможно услышать живой голос прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

Асоян А. А. Семиотика мифа об Орфее и Эвридике. СПб.: Алетейя, 2015. 88 с.

Бак Д. Сергей Стратановский // Бак Д. Сто поэтов начала столетия: Пособие по современной русской поэзии. М.: Время, 2015. С. 467–472.

Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 300 с.

Камитова А. В. Книга и письменность в традиционных представлениях удмуртов // Филологические науки. 2016. № 5 (158). С. 55–63.

Кундозерова М. В. Туонела: иной мир в системе координат карельского эпоса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 6. С. 28–35.

Луцевич Л. «Ленинградский религиозно-мистический круг 1970-х годов» (к проблеме культурной памяти) // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2010. № 2. С. 68–85.

Нестеров А. Герменевтика, метафизика и «другая критика» // Новое литературное обозрение. 2003. № 3. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2003/3 (дата обращения: 24.07.2020).

Нитченко А. Сергей Стратановский. «Оживление бубна» // Зинзивер. 2010. № 3. URL: https://reading-hall.ru/publication.php?id=2499 (дата обращения: 20.07.2020).

Новик Е. С., Христофорова О. Б. Визуальные образы мира в сибирском шаманизме. Ч. 1. URL: https://esoterics.wikireading.ru/11361 (дата обращения: 10.07.2020).

Созина Е. К. Комиэтничность К. Ф. Жакова в контексте русской культуры // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 14. № 53. С. 222–230.

Созина Е. К. О творческой мифологии Каллистрата Жакова в культурном контексте рубежа XIX–XX вв. // Уральский исторический вестник. 2011. № 4 (33). С. 13–18.

Стратановский С. Изборник: стихи 1968–2018. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 384 с.

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.

Siikala A. L. Itämerensuomalaisten mytologia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2012. 536 s.

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. R–Ö. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2000. 503 s.

Turunen A. Kalevalan sanakirja. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1949. 350 s.

Поступила в редакцию 12.09.2020

Зверева Татьяна Вячеславовна
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, г. Ижевск, Университетская, 1 (корп.2)
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

T. V. Zvereva

“TWILIGHT OF GODS” IN SERGEY STRATANOVSKY'S POETIC BOOK “ANIMATION OF THE TAMBOURINE”

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-651-658

The paper analyses the book *Animation of the Tambourine* by Sergey Stratanovskii. The research focuses on the poetic interpretation of the Russian peoples’ myths (Karelian-Finnish, Mari, Mordovian, Udmurt, Chuvash, Mansi , Tatar, Bashkir, Buryat, Chukchee, Nivkhi, Yakut, etc.). Special emphasis is made on the analysis of the poetry which refers to Finno-Ugric legends and myths. The author considers that S. Stratanovskii not only educes the unique character of certain cultures but also reveals universal archetypical structures which moderate surface differences on the primal level. The main conflict of the book is the clash between heathen beliefs and Christian faith which replaced them. Most texts deflect S. Stratanovskii’s ‘basic myth’, i.e. the ‘civilization myth’ about the Teacher’s arrival. Reference to fiction pretexts (*Calevala*, A. Blok, K. Zhakov and Y. Rytkheu, etc.) play an important role in sense making. Text analysis lets the author draw the conclusion of conventionality of artistic time continuum which correlates with past and present as well which means the hic et ubique situation rather than a given period in human history. *Animation of the Tambourine* raises a most important problem for the present-day Russia, namely the problem of interrelationship between the Russian and indigenous ethnic groups’ cultures. The fact ascending to folklore – fundamental variability of the book – is noted as there are a few copies of *Animation of the Tambourine* written by the author himself which differ in number of texts and genre composition.

Key words: S. Stratanovsky, postmodernism, informal poetry, the Leningrad underground, poetic series, myth, folklore, archetypes, "Kalevala".

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 651–658. In Russian.

REFERENCES

Asoyan A. A. Semiotika mifa ob Orfee i Evridike [Myth semiotics about Orfee and Evridike]. SPb.: Aletejya, 2015. 88 p. In Russian.

Bak D. Sergei Stratanovskii [Sergey Stratanovsky]// Bak D. Sto poetov nachala stoletiya: Posobie po sovremennoi russkoi poezii [Hundred poets of a beginning of the century: the Grant on modern Russian poetry]. M.: Vremya, 2015. Pp. 467–472. In Russian.

Bahtin M. M. Epos i roman [The epos and the novel]. SPb.: Azbuka, 2000. 300 p. In Russian.

Kamitova A. V. Kniga i pis'mennost' v tradicionnyh predstavleniyah udmurtov [The book and writing in traditional representations of Udmurts] / Filologicheskie nauki [Philological sciences]. 2016. № 5 (158). Pp. 55–63. In Russian.

Kundozerova M. V. Tuonela: inoi mir v sisteme koordinat karel'skogo eposa [Tuonela: other world in system of co-ordinates of the Karelian epos] // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Petrozavodsk state university]. 2018. № 6. Pp. 28– 35. In Russian.

Lucevich L. «Leningradskii religiozno-misticheskii krug 1970-kh godov» (k probleme kul'turnoj pamyati) ["The Leningrad religious-mystical circle of 1970th years" (to a problem of cultural memory)] / Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury [The house of Burganova. Culture space]. 2010. № 2. Pp. 68–85. In Russian.

Nesterov A. Germenevtika, metafizika i «drugaya kritika» [Hermeneutics, metaphysics and "other criticism"] // Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review]. 2003. № 3. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2003/3 (data obrashcheniya: 24.07.2020). In Russian.

Nitchenko A. Sergej Stratanovskii. «Ozhivlenie bubna» [Sergey Stratanovsky. "Tambourine Revival"] // Zinziver [Zinziver]. 2010. № 3. URL: https://reading-hall.ru/publication.php?id=2499 (data obrashcheniya: 20.07.2020). In Russian.

Novik E.S., Hristoforova O. B. Vizual'nye obrazy mira v sibirskom shamanizme [Visual images of the world at the Siberian shamans]. URL: https://esoterics.wikireading.ru/11361(data obrashcheniya: 10.07.2020).

Sozina E. K. Komietnichnost' K. F. Zhakova v kontekste russkoi kul'tury [Komietnichnost K. F. Zhakov in a context of Russian culture] // Izvestiya Ural. gos. un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki [News of the Ural state university. A series the Humanities]. 2007. Vyp. 14. № 53. Pp. 222–230. In Russian.

Sozina E. K. O tvorcheskoi mifologii Kallistrata Zhakova v kul'turnom kontekste rubezha XIX-XX vv. [About creative mythology of Kallistrata Zhakova in a cultural context of boundary XIX-XX centuries] // Ural'skii istoricheskii vestnik [The Ural historical bulletin]. 2011. № 4 (33). Pp. 13–18. In Russian.

Stratanovskij S. Izbornik: stihi 1968–2018 [The collection: verses 1968-2018]. SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2019. 384 s. In Russian.

Frejdenberg O. M. Mif i literatura drevnosti [Myth and the antiquity literature]. M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 1998. 800 p. In Russian.

Siikala A. L. Itämerensuomalaisten mytologia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2012. 536 p. In Finnish

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. R–Ö. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 2000. 503 p. In Finnish

Turunen A. Kalevalan sanakirja. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 1949. 350 p. In Finnish

Received 12.09.2020

Zvereva Tatyana Vjacheslavovna
The Doctor of Philology, the professor
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1/2
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

УДК 821.511.141.091-1 (045)

Patrik Šenkár

HUNGARIAN AND SLOVAK ISSUES IN THE TEXTS OF LAJOS HAAN IN THE BACKGROUND OF CULTURAL AND LITERARY SCIENCE

Slovaks living abroad form an integral part of the Slovak national cultural context. They create values that need to be preserved, enhanced and point out their versatility and use for contemporary forms of cultural identification. Slovaks in Hungary, who have been living in the vicinity of Békéscsaba for more than three hundred years, are also an important component of the Slovak minority of Hungarian Lowland. From this "Slovak Palestine", as Ján Kollár named it, in the 18th and 19th century a historical-religious-cultural center of Slovaks (and also Hungarians) was created, which can still be rightfully proud of its heritage. Being a part of it, as a kind of pioneer, even as a historical basis, is also the personality of Lajos Haan (1818–1891), who performed his versatile activity in the chronotope of "Hungarian and Slovak" Békéscsaba. In this spirit, the article interprets his letters, his diary, "Pamätnosti" (Memoirs) and "Dejiny" (History), while presenting material and immaterial sources, monuments, inspirations that have been, are and will certainly be useful in artistic, cultural and literary "communication". It is based on the attributes of cultural and literary science, which is thus an integrative model of literature research: a set of approaches that focus on cultural topics, theories and methods. The region of Békéscsaba (*pars pro toto:* contemporary Hungary) is its focus. In selected texts of his material writings, Lajos Haan reflects his closer understanding of cooperation with the environment, from a broader point of view the intra- and interculturality of Hungarians and Slovaks: their coexistence, cooperation and diverse creative efforts. It points out the importance of Haan's personal contacts within the contemporary social environment, which is also specified in his personal letters. Memoirs are a testimony of an intellectual from the second half of the 19th century; to today's reader they will reveal the "strange, interesting, Hungarian" atmosphere of the time – in the background of social, political, historical, cultural and literary attributes. The description of the characteristic features of the city is a symbol of the peaceful coexistence of nations and nationalities in the Lowlands. In fact, the article presents the complex activity of an unusual personality: a Hungarian historian and a Slovak priest in one person, Lajos Haan, whose texts are interesting and current for today.

Keywords: Slovaks of Hungarian Lowland, Southeastern Hungary, Hungarians, Lajos Haan, national (minority) identity, cultural science, literary science, interpretation.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-659-674

Dedicated to the memory of Lajos Haan, the first serious historian of Lowland Slovaks on the occasion of the 130th anniversary of his death

Quis leget pro honore hungarorum slavorum?
(An appeal by Adolf Molitoris, teacher of Lajos Haan at the Gymnasium in Mezőberény)

Cultural-literary aspects are important attributes of a nation's existence. Throughout the world, they create values that reflect the maturity of the human community in space and time. This is no

different on the European continent, where artistic artifacts have been established in ancient Greece that are impressive to this day. Of course, different geopolitical determinants also influenced these processes: national borders changed, different interests were emphasized. The nation has so easily become a nationality: in another state, in a different social environment. The existence of ethnic being is thus an eminently specific issue. However, this territorially differentiated but ideologically connected bond with the "mother" country evokes different feelings in people's souls. And these are the points of contact in revealing the phenomenon of national existence of this or that (smaller or larger) human community. It is directly the duty of culturally active individuals to "protect the fire" of their own identity, their own language – and thus contribute to the common being of the wider geographical environment or to the general culture as such (on a global scale). Protestant religion and language have resulted in cohesion and the consolidation of identity among the population. Of course, linguistically different variants – dialects have developed in this region as well. These were also investigated to a lesser extent by Lajos Haan (around 1845), who in his publications also wrote about Hungarian-Slovak linguistic relations in general form [for more details, see Tóth 2008, 24]. On the other hand, this existence demands from the "majority" nation empathy and benevolence not only in ideas but also in actions and deeds. It is therefore necessary to create a wide range of possibilities, which makes visible, strengthens (i.e. creates) the creative perspective of the minority in the societal (thus also cultural) field. Writings also play a role in this – in our case, especially from the cultural point of view. This is consistently true of the literary sphere as well, whereas poets and writers have long constituted the memory of the nation. These (cultural) documents and their concretizations give us signals, remind us of important milestones and show the (possible) path of the future.

Mutual interactions are studied by cultural and literary science, which perceives literary texts as communicative manifestations of the self-reflection of culture itself. The Institute of World Literature of the Slovak Academy of Sciences (together with selected university departments) has, as part of its project activities, recently developed and published the so-called Hyperlexicon of literary terms on the Internet (www.hyperlexikon.sav.sk), which states that the goals of this area are to point out the reciprocal relationships between literary texts and cultural phenomena of various kinds. This means that it is not just a question of interpreting literary works, but also of identifying historically identifiable cultural patterns that can be traced in given literary texts. The field of subjects of its research is so wide and complex, it contains practically every cultural phenomenon, which is the subject of reflection and (in our case literary, intercultural) communication based on cultural memory research. Within European civilization (and thus within historical memory as a pillar of cultural science literary science), Central Europe is an important chronotope, as the core of Europe without all the peninsulas and without the Eastern European Plain. According to the geographical-historical definition, this includes Germany, Austria, Switzerland, Liechtenstein, Poland, the Czech Republic, Slovakia, Hungary, Slovenia and Croatia. This means that in terms of the choice of our topic, the former Austria-Hungary was an integral part of this chronotope as a territory of constant clashes, interactions, historical and social turbulence. And it was there that Lajos Haan also worked.

Lajos Haan was an important figure: for almost four decades he served as a priest in the largest Hungarian Evangelical ecclesiastical community in the Lowlands, Békéscsaba (1855–1891); he was the chief notary of the church and the author of important works on local history; as an intellectual working with the Slovak mother tongue, but in adulthood having a Hungarian identity, he witnessed the contemporary Slovak national movement and the creation of Hungarian-Slovak relations. Significant sources remain after him: more than a hundred letters, a diary (memoirs) and about twelve manuscripts. His correspondence or memoirs are important testimonies of 19th century Békéscsaba, Hungarian scientific life, the life of the Evangelical Church or the national movement. It is therefore part of not only Hungarian but also Slovak history and literature. The inspiration for his diligence was, in particular, a desire for self-realization or creative ambition and the resulting internal need to respond to external stimuli and leave important statements behind. That's why we consider Haan: "... a personality who revealed the Lowland roots of Slovakia, except in a broad historical context, in

other words, his interest in Lowland Slovaks was part of the interest in history in general" [Andruška 2007, 187].

He was born on August 13, 1818 in Sámsonháza to the family of the evangelical pastor János Haan (1779–1855) and Judit Mária (born Petényi; 1793–1862). He graduated from the folk school in Békéscsaba. Already in this period, he became interested in history. Over the years, he argued that the primary source of national awakening was the following (subjectively described) experience: "He was interested in history as a student. While his peers played games, he preferred to retreat to his father's study and flip through the registers. When he was nine years old, he became friends with 90-year-old Matej Sekerka. They enjoyed each other's company for long hours, the old man talked about how life had once been, and the boy asked about everything. He wondered what Csaba had always looked like, who the first preachers and teachers were, what they were like, where the first schools stood..." [Borguľa, Švihran 1979, 142]. He later studied at the lower senior evangelical Gymnasium in Mezőberény (1829–1834) and in the Prešov (Hung. Eperjes) Evangelical College (1834–1839). Studying in this city enabled him to actively participate in Hungarian and Slovak self-education society. He was "... not only one of the most active members of the Slovak Society, but he also served as secretary in this society and was the most productive poet in it" [Jančovic 2012, 49]. This five-year stay was of great importance for the formation of his personality (interest in theology, philosophy, history, folklore, translation, poetry). He maintained written contact with Ján Kollár and Samo Bohdan Hroboň; every day he tried to cooperate and coexist with Slovak and Hungarian students. He became a librarian in the educational association, then a secretary and later a vice-president. After graduating from the College of Prešov (Hung. Eperjes), he worked for a year as an educator and chief servant in the Békés county. In 1841 he traveled via Prague, Teplice, Dresden, Leipzig and Altenburg to Jena, where he enrolled at the university and lived through an "unforgettable half year". In Prague, he met several representatives of the Czech national revival: Jungmann, Palacký, Šafárik. He studied his second semester at the University of Berlin. Despite attending philosophy lectures with Friedrich Wilhelm Schelling, he did not particularly inspire him to do so (he considered it impractical, difficult to digest for the Hungarian stomach). In addition to studying theology, he also devoted himself to several areas: he attended lectures on Hegel's logic, Slovak folk poetry, and became acquainted with popularized ideas about Slavic reciprocity. He also participated in the activities of the Hungarian Student Association, which we consider a testimony to his (temporary) departure from the Slovak national beliefs. However, he left Berlin in 1842: he traveled to Germany and Austria, and later to Pozsony (Pressburg, contemporary Bratislava). That same year, he returned to Békéscsaba and became a Hungarian teacher at a middle-class burgher school. Not only in this immediate form, but also in his overall activity, he contributed to the creation of social (i.e. Hungarian and Slovak) bilingualism in Békéscsaba. This "... bilingual linguistic and dual cultural model advocated by Lajos Haan has proved its worth in this area..." [Žiláková 2018, 116]. In 1843 he was ordained an evangelical priest in Banská Štiavnica (Hung. Selmecbánya) and became an assistant chaplain of his father. On October 1, 1846, he married Karolína Vilim (married by a prominent Lowland priest and cultural historian Daniel Brozman), who soon died (1849). He took part in the Revolution (1848) as a military priest in Nagybecskerek. In the same year (September 20), his only daughter Karolína was born. He later received an offer from the church in Nagylak, where he was unanimously elected priest. He lived through the years 1849–1855 as a Slovak evangelical priest in Nagylak [for more details, see: Saják 1994, 131–134). After his wife's death, he remarried (May 1, 1850), this time to his sister-in-law Amália Vilim (they were married by his father János Haan; according to the tombstone Amália Wilim; she died exactly on the day of her seventieth birthday on November 12, 1898). It was in Nagylak that he began to systematically devote himself to regional and ecclesiastical history, in connection with it also to ethnography, archeology and the history of art. His father died on September 12, 1855, and so he was called to his priesthood in Békéscsaba, which was then the largest evangelical parish in Hungary. Haan gradually developed into a renowned historian (he became a member of the Hungarian Historical Society). Around 1855, therefore, Haan began to devote himself to more thorough, more

serious writing (as we identify, for example, from his memoirs; before that he took it as a kind of hobby, filling breaks in his priestly vocation). In this period, we actually record his symbolic and concrete transformation into a professional historian, which gradually gained a proper place in the national (i.e. Hungarian) scientific life. Thanks to that "... the Békéscsabian topographer became a nationally known and respected historian" [Demmel 2018, 108]. After the establishment in the home region, he began to tend more towards the so-called double identity. He first wrote in Latin, German, Hungarian, Czech, and later in Slovak. His Czech is actually biblical and Slovakized Czech. In 1858 he was elected a member of the Learned Estonian Society (*German Gelehrte Estnische Gesellschaft, Estonian Õpetatud Eesti Selts*) in the city of Tartu. In 1877 he became a corresponding member of the Hungarian Academy of Sciences; he was later awarded the Knight's Cross by the Council of Ferenc József (1881). He died in Békéscsaba on August 12, 1891; he is buried in the evangelical cemetery Kastélyi. [Thus, in 2021 we commemorate the 130th anniversary of his death. For a more detailed biobibliography of Lajos Haan, see: Šenkár 2018, 84–88, Štefanko 2004, 198–201 and Kmeť 1991, 167–174.]

In contemporary Békéscsaba two equal collaborating priests served at the same time: Gusztáv Szeberényi and Lajos Haan. Thanks to their cooperation (but also certain disagreements), the Evangelical Church (and thus the writings) developed significantly in the region. As an amateur historian, Haan wrote his first work at the request of the presbytery on the occasion of the centenary of the consecration of the so-called small church in Békéscsaba (he published fragmentary data about the city and the church). However, the commission of the church community motivated him to further research, which led to the publication of the first large monograph on the county of Békés (1870). In addition, he collected and published a list and short biographies of up to 1434 students from Hungary who studied in Jena. He was the first to identify the Hungarian ancestors of the German Renaissance painter Albrecht Dürer and proved that he came from an aristocratic Ajtósi family that lived in Ajtósfalva near the town of Gyula). He also founded the Archaeological and Cultural-Historical Society of Békés County in the background of this research.

Lajos Haan grew up in Békéscsaba basically in the Slovak language environment. His parents used Slovak as their mother tongue, but in adulthood the family language of communication was Hungarian. He later – although he consistently defined himself as a Slovak in his diary – clearly identified with the Hungarian national identity. In the late 1940s, he became a supporter of the Hungarian reform movement. However, his Slovakness is (until today) understood in the evangelical ecclesiastical and social context. He was thus "... as a part of the evangelical social network and as an evangelical priest a Slovak, as a publicly active man, intellectual and historian a Hungarian. Haan's two identities manifested themselves in other social networks, which he also himself expresses ... that ... he is a Slovak priest, but a Hungarian writer" [Demmel 2016, 21]. This attribute is also fully reflected in his writings.

As a certain interesting note, Lajos Haan as the chaplain of the Evangelical Church and a professor at the college in Békéscsaba wrote the verse (1847) "Píseň" (Song) on the occasion of redemption, i.e. liberation of subjects from landowners (abolition of landowners' burdens). In the contemporary context, the Slovak prototype and Hungarian translation were authentic and well-known in the region. In it, Haan based it, in the background of the modernization ambitions of the city elite, on the Békéscsabian synergy where, thanks to the peaceful coexistence of Hungarians and Slovaks there were, "... not only internal multiple links, but also the formation of systemic links with neighboring and other regions, these links were multiple, multifaceted and led to the formation of new, more qualitatively complex system levels, while individual regions retained internal identity and became components of higher systemic complexes" [Zajac 1993, 132]. It emphasizes the importance (even extraordinariness) of the city and the unusual event of the mentioned redemption: *"Daloljunk arról, mi történt / Amit jó Csabának most megért. / S mert csodadolgok történtek, / Azért ide figyeljetek..."* – "Let´s sing about what happened / What good Békéscsaba lived through now. / And because miraculous things happened, / Hence watch here..." [Dedinszky 1987, 118–119]. In the background of the social disposition of inhabitants, he

primarily emphasizes freedom, respectively an effort to obtain liberation from servitude (also thanks to the help of God, who is the best lord). However, the "exchange from the right of the Lord" is at the expense of the indebtedness of the whole city, but it is still a certain redemption. Freedom is intellectual wealth – in the background the lyrical subject states: *"Habár szegény vagyok, / Mégis szabad vagyok, / A szegénység nem fáj / Annak, ki szabad már. / Jobb a száraz kenyér / Elnyert szabadságban, / Mint a puha kalács / Kemény szolgaságban."* – "Though I am poor, / I am still free,/ Poverty does not hurt / To who is free already. / Better dry bread / Won in freedom, / Than soft cake / In hard servitude" [Dedinszky 1987, 118–119]. It was a text that historically legitimized local burghers, strengthened and improved their versatility. After all, from this "song" we also identify Haan's versatile talent and interest in public affairs.

From the aspect of choosing our topic, the most important are his letters, diary, "Memoirs" and his publication History of the Old and New Nagylak ("Dejepis starého a nového Nadlaku"). These prototexts point not only to the complex personality of Lajos Haan, but also to the contemporary (not only regional, but also Hungarian) colors.

Haan's life story and all-round creative activity represent a certain archetype of the Lowland Slovak intellectual. He was "the first serious historian of the Lowland Slovaks ... making a great effort to understand the Hungarian and Slovak people" (Ján Sirácky, 1979), who correctly realized that "... his own position and the position of the Lowland Slovak collective predestines him to decipher the way to reconcile languages and cultures, to raise the issue of dual culture" [Divičanová 2002, 487]. Anna Divičanová thus does not consider his dual culture to be accidental, but a natural and lawful manifestation that grew out of an environment where the coexistence of different nationalities was a matter of course, or an everyday reality, thus facilitating good interaction between people of different ethnicities. In addition, in the Slovak language islands, Haan was perhaps the only one who brought together evangelical pastors who took a deeper interest in their Slovak collective, in its past, but also in everyday life and customs. It was he who, in terms of complex identity "... went through an interesting journey from an ardent Slovak (and Slavic) student of the Kollár type through a pragmatically acting member of the Csaba honoration and an opponent of the Štúr movement and its program, to the ideologue of the so-called double identity, i.e. at the same time intellectually mastered Hungarian and ancestrally inherited Slovak identity" [Kmeť 2010, 54]. In the background of these attributes, Rudolf Chmel rightly considers him "... a peculiar author, at best a bilingualist, who ... represents a hybrid national case, which was conditioned on the one hand by his life in the Lowlands and on the other hand by the specific Hungarian conditions that shaped him" [Chmel 1973, 48].

Haan has "... earned a place in literary history, not only in the Lowland national minoritarian, but also in the Slovak literary context and received recognition from Hungarian educational circles ... created a remarkable work and thus contributed to the enrichment and development of regional historiography" [Andruška 2009, 30–31]. This is also evidenced by his publication, which is genre-wise and thematically part of the material work, entitled The History of the Old and New Nagylak, which he published with Daniel Zajac (Sarvaš; 1853; 40 pages). Both were "... among those Lowland Slovak scholars who realized that Slovaks immigrating to the Lowlands in the 18th century settled here permanently and created a peculiar branch of the Slovak nation. And the feeling of pride, that only those have, who have created new life, new settlements, new communities, new spiritual values, has led them to write and record in chronicles, books, articles not only these manifestations of the new, different than in Slovakia, in the "Uplands" of Slovak civilization, but also the connection and growth of these newly created communities with their new homeland" [Štefanko 2004, 191]. It is actually a period-specific documentary about purposeful first steps in Slovak-Romanian relations, despite the fact that the Nagylak community at that time remained in the position of a secondary actor, but this work "... conveys information about the way of life, customs, the existence of Slovak folk culture, as well as interethnic relations. For the Slovaks in Nagylak, it had the value of a founding act..." [Anoca 2010, 43]. Haan as a historian was mainly a self-taught person with a clear inclination to a descriptive (empirical) understanding of historiography, while he was primarily concerned with strict recording, or description of facts, data, events. Evidently – *pars pro toto* – he

preferred chronology, historical statistics or the search for and collection of historical sources. There, too, lies the diachronic value of this work. [However, we have already written about this publication in more detail. For more information, see: Šenkár 2018, 84–89].

Lajos Haan's letters have not only cultural or literary, but also narrative and documentary value for the present. Throughout his life, he addressed them not only to Slovak (Samo Bohdan Hroboň, Jozef Miloslav Hurban, František Víťazoslav Sasinek and others), but also to Hungarian personalities. He complains to Hroboň about the loss of national consciousness, while he emphasizes to this "Slovak brother" the need for some kind of self-determination in the background of the proverb "God helps those who help themselves". He describes (or more precisely: acknowledges) his status as a regional cultural actor, who, however, only furtively finds time to work in the literary field. He always enjoys a well-thought-out response; in his letter he recognizes his addressees of Hungarian nationality as a devoted admirer. He is respectful to Slovaks: he asks Hurban for a critical reading of his manuscript. He subscribes to his ecclesiastical letters, sends charity to the fraternal church, and thanks his own sister for her noble deed for the poor. Haan's social sensitivity is evident, with: "I do not do good to be praised, but because I love goodness" [letter to Samo Bohdan Hroboň – Katona, Demmel 2016, 29]. Like other scholars of the time, he is pleased that the Cithara sanctorum, the Békés-Csaba Memorial or reports on schools in the region have been published. He thinks of the Gymnasium in Nagyőce (Slk. Revúca), which is afflicted by high politics. Overall, however, we can say that in cultural politics he submits to God's will for the benefit of the church, but he is also a moderate patriot. He sometimes directs his gaze backwards (for example to his friendship with Ján Kollár) and forwards (a gift for the construction of the church organ in the village called Sielnica, Hung. Szélnye). He calls for his "brothers" to cooperate, while his humanism is also evident: "One can be both a Hungarian and a Slovak writer and yet a good patriot" [letter to Samuel Bodorovský – Katona, Demmel 2016, 47]. In his understanding, the life and upbringing of the young should be subordinated to the Church, so that the good servants of the Lord may be brought up, thus actually combining the secular and professional branch of the evangelicals in the Lowlands. From a cultural point of view, Haan mentions the beneficial influences of Hungarian and (partly) Slovak associations for the region. He criticizes the politics of social circles, but also highlights their overall cultural work in the area. He proclaims spiritual unity, which is symbolized by the three evangelical churches in Békéscsaba: the largest was being built at the time, the second would not fit local believers on Sunday, and the third was just being restored. In the minds of Lajos Haan himself and the addressees of his letters, the past, present and future are united. The need for learning is also emphasized thanks to his own personal library. Haan lives and longs to live for his people of Békéscsaba in the Lowlands – it is this extremely emotional sound from his letters.

Lajos Haan addresses most of his letters to Hungarian intellectuals, friends, acquaintances, or he deals with the personalities of this cultural environment (Miklós Aranyádi, Ferenc Balogh, János Pálffy, Gábor Prónay, István Pajor, Frigyes Pesty, József Szinnyei, Kálmán Thaly and others). At the same time, he is, naturally, more forgiving and personal to the addressees from the family circle – he acquaints them with the joys and worries of his own microspace. He emphasizes to his sister-in-law Vilma Haan that he put into press a Hungarian prayer book. He informs her about the social situation of the poor in the city and sends an official form of recognition from – the power of his Hungarian office – the chief mayor. He gives his friend the evangelical pastor Gusztáv Steinacker a picture of contemporary conditions in Békéscsaba. In letters written in Hungarian, attention is paid to a historical topic: Haan often addresses his writings to Iván Nagy, the founder of Hungarian scientific genealogy. He asks him to inform him immediately of any information about Békés county that he comes across in Pest libraries. He accentuates his personal efforts to go on a trip to Pest, which would be connected with his visit to scientific libraries and academies. This actually symbolically and realistically creates a branch of the Hungarian community (via research, interaction, contacts). In cooperation, Haan is reciprocal: always accommodating to the other side. At the same time, he is constantly looking for various information in newspapers (Hon, Koszorú, Magyar Gazda, Magyarország és a Nagyvilág,

Pesti Napló, Szarvas, Vasárnapi Ujság, Üstökös etc.). He highlights books and libraries (King Mátyás, Academia Istropolitana, Tinódi, Révai etc.). He is also interested in the history of the Protestant university in Gyula. He often mentions the newly formed historical society and their traveling sessions (for example in the ancient Pannonhalma). For this reason too, it is evident that Lajos Haan respects history (both Hungarian and Slovak), but he does not find enough time in the literary field to – in his own words – "spread his love for the Hungarian language". Based on the proclamation of his Hungarian identity, he highlights through the connection between the state – the religion – the individual the fact: how in a purely Slovak church he founded "... during my tenure, a Hungarian grammar school, two purely Hungarian elementary schools, introduced special Hungarian services on Sunday and published a special Hungarian prayer book for my own needs" [Katona, Demmel 2016, 41]. On the other hand, he promotes and declares the need for Hungarian-Slovak coexistence, which he also concretizes in the memory of Ján Kollár and the translations of his sonnets in his work called Jena Hungarica. On the other hand, he criticizes the Russians. He also supports his claims about the historical peculiarity of the Hungarians by mentioning archeological excavations from the Late Stone and Bronze Ages in the surrounding settlements of Békés County. In the field of culture, he emphasizes the need to establish a library of the mentioned association, as: "Trust me that the many beneficial effects that such associations have on the region in which they were formed cannot be overstated. First of all, the elite of the county intelligentsia, regardless of the party, will unite for a noble goal, which in itself is a great achievement, especially in today's conditions..." [Katona, Demmel 2016, 50]. The fact that the members of this association always meet in other cities of the contemporary multinational Hungary (Temesvár ~ Rom. Timişoara, Kassa ~ Slk. Košice, Szombathely) is mentioned as a renewed symbol of coexistence. The personality of Mátyás Bél is also important in the life of Lajos Haan, as he also devoted himself to this "great ornament of Hungary" in his introductory speech as part of his membership at the Hungarian Academy of Sciences.

He often directs his correspondence to his son-in-law Mihály Zsilinszki, a historian and politician. In it, he criticizes the alienation of the Nazarenes from the Evangelical Church, he writes about the reluctance of the Békéscsaba inhabitants towards their deputy. He highlights some personalities of Hungarian history and the present, which he subsequently cites as role models (Albert Apponyi, András Áchim, János Bethlen, János Hunyadi, Ferenc Rákóczi). He also mentions the importance of building a Hungarian Gymnasium and establishing cooperation between the church of Békéscsaba and church of Zólyom (Slk. Zvolen). Even in the background of this effort, it is important to be aware of the need to travel (i.e. to use the services of the Hungarian Royal State Railways). Thus, Haan wants to get not only prints of Slovak views (Slk. *Slovenské pohľady*), but also to important works of factual writing of Hungarian and Slovak provenance (*pars pro toto:* to the printed sermons of Daniel Krman or to the books of the Pallas publishing house). With his ideas, he is able to go as far as the minister, as, according to him, it would serve the Hungarianization of Békéscsaba. As a role model, therefore, he mentions his younger brother Antal Haan, who hangs a Hungarian flag on top of the bastion in his house on the island of Capri, to inform the surrounding inhabitants of his identity and the fact that he has a Hungarian guest. In this way, even far from Békéscsaba, souls are saved for the needs of the Hungarian homeland. In his letters, Lajos Haan often tried to do this one way or another.

Lajos Haan's diary is formally a memoir. The author began writing it on January 16, 1870, the last records are from 1890; in his life's description, Haan got as far as 1883. Thanks to his text, the reader can, of course, also become acquainted with the contemporary world of the predominantly Slovak Békéscsaba. Using his memoirs "... we can point out what previous worlds meant to former concrete participants and how much different experience has arisen about these past human worlds. Thanks to them, history will be a history of multivocality and plurality" [Gyáni 1997, 28]. Haan's diary suits this context. On the other hand, some criticism is also identifiable in metatexts: "It is strange that Lajos Haan, who was in the pulpit, in public life, a master of the language in his letters, who wrote nice poems in three languages and who was seduced by attractive lectures and always stunned the audience, almost never used his ability to narrate in literature itself and never tried about

a nice style" [Székely 1991, 10]. On the other hand, Haan's bilingualism also had a positive effect on his work itself, as several works were published simultaneously in Hungarian and Slovak. However, his style was often not colorful and readable to readers, which means that he did not adhere to the romantic lures of the 19th century and did not submit to the nationalist branch of historiography. He could also afford it as a person with a German-sounding surname, living in a bilingual Hungarian-Slovak environment with a double identity. He does not want to push forward in his diary texts, his statements are (especially for the future) often "only" self-affirming with an effort to document everything he has experienced. His work is so rich especially in the facts of the narrower or wider region. He never judges, but sometimes his mild cynicism (even sour humor) can be identified in the background. However, his sarcasm is never hateful, but apt. The diary thus served him perhaps as a kind of psychological valve for subjective considerations or statements. In the individual statements, however, a kind of "naughty" feature of his personality also comes to the fore, which, however, is thwarted by his wider applied creative efforts for the gnomic. He is not sentimental, but forgiving, without unnecessary emotions. He expresses his judgments without a doubt even at tragic moments. [For more interesting attributes of a special creative portrait – and especially the style of writing – see: Katona 2016, 130–135 in Slk. and Katona 2017, 352–363 in Hung.; the Hungarian variant contains extended and supplemented information]. As an evangelical priest, he understands the fate of himself and his nation (his nationality), accepts the will of God and does not keep anger in his heart. After all, despite the various pitfalls of life, he remained with two feet on the ground and, like a priest, turned his mind and eyes, naturally, to God.

In his diary, Lajos Haan, of course, bases the text on his own chronological biography: he was born thirty-one years after the battle at Világos, which he considers a mourning day for the Hungarian nation. He also highlights his father János Haan, who did not know Hungarian at all when he arrived in Békéscsaba. However, he later learned, and so from Sámuel Tessedik he was actually the first priest to write in such a complexity the more significant regional events of his church. The fact that they had a mourning speech over his grave in both Hungarian and Slovak also testifies to his true multiculturalism.

In his text, Haan describes in more detail his own childhood memories. Of the young years, he criticizes the absence of school curricula within the evangelical ecclesiastical education. It highlights stylistic school exercises, in which students could optionally choose the language of instruction (German, Hungarian or Slovak). In a reader effective way he clarifies the time during his studies in Prešov (Hung. Eperjes) with regard to the relationship between Hungarian and Slovak – within the city and the school. He liked Rákóczi's Song in the local educational association; he often recited poems by Miklós Zrínyi, Mihály Vörösmarty and József Bajza. The emergence of the Prešov (Hung. Eperjes) Learned Society (1833) is in fact a testament to the overall Hungarianization. In the background, Haan also mentions contemporary political events and especially personalities: Lajos Kossuth, Klemens Wenzel Lothar von Metternich, Imre Vahot, Kálmán Lisznyai, Ferenc Kölcsey, Dániel Irányi, Tivadar Pauler, Ferenc Pulszky, Gábor Döbrentey. At the same time, he criticizes the growing hatred between Hungarians and Slovaks in the city, and therefore he and his teacher come to the conclusion that the mutual rapprochement of these two nations could be effective, especially thanks to the knowledge of their literatures. In this student period, we record a kind of zealous zeal for Hungarian, also highlighting its historical, diachronic aspect: *"De ismered-e keleten a magyarok / Vérrel kivívott, drága hazáját, / Ahol egykor Hunyadi és bátor csapatai, / erős kézzel fojtották el a törökök dühét? / Ahol a zefír ringatja az aranyló vetést? / A magas, aranyban gazdag Kárpátok országát?"* – "But do you know in the east / The Hungarians' blood-fought precious homeland, / Where Hunyadi and his brave troops, / Once stifled the anger of the Turks with a strong hand? / Where the zephyr rocks the golden sowing? / The high, gold-rich country of the Carpathians?" [Demmel, Katona 2017, 46 – it is a poem by Lajos Haan, originally written in German in the memorial book of his friend from his student period].

The author analyzes the reasons for the (non)presence of Hungarian students at universities in cities such as Jena, Halle, Berlin. At the same time, he criticizes Pan-Slavism: he mentions its roots and the possible fight against it, especially thanks to the establishment of Hungarian societies and

libraries. From time immemorial, Haan devotes himself to books and their collection. Gradually, he created the largest private library of an evangelical priest in Hungary. He also used some of them when he and his students committed themselves to paintings from the life of the Hungarians and the history of the Árpád family. These "journalistic" attributes were perhaps ingrained, as his father – as the odd one in the city – subscribed to up to three Hungarian newspapers. Thus, Hungarian identity has been indicated in Haan since childhood: symbolically from the moment he saw a painted portrait of King Mátyás in his parents' bedroom.

Haan concretizes the busy "regional" moments of the 1848–1849 period: the individual sermons of the national awakeners that led to the revolution. According to him, however, everything should come from the church, where it is necessary to be a good Hungarian and thus serve the Hungarian homeland. He identifies with the bold ideas (also of independent Hungary) of Sándor Petőfi and his tumultuous poem "Talpra magyar!" (Eng. *Arise, Hungarian!*, Slk. *Hor sa, Maďar!*). He criticizes Slovaks of Békéscsaba who resisted mobilization and did not go into battle (like the Hungarians). So it was a time of clear goals and enthusiasm: Hungarian flags hung in the church towers, bells were donated for war purposes and zealous stanzas were written. In one of them, Lajos Haan himself combines his religious beliefs with a strong Hungarian national identity: *"Ezen házban pap lakozik, / A ki gyakran imádkozik; / Amde az ő legszentebb imája: / Legyen áldott a magyar hazája."* – "In this house dwells a priest, / Who often prays; / But his most sacred prayer is: / May the homeland of the Hungarian be blessed!" [Demmel, Katona 2017, 89]. Haan also mentions his Nagylak colleague Daniel Zajac, with whom he co-published History of the Old and New Nagylak in 1853 (it was the first written opinion about Slovaks in Nagylak – note P. Š.). It was in Zajac's person that the Hungarian-Slovak understanding and mutual scientific cooperation were properly combined. Haan's extracurricular activities are thus a peaceful period, highlighting the positive features of the smaller local church and the possibility of deeper scientific work. However, the author expresses some criticism of his colleague Gusztáv Szeberényi: he leans towards Slavism, pampers the common people and is cynical about honorability. He criticizes his nationally double-edged character: on the one hand, he is a Pan-Slav and a friend of Jozef Miloslav Hurban, whose books he also promotes, on the other hand, he presents himself among Hungarians as a Hungarophile. He issued a controversial local ordinance stating that where until now the registries were conducted exclusively in Slovak, they should now be written in Hungarian. In addition, in the fifth and sixth grades, in addition to reading and religion, each subject is to be taught in Hungarian. In the background of these facts, Haan also describes the unfortunate efforts of Bach's absolutism and its impact on the complex reduction of Hungarian. He emphasizes the need for Hungarian ministries and later rejoices in the Austro-Hungarian settlement (on this occasion, the whole of Békéscsaba was enlightened). He also mentions the coronation of the emperor/king and Lajos Kossuth's concerns about this settlement, which he addressed to Ferenc Deák. To some extent, it is embracing Kossuth's radicalism; he applies it to the people in the background of the idea that the priest must keep his people in check in order to maintain order. On the other hand, in parallel with historical events, he presents his personal, often tortuous, vicissitudes. With Kálmán Thaly, he walks through the archives of Banská Štiavnica (Hung. Selmecbánya) and Krupina (Hung. Korpona), reads some "shameless" Slovak magazines (which are often claimed to magyarize Slovaks of Békéscsaba), mentions intrigues related to his (non)election as a member of the academy and the like. As part of archival research, it was grandiose that Kálmán Thaly found lost poems by Bálint Balassi in the archives of Radvaň (Hung. Radvány). After the aforementioned political settlement, Haan's scope also takes on a broader dimension: he fights for public readings on winter Sundays and he lobbies with Minister Ágoston Trefort for the award in the form of the title of Royal Counselor for his colleague-rival Gusztáv Szeberényi. The time of new events is coming, thanks to which Haan realizes that even as a poor evangelical priest he is able to arrange something. For this reason and in spite of everything, he is in favor of peaceful coexistence of Hungarians and Slovaks.

It is interesting to look at the "Slovak" features of this text. It therefore emphasizes the need for culture and the constant cultivation of one's own mind through books and communication. In his

life, it is in this aspect that we identify the impulse to love history. In terms of education, he is most grateful to Slovak and Hungarian societies. At school, he is at first fully committed to the authorities; he takes their attention to his person as an honor that he would "not exchange for anything". Haan's first attempts at newspaper articles date back to his student years. At the same time, we perceive the statement about his correspondence to the newspapers in the Békés county as a certain self-praise. However, he also contributed to several Hungarian newspapers, magazines and anthologies; from the Slovak ones to magazines such as Evanjelické cirkevné noviny, Evanjelik, Korouhev na Zionu, Obzor and others. He also points to his own sympathy towards Russians, which is, however, criticized by his classmates. He emphasizes that he also understands his identity as Slovak, which is respected by his entire school environment. The fact about his meeting with Ľudovít Štúr (who lent him ten forints) sounds interesting from a reader's perspective. As a certain pendant of Slovakness is the fact that in the city school Haan tried to teach children Hungarian in the spirit of the political situation of the time. On the other hand, later, when writing memoirs, he realizes in relation to his own profession that: "In Hungarian, I even taught religion, which I now admit was a mistake, I had to lecture it in my mother tongue" [Katona, Demmel 2016, 89]. At the same time, he emphasizes the necessary self-identification of the identity of Slovak pupils and mentions the type of his own pedagogical work with a didactically determined goal. With a positive nostalgia for the beautiful times of 1848, his literary efforts to publish a monograph on two Békéscsabian churches and the town, especially from the point of view of the history of the local evangelical church, are also concretized. Haan actually mentions positive critical responses in various languages to this monograph. As a certain interesting thing, let us mention that Ján Kollár and Ľudovít Štúr were in favor of it. It is also a sign of a wider flow of information between the Lowlands and Uplands.

The question of the position of the nobility and his surroundings towards Haan's person is interesting, especially in relation to Gusztáv Szeberényi, a colleague pastor, against whom he could only fight with his literary pen. Even Haan – paradoxically at the time – was criticized for Hungarianizing Slovaks in Békéscsaba. His mentioned double identity of a Slovak priest and a Hungarian historian is interesting. In the background, he compares the language of Upland and Lowland Slovaks, while, of course, associating with his own people: "... the Upland compatriots talk in such a flowery style and so arrogantly that when I left the church, I could hardly say what the sermon was about. And the common people, how can they grow through such dandified sermons? We, the Lowland parishioners, speak in a completely different way: popular so that everyone understands us. If we spoke like our Upland Brethren, the church would soon be empty" [Katona, Demmel 2016, 98]. The church is, of course, a holy place for him, nevertheless, he focuses his perspective on the technical achievements of the time (construction of the railway). His slightly ambivalent relationship to Matica slovenská – i.e. to the center of Hungarian Slavism and Pan-Slavs – is expressed by the idea that in the spirit of Národné noviny, under the literary pretext, Matica pursues political goals and consistently evokes hatred towards the Hungarians. Haan notes that he is not ashamed to be a Slav, he knows all the Matica members, but "... I consider Christianity and religion to be a much more sublime idea than nationality" [Katona, Demmel 2016, 101]. However, he speaks out against national struggles, believes in a calmer future and in a global language that would be a scientific and communicative tool of all mankind. In his understanding, the Slavs have a historical mission: to complete a borderless Europe on the basis of mutual understanding. The executors should be pastors, who are first and foremost good Christians, then faithful Hungarian patriots and only then good Slovaks. Thus, (symbolically) a diamond can be created hidden in the desert, understood in his mind as a triune personality of the Lowlands.

The most significant and most important work of Haan – intended for Slovaks and the only one written in Slovak – is his "Pamätnosti Békéš-Čabianske" (Memoirs from Békés-Csaba – 1866; 82 pages). The Hungarian version, which was also published in Pest in the same year, is not a complete copy of the Slovak text. It is a typical example of the genre – a biography of the city, which flourished in Hungary, especially at the end of the 19th century. Haan handles historical facts very well in the text; records the history and civilizational activity of the Slovaks from Békéscsaba (1717–1866).

This work has retained its historical value to this day: as a specific concept we can realize from it what actually "Csabianness" (Slk. *čabianstvo, čabänstvo*) is meant to be, generally aware of its linguistic, cultural, mental peculiarity in the Hungarian environment, which was strengthened by the Evangelical faith. A *čabän* is thus primarily Slovak for Haan. He also expresses this in this work, in which specific local patriotism for Slovaks has its historical and linguistic-literary significance. Haan lived in the environment of the Slovak word from Békéscsaba and since the local dialect is also of Central Slovak origin, the codified Slovak was close to him. Overall, Lajos Haan was able to lay the lasting foundations of the local history and self-awareness of the population of his region in the 19th century. As proof of this, he published an evangelical prayer book, a book of Christian stories and also edited the list of names of the Hungarian Evangelical pastors. With his comprehensive activities, he was one of the most important socio-cultural personalities of his time in the Békés county.

In the work "Pamätnosti Békéš-Čabianske", he presents basic attributes from the history of the country, the county and Békéscsaba. He expresses his idea in the preface: "My purpose in this work is: to teach my fellow citizens about the past of their residence and its surroundings; – then a more extensive description of my homeland, if possible, to contribute to the patriotic historical-statistical literature; – and finally: to leave behind, to the church entrusted to me, a kind of monument from which it would remember me even if I am no longer in the middle of it" [Haan 1991, 87]. He has an empathic, warm relationship with his locality, i.e. "the largest village in Europe". He points to the ancient Hungarian origin of the name Békéscsaba and mentions the various nations that have been "established in our Békéscsaba" over the centuries. He places the current development thus within the historical framework of diachronic development (going back to the period before the arrival of the Hungarians). He describes, but also compares, while noting the undeniable progress of the settlement. Gnomically, it cites more memorable events from the beginning of the 18th century. The chapter on the Békéscsaba area is intertwined by the Lowland "spirit". In the text, however, it sometimes slips down to exotic attributes (whales and other sea monsters have been swimming here for a long time), but overall it is objective and rational. He highlights the interesting dynamics of the surrounding plain, points to the farmsteads and vineyards, which are the focus of everyday creative work, i.e. the existence of the "Čabäns". They "multiply considerably and live long" also thanks to healthy weather; they are socially conscious (they also founded a municipal hospital), but they do not block the path to technical progress (they perceive the railway as an advantage). The great merit of Lajos Haan himself is emphasized, which was that "... he also wrote about the everyday life and the way of life of Čabäns with scientific precision, he included in his point of view not only the leading strata of Békéscsaba but also agriculture, which also made up a quantitative majority of the people" [Szabó 1987, 279]. Since the Lowland man is not only full of spirit but also of body, Haan also points to the quality soil of the Békéscsaba land, which gives a rich harvest. A significant symbol of this is Lowland hemp, which is especially fond of sowing, weaving and spinning. The author provides a statistical overview of the population by religion, occupation, status, language, age, housing. His imaginary intention reaches dwellings of Békéscsaba habitations, especially nice peasant houses, where he examines the origin of families, states the attributes of their residence (shape, cleanliness, etc.). He periodically highlights the presence of Tranoscius, the Bible and other religious books in every cultivated family in Békéscsaba. He does not deny his point of view even when describing the language of the local population: its specifics, attributes and distinctive features. Overall, it is a declaration (in the background of numerous examples) that the people of Békéscsaba kept their Slovak language. In addition, special emphasis is placed on his diligence, exemplary religion and comprehensive teaching at school. It is the Lowland patriarchal world that is not really concerned with politics, but respects its priests and teachers. In the background, Haan details the names of mayors, notaries, inspectors, church curators, evangelical teachers and brief biographies of past church preachers and their contributions to Békéscsaba. Already at that time, the ecumenism of the Evangelical, Roman Catholic, Orthodox and Jewish religious communities was proclaimed. On this basis, the stratification of the time is evident, thanks to which

the tame people of Békéscsaba: "... they are reconciled with their destiny, they do not run to secularity, if an illness or any accident afflicts them, they accept it as the visitation of God" [Haan 1991, 142]. At the end of his text, Haan presents the current state of Békéscsaba, describes its (already mentioned) evident development, i.e. advancing huge steps thanks to the orphan's office, pharmacy, hospitals, funeral homes, funeral society, steam baths, mills, distilleries, breweries, shops, guilds or casino. This actually closes a kind of circle of realities and subjective thoughts of Lajos Haan about the place of his long-term work, which can be an example of the creative existence of a man of culture to this day.

All the above-mentioned works of Lajos Haan can be perceived as determining sources of (literary) communication with an open structure, which can be defined as "... transmission of ideological-aesthetic information through a communication channel between two communicating structures with unequal order" [Popovič 1983, 21]. This fulfills the attributes (mentioned in the introduction) of cultural and literary science (and its concretization in the work of Lajos Haan). So the intellectual and material legacy of Lajos Haan is also important in this respect, because: "Similar to tangible cultural heritage, traditional performing arts as an intangible cultural heritage of humanity are valuable resources for development of heritage…" [Mura, Kajzar 2019, 42]. In this way, nowadays, too, many people can still encounter all kinds of treasures even in Békéscsaba.

In conclusion, we can say that Lajos Haan was also called "the decoration of Lowland Slovaks" by Dagmar Mária Anoca and Oldřich Kníchal, because his work went beyond enlightenment activity and entered the world of regional and Hungarian science. He was actually a "Lowland historian priest and teacher" (Andrej Mráz). He was one of the most receptive, hard-working and most prolific authors of his time in his region – that is why he still deserves our attention and diverse treatment. And not just during jubilees.

REFERENCES

Andruška P. Historik slovenskej Dolnej zeme [Historian of the Slovak Lowland]. *Dolnozemské podoby slovenskej kultúry* [Lowland forms of Slovak culture]. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2007, pp. 181–212. In Slovak.

Andruška P. Korene a začiatky [Roots and beginnings]. *Súčasní slovenskí spisovatelia z Rumunska* [Contemporary Slovak writers from Romania]. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, 2009, pp. 29–44. In Slovak.

Anoca D. M. *Slovenská literatúra v Rumunsku* [Slovak literature in Romania]. Nagylak: Vydavateľstvo Ivan Krasko, 2010. In Slovak.

Borguľa M., Švihran L. Prispeli svojou hrivnou [They contributed with their money – hrivna]. *Tu sa usadíme. Slováci v čabianskej oblasti* [We will settle here. Slovaks in the Čabian region]. Bratislava: Tatran, 1979, pp. 139–149. In Slovak.

Chmel R. *Literárne vzťahy slovensko-maďarské. Dokumenty z 19. a zo začiatku 20. storočia* [Slovak-Hungarian literary relations. Documents from the 19th and the beginning of the 20th century]. Martin: Osveta, 1973. In Slovak.

Dedinszky Gy. *A szlovák betű útja Békéscsabán. Cesta slovenskej litery na Čabe* [The journey of the Slovak letter in Békéscsaba]. Békéscsaba: Békés Megyei Tanács, 1987. In Slovak and Hungarian.

Demmel J. Dolnozemské mestečko, ktoré začalo strácať dedinský charakter. Ľudovít Haan a prvé dejiny Békešskej Čaby [A Lowland town which began to lose its village character. Ľudovít Haan and the first history of Békéscsaba]. Kmeť, M. – Tušková, T. – Uhrinová, A. et al. (eds.): *Kapitoly z minulosti Slovákov v Békešskej Čabe* [Chapters from the past of Slovaks in Békešská Čaba]. Békešská Čaba: Výskumný ústav Slovákov, 2018, pp. 105–112. In Slovak.

Demmel J. "Slovenský kňaz, ale maďarský spisovateľ". O Ľudovítovi Haanovi [Slovak priest, but a Hungarian writer. About Ľudovít Haan]. Katona, Cs. – Demmel, J. (eds.): *Slovenský kňaz, maďarský historik. Listy a denník Ľudovíta Haana* [Slovak priest, Hungarian historian. Letters and diary of Ľudovít Haan]. Békéscsaba – Budapest: Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku – Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 2016, pp. 7–24. In Slovak.

Demmel J., Katona Cs. (eds.): *"aki tót pap létére is magyar író". Haan Lajos levelei és visszaemlékezései* ["Who is also a Hungarian writer despite being a Slovak priest". Letters and recollections of Lajos Haan]. Békéscsaba – Budapest: Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku – Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 2017. In Hungarian.

Divičanová A. Etnické relácie Ľudovíta Haana [Ethnic relations of Ľudovít Haan]. *Dimenzie národnostného bytia a kultúry* [Dimensions of minority existence and culture]. Békešská Čaba: Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku, 2002, pp. 487–490. In Slovak.

Gyáni G. A napló mint társadalomtörténeti forrás (A közhivatalnok identitása) [The diary as a source of social history (The identity of the officer)]. *Nagy, F. (ed.): Szabolcs-Szatmár-Bereg Megyei Levéltári Évkönyv 12* [Szabolcs-Szatmár-Bereg County Archival Yearbook 12]. Nyíregyháza: Szabolcs-Szatmár-Bereg Megyei Önkormányzat Levéltára, 1997, pp. 25–33. In Hungarian.

Haan Ľ. *Pamätnosti Békéš-Čabianske* [Békéš-Čaba´s memorabilities]. Békešská Čaba: Zväz Slovákov v Maďarsku – Slovenské gymnázium, všeobecná škola a kolégium, 1991. In Slovak.

Jančovic J. Emblematické postavy Békešskej Čaby [Emblematic figures of Békešská Čaba]. *Pretvorili dolnozemskú rovinu* [They reshaped the Lowland plain]. Martin: Vydavateľstvo Matice slovenskej, 2012, pp. 48–50. In Slovak.

Katona Cs. A naplóíró Haan Lajos [Lajos Haan – the diary writer]. Demmel, J., Katona, Cs. (eds.): *"aki tót pap létére is magyar író". Haan Lajos levelei és visszaemlékezései* ["Who is also a Hungarian writer despite being a Slovak priest". Letters and recollections of Lajos Haan]. Békéscsaba – Budapest: Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku – Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 2017, pp. 345–370. In Hungarian.

Katona Cs. "Učiaci sa teológiu, píšuci maďarské a slovenské básne". Portrét kňaza/historika s dvojakou identitou [Studying theology, writing Hungarian and Slovak poems. Portrait of a priest/historian with a dual identity]. Katona, Cs. – Demmel, J. (eds.): *Slovenský kňaz, maďarský historik. Listy a denník Ľudovíta Haana* [Slovak priest, Hungarian historian. Letters and diary of Ľudovít Haan]. Békéscsaba – Budapest: Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku – Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 2016, pp. 125–138. In Slovak.

Katona Cs., Demmel J. *Slovenský kňaz, maďarský historik. Listy a denník Ľudovíta Haana* [Slovak priest, Hungarian historian. Letters and diary of Ľudovít Haan]. Békéscsaba – Budapest: Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku – Magyar Tudományos Akadémia Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 2016. In Slovak.

Kmeť M. Doslov [Epilogue]. Haan, Ľ.: *Pamätnosti Békéš-Čabianske* [Memorabilities of Békéscsaba]. Békešská Čaba: Zväz Slovákov v Maďarsku – Slovenské gymnázium, všeobecná škola a kolégium, 1991, pp. 167–174. In Slovak.

Kmeť M. *Historiografia dolnozemských Slovákov v 19. storočí* [Historiography of Lowland Slovaks in the 19th century]. Nagylak: Vydavateľstvo Ivan Krasko, 2010. In Slovak.

Mura, L., Kajzar, P. Small Businesses in Cultural Tourism in a Central European Country. *Journal of Tourism and Services,* 2019, Vol. 10, Issue 19, pp. 40–54. In English.

Popovič A. Literárnomúzejná komunikácia v systéme literárneho vzdelávania [Literary-museum communication in the system of literary education]. Popovič, A., Obert, V. (eds.): *Literárne múzeum a škola* [Literary Museum and School]. Nitra: Oravské múzeum v Dolnom Kubíne a Vedeckovýskumné pracovisko literárnej komunikácie a experimentálnej metodiky Pedagogickej fakulty v Nitre, 1983, pp. 9–82. In Slovak.

Saják D. Ľudovít Haan a jeho pôsobenie v Nagylaku [Ľudovít Haan and his function in Nagylak]. Štefanko, O. (ed.): *Variácie 13* [Variations 13]. Bukurešť: Kriterion, 1994, pp. 131–134. In Slovak.

Szabó F. Dedinszky Gyuláról és könyvéről [About Gyula Dedinszky and his book]. Dedinszky, Gy.: *A szlovák betű útja Békéscsabán. Cesta slovenskej litery na Čabe* [The way of the Slovak letter in Békéscsaba]. Békéscsaba: Békés Megyei Tanács, 1987, pp. 278–282. In Slovak and Hungarian.

Székely L. Néhány szó Haan Lajosról. Gecsei, L. (ed.): *Haan Lajos – Békéscsaba. A város története a kezdetektől a XIX. század harmadik harmadáig* [Lajos Haan – Békéscsaba. The history of the city from the beginning until the third of the third of the 19. century]. Békéscsaba: Békés Megyei Közgyűlés Önkormányzati Hivatala, 1991, pp. 7–11. In Hungarian.

Šenkár P. Miestne a regionálne dejiny v zrkadle existencie národa/národnosti (Ľudovít Haan, Daniel Zajac) [Local and regional history in the mirror of the existence of a nation/nationality (Ľudovít Haan, Daniel Zajac)]. *Próza Slovákov v Rumunsku* (z rokov 1853 – 1953) [Prose of Slovaks in Romania (from 1853 until 1953)]. Nagylak: Vydavateľstvo Ivan Krasko, 2018, pp. 84–88. In Slovak.

Šenkár P. Hungarian and Slovak issues in the texts of Lajos Haan in the background of cultural and literary science. Tóth, Szilárd Tibor (ed.): *Uralo-indogermanica IV: Abstracts*. Narva: University of Tartu Narva College, 2020, pp. 23–24. In English.

Štefanko O. Dejepis starého i nového Nagylaku a jeho autori [History of old and new Nagylak and its authors]. In: *Ponachodené súvislosti* [Stored connections]. Nagylak: Vydavateľstvo Ivan Krasko, 2004, pp. 191–201. In Slovak.

Tóth, S. J. A magyarországi szlovák nyelv kutatásának elméleti és módszertani alapjai [Theoretical and methodological bases of the research of the Slovak language in Hungary]. Uhrin, E., Zsilák, M. (eds.): *A szlovák nyelv Magyarországon I.* [Slovak language in Hungary I.]. Békéscsaba: Magyarországi Szlovákok Kutatóintézete, 2008, pp. 24–29. In Hungarian.

Zajac P. *Pulzovanie literatúry* [Pulsation of the literature]. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1993. In Slovak.

Žiláková M. Prínos klanu Haanovcov do cirkevnej a svetskej kultúry [The contribution of the Haan´s clan to church and secular culture]. Kmeť, M.,Tušková, T., Uhrinová, A. et al. (eds.): *Kapitoly z minulosti Slovákov v Békešskej Čabe* [Chapters from the past of Slovaks in Békéscsaba]. Békešská Čaba: Výskumný ústav Slovákov, 2018, pp. 113–124. In Slovak.

Received 27.09.2020

Šenkár Patrik,
PhD., Associate Professor in Literary Science,
University J. Selye
Bratislavská cesta 3322, 94501 Komárno, Slovakia
E-mail: senkarp@ujs.sk

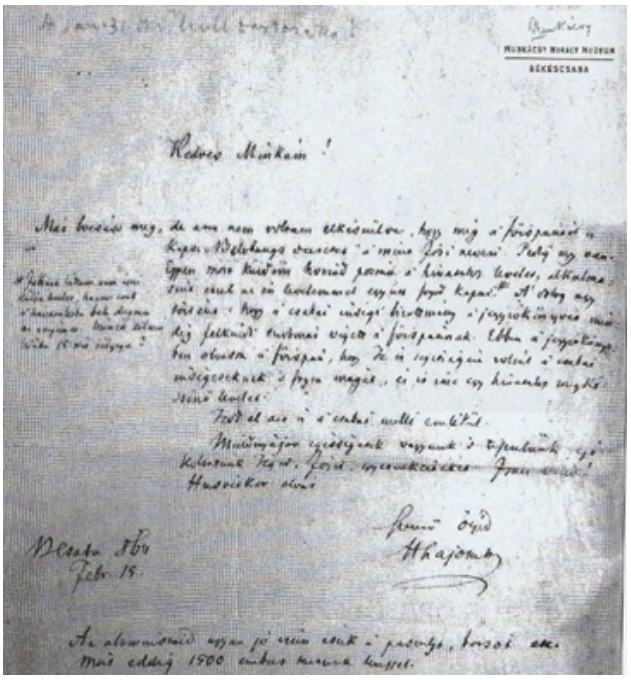
PICTURE APPENDICES

The photographs are from the collection of the Mihály Munkácsy Museum in Békéscsaba; collector: Ján Kocsor; originally also published in the book *Slovenský kňaz, maďarský historik*; however, the manuscript of the diary is kept in the Széchényi National Library in Budapest.

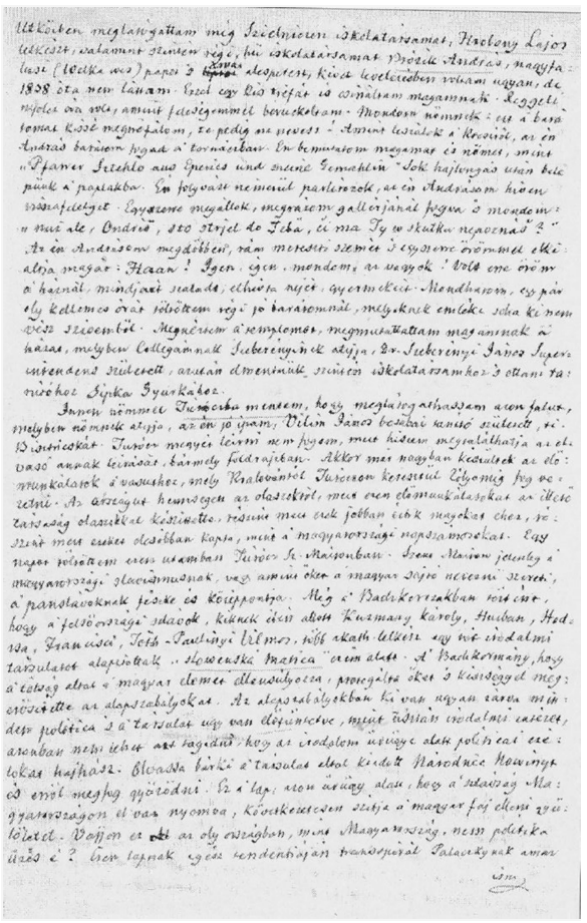
Portrait of Lajos Haan in 1880

Lajos Haan, Karolína Haan and his second wife Amália Vilim in 1866

Daughter and son-in-law of Lajos Haan (Mihály Zsilinszky and Karolína Haan) in 1867 at the wedding



Letter from Lajos Haan to his sister Vilma Haan from 1864



Manuscript of the diary of Lajos Haan

Шэнкар Патрик

ВЕНГЕРСКИЙ И СЛОВАЦКИЙ ВОПРОС В ТЕКСТАХ ЛАЙОША ХААНА НА ФОНЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-659-674

Словаки, проживающие за рубежом, являются неотъемлемой частью словацкого национально-культурного контекста. Они создают ценности, которые необходимо сохранить, улучшить и подчеркнуть их универсальность и использование для современных форм культурной идентификации. Важной составной частью словацкого меньшинства Венгерской равнины являются словаки, которые живут в окрестностях Бекешчабы более 300 лет. Из этой «словацкой Палестины», как назвал ее Ян Коллар, в XVIII–XIX вв. был создан историко-церковно-культурный центр словаков (в том числе венгров), который по праву может гордиться своим наследием. Его частью и своего рода первопроходцем, и историческим основателем является личность Лайоша Хаана (1818–1891), осуществлявшего свою разностороннюю деятельность в хронотопе “венгерского и словацкого” Бекешчабы. Статья излагает его письма, дневник и исторические документы; представляет материальные и нематериальные источники, памятники, вдохновляющие идеи, которые были и будут использованы в художественной, культурной и литературной «коммуникации». Она основана на атрибутах культурологической и литературной науки, которая представляет собой интегративную модель исследования литературы с набором подходов, ориентированных на культурную тематику, теорий и методов. В центре внимания находится регион Бекешчаба (pars pro toto: современная Венгрия). В избранных текстах своих материальных сочинений Лайош Хаан отражает свое глубокое понимание взаимодействия с окружающей средой, с более широкой точки зрения – внутрикультурные и межкультурные отношения венгров и словаков: их сосуществование, сотрудничество и разнообразную творческую деятельность.

Статья указывает на важность личных контактов Л. Хаана в современной социальной среде, что также прослеживается в его личных письмах. Мемуары являются свидетельством высокообразованного человека второй половины XIX в.; сегодняшнему читателю они откроют «странную, интересную» атмосферу Венгрии того времени на фоне социальных, политических, исторических, культурных и литературных событий. Описание характерных черт города является символом мирного сосуществования народов и народностей на низменной равнине. На самом деле, в статье представлена сложная деятельность необычной личности – венгерского историка и словацкого священника в одном лице, Лайоша Хаана, труды которого интересны и актуальны и сегодня.

Ключевые слова: словаки Венгерской равнины, Юго-Восточная Венгрия, венгры, Лайош Хаан, национальная идентичность меньшинства, культурология, литературоведение, интерпретация.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 659–674. In English.

Поступила в редакцию 27.09.2020

Шэнкар Патрик,
Доктор философии (Литературоведение), доцент
Университет имени Яноша Шейе
Братиславска цеста 3322, 94501 Комарно, Словакия
E-mail: senkarp@ujs.sk

УДК 94(470)«1941/1945»(=511.1)

М. Н. Потемкина, Т. Г. Пашковская

ЭСТОНЦЫ В СОВЕТСКОЙ ЭВАКУАЦИИ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мифологизация исторических событий и наличие неизученных аспектов истории Эстонии периода Второй мировой войны препятствуют налаживанию отношений добрососедства и сотрудничества между Россией и Эстонией. Пребывание эстонцев в эвакуации на Урале остается «белым пятном» в историографии. В статье на основе архивных документов освещается пребывание населения, эвакуированного из Эстонии на Южный Урал с 1941 по 1944 гг. Исследован количественный и качественный состав эвакуированных, трудности адаптации эстонцев в советском тылу. Сделан вывод о том, что эстонцы переживали те же проблемы, что и всё эваконаселение в СССР. При этом их положение усугублялось языковым барьером, уровнем бедности на Урале в сравнении с Эстонией, невозможностью заниматься привычной и свободной трудовой деятельностью, незнанием советских законов и неприятием советского строя частью эвакуированных. Проблемы, возникавшие во взаимоотношениях местного и эвакуированного населения, были обусловлены различием в повседневных практиках и историко-культурных традициях, а не национальной или конфессиональной принадлежностью. Кратковременность пребывания эстонцев на Урале не могла привести к культурной и языковой ассимиляции.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, эвакуация, эстонцы, диаспора, Южный Урал, советский тыл.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-675-687

В последние годы события Второй мировой войны стали предметом острых дискуссий и политических спекуляций. Политизация исторического нарратива, его вовлеченность в «войны памяти» особенно характерна для бывших республик СССР. В каждой из постсоветских стран конструируется собственный национальный миф, а общая для всех советская история подвергается ревизионизму. Кризисы, недоверие в межгосударственных отношениях и геополитическая динамика, происходящая на постсоветском пространстве, порождают массу «незапланированных дискуссий» на исторические темы. Достаточно привести статью, опубликованную в июне 2020 г. Президентом России, в которой события 1939–1940 гг. названы «инкорпорацией Латвии, Литвы и Эстонии» на добровольной основе в соответствии с нормами международного права того времени [Putin 2020]. В ответ на это министр иностранных дел Эстонии Урмас Рейнсалу назвал публикацию «ложным историческим нарративом» и подтвердил позицию своей страны, согласно которой СССР оккупировал страны Балтии [Reinsalu 2020].

Исследование судьбы эстонского народа советской эвакуации годы Второй мировой войны может стать весомым аргументом в поиске объективной истины.

В историографической традиции освещение темы эвакуации с территории Эстонской ССР в советский тыл носит крайне противоречивый характер. Среди советских исследователей

истории Великой Отечественной войны, затрагивающих вопрос эвакуации населения с прифронтовых территорий, в том числе, Эстонии, следует назвать труд М. И. Лихоманова [Лихоманов 1985, 12], жизнь эвакуированного населения из Эстонии в советском тылу освещалась в работах В. Я. Лееде, С. Л. Пурге, А. А. Пуста [Лееде, Пуста 1966; Пурге 1965]. Эти исследования содержат статистические данные о количестве жителей прибалтийских республик, эвакуированных на восток, о деятельности и условиях жизни эвакуированного населения в тылу. Очевидно, что в условиях советского времени исследователи не могли выйти за рамки официальной концепции о «нерушимом братстве народов СССР» и о «добровольном характере присоединения» Эстонии к СССР. В 1990-е гг., в связи с процессами демократизации и открытием архивов, российские историки получили возможность более объективно осветить социально-политические процессы советского периода.

Современные российские исследователи жизни эстонцев в советской эвакуации – это, прежде всего, этнологи; их публикации основаны на полевых исследованиях жизнедеятельности эстонских диаспор в Сибири [Лоткин 2003]. Фундаментальным научным исследованием, посвященным истории Эстонии 1940 – нач. 1950-х гг., стала монография Е. Зубковой «Прибалтика и Кремль: 1940–1953 гг.», изданная в 2008 г. Основательно документированный труд способствует концептуальному пониманию «прибалтийского» варианта советизации, принятой в СССР системы взаимоотношений республиканских и союзных структур, а также характера общественного сопротивления. В структуре исследования очевиден хронологический разрыв, связанный с отсутствием отдельной главы о событиях в Прибалтике в 1941–1944 гг. [Токарев 2010]. Российский историк эстонского происхождения С. А. Тамби работает с эстонскими источниками и исследует историю эстонских диаспор на территории России. Одна из работ содержит материал по Челябинской обл. [Тамби 2019]. Однако исторические факты рассматриваются исключительно в позитивном ключе, конфликтные и дискуссионные вопросы не затрагиваются.

Зарубежные историки, изучающие социально-политические процессы в Эстонии в 1940-х гг., фокусируют внимание на репрессивном характере политики советской власти. Об эвакуационных мероприятиях исследователи, как правило, не упоминают [Лаар 2005] или говорят о беженцах в Россию, не раскрывая этот аспект военной миграции.

В статье А. Рахи-Там, посвященной вынужденным миграциям эстонских граждан в 1941–1951 гг., говорится о сложившейся в эстонской историографии классификации покинувшего страну населения. Речь идет о четырех группах: арестованные, депортированные, эвакуированные, ушедшие на фронт [Rahi-Tam 2018, 276]. В исследовании историка проявляется главная особенность эстонской историографии: под эвакуацией, прежде всего, понимается вынужденное бегство эстонцев в 1944 г., вызванное отступлением немецких войск и «советской реоккупацией» Прибалтики. Основными направлениями бегства эстонцев были Швеция, а также зоны, подконтрольные американским и британским войскам. Все перемещения на восток, то есть в СССР, сводятся к термину «депортация». Автор насчитывает четыре волны депортации (1941, 1945, 1949,1951 гг.), и речь идет только о Сибири, жизнь в которой «стала настоящим шоком для эстонцев» [Rahi-Tam 2018, 298]. Ничего не говоря об эвакуации в советский тыл, А. Рахи-Там, тем не менее, пишет о реэвакуации. Хотя реэвакуированное из советского тыла население автоматически оказывалось в Эстонии под подозрением, в 1945–1947 гг. в «новую» республику, мигрировало около 100 тыс. чел. из «старых» советских республик [Rahi-Tam 2018, 274].

Эстонский историк и религиовед Я. Плаат занимается вопросом религиозной трансформации Эстонии в советский период [Plaat 2003, 54]. Тема истории эстонской диаспоры в Сибири изучается фольклористом А. Корб. Помимо культуры сибирских эстонцев автора интересует вопрос репатриации и реинтеграции эстонцев в Эстонии в 1990-е гг. [Korb 2020].

В исследовании эвакуационных процессов важную роль играют историко-статистические исследования эстонских ученых: М. Майсте, А. Пуур [Maiste, Puur 2018]. Предметом статистического анализа выступают демографические процессы в Эстонии в 1939–1941 гг. Эвакуационные процессы по вывозу населения и материальных ценностей в начале вой-

ны характеризуются ими как «политика выжженной земли» [Kaasik 2006, 88; Mertelsmann, Rihi-Tam 2008, 321].

Таким образом, материально-бытовые, культурные, ментальные, этнические проблемы граждан Эстонской ССР, вывезенных в советский тыл в годы Великой Отечественной войны, на фоне общей картины пребывания эвакуированного населения в различных регионах советского тыла образует специфический кейс, который никогда не становился предметом отдельного исторического исследования. Определить эту специфику и выявить её причины цель данного исследования.

Статья основана на архивных документах, мемуарах и воспоминаниях. Сохранившиеся в разных фондах Объединённого государственного архива Челябинской области материалы представляют собой делопроизводственную переписку областных и районных властных структур, а также выдержки из писем эвакуированных, вскрытые органами военной цензуры.

Состав эвакуированных и география размещения

Эстония была включена в состав СССР на правах Союзной Республики в 1940 г. Население этой территории на тот период составило 1052 тыс. человек (в национальном отношении: эстонцы – 965 тыс., русские – 48,4 тыс., остальные – лица других национальностей) [Население…, 9].

После нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. эвакуация промышленного оборудования, культурных ценностей и населения на восток стала неизбежной необходимостью. Параллельно с организованной эвакуацией возникло стихийное бегство людей, вызванное стремительным продвижением немецких войск по европейской части СССР. Территория Эстонии была оккупирована фашистами в первые недели войны. Немецкие войска вошли в Таллин 28 августа 1941 г.

В силу этого, а также из-за негативного восприятия советской системы управления со стороны значительной части эстонцев, эвакуация не носила массового характера. В тыл вывозились, в основном, семьи партийного и советского актива и семьи лиц, оставшихся на подпольной работе. Среди эвакуированных были и административно высланные граждане, и мужчины призывного возраста, подлежавшие мобилизации в армию. В разных источниках количество вывезенных из Эстонии в эвакуацию людей варьируется от 25 тыс. «беженцев в Россию» [Kaasik 2006, 88; Mertelsmann, Rihi-Tam 2008, 321] до 60 тыс. человек [Население …, 70]. В мемуарах Имби Паю представлены следующие статистические данные (без ссылок на источник): «В июле 1941 года “эвакуировали” от немецкой оккупации в Советский Союз 25 000 чел., из них 5000 умерло в России, 1100 пропало без вести и 500 удалось бежать за границу» [Paju 2007].

Челябинская обл. – часть Уральского промышленного района, имеющая к началу войны численность населения около 3 млн. чел., географически была расположена за тысячи километров от границ СССР. Территория Южного Урала исторически никогда не была местом проживания эстонцев. Несколько десятков эстонских семей появились на южноуральской земле в годы столыпинской аграрной реформы и расселились в Верхнеуральском (в 1909 г. был основан хутор Эстонский) и Красноармейском районах обл. [Лузин 2012, 373–374]. Эстонская диаспора на Южном Урале резко увеличилась в годы Великой Отечественной войны. В июле–августе 1941 г. в Челябинскую обл. было эвакуировано более 5 тыс. чел. из Эстонской ССР [ОГАЧО. Ф 288. Оп. 4 Д. 164. Л. 55–63]. Сюда же были вывезены партийные и государственные руководители республики, архивы СНК Эстонской ССР.

Количественный состав и география размещения эстонцев на территории Челябинской обл. на протяжении военного времени менялись под влиянием следующих факторов: внутренняя стихийная миграция людей в поисках более благоприятных условий выживания; естественная убыль населения; мобилизация мужчин призывного возраста на фронт.

При размещении эстонцы были рассредоточены в двух десятках районов области и в Челябинске. Наиболее крупные этногруппы эстонцев проживали в Нижне-Увельском (1324 чел.),

Верхне-Уфалейском (1159 чел.) и Далматовском районах (1038 чел.) [ОГАЧО. Ф 288. Оп. 4. Д. 164. Л. 58]. В рамках эвакуации в Нижней Увелке был размещен эстонский детский дом из г. Тарту (на ноябрь 1944 г. в нём проживало 113 детей в возрасте до 10 лет) [ОГАЧО. Ф Р-1142. Оп.1. Д. 167. Л. 4, 64].

В составе эвакуированных было много мужчин в возрасте от 20 до 45 лет, впоследствии они были частично рекрутированы в рабочие батальоны, частично мобилизованы в эстонский стрелковый корпус. Судьба эстонцев военнослужащих, принудительно высланных в Россию и эстонцев, мобилизованных в Красную армию, была трагической. Зимой в лагерях принудительных работ умерло больше третьей части находившихся здесь эстонцев, а в 1942 г. из оставшихся в живых был сформирован 8-й эстонский стрелковый корпус. В боях под Великими Луками он понес большие потери, многие перешли на строну врага [Лаар 2005, 27].

Исходя из сохранившихся архивных данных, мы можем предположить, что прибывшие были преимущественно городскими жителями, не знакомыми с сельскохозяйственным трудом. В списках указаны разнообразные профессии: врачи, преподаватели, музыканты, парикмахеры, продавцы, санитарки, рабочие фабрик и др. [ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 164. Л. 33, 35–36].

Материально-бытовое положение и трудовая деятельность в советском тылу

В советском тылу эвакуированные сталкивались с рядом трудностей материально-бытового и психологического характера: отсутствие жилья, недостаток обуви, одежды, предметов повседневного спроса, потеря связей с родственниками и друзьями, необходимость привыкать к непривычным природно-климатическим условиям. Горожане, размещенные в сельской местности, должны были привыкать к печному отоплению, отсутствию водопровода и канализации и др. непривычным условиям, требовавшим тяжелого физического труда. К этому добавлялись психологические факторы: состояние стресса от начавшейся войны, потери близких людей и имущества, растерянность, которая охватывает любого человека, попавшего в незнакомую обстановку. Эвакуированные воспринимались местным населением двояко: с одной стороны, как люди, попавшие в беду и нуждающиеся в помощи; с другой – как «чужаки», с прибытием которых обострилась жилищная проблема и резко выросли цены на колхозных рынках [Потемкина 2016, 223].

Следует заметить, что присущая советской системе зависимость материально-бытового положения от места на социальной иерархической лестнице, отражалась и на положении людей в эвакуации, несмотря на декларированное в СССР равноправие. Партийное и государственное руководство Эстонской ССР во главе со вторым (впоследствии первым) секретарем Компартии Эстонии Н. Г. Каротаммом, а также представители эстонской творческой интеллигенции (художники, журналисты, писатели) были расселены в номерах самой большой гостиницы областного центра г. Челябинска – «Большом Урале» [Тамби 2019, 411]. Семьи работников центрального и республиканских ЦК ВКП(б) были размещены в Шадринске (до февраля 1943 г. этот город входил в состав Челябинской обл.), членов семей работников НКВД Эстонской ССР в количестве 377 человек поселили в Далматовском районе [ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 4. Д. 164. Л. 33, 35–36].

Анализ архивных материалов позволил выявить дополнительные сложности, с которыми столкнулись прибывшие в регионы советского тыла эвакуированные граждане Эстонской ССР: юридическая неграмотность людей (незнание советских законов), а также языковый барьер (плохое знание русского языка). Дополнительной проблемой стало отсутствие у многих прибалтийских граждан советских паспортов, которые им не успели выдать вместо старых.

В Верхнеуральском районе только 10 % размещённых на жительство эстонцев владели русским языком, а информационных листовок на эстонском языке присылали сюда всего по нескольку штук [ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 91. Л. 137]. Сложности со знанием языка вызывали не только трудности коммуникационного характера, но иногда приводили к опасным ситуациям. Любая чужая речь в районах советского тыла в годы войны вызывала подозрение и ассоциировалась в общественном сознании с врагом. Так, в августе 1942 г. Т. Таймсоо, не имея на ру-

ках официального документа о назначении его Уполномоченным СНК Эстонской ССР, прибыл в Челябинскую обл. и начал частную переписку с эвакуированными на эстонском языке. Его сочли шпионом, арестовали и долго разбирались [ОГАЧО. Ф. П-288; Оп. 6. Д. 117. Л. 84–87].

Материальное положение прибывших в эвакуацию из Эстонской ССР было различным. В секретном письме, направленном 26 ноября 1941 г. в Челябинский обком ВКП(б) от имени руководства Эстонской ССР, необходимость особого внимания и дополнительной помощи эстонским гражданам обосновывалась тем, что эвакуация с территории Эстонии проходила в короткие сроки под снарядами противника:

> «Многие, отступая с Балтийским флотом, тонули в Финском заливе и были спасены после многих часов пребывания в воде» [ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 164. Л. 58-63].

Об условиях эвакуации написал в своем романе эстонский писатель Пауль Куусберг:

> «…. Да и не у всех были с собой узлы и чемоданы. Большинство эвакуировавшихся оставили свои рабочие места и дома в самый последний момент, а некоторые не успели даже забежать домой, многие прибыли в порт прямо с передовой – что там у них могло быть. В лучшем случае вещмешок с бельем и обиходной мелочью или чемодан» [Куусберг 1978].

Но часть эстонцев, прибывших в эвакуацию, смогла вывезти из угрожаемых оккупацией районов ценные вещи. Среди вещей были и такие, которые воспринимались сельским населением уральской глубинки как «диковинные» или даже «шпионские»: фотоаппараты, пишущие машинки, радиоприёмники, аптечки с большим ассортиментом медикаментов. Вот что писал секретарь Верхнеуральского райкома партии В. Трофимов:

> «Прибывшие граждане из Эстонии имеют в личном пользовании: пишущие машинки, радиоприемники, наркотики, фотоаппаратуру и т. д. Мне кажется, все эти и им подобные предметы должны быть изъяты, однако, органы НКВД медлят. Есть лица неблагонадежные и с явно антисоветскими настроениями» [ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 112. Л. 44; Ф. П-288. Оп 4. Д. 164. Л. 24–25, 59].

Любопытно, что подозрительными эти вещи казались не только простым людям и районному начальству, на документе размашистым почерком секретаря обкома партии Сапрыкина наложена резолюция: «пишущие машинки, радиоприёмники надо изъять» [ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 112. Л. 44; Ф. П-288. Оп 4. Д. 164. Л. 24–25, 59].

Что касается подавляющей массы населения, то в условиях военного лихолетья, оно – как местное, так и прибывшее в эвакуацию – испытывало острый дефицит в промышленных товарах на протяжении всего военного времени. Результатом такого положения дел были не только заболевания людей, но и невозможность детям посещать школы, а взрослым ходить на работу в холодное время года. Так, 75–80 % прибывших в эвакуацию в Челябинскую обл. эстонцев в ноябре 1941 г. не трудились из-за отсутствия теплой одежды и обуви [ГАОПДКО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 634. Л. 188–189].

Одной из нерешенных проблем на Урале традиционно были нехватка и низкое качество жилья. По данным на 1940 г., в Эстонии на одного жителя приходилось 8,8 кв. м. полезной площади [Mertelsmann 2007], на Урале – 4,9 кв. м. [ГА РФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 51. Л. 143]. Во время войны в связи с сокращением объёмов жилищного строительства и притоком эвакуированных ситуация резко ухудшилась. Жилищные неудобства накладывались на конфликты с квартирными хозяевами.

Несмотря на проводившиеся обследования материально-бытового положения эвакуированных эстонцев, на неоднократно принимаемые на разных уровнях резолюции с перечислением не-

обходимых для исправления сложившейся ситуации мер, бытовое положение эвакуированных эстонцев в ряде районов Челябинской обл. оставалось тяжёлым, о чём свидетельствуют их письма, датируемые февралём 1943 г.

> «Мужья сражаются на фронте, положение очень тяжёлое. Имеем малых детей, кормить их нечем, кроме 300 граммов хлеба ничего не имеем. В квартире холодно, вода замерзает на печке»;
>
> «Мы больше не можем выносить такого положения, если дело пойдёт так дальше, то мы обречены на голодную смерть»;
>
> «Продукты, которые выдали на 3-й квартал 1942 г., мы не получили. Нет мыла, нечем стирать, и мы завшивели. Когда мы хвораем, начальство нам не верит. Допустимы ли такие безобразия в Советском Союзе? Конечно, нет. Если бы знали высшие власти о таких безобразиях, дело, конечно, было бы исправлено, и виновные привлечены к ответственности» [ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 230. Л. 4-9].

Эвакуированным, как особо пострадавшей от войны категории, выделялась социальная помощь продуктами и промтоварами из государственных фондов и из собранных населением или прибывшим из-за границы от союзников. Но объемы помощи декларируемой реально поступавшей и доходившей до нуждающихся значительно отличались. В августе 1942 г. в Далматовском районе были утверждены такие нормы продтоваров для эвакуированных эстонцев на 3-й квартал (в скобках для сравнения приводим фонды для остального эваконаселения): мясо, рыба – 1560 г. на человека (–), жиры – 350 г. (100 г.), сахар и кондитерские изделия – 990 г. (600 г.) [ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 91. Л. 126]. Однако в реальности продукты люди не получили.

По прибытии в эвакуацию одной из первостепенных задач было трудоустройство. Большинство эстонских граждан добросовестно работали в уральских колхозах. Уроженка Сааремаа Мария Веэльмаа организовала в Верхне-Уральском районе производство по изготовлению мыла. Пеэтер Михкельсон организовал в Увельском районе артель по производству ложек. Эвакуированные эстонцы участвовали в сборе денежных средств в фонд обороны на строительство танковой колонны «За советскую Эстонию». К 27 февраля 1943 года эвакуированные эстонцы Челябинской обл. собрали на строительство колонны 168 тыс. рублей [Тамби 2019, 413]. Эстонки в рыбацкой бригаде на озере Бугодак научили местных вытапливать из потрохов, которые выбрасывали, рыбий жир, «в войну и голодное послевоенье на нем жарили, им спасали от дистрофии – истощения и малокровия» [Лузин 2012, 373–374].

Были случаи взаимного непонимания в вопросах трудовой этики. Дело в том, что в период между двумя мировыми войнами развитие Эстонии шло по западноевропейской модели. В 1940–1941 гг. на её территории осуществлялись преобразования социалистического характера, но, за исключением нескольких вновь образованных совхозов, аграрный сектор продолжал оставаться в частных руках [Mertelsmann 2007, 321].

Размещённые в Макарьевском сельсовете (Далматовский район) 100 эвакуированных из Таллина и Риги отказались выходить на работу, мотивируя тем, что «не приспособлены к колхозному труду, не имеют спецодежды». Один из эвакуированных не захотел работать в колхозе и просил «разрешить ему жить свободно», то есть заняться торговлей [ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 164. Л. 36, 41]. Некоторые эстонцы были удивлены недопустимо низкой оплатой трудодней. Помимо объективных причин военного времени, имел место субъективный фактор: некоторые недобросовестные местные чиновники обманывали эстонцев, плохо понимавших русский язык и не знакомых с системой учёта трудодней.

Руководство Эстонской ССР проводило инспекционные проверки по условиям проживания эстонцев в местах эвакуации и докладывало, как правило, в Челябинский обком партии

о результатах. Так, в секретном письме от 26 ноября 1941 г. констатировалось, что 75–80 % эвакуированных не имеют зимней обуви и одежды, выделяемые фонды продуктов не доходят по назначению, выработанные людьми трудодни низко оплачиваются (в письме употреблён термин «эксплуатация»), есть случаи выселения эвакуированных из квартир, непринятия на работу и др. [ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 164. Л. 58–63].

Нельзя сказать, что эффективность контроля за материально-бытовым положением эвакуированного населения была совсем низкой. Результаты регулярных проверок неоднократно были предметом обсуждения на заседаниях партийных и государственных органов разного уровня, принимались решения по улучшению ситуации. Есть примеры использования жесткой репрессивной политики в отношении лиц, ответственных за неоказание помощи эвакуированным. Постановлением бюро Челябинского ОК ВКП(б) от 26 августа 1942 г. за «бездушное отношение к нуждам эстонских граждан, проживающих в Верхнеуральском районе», был объявлен выговор председателю райисполкома Мукомел, предупреждение секретарю РК ВКП(б) Трофимову, прокурору области Шиляеву поручено «проверить факты издевательств над эвакуированными и разбазаривания фондов и привлечь виновных к ответственности» [ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 59. Л. 16–18].

Зачастую, партийное и советское руководство Эстонской ССР с одной стороны, Челябинской обл. – с другой, пыталось объяснить материально-бытовые и психологические трудности эвакуированных причинами субъективного характера. В итоге эти взаимные обвинения выражались в бесконечной бюрократической переписке. Уполномоченный по Эстонской ССР писал, что эстонцев разместили «в районах с раскулаченным и репрессированным населением, как местным, так и пришлым»; в свою очередь, руководство этих районов утверждало, что прибывшие эстонцы не хотят работать и политически неблагонадежны [ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 4. Д. 164. Л. 58–63].

Культурная адаптация и взаимоотношения с местным населением

Проблемы во взаимоотношениях с местным населением не были, на наш взгляд, связаны с национальной принадлежностью людей, так как национальный состав коренного населения Урала исторически отличался этнической пестротой. Так, по данным переписи 1939 г. на Урале проживало: русских – 71,54 %, татар – 8,95 %, башкир – 5,96 %, удмуртов – 3,89 %, украинцев – 3,00 %, мордвы – 1,53 %, чувашей – 1,07 % и т. д. [Комар 1959, 145]. Такое национальное многообразие было обусловлено особенностями территориально-географического положения региона, а также миграционными потоками в ходе индустриализации, коллективизации; репрессиями и депортациями 1930–1940-х годов.

Эвакуация привела к еще большей этнической пестроте национального состава населения Урала. Здесь в 1941–1943 гг. жили и работали представители 60 национальностей из 52 областей и республик страны [Михайлов 1995, 39]. В целом, межнациональные взаимоотношения характеризовались толерантностью. Хотя в военное время в Челябинской обл., как, впрочем, и в других областях и республиках советского тыла, имели место отдельные конфликты между местным и эвакуированным населением на национальной почве. Почти во всех случаях межнациональная неприязнь проявлялась по отношению к лицам еврейской национальности и не касалась эстонцев, латышей, литовцев.

Более того, центральное и региональное руководство понимало пропагандистскую значимость сохранения эстонского языка и культуры в соответствии с декларируемым принципом пролетарского интернационализма и дружбы между народами СССР. Так, в начале сентября 1942 г. на территории Челябинской обл. было произведен учет детей-эстонцев, в результате чего в 5 районах области было выявлено 305 детей, подлежащих обучению в 1–4 классах и 70 – в 5–7 классах. Поскольку абсолютное большинство этих детей не владели русским языком, то обучение их в местных школах оказалось невозможным. Вскоре в Далматовском, Варненском, Верхнеуральском, Макушинском и Чесменском районах было организованы классы с преподаванием на родном языке [Дети…, 135–136].

Работали библиотеки с литературой на эстонском языке, выпускались стенгазеты на эстонском языке. Создавались условия для жизни и работы лояльной к советской власти творческой интеллигенции из Эстонской ССР, эвакуированной на Южный Урал. Здесь жили и работали в эвакуации карикатурист и книжный график Хельмут Вальтман (погиб на фронте 6 января 1943 г.), эстонский поэт, писатель, переводчик Эрни Хийр, писатели Аугуст Якобсон, Пауль Куусберг, Василий Мёльдер (умер в эвакуации в Верхне-Уральском районе 5 августа 1943 г.), журналист и редактор Йосеп Максимович Саат, известный эстонский художник Эрнст Халлоп [Тамби 2019, 413].

Играл ли какую-то роль религиозный фактор? В документальных источниках нам не удалось обнаружить информации о ритуальных практиках или высказываниях на религиозную тему. Накануне Второй мировой войны около 80 % населения Эстонии составляли протестанты, в подавляющем большинстве это были лютеране. Историк Р. Рингви утверждает, что «религия никогда не играла важную роль в стране в сфере политики или идеологии», и что «тенденции, которые преобладали в конце 1930-х гг. и выражались в более тесных отношений между государством и лютеранской церковью, закончились с приходом советской власти в 1940 г.» [Ringvee 2008]. Часть приехавших в эвакуацию эстонцев поддерживали коммунистическую идеологию, а значит, были сторонниками атеистических убеждений. Что касается другой части эвакуированных, то можем предположить, что религиозные чувства всячески скрывались.

Очевидно, что причины возникавших конфликтных ситуаций кроются в ментальных установках. Традиции, нормы повседневной жизни, культурные ценности эстонцев и русских во многом отличаются. Эстонцы, прибывшие на Урал как административно высланные, изначально испытывали неприязнь к местному населению. Об особенностях мировосприятия и настроений этой группы населения свидетельствуют воспоминания депортированных эстонцев:

> «На одной из российских станций поезд остановился, и нам предстала ужасная картина: там собралась огромная толпа, все были пьяны и плясали. Развевались красные флаги, ибо была годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. У мужчин фуражки были сдвинуты на затылок и впереди торчал чуб. Женщины были в черных штанах и белых ситцевых платьях, они кричали и визжали. Такое мы видели впервые… Маму и ее сестру потрясли поросшие кустарником неухоженные просторы Советской России… У себя на родине мы ни разу не видели такой заброшенной природы. Здесь повсюду валялся сор и хлам. Всё это действовало угнетающе. Было чувство, что мы попали в сумасшедший дом» [Paju 2007].

Что касается эвакуированных из Эстонии коммунистов и членов семей партийного и советского руководства, то они также с трудом воспринимали действительность. В советском тылу коммунистические иллюзии, которым были подвержены эстонские просоветские активисты, быстро развеивались.

На личностном уровне взаимоотношения складывались индивидуально. Так, вспоминая о своем военном детстве в эвакуации на Урале, Нина Тантлевская-Лебедева рассказывает о том, что соседка по бараку учительница-эстонка Ольга Павловна Нокс подарила ей на день рождения «целое богатство» – стакан сахара [Недописанные страницы…, 227–229].

Реэвакуация в Эстонию

После поражения немецко-фашистских оккупантов и повторного вступления Красной армии на эстонскую территорию стала возможной реэвакуация (советские войска вышли на границу Эстонии 1 февраля 1944 г.).

Реэвакуация в Эстонию производилась в основном осенью 1944 г. во исполнение Распоряжения СНК СССР от 21 октября 1944 г. В секретном распоряжении ставились следующие задачи по реализации предстоящей реэвакуации: своевременно произвести полный расчёт на предприятиях и колхозах с отъезжающими эвакуированными; произвести организованную отправку людей; оформить пропуска; обеспечить питание в пути; организовать медико-санитарное сопровождение лю-

дей. По утверждённому плану из Челябинской обл. должно быть реэвакуировано в Эстонскую ССР 2206 чел., в том числе 457 чел. из г. Челябинска [ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 167. Л. 37, 61].

При отзыве номенклатурных работников в Прибалтику, во всех документах прослеживается настоятельное требование брать преимущественно эстонцев, литовцев и латышей. В уральских архивах сохранились списки коммунистов, направленных местными обкомами ВКП(б) в конце войны на работу в Прибалтику. В графе «национальность» назывались только латыши, эстонцы и евреи. Кстати сказать, работа по подготовке национальных кадров для прибалтийских республик началась в советском тылу уже в конце 1941 г. Она велась по трем направлениям: знакомство с опытом партийной и советской работы в уральском регионе, обучение специалистов из числа эвакуированных жителей Прибалтики, подбор необходимых кадров из числа номенклатурных работников – местных жителей по национальности литовцев, латышей и эстонцев.

Причина такой скрупулезности крылась, на наш взгляд, в том, что для укрепления советского строя во вновь присоединенных республиках необходимы были люди с коммунистическими убеждениями, знанием национального (литовского, латышского, эстонского, молдавского) языка и, желательно, уроженцы этих республик. В Прибалтике проблема социальной опоры новой власти была очень болезненной из-за сильных антисоветских настроений [Тольц 2003].

К началу 1945 г. граждан Эстонии осталось на территории области 78 человек. Скорее всего, в эту цифру не вошли немногочисленные коренные жители области – эстонцы по национальности. Невыясненным остается вопрос о том, находились ли на территории области административно высланные граждане Эстонии и эстонцы в составе рабочих колонн. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Челябинской обл. проживает 353 эстонца (267 горожан и 86 сельчан), что составляет менее десятой доли процента населения региона [Всероссийская перепись населения…, 2010].

Заключение

В период с 1941 по 1944 гг. на территории Челябинской обл. в эвакуации находилось около 5 тыс. граждан Эстонии, что составляет примерно 20% от всех эстонцев, эвакуированных в советский тыл. Среди прибывших были семьи партийного и государственного актива Эстонской ССР, представители творческой интеллигенции, а также рядовые граждане различных профессий, преимущественно городские жители.

Прибывшие испытывали трудности материально-бытового характера, аналогичные остальному эваконаселению. Среди факторов, осложнивших пребывание эвакуированных эстонцев в уральском тылу, были следующие: языковый барьер, уровень бедности, с которым столкнулись на Урале эвакуированные эстонцы, невозможность заниматься свободной трудовой и коммерческой деятельностью, незнание советских правовых норм, а также неприятие советского уклада, которое у одних изначально присутствовало, а у других наступило в результате разочарования в коммунистических идеалах уже в эвакуации.

Проблемы во взаимоотношениях местного и эвакуированного населения большой роли не играли, они носили естественный характер и были обусловлены различием в повседневных практиках и историко-культурных традициях, а не национальной или конфессиональной принадлежностью.

Конечно, никакой культурной и языковой ассимиляции не могло произойти в силу кратковременности пребывания эстонцев на Урале, психологического барьера между приезжими и местными жителями. Находящиеся в эвакуации эстонцы продолжали ощущать себя более связанными с исторической родиной, нежели с русским окружением в уральской глубинке.

ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (далее – ГАОПДКО). Ф. 56. Оп. 2. Д. 634.

Государственный архив РФ (далее – ГА РФ). Ф. 327. Оп. 1. Д. 51.

ГА РФ. Ф. 327. Оп. 1. Д. 143.

Дети Челябинской области в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Архивы Урала. 1995. № 2. С. 123-140.

Зубкова Е. Ю. Прибалтика и Кремль. 1940-1953 / История сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.

Комар И. В. Урал. Экономико-географическая характеристика. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 367 с.

Куусберг П. Одна ночь. М.: Советский писатель, 1978. 736 с. URL: http://www.lib.ru/PRIKL/KUUSBERG/noch.txt (дата обращения: 25.07.2020).

Лаар М. Эстония во Второй мировой войне. Таллин: Grenader, 2005. 71 с.

Лееде В. Я., Пуста А. А. Компартия Эстонии в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.). Таллин, 1966.

Лихоманов М. И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны, 1941–1942 гг. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1985. 168 с.

Лоткин И. В. Прибалтийская диаспора в Сибири: история и современность: Учебное пособие. Омск: Омский государственный университет, 2003. 164 с.

Лузин Л. Н. Планета Южный Урал: живая энциклопедия народов Челябинской области. Челябинск: «Авто Граф», 2012. 408 с.

Михайлов В. А. Дружба и сотрудничество народов СССР в годы Великой Отечественной войны // 50-летие Великой Победы над фашизмом: история и современность. Смоленск: Смядынь, 1995. 344 с.

Население России в XX веке: исторические очерки в 3-х тт. Т. 2. 1940–1959. М.: РОССПЭН, 2001. 416 с.

Недописанные страницы...: о детях-воинах, детях-жертвах и просто детях, живших в годы Второй мировой войны: очерки, воспоминания и дневниковые записи детей, спасенных в 1941–1945 гг. / сост. Т. В. Трухачева. М.: «Пресс-Соло», 1996. 302 с.

Всероссийская перепись населения 2010 г. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm# (дата обращения: 04.02.2020).

Объединённый государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 4. Д. 164.

ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 59.

ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 117.

ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 7. Д. 230.

ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 112.

ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 91.

ОГАЧО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 167.

Потемкина М. Н. Конфликтные зоны эвакуации в СССР и способы их преодоления (1941–1945 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 219–226.

Пурге С. Л. В суровые годы. Таллин, 1965.

Тамби С. А. Эстонская диаспора на челябинской земле // Молодой ученый. 2019. №20 (258). С. 409–415. URL: https://moluch.ru/archive/258/58992/ (дата обращения: 01.07.2020).

Токарев В. А. Рецензия: Зубкова Е. Прибалтика и Кремль: 1940–1953 гг. // Проблемы российской истории. 2010. №1 (10). С. 548–556.

Тольц В. «Эстонское дело»: «борьба с национализмом» и кадровая чистка в Эстонии конца 1940-х – начале 1950-х гг.URL: https://www.svoboda.org/a/24204188.html (дата обращения: 01.07.2020).

Kaasik P. The Falling Apart of Soviet Authority in Estonia and the Evacuation of Soviet Institutions to Russia in 1941 // Aasta Eestis. Eesti Sõjamuuseumi – kindral Laidoneri Muuseumi Aastaraamat. 2006. Vol. 6. P. 86–88.

Korb A. The Task of a Culture Researcher: Telling the Study of Siberian Estonians // Folklore. 2020. Vol. 178. URL: http://www.folklore.ee/folklore/vol78/korb.pdf (дата обращения: 01.07.2020).

Maiste M., Puur A. Registration of the population in Estonia on 1 December 1941: Analysis of the results // Tuna. 2018. Vol. 1. P. 39–59.

Mertelsmann O., Rahi-Tamm A. Cleansing and Compromise // Cahiers du monde russe. 2008. Vol. 49 (2-3). URL: http://journals.openedition.org/monderusse/9132 (дата обращения: 25.07.2020).

Mertelsmann O. The Private Sphere in Estonia during Stalinism // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 18. С. 58–81.

Paju I. Tõrjutud mälestused. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2007. 287 p. URL: https://aldebaran.ru/author/paju_imbi/kniga_torjutud_malestused/read/ (дата обращения: 23.07.2020).

Plaat J. Religious Change in Estonia and the Baltic States during the Soviet Period in Comparative Perspective // Journal of Baltic Studies. 2003. Vol. 34, no. 1. P. 52–73.

Putin V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // The National interest. 2020. 18 June. URL: https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982 (дата обращения: 25.0772020).

Rahi-Tamm A. Forced Migration of Estonian Citizens to the East 1941–1951: Some Similarities with the Accounts of People Who Fled to the West. Proceedings of the Estonian Institute of Historical Memory. 2018. Vol 1. P. 271–304.

Reinsalu condemns Putin's vision of Baltic occupation. 2020. 19 June. URL: https://news.err.ee/1104280/reinsalu-condemns-putin-s-vision-of-baltic-occupation (дата обращения: 25.07.2020).

Ringvee R. State, religion and legal framework in Estonia // Religion State and Society. 2008. Vol. 36 (2). P. 181–196.

Поступила в редакцию 12.09.2020

Потемкина Марина Николаевна,
доктор исторических наук
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова»
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 38;
старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории
актуальной истории «Российской академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1
E-mail: mpotemkina@mail.ru

Пашковская Татьяна Григорьевна,
кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова»
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 38.
E-mail: tatiana.pashkovskaya@gmail.com

M. N. Potemkina
T. G. Pashkovskaya
ESTONIANS IN THE SOVIET EVACUATION IN THE SOUTH URALS DURING WORLD WAR II

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-675-687

The mythologization of history and presence of unexplored aspects in the history of Estonia during the Second World War period prevent the establishing good-neighbourly relations and partnership between Russia and Estonia. Estonians' life in the evacuation in the Urals is a 'blank spot' in the historiography. The article is based on the archival documents and sheds light on the situation of people evacuated from Estonia to the South Urals in the period 1941–1944. The quantitative and qualitative analysis of the evacuees' composition is provided. The difficulties of Estonians' adaptation in the Soviet rear are elicited. It is concluded that Estonians had the same problems as all evacuees in the USSR. Besides, their situation was worsened by the linguistic barrier, the level of poverty in the Urals in comparison with Estonia, impossibility to lead traditional work, the ignorance of the Soviet laws, the abhorrence of the Soviet system among parts of the evacuees. The problems arising between the locals and Estonian evacuees were caused by the differences in everyday practices and historical and cultural traditions, and not the national or religious identity. The short-term stay of Estonians in the Urals could not lead to cultural or linguistic assimilation.

Keywords: Great Patriotic War, World War II, evacuation, Estonians, diaspora, South Urals, Soviet rear.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 675–687. In Russian.

REFERENCES

Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskikh dvizhenii kurganskoi oblasti (hereinafter – GAOPDKO) [State Archive of Socio-Political Documentation of the Kurgan region]. F. 56. Op. 2. D. 634. In Russian.

Gosudarstvennyi arkhiv RF (hereinafter – GA RF) [State Archive of the RF]. F. 327. Op. 1. D. 51. In Russian.

GA RF. F. 327. Op. 1. D. 143. In Russian.

Zubkova E. Yu. *Pribaltika i Kreml'. 1940-1953 / Istoriya stalinizma* [Baltic Countries and the Kremlin / History of Stalinism]. Moscow: ROSSPEHN, 2008. 351 p. In Russian.

Komar I. V. *Ural. Ehkonomiko-geograficheskaya kharakteristika* [The Urals. Economical and Geographical characteristic]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1959. 367 p. In Russian.

Kuusberg P. *Odna noch'*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1978. 736 p. URL: http://www.lib.ru/PRIKL/KUUSBERG/noch.txt (accessed 25.07.2020). In Russian.

Laar M. *Ehstoniya vo Vtoroi mirovoi voine* [Estonia in the World War II]. Tallin: Grenader, 2005. 71 p. In Russian.

Leede V. Ya., Pusta A. A. *Kompartiya Ehstonii v period Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuza (1941–1945 gg.)* [The Communist Party of Estonia in the period of the Great Patriotic War (1941–1945)]. Tallin, 1966. In Russian.

Likhomanov M. I. *Partiinoe rukovodstvo ehvakuatsiei v pervyi period Velikoi Otechestvennoi voiny, 1941–1942 gg.* [The Party Evacuation Management in the period of the Great Patriotic War, 1941–1942]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1985. 168 p. In Russian.

Lotkin I. V. *Pribaltiiskaya diaspora v Sibiri: istoriya i sovremennost': Uchebnoe posobie* [Baltic Diaspora in Siberia: History and Presence. Manuel]. Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet, 2003. 164 p. In Russian.

Luzin L. N. *Planeta Yuzhnyi Ural: zhivaya ehntsiklopediya narodov Chelyabinskoi oblasti* [The planet of the South Urals: Alive Encyclopedia of the Peoples]. Chelyabinsk: «Avto GraF», 2012. 408 p. In Russian.

Mikhailov V. A. Druzhba i sotrudnichestvo narodov SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Friendship and cooperation of the peoples of the USSR in the years of the Great Patriotic War]. *50-letie Velikoi Pobedy nad fashizmom: istoriya i sovremennost'* [The 50th Anniversary of the Victory over Fascism: History and Presence]. Smolensk: Smyadyn', 1995. 344 p. In Russian.

Naselenie Rossii v XXm veke: istoricheskie ocherki [The Population of Russia in the 20th Century] in 3 vols. Vol. 2. 1940–1959. Moscow: ROSSPEHN, 2001. 416 p. In Russian.

Nedopisannye stranitsy...: o detyakh-voinakh, detyakh-zhertvakh i prosto detyakh, zhivshikh v gody Vtoroi mirovoi voiny: ocherki, vospominaniya i dnevnikovye zapisi detei, spasennykh v 1941–1945 gg. [Unfinished Pages … On the Children-Warriors, Children-Victims, and Just Children who Lived During the Second World War: memoirs and diaries of children rescued in 1941–1945]. Ed. T. V. Trukhacheva. Moscow: "Press-SolO", 1996. 302 p.

Nedopisannye stranitsy...: O detyakh-voinakh, detyakh-zhertvakh i prosto detyakh, zhivshikh v gody vtoroi mirovoi voiny [Unfinished Pages … On the Children-Warriors, Children-Victims, and Just Children who Lived During the Second World War]. Moscow, 1996, p. 227-229. In Russian.

Vserossiiskaia perepis' naseleniya 2010 g. [All-Russian Population Census 2010]. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm#(accessed 02.04.2020). In Russian.

Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti (hereinafter – OGACHO) [United State Archive of the Chelyabinsk Region]. F. 288. Op. 4. D. 164. In Russian.

OGACHO. F. P-288. Op. 6. D. 59. In Russian.

OGACHO. F. P-288. Op. 6. D. 117. In Russian.

OGACHO. F. P-288. Op. 7. D. 230. In Russian.

OGACHO. F. R-1142. Op. 1. D. 112. In Russian.

OGACHO. F. R-1142. Op. 1. D. 91. In Russian.

OGACHO. F. R-1142. Op. 1. D. 167. In Russian.

Potemkina M. N. Konfliktnye zony ehvakuatsii v SSSR i sposoby ikh preodoleniya (1941–1945 gg.) [Conflict evacuation zones and ways to overcome them (1941–1945)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture]. 2016. Vol. 3 (53), pp. 219–226. In Russian.

Purge S. L. *V surovye gody* [In the harsh years]. Tallin, 1965. In Russian.

Tambi S. A. Ehstonskaya diaspora na chelyabinskoi zemle [Estonian Diaspora in Chelyabinsk Land] *Molodoi uchenyi* [Young researcher]. 2019. Vol. 20 (258), pp. 409–415. URL: https://moluch.ru/archive/258/58992/ (accessed 01.07.2020). In Russian.

Tokarev V. A. Retsenziya: Zubkova E. Pribaltika i Kreml': 1940-1953 gg. [Review: Baltic Countries and the Kremlin]. *Problemy rossiiskoi istorii* [Journal of Russian History]. 2010. Vol. 1 (10), pp. 548–556. In Russian.

Tol'ts V. *«Ehstonskoe delo»: «Bor'ba s natsionalizmom» i kadrovaya chistka v Ehstonii kontsa 1940-kh – nachale 1950-kh gg.* [Estonian Case: Fighting Nationalism and Purges in Estonia in the end of 1940 s – beginning 1950s] URL: https://www.svoboda.org/a/24204188.html (accessed 01.07.2020). In Russian.

Kaasik P. The Falling Apart of Soviet Authority in Estonia and the Evacuation of Soviet Institutions to Russia in 1941. *Aasta Eestis. Eesti Sõjamuuseumi – kindral Laidoneri Muuseumi Aastaraamat.* 2006. Vol. 6, pp. 86-88.

Korb A. The Task of a Culture Researcher: Telling the Study of Siberian Estonians. *Folklore.* 2020. Vol. 178. URL: http://www.folklore.ee/folklore/vol78/korb.pdf (дата обращения: 01.07.2020).

Maiste M., Puur A. Registration of the population in Estonia on 1 December 1941: Analysis of the results. *Tuna.* 2018. Vol. 1, pp. 39–59.

Mertelsmann O., Rahi-Tamm A. Cleansing and Compromise. *Cahiers du monde russe.* 2008. Vol. 49 (2-3). URL: http://journals.openedition.org/monderusse/9132 (дата обращения: 25.07.2020).

Mertelsmann O. The Private Sphere in Estonia during Stalinism. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology and Culture]. 2007. Vol. 18, pp. 58–81.

Paju I. *Tõrjutud mälestused* [Memories Denied]. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 2007. 287 p. URL: https://aldebaran.ru/author/paju_imbi/kniga_torjutud_malestused/read/ (accessed 23.07.2020). In Estonian.

Plaat J. Religious Change in Estonia and the Baltic States during the Soviet Period in Comparative Perspective. *Journal of Baltic Studies.* 2003. Vol. 34, no. 1, pp. 52–73.

Putin V. The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II. *The National interest.* 2020. 18 June. URL: https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982 (дата обращения: 25.0772020).

Rahi-Tamm A. Forced Migration of Estonian Citizens to the East 1941-1951: Some Similarities with the Accounts of People Who Fled to the West. *Proceedings of the Estonian Institute of Historical Memory.* 2018. Vol 1, pp. 271–304.

Reinsalu condemns Putin's vision of Baltic occupation. *Err.ee.* 2020. 19 June. URL: https://news.err.ee/1104280/reinsalu-condemns-putin-s-vision-of-baltic-occupation (дата обращения: 25.0772020).

Ringvee R. State, religion and legal framework in Estonia // *Religion State and Society.* 2008. Vol. 36 (2), pp. 181–196.

Received 12.09.2020

Potemkina Marina Nikolaevna,
Doctor of Science in History, Head of Department of World History
Nosov Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin Avenue, Magnitogorsk, 455000 Russia;
Senior Researcher of the Laboratory of Actual History
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571 Russia
E-mail: mpotemkina@mail.ru

Pashkovskaya Tatiana Grigoryevna,
Candidate of Science in Philosophy,
Associate Professor of Department of World History
Nosov Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin Avenue, Magnitogorsk, 455000 Russia
E-mail: tatiana.pashkovskaya@gmail.com

УДК 94(=470.5)”18/19”

Д. С. Бахарев

ЭТНИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.: КАРТОГРАФИЯ КОНТАКТНЫХ ЗОН

Статья посвящена реконструкции этнического ландшафта Пермской губернии в нач. XX в. Инструментальную базу работы составили методы этнорелигиозного ландшафта и кросс-культурной психологии, картографический и историко-статистический подходы. В качестве источников были использованы опубликованные статистические и картографические материалы к. XIX – нач. XX в. В процессе работы на основе сведений об этническом составе населения губернии были выделены четыре укрупненные этнические категории: манси, финно-пермяки (коми-пермяки, коми-зыряне, марийцы, удмурты), тюрки (башкиры, татары, мишари, тептяри) и русские. Затем сформированный массив данных был распределен до волостного уровня (482 административные единицы) и спроецирован на созданную в рамках исследования поволостную карту Пермской губ. Визуальный анализ полученной этнической карты позволил воссоздать пространственное размещение народов Среднего Урала в нач. XX в. на самом подробном уровне, выделить районы – вероятные очаги этнокультурного взаимодействия, оценить масштабы и характер межэтнического контакта. По итогам анализа можно заключить, что в пространственном выражении население Среднего Урала было гораздо более этнически гетерогенно, чем это демонстрировала формальная статистика: согласно переписи 1897 г., всё нерусское население Пермской губ. составляло менее 10 %; в то же время, волости с нерусским или смешанным населением в сумме составляли уже 20 %. Лишь два уезда Пермской губ. из двенадцати были исключительно русскими, остальные же – частью трех крупных кластеров межэтнического контакта: западного – преимущественно финно-пермяки и русские; южного – преимущественно тюрки, финно-пермяки и русские; и восточного – преимущественно манси, коми-пермяки и русские.

Ключевые слова: историческая антропология, этнодемография, история Урала, этнорелигиозный ландшафт, Пермская губ., к. XIX – нач. XX вв., народы Урала, русские, финно-угры, тюрки, этнические границы, этнокультурное взаимодействие, межэтнический контакт, этническое картографирование.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-688-698

В XXI в. этническая принадлежность всё еще остается одним из главных элементов идентичности большинства россиян. Более того, в течение всего постсоветского периода исследователи фиксируют поступательный рост важности этнической идентичности для граждан [Рыжова 2018, 125]. В этих условиях чрезвычайно актуальными становятся ретроспективные исследования этнического развития территорий. Реконструируя эволюцию национального состава населения, мы можем понять причины текущей этнорелигиозной ситуации, а рационально используя знание об истории народов, населяющих край, – конвертировать его в этносоциальный потенциал региона [Кордонский и др. 2018, 107–108].

Наибольшей важностью эти аргументы обладают для территорий со сложным этническим составом. Среди российских регионов к таким можно по праву отнести Урал: в Средневековье

эта огромная историко-географическая область стала местом встречи европейских христиан – русских, уральских язычников – ненцев, манси, коми, удмуртов и марийцев, и тюркоязычных мусульман – башкир и татар [Мазур 2003, 21–22]. Такой насыщенный этнорелигиозный ландшафт наполнил историю региона примерами различных видов аккультурации, как конструктивной, так и деструктивной [о межэтнической аккультурации см.: Берри и др. 2007, 372–413]. Одним из главных был, пожалуй, процесс духовной и хозяйственно-бытовой аккультурации, охватывавший все народы Среднего Урала без исключения [Чагин 2012]. Однако уже ближе к Новейшему времени российская колонизация привела к безусловному доминированию русских: по переписи 1897 г. русский язык был родным для 90 % жителей Пермской губ. [Первая всеобщая …]. Но, несмотря на это, культурное пространство региона оставалось далеким от этнической гомогенности, характерной для большинства губерний центральной России. Пермская губерния, выглядевшая в 1897 г. почти моноэтничной, оставалась таковой лишь в виде абстрактной статистической модели: в реальной жизни численное доминирование русских не равнялось культурной однородности населения региона. Представленная работа посвящена реконструкции пространственного распределения этносов Среднего Урала в нач. XX в. на самом подробном волостном административном уровне.

Теоретическую базу исследования составил концепт этнорелигиозного ландшафта. Эта теория, бурно развивавшаяся последние полвека, в наше время включает уже десятки узкоспециализированных подходов [Главацкая 2008; Filippucci 2016]. В данной работе, ориентированной на формальную этногеографию, под этническим ландшафтом предлагается понимать результат физического и культурного освоения географического пространства конкретным этносом. Освоенное таким образом место приобретает собственную субъектность, транслируя запечатленные в нем традиции соседям и новым поселенцам, оказывая в той или иной степени влияние на их жизнедеятельность, а, следовательно, и на формируемый ими культурный ландшафт. В этом отношении внимание к пространственному размещению статистически малозаметных этнических меньшинств (особенно коренных, для Урала – финно-угорских и тюркских) представляется крайне актуальным для понимания региональной исторической перспективы.

Техническая составляющая исследования включала формирование корпуса атрибутивных данных о поволостном этническом составе населения Пермской губ., создание поволостной векторной карты региона нужного периода и соотнесение количественных данных с визуальными. Для решения первой задачи были использованы результаты подворной переписи 1897–1900 гг., опубликованные в серии «Материалы к оценке земель Пермской губернии» [Материалы … 1898–1906], и сведения волостных правлений за 1904 г., собранные и изданные Пермским губернским земством в издании «Список населенных мест Пермской губернии» за 1904 год [Список … 1905]. Далее, для создания оригинальной карты мы использовали издание «Волости и гмины 1890 г.» для Пермской губ., подготовленное ЦСК МВД по данным Уездного по крестьянским делам присутствия [Волости … 1890]. Непосредственное картографирование было выполнено с помощью программы NextGIS QGIS 19.3.0.

Картографирование

Исследователи не раз уделяли внимание изучению этнической карты Среднего Урала на рубеже XIX–XX вв. Однако большинство из них заметно отличались в методическом отношении, избирая в качестве аналитической единицы либо уезд [Чагин 2014, 28–31; Этнодемографическое развитие … 2000, 20–31] – слишком крупную категорию, использование которой сильно упрощает этническое устройство территории; либо конкретно этнос [Остроумов 1891; Мазур 2007, 180–183], что затрудняет комплексный взгляд на этническое развитие территории; либо концентрировались на картографии процессуально-событийной составляющей истории конкретного этноса, т. е. не на присутствии народа, а на результате этого присутствия [Glavatskaya 2005]. Подход, предлагаемый автором в данной работе, предполагает сплошное обследование этнического состава населения всей губернии на самом нижнем уровне административно-территориального

деления – волостном, что обеспечит максимально возможный познавательный результат. Единственная схожая работа – это поволостная карта Пермской губ., составленная В. Г. Бояршиновым, где автор, однако, руководствовался экономическим и юридическим атрибутами; и, как результат, среди этнических групп им были отмечены лишь этносословия башкир и вогул [Бояршинов 2016].

Первым этапом создания карты стало составление таблицы атрибутивных данных, описывающих графические (векторные) объекты и таким образом позволяющие их дифференцировать. В полученную таблицу вошли 482 записи по числу волостей в Пермской губ. Для каждой из них были записаны идентификационный номер – поле id – и название на латинице (требование программы) – поле *district_name*.

После этого мы проанализировали этнический состав каждой волости. Приоритетным источником стала подворная перепись 1897–1900 гг. как более близкая к картографической основе 1890 г.; это обстоятельство немаловажно, так как административное деление губерний Российской империи на волостном уровне в разной степени менялось почти ежегодно, и, соответственно, долгий временной промежуток между датой создания картографической основы и набором атрибутивных данных значительно затрудняет процесс их совмещения. Однако сведения об этническом составе населения волостей, собранные в рамках переписи, были опубликованы далеко не для всех уездов, а именно лишь для пяти из двенадцати: Верхотурского, Екатеринбургского, Кунгурского, Оханского и Чердынского. По этой причине для исследования остальных уездов мы обратились к более позднему источнику – «Списку населенных мест Пермской губернии», созданному на основе сведений волостных правлений за 1904 г. (см. Табл. 1). К счастью, для самого реформированного в административном смысле уезда – Верхотурского – мы располагаем более ранними переписными данными, а для самого полиэтничного, т. е. самого сложного для воссоздания – Красноуфимского – почти не зафиксированы изменения в составе волостей с 1890 г. Это снизило погрешность, вызванную разными источниками и временным люфтом между датами их создания.

Таблица 1

Уезды Пермской губернии в к. XIX – нач. XX вв.

№ п/п	Уезд	Число волостей	Источник сведений об этническом составе
1	Верхотурский	40	Подворная перепись
2	Екатеринбургский	59	Подворная перепись
3	Ирбитский	30	Адм. статистика
4	Камышловский	32	Адм. статистика
5	Красноуфимский	44	Адм. статистика
6	Кунгурский	25	Подворная перепись
7	Осинский	40	Адм. статистика
8	Оханский	48	Подворная перепись
9	Пермский	45	Адм. статистика
10	Соликамский	49	Адм. статистика
11	Чердынский	22	Подворная перепись
12	Шадринский	48	Адм. статистика
Всего 482 волости, из них 194 (40 %) по подворной переписи, 288 (60 %) – по административной статистике			

Учитывая, что целью исследования был пространственный, а не статистический анализ, мы сознательно решили отказаться от традиционного исследования численности каждого народа

в волости, фиксируя вместо этого сам факт его присутствия. Согласно источникам, сельское население Среднего Урала включало представителей 10 народов, в число которых входили русские, коми-пермяки, коми-зыряне, марийцы (черемисы)[1], удмурты (вотяки), манси (вогулы), башкиры, татары, мишари (мещеряки) и тептяри.

Первой проблемой при работе с приведенной номенклатурой стала очевидная «скрытая» этничность. Земские статистики и волостные управленцы, вероятно, следуя традиции имперской этнографии, под категорией «русские» подразумевали «триединый русский народ» из непосредственно русских («великоросов»), украинцев («малоросов») и белорусов [На путях становления ... 2004, с. 19–37]. Между тем, представителей двух последних народов в 1897 г. в Пермской губ. зафиксировано 2 294 чел. [Первая всеобщая … 1897]. За последующие 6 лет только по государственной переселенческой программе в Пермскую губ. въехали 3 937 чел. [Турчанинов 1910, 66]; учитывая, что одним из главных мест выхода для переселенцев на Средний Урал в последующий период 1906–1917 гг. были белорусские губ. [Семерикова 2012, 64], можно предположить, что из этих переселившихся ранее 4 000 значительная часть также была белорусами. Кроме того, в категорию общностей со скрытой этничностью можно отнести группу населения, влияние которой на историю Урала сложно переоценить – *старообрядцев*. Несмотря на то, что большинство из них были этнически русскими, за столетия религиозной изоляции у них сформировались уникальная культурная среда и идентичность, ставшие основанием для выделения целого ряда русских субэтносов [Бузин, Егоров 2008, 318–346]. В 1897 г. старообрядцы составили более 7 % населения Пермской губ. и представляли собой живое сообщество с собственной идентичностью, культурой и самоорганизацией [Белобородов, Боровик 2017, 107–112].

Другой проблемой стала этносословность: манси, башкиры и тептяри в Российской империи представляли собой сообщества, чья идентичность помимо языкового и этнокультурного компонента поддерживалась имперским законодательством. Это внесло определенную погрешность в нашу классификацию, с помощью которой предполагалось реконструировать многообразие региональной этничности.

Обе описанные проблемы, однако, не поддаются решению из-за отсутствия необходимых данных; на текущем этапе мы можем лишь принимать их во внимание и действовать с известной осторожностью.

Городское население, не рассматриваемое в данном исследовании, по переписи 1897 г. составляло меньше 6 % от всего населения губернии и почти на 95 % состояло из русских. Но, несмотря на столь малую долю меньшинств, было бы ошибкой считать городскую местность Среднего Урала более гомогенной в этническом отношении, чем сельскую. Городской компонент нерусского населения хоть и был значительно меньше, но зато имел гораздо более разнообразную палитру: кроме упомянутых нами народов, в городах проживали представители десятков различных национальностей. Кроме того, городская среда, во многом мигрантская и уже в это время значительно подверженная модернизации, была более готова к конструктивной аккультурации [см., например: Главацкая и др. 2019].

Номенклатура народов, приведенная в использованном источнике, из-за своего размера вызвала бы трудности с визуальным восприятием карты, поэтому мы сократили ее до четырех групп – манси, финно-пермяне (коми-пермяки, коми-зыряне, марийцы, удмурты)[2], тюрки (башкиры, татары, мишари, тептяри) и русские. При этом мы руководствовались максимально формальным языковым признаком, чтобы избежать сомнений и противоречий, которые неизбежно возникают при погружении в исторический контекст. Из финно-угорской языковой общности выделены манси как единственные на Среднем Урале *угры*, далекие от финно-пермских народов и в языковом плане (распад финно-угорской общности произошел на рубеже II–III тыс. до н. э.) [На-

[1] В источнике приведены устаревшие в наше время названия, которые даны в скобках; далее в статье использованы только современные этнонимы.

[2] В данном случае речь не идет о каком-то языковом близком родстве или сходстве, а скорее об историко-географической близости «европейских финно-угров» [Напольских 1997, 35].

польских 1997, 60], и в культурно-хозяйственном (в отличие от коми, марийцев и удмуртов, бывших земледельцами, манси сохраняли традиционное охотничье и рыболовческое хозяйство и связанный с ним образ жизни) [Напольских 1997, 73].

Всем четырем группам был присвоен код – *man, fin, tur* или *rus,* который определялся для каждой волости в зависимости от этического состава ее населения. В том случае, если в волости проживали представители сразу нескольких народов, записывался комплексный код в порядке убывания численности этнических сообществ; например, «*tur, rus, fin*». Полученный для каждой волости код был внесен нами в поле *ethnic_composition* (см. Табл. 2).

Таблица 2

Атрибуты этнической карты Пермской губ. нач. XX в. по волостям (фрагмент)

id	district_name	ethnic_ composition
64	Lozvichskaya	man
132	Sarinskaya	tur
366	Arkhangel'skaya	fin
194	Nikol'skaya	rus
220	Belyankovskaya	tur, rus
245	Utinskaya	rus, fin, tur

Административная карта Пермской губ. была отрисована на основе справочника «Волости и гмины Российской империи» за 1890 г. Итоговый векторный слой проекта содержал 486 полигональных объекта: 481 волость, 2 части двухсоставной Карабольской волости Екатеринбургского уезда и 3 городских выгона – Екатеринбурга, Кунгура и Красноуфимска. Также для лучшего визуального восприятия были добавлены дополнительные слои, отражающие административные границы 12 уездов Пермской губ. и локации двух главных городов региона, Перми и Екатеринбурга.

При совмещении атрибутивных данных и карты каждая волость была окрашена в выбранный цвет в зависимости от преобладающего этноса, при полиэтничном составе населения была применена штриховка (см. Рис. 1).

Интерпретация

Визуальный анализ полученной карты позволил выделить три больших кластера межэтнического контакта: южный, охватывавший Осинский, Пермский, Кунгурский, Пермский, Красноуфимский, Екатеринбургский и Шадринский уезды, где проживали представители тюрков, финно-пермян (марийцы) и русских с минимальным представительством манси; западный, включавший территории Чердынского и Соликамского уездов, населенный преимущественно русскими и финно-пермяками (в данном случае представленными коми-пермяками) с минимальным числом тюркоязычных жителей; и восточный, охватывавший Верхотурский уезд и часть Чердынского, где были представлены главным образом манси, финно-пермяне (коми-пермяки) и русские с минимальным представительством тюрков (см. Рис. 2). Отдельные представители тюрков и манси обособленно проживали в Екатеринбургском и Ирбитском уездах.

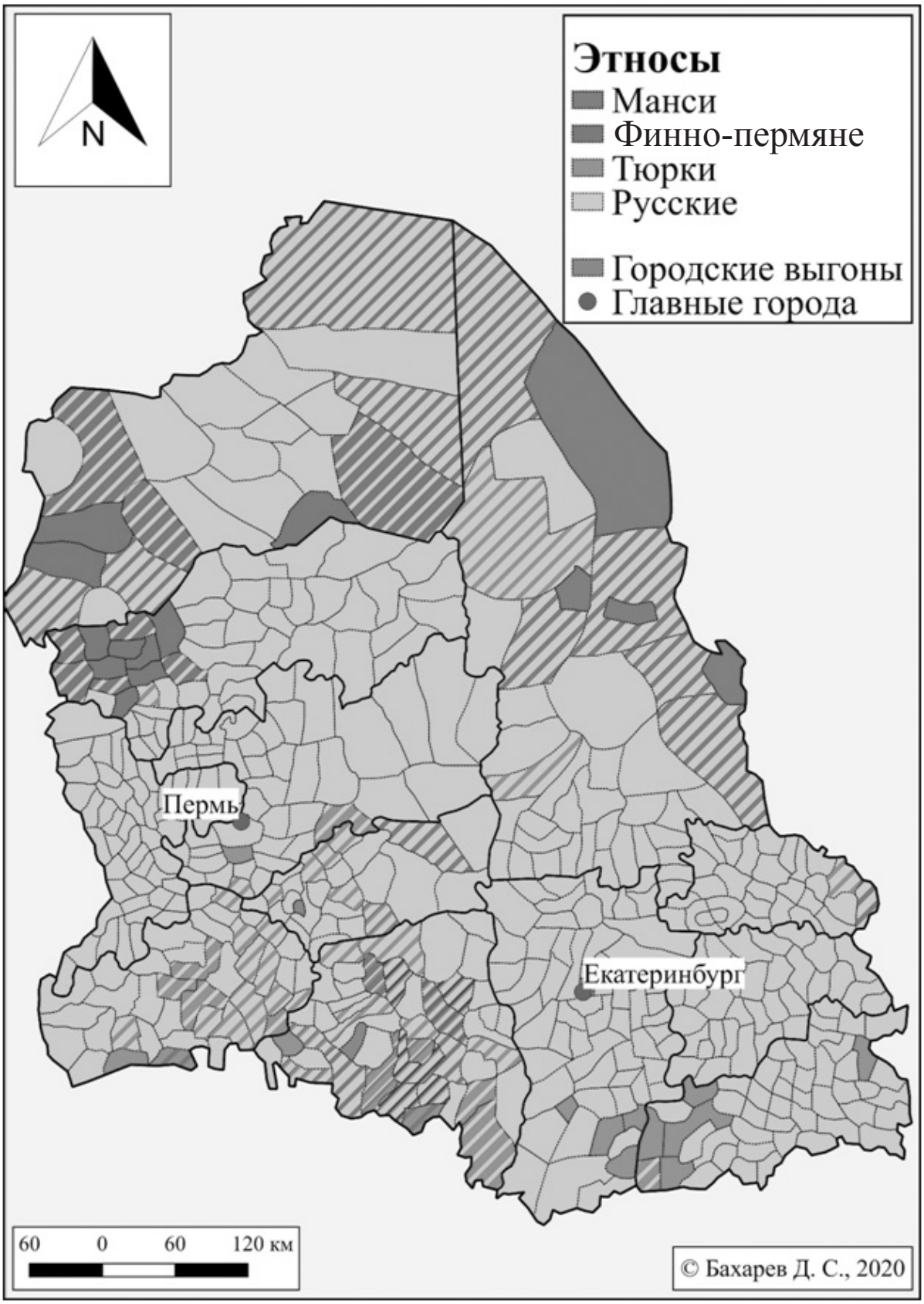


Рис. 1. Этническая карта Пермской губернии начала XX в.

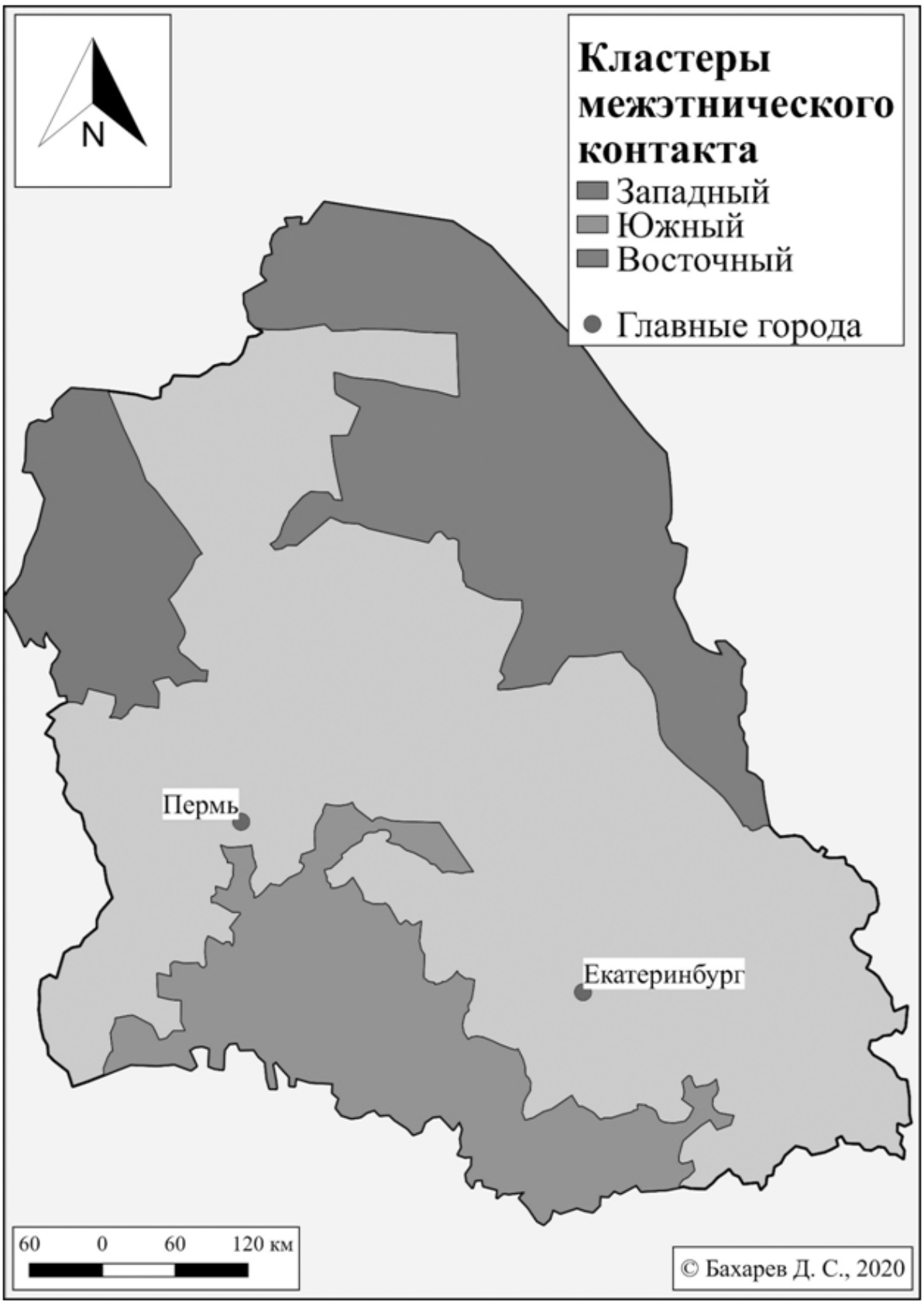


Рис. 2. Карта зон межэтнического контакта в Пермской губ. в нач. XX в.

Пространственный анализ этнического ландшафта региона позволил выделить три группы из 482 волостей:

1) полностью русские – 387 (80 %), в т. ч. пограничные с волостями со смешанным или полностью нерусским населением – 136 (28 %);

2) полностью нерусские – 27 (6 %);

3) со смешанным населением – 68 (14 %).

Таким образом, ландшафтный метод продемонстрировал гораздо более серьезные масштабы межэтнического контакта, чем историко-статистический анализ. Согласно переписи 1897 г., все нерусское население Пермской губ. составляло 288 985 чел., т. е. менее 10 %; в то же время, волости с нерусским или смешанным населением в сумме составляли уже 20 %.

Придерживаясь нашей гипотезы о влиянии «старого» культурного ландшафта на «новые», создаваемые поверх него или рядом с ним, интересно взглянуть на число волостей с полностью русским населением, пограничных с ино- или полиэтничными районами – около 28 %. Жители этих волостей, во-первых, даже без реального частого контакта с «инородческим» населением знали о его существовании и включали его в создаваемый уже ими ландшафт территории; во-вторых, волости часто были искусственными административными образованиями, реальные бытовые и экономические связи не всегда соответствовали их границам и могли способствовать еще более широким масштабам аккультурации.

Выводы

Выполненный анализ этнического ландшафта Пермской губ. нач. XX в. позволяет сделать интересное заключение касательно истории народов Среднего Урала. Вероятно, финно-угорские и тюркские соседи и их влияние присутствовали в жизни жителей Пермской губ. гораздо шире, чем это можно было бы предположить, исходя лишь из статистических данных – доля волостей с полностью или частично нерусским населением составила 20 %. Полностью русскими являлись лишь два из 12 уездов Пермской губ.: Оханский и Камышловский; достаточно близко к этому уровню находился также Ирбитский уезд. Но даже в их случаях нельзя сбрасывать со счетов скрытую иноэтничность – переселенцев из украинских и белорусских губерний и многочисленных уральских старообрядцев, имперской статистикой записывавшихся как русские. Остальные же уезды были частью трех выделенных нами кластеров межэтнического контакта: южного, западного и восточного. Этнический портрет каждого из уездов варьировался от преимущественно русского региона с немногочисленными «инородческими» анклавами (Пермский уезд) до настоящего «уральского Вавилона» (Красноуфимский уезд).

ИСТОЧНИКИ

Волости и гмины 1890 г. Т. 31. Пермская губ. – СПб.: ЦСК МВД, – 1890. [2], 28, [1] с.

Материалы к оценке земель Пермской губ. Т. 1: Оханский уезд. Пермь: Тип. губ. зем. упр., 1898. II, IV, IV – 216, 181, 387 с.

Материалы к оценке земель Пермской губ. Т. 2: Кунгурский уезд. Пермь: Тип. губ. зем. упр., 1900. III, II – 414, 301 с.

Материалы к оценке земель Пермской губ. Т. 3, вып. 1: Чердынский уезд. Пермь: Тип. губ. зем. упр., 1901. III, III – 287, 201 с.

Материалы к оценке земель Пермской губ. Т. 4, вып. 2: Екатеринбургский уезд. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь: Тип. губ. земск. упр., 1902. I–IV – 207, 237 с.

Материалы к оценке земель Пермской губ.: Т. 8, вып. 2: Верхотурский уезд. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь: Электро-тип. губ. зем. упр., 1906. [4] – 437 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям // Демоскоп Weekly. Приложение. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=0 (дата обращения: 07.04.2020).

Список населенных мест Пермской губ. Пермь: Тип. Перм. губ. зем. упр., 1905. VIII – 526 с.

Турчанинов Н. В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно). – СПб.: 1910. [2], VIII – 85 с.

ЛИТЕРАТУРА

Белобородов С. А., Боровик Ю. В. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII – начала XX в.: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 380 с.

Берри Дж., Пуртинга А. Х., Сигалл М. Х., Дасен П. Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. 560 с.

Бояршинов В. Г. Карта волостей Пермской губернии // Сайт Бояршинова Виталия Георгиевича. URL:https://vitaboyarsh.ru/moi_proekty/genealogicheskie_issledovaniya/karta_volostej_permskoj_gubernii.html (дата обращения: 15.04.2020).

Бузин В. С., Егоров С. Б. Субэтносы русских: проблемы выделения и классификации // Малые этнические и этнографические группы: Сб. статей, посвященный 80-летию со дня рождения проф. Р. Ф. Итса / Под ред. В. А. Козьмина («Историческая этнография», т. 3). СПб.: Новая Альтернативная Полиграфия, 2008. С. 308–346.

Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 76–82.

Главацкая Е. М., Бахарев Д. С., Бобицкий А. В. Этнорелигиозные меньшинства Екатеринбурга в конце XIX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2019. № 2 (45). С. 33–43.

Кордонский С. Г., Чернов М. И., Моляренко О. А., Плюснин Ю. М. Этносоциальный потенциал территории: особый случай Еврейской автономной области // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1. № 4. С. 105–135.

Мазур Л. Н. Народы Среднего Урала в структуре сельского расселения (XX в.) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2007. Т. 49. № 13. С. 180–196.

Мазур Л. Н. Села и деревни Среднего Урала в XX веке: Статистико-этнографическое описание. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 160 с.

Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск: [б. и.], 1997. 257 с.

На путях становления украинской и белорусской нации: факторы, механизмы, соотнесения / под ред. Л. Е. Горизонтова. М.: ООО "Стратегия", 2004, 255 с.

Остроумов И. Г. Объяснительная записка к Этнографической карте Пермской губернии, составленной И. Г. Остроумовым в 1891 году. Екатеринбург: Типография «Екатеринбургской Недели», 1891. 16 с.

Рыжова С. В. Глава 6. Содержание и динамика этнической идентичности в России // Этническое и религиозное многообразие России. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 119–135.

Семерикова О. М. Переселенческая деятельность государства в области миграции крестьян Европейской России (Вятская и Пермская губерния, 1906–1917) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2012. Т. 105. № 3. С. 62–71.

Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XXI вв. Екатеринбург: Сократ, 2014. 320 с.

Чагин Г. Н. Пограничные ситуации межэтнических взаимоотношений народов Среднего Урала в XIX – начале XXI вв. // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 2. С. 42–47.

Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (историко-социологический подход) / под ред. В. В. Алексеева. Екатеринбург: изд. «Екатеринбург», 2000. 104 с.

Filippucci P. Landscape // The Cambridge Encyclopedia of Anthropology. URL: http://doi.org/10.29164/16landscape (дата обращения: 01.05.2020).

Glavatskaya E. Indigenous peoples of the North Western Siberia: Ethnohistorical mapping // Proceedings of the XVI international conference of the Association for History and Computing. Amsterdam: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2005. P. 126–130.

Поступила в редакцию 17.09.2020

Бахарев Дмитрий Сергеевич,
научный сотрудник,
Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16
E-mail: dmitry.s.bakharev@gmail.ru;
младший научный сотрудник,
ФГБОУ ВО «Уральский федеральный университет»
620083, Россия, Екатеринбург, ул. Ленина, 51
E-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru

D. Bakharev

PERM' PROVINCE ETHNIC LANDSCAPE IN THE EARLY 20TH CENTURY: MAPPING INTER-ETHNIC CLUSTERS

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-688-698

This article aims to reconstruct the ethnic landscape in early 20th century Perm' province. The methods used by the author were cultural landscape studies, cross-cultural psychology, cartography and historical statistical analysis. The sources were mainly published statistics and maps from the late 19th to the early 20th centuries. The author analyzed the province's ethnic makeup and proposed four wide ethnic groups – Russians, Finno-Permians, Turks and Mansi. This general dataset was decomposed by 482 districts (volost', the smallest contemporary administrative unit) and was connected with the administrative province map. The visual analysis of this ethnic map enabled the reconstruction of spatial distribution of the peoples of the Middle Urals in the early 20th century, uncovered inter-cultural communication zones, and described the size and character of inter-ethnic contacts. We can conclude that Perm' province was more ethnically heterogeneous than is shown by published aggregates. According to the 1897 census, the non-Russian population in the province totaled less than 10%. At the same time the districts with fully or partly non-Russian population made up 18,5%. Only two counties out of twelve in Perm' province were homogeneously ethnic Russian. Others were parts of three big inter-ethnic clusters – western (mainly Finno-Permians and Russians), southern (mainly Russians, Turks and Finno-Permians) and eastern (mainly Russians and Mansi) or had non-Russian enclaves inside themselves.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 688–698. In Russian.

REFERENCES

Alekseev V. V. (Ed.). *Etnodemograficheskoe razvitie Urala v XIX–XX vv.* (istoriko-sotsiologicheskii podkhod) [Ethno-demographic development of the Urals in the 19–20 centuries]. Ekaterinburg, izd. «Ekaterinburg», 2000. 104 p. In Russian.

Beloborodov S. A., Borovik Yu. V. *Starovery gornozavodskogo Urala: stranitsy istorii soglasiya beglopopovtsev/chasovennykh XVIII – nachala XX v.: monografiya* [Old Believers of the mining Urals: pages of the history of the consent of Beglopopovtsy / Chasovennye of the 18th – early 20th centuries]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2017. 380 p. In Russian.

Berry J. W., Poortinga Y. H., Segall M. H., Dasen P. R. *Kross-kul'turnaya psikhologiya. Issledovaniya i primenenie* [Cross-cultural psychology. Research and applications]. Khar'kov, Gumanitarnyi tsentr, 2007. 560 p. In Russian.

Boyarshinov V. G. Karta volostei Permskoi gubernii [Map of Perm' province's districts]. *Sait Boyarshinova Vitaliya Georgievicha* [Website of V. G. Boyarshinov]. URL: https://vitaboyarsh.ru/moi_proekty/genealogicheskie_issledovaniya/karta_volostej_permskoj_gubernii.html (accessed 15 April 2020). In Russian.

Buzin V. S., Egorov S. B. Subetnosy russkikh: problemy vydeleniya i klassifikatsii [Russian sub-ethnic groups: issues of differentiation and classification]. *Malye etnicheskie i etnograficheskie gruppy: Sb. statei* [Small ethnic and ethnographic groups: collected papers]. Saint Petersburg, Novaya Al'ternativnaya Poligrafiya, 2008, pp. 308–346. In Russian.

Chagin G. N. *Narody i kul'tury Urala v XIX–XXI vv.* [Peoples and cultures of the Urals in 19th–21st centuries]. Ekaterinburg, Sokrat, 2014. 320 p. In Russian.

Chagin G. N. Pogranichnye situatsii mezhetnicheskikh vzaimootnoshenii narodov Srednego Urala v XIX – nachale XXI vv. [The frontier situations of the peoples` interethnic relations of the Middle Ural in XIX – beginning of XX century]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2012, no. 2, pp. 42–47. In Russian.

Filippucci P. Landscape. *The Cambridge Encyclopedia of Anthropology,* 2016. URL: http://doi.org/10.29164/16landscape (01 May 2020). In English.

Glavatskaya E. Indigenous peoples of the North Western Siberia: Ethnohistorical mapping. *Proceedings of the XVI international conference of the Association for History and Computing.* Amsterdam, Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, 2005, pp. 126–130. In English.

Glavatskaya E. M. Religioznyi landshaft Urala: fenomen, problemy rekonstruktsii, metody issledovaniya [Religious landscape of the Urals: phenomenon, reconstruction, methodology]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural historical journal], 2008, no. 4 (21), pp. 76–82. In Russian.

Glavatskaya E. M., Bakharev D. S., Bobitskii A. V. Etnoreligioznye men'shinstva Ekaterinburga v kontse XIX veka [Ethno-religious minorities in the late 19th century Yekaterinburg]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Perm university herald. History], 2019, no. 2 (45), pp. 33–43. In Russian.

Gorizontov L. E. (Ed.). *Na putyakh stanovleniya ukrainskoi i belorusskoi natsii: faktory, mekhanizmy, sootneseniya* [How were the Ukrainian and Belorussian nations established? A comparison of background factors and developments]. Moscow, «Strategiya», 2004. 255 p. In Russian.

Kordonskii S. G., Chernov M. I., Molyarenko O. A., Plyusnin Yu. M. Etnosotsial'nyi potentsial territorii: osobyi sluchai Evreiskoi avtonomnoi oblasti [Ethno-social potential of the territory: a special case of the Jewish Autonomous Region]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2018, vol. 1, no. 4, pp. 105–135. In Russian.

Mazur L. N. Narody Srednego Urala v strukture sel'skogo rasseleniya (XX v.) [Ethnic settlement dispersion in the 20th century rural Middle Urals]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural State University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2007, vol. 49, no. 13, pp. 180–196. In Russian.

Mazur L. N. *Sela i derevni Srednego Urala v XX veke: Statistiko-etnograficheskoe opisanie* [Villages and hamlets in the 20th century Middle Urals: statistical and ethnographical description]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2003. 160 p. In Russian.

Napol'skikh V. V. *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku* [Introduction to historical uralistics]. Izhevsk, 1997. 257 p. In Russian.

Ostroumov I. G. *Ob"yasnitel'naya zapiska k Etnograficheskoi karte Permskoi gubernii, sostavlennoi I. G. Ostroumovym v 1891 godu* [Notes to the Perm' province ethnographic map by I. G. Ostroumov 1891]. Ekaterinburg, Tipografiya «Ekaterinburgskoi Nedeli», 1891. 16 p. In Russian.

Ryzhova S. V. Glava 6. Soderzhanie i dinamika etnicheskoi identichnosti v Rossii [Chapter 6. Subject and evolution of ethnic identity in Russia]. *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Ethnic and religious diversity of Russia. 2nd edition, revised and enlarged], Moscow, IEA RAN, 2018, pp. 119–135. In Russian.

Semerikova O. M. Pereselencheskaya deyatel'nost' gosudarstva v oblasti migratsii krest'yan Evropeiskoi Rossii (Vyatskaya i Permskaya guberniya, 1906–1917) [State resettlement policy and peasant migration from European Russian to Vyatka and Perm' provinces 1906–1917]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2012, vol. 105, no. 3, pp. 62–71. In Russian.

Received 17.09.2020

Bakharev Dmitry Sergeevich,
Research Fellow, Laboratory for Interdisciplinary Humanitarian Research,
Institute of History and Archeology UB of the RAS,
Kovalevskoy St., 16, Ekaterinburg, 620083, Russia
E-mail: dmitry.s.bakharev@gmail.ru
Junior Research Fellow, International Demographic Unit,
Ural Federal University
Lenina Ave., 51, Ekaterinburg, 620083, Russia
Email: dmitry.bakharev@urfu.ru

УДК 323.1(470.51):39

Д. А. Черниенко

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)[1]

В статье представлены предварительные результаты социологического опроса по теме «Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: от этнополитической мобилизации к гражданской интеграции (республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия)». Данная тема является составной частью федеральной программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» на 2020–2022 гг. Опрос был направлен на выяснение мнения граждан по актуальным вопросам и проблемам современной национальной политики на уровне конкретного региона, таким как Всероссийская перепись населения, особенности различных идентичностей, межнациональные отношения в стране и республике, участие граждан в этнополитических процессах, миграции и восприятие мигрантов местным населением. По предварительным итогам, ожидается активное, заинтересованное участие граждан в предстоящей в 2021 г. переписи; отмечаются позитивные тенденции в процессе формирования политической гражданской нации; фиксируется уверенность населения Удмуртии в сохранении стабильности и неконфликтности в сфере межнациональных отношений; населением признается важная роль национально-культурных организаций; вместе с тем, в общественном сознании присутствуют опасения, связанные с возможным массовым прибытием в регион нового приезжего населения. Результаты исследования будут использованы для разработки практических рекомендаций органам власти различного уровня, общественным организациям, обсуждения важных социально-политических вопросов в рамках развития институтов гражданского общества.

Ключевые слова: национальная политика, идентичность, межнациональные отношения, миграция, национальность, перепись населения, регион, республика, Удмуртия, этнополитика.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-699-709

В Удмуртии с рубежа 1960–1970-х гг. и до настоящего времени реализуется устойчивый интерес к проблемам межнациональных отношений, сформировалась самобытная региональная школа этносоциологии, представленная несколькими поколениями исследователей. Ведущими научными центрами в данном направлении являются Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (ранее – Удмуртский НИИ при Совете Министров УАССР, УИИЯЛ УрО РАН) и Удмуртский государственный университет [Воронцов, Черниенко 2014].

В новейший период (1990–2010-е гг.) произошла интенсификация работы как на республиканском уровне [Понимать… 1990; Куликов 1999; Удмуртия… 2002; Воронцов, Поздеев,

[1] Статья подготовлена по программе фундаментальных и прикладных научных исследований Минобрнауки России во исполнение Поручения Президента РФ от 16.01.2020 г. Пр-71. «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

Черниенко 2017], так и благодаря возможности взаимодействия на международном, всероссийском и межрегиональном уровнях в рамках деятельности Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (руководитель – академик РАН В. А. Тишков), проектов ЮНЕСКО «Этничность, конфликт и согласие», TEMPUS по проблемам социальной политики в российских регионах [Этнический… 2000; Языковое… 2008; Воронцов, Мартыненко, Орлова, Шабаев 2019]. В 2000-е гг. благодаря сотрудничеству с Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН был осуществлен масштабный научно-издательский проект «Феномен Удмуртии» [Губогло, Смирнова 2001; Смирнова 2002; Губогло, Смирнова 2002–2003], в течение 2010-х гг. реализованы крупные региональные проекты [Финно-угры… 2009; Удмуртская Республика… 2012]. С начала 2000-х гг. при поддержке Министерства национальной политики УР проводятся регулярные этносоциологические исследования. В 2013–2019 гг. этнополитические процессы изучались в рамках проекта Распределенного научного центра РАН по мониторингу межнациональных и межрелигиозных проблем в Приволжском и других федеральных округах, по результатам подготовлена серия ежегодных экспертных докладов о межнациональной и религиозной ситуации в ПФО [Межэтнические… 2013–2019; Мониторинг… 2017]. Материалы указанных и других исследований были использованы при разработке концепции Всероссийского просветительского проекта «Большой этнографический диктант» и анализе его итогов [Воронцов, Касимов, Черниенко 2017], обобщены в коллективной монографии, посвященной изучению этнополитических процессов в современной Удмуртии [Современные… 2020].

В 2020 г. в рамках работы Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям и по поручению Президента Российской Федерации в Минобрнауки РФ с участием РАН разработана программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» на 2020–2022 гг. В рамках программы проведен конкурс исследовательских проектов, по результатам которого утверждено 20 исследовательских тем, в том числе «Этнический фактор в общественно-политической жизни регионов России: от этнополитической мобилизации к гражданской интеграции (республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия)».

Для реализации данной темы в октябре 2020 г. в пяти вышеназванных республиках было проведено комплексное социологическое исследование среди местного населения с целью изучения общественного мнения. Исследование проводилось по методике Института этнологии и антропологии РАН и Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов [Национальный… 2013]. В каждом из названных субъектов было опрошено по 300 респондентов, большинство которых составляли жители региональных столиц: Ижевска в Удмуртии, Саранска в Мордовии, Йошкар-Олы в Марий Эл, Уфы в Башкортостане и Чебоксар в Чувашии. Кроме того, опрашивали жителей населенных пунктов, территориально примыкающих к региональным столицам.

В настоящей статье представлены предварительные результаты опроса в Удмуртии (г. Ижевск, Завьяловский район). На вопрос о национальной принадлежности респонденты могли ответить по желанию. Указали национальность 80 %, из них русских 65 %, удмуртов 27 %, татар 5 %, украинцев 1 %, два раза указывалась национальность «славяне». Методика опроса предполагала также возможность указать двойную (вторую) национальность, чем воспользовались 30 человек (10 %). Чаще всего указывались удмурты, русские, татары, в нескольких случаях украинцы, белорусы, мордва, марийцы, немцы, «россияне». В качестве родного или нескольких родных языков указаны русский – 74 %, удмуртский – 19 %, татарский – 5 %, украинский – 2 %.

Среди опрошенных уроженцами Удмуртии, живущими здесь всю жизнь, оказались 83 % (248 чел.); 13 % (40 чел.) родились в других регионах (республики Татарстан, Башкортостан, Чувашия, Кировская, Камчатская, Волгоградская, Смоленская, Самарская, Тюмень, Ульяновская, Белгородская, Свердловская, Челябинская, Омская, Томская области, Пермский, Краснодарский края) и в разное время приехали в республику. Среди удмуртов родились в респу-

блике 98 %, русских – 81 %, в других регионах и странах – 19 %. Как видно, жители Ижевска представляют весьма широкую географию – не только сопредельные, но и весьма отдаленные регионы России. Несколько респондентов (12 чел., или 4 %) родились в других странах, преимущественно это бывшие республики СССР – Украина, Грузия, Таджикистан, Казахстан, Латвия, а также Польша.

При этом большинство (62 %) не изъявили желания уехать из Удмуртии на длительное время или навсегда. В другой регион России хотели бы уехать 13 %, в другую страну 10 %, затруднились ответить 15 %. Среди желательных регионов отъезда чаще всего назывались Москва, Санкт-Петербург, Татарстан и Краснодарский край, то есть наиболее экономически развитые субъекты России, и кроме них Московская область, Ленинградская область, Пермский край, Крым, Центральная Россия, Челябинская область. Среди стран чаще назывались Канада и Швеция, а также Германия, Греция, Дания, Исландия, Испания, Италия, Норвегия, Словакия, Тайланд, Турция. В нескольких случаях респонденты указывали не конкретные страны, а регионы – Прибалтика, Скандинавия, Европа, Америка. В целом видно, что предпочитаемые страны относятся либо к группе наиболее стабильных с точки зрения мировых социально-экономических показателей, либо это приморские государства с привлекательным климатом.

В отношении вопроса о личной мобильности существенных отличий в половозрастном отношении не отмечается. Можно лишь обратить внимание, что несколько выше доля тех, кто желает уехать в другую страну, среди мужчин (12 %), чем у женщин (8 %), а среди женщин больше тех, кто затруднился ответить (19 %, мужчины – 9 %). Обращает внимание то, что среди удмуртов не хотели бы никуда уезжать из республики 72 %, среди русских – 60 %, но в то же время доля желающих уехать в другую страну выше среди удмуртов (14 %), чем у русских (6 %), а доля желающих уехать в другой регион России выше среди русских (16 %), чем удмуртов (6 %). При этом среди русских затруднились с ответом 18 %, среди удмуртов – 8 %.

Первый блок вопросов посвящен предстоящей в 2021 г. Всероссийской переписи населения. Респондентам было предложено выбрать оптимальный для них вариант (формат) проведения. Отвечать письменно через интернет с регистрацией на портале Госуслуги согласны 46 %, отвечать переписчику у себя дома без предъявления документов – 25 %, посетить стационарный переписной участок в своем районе – 21 %, не намерены принимать участие в переписи 7 %. В одном случае было отмечено, что желательно «получить анкету по почте и отправить почтой».

По вопросу, нужно ли во время переписи населения спрашивать, какие языки люди знают, мнения разделились: считают, что нужно 47 %, не нужно – 46 %, затруднились с ответом 7 %. По вопросу, нужно ли во время переписи населения разрешить гражданам указывать не одну, а две национальности (например, «русский» и «удмурт»), незначительное большинство ответили, что не нужно (54 %), считают нужно – 37 %, затруднились ответить 6%. Были даны также и другие ответы: «по усмотрению», «по желанию», «без разницы», «решают самостоятельно», «только для изучения статистики».

В ряде случаев отмечены половозрастные и национальные особенности. Так, среди женщин выше доля тех, кто хотел бы посетить стационарный переписной участок (25 %), чем у мужчин (15 %). В свою очередь предпочли бы принять переписчиков дома 32 % мужчин и 19 % женщин. 52 % мужчин полагают, что нужно спрашивать о знании языков, эту точку зрения разделяют 43 % женщин.

Очень заметны различия по данным вопросам в разрезе возраста. Так, большая часть молодежи хотела бы участвовать в переписи через интернет (73 %), а посетить участок выразили готовность всего 2 %. Среди респондентов среднего возраста считают возможным отвечать через интернет уже меньше – 51 %, и четверть готовы посетить участок (23 %). А люди старшего возраста предпочли бы проходить перепись у себя дома (45 %) или посетить участок (27 %), на вариант с интернетом согласны 21 %.

Считают, что нужно спрашивать о знании языков преимущественно респонденты молодого (57 %) и старшего (53 %) возраста, в группе среднего возраста этот показатель 41 %. Так-

же молодежь более настроена на то, чтобы разрешить указывать две национальности (45 %), представители среднего и старшего поколений консервативнее в этом вопросе (34 % и 36 %).

В отношении национальностей респонденты-русские охотнее, чем удмурты, предпочтут участие в переписи через интернет (49 % и 38 %), удмурты в большей степени, чем русские, за вариант «отвечать дома» (35 % и 21 %). Очевидно, что для удмуртов вопрос о необходимости спрашивать о языках гораздо более важен (62 %), чем для русских (44 %). Также доля тех, кто выступает за разрешение указывать двойную национальность, несколько выше среди удмуртов (46 %), чем у русских (36 %).

Второй блок анкеты посвящен проблемам идентичности. Данные вопросы были многоответными, чтобы каждый респондент мог максимально точно выразить свою самооценку. В результате в высказывание «ЭТО – МЫ» большинство респондентов вкладывает смысл «граждане России» (77 %), также отмечены следующие мнения: «жители одного города, села» (27 %), «люди тех же взглядов на жизнь» (18 %), «люди той же национальности» (14 %), «люди той же профессии» (11 %), «люди тех же политических взглядов» (8 %), «люди одной веры» (7 %), затруднились с ответом 3 %. В нескольких случаях были предложены другие варианты: «все указанные», «языковая группа».

Можно отметить, что мужчины несколько больше, чем женщины, уделяют внимание национальности и политическим взглядам как факторам единства. С точки зрения возрастных особенностей значимость фактора гражданства заметно возрастает от младшего поколения (61 %) к старшему (84 %). В то же время, общность взглядов на жизнь гораздо более важна для представителей молодежи (35 %), чем для респондентов среднего (16 %) и старшего (14 %) возрастов. То же можно сказать в отношении фактора национальности (22 % / 10 % / 16 % соответственно). Ожидаемо, что среди респондентов-удмуртов факторы национальности и проживания в одном городе или селе имеют большее значение, чем для русских (25 % / 12 % и 40 % / 27 % соответственно).

В повседневной жизни подавляющее большинство респондентов желают, чтобы их воспринимали, прежде всего, как граждан страны (83 %), как жителя определенного региона (21 %), как представителя отдельной национальности (11 %), затруднились ответить 4 %. Среди других ответов (5 %) указаны: «личность», «человек», «друг, родственник», «житель Земли», «гражданин», «специалист» и др. Как и в предыдущем вопросе в большей степени отмечают значимость факторов национальности и региональной принадлежности такие группы как мужчины, молодежь и респонденты-удмурты.

По мнению респондентов, укреплению общероссийской гражданской идентичности, формированию российской нации могут способствовать следующие факторы: 1) экономические успехи и повышение уровня жизни граждан России (84 %), 2) укрепление международного авторитета России (39 %), 3) память о Победе в Великой Отечественной войне (32 %), 4) укрепление обороноспособности и успешные миротворческие операции российских вооруженных сил (24 %), 5) государственные и культурные символы страны (23 %), 6) спортивные достижения россиян на Олимпиадах и международных соревнованиях (20 %), 7) всенародная поддержка инициатив руководителя (лидера) страны (18 %), затруднились ответить 7 %. Среди других ответов (3 %): «воспитание любви друг к другу в семье, к малой и большой родине», «выполнение принципа равенства перед законом», «смена власти», «одинаковое отношение власти к регионам», «качественное образование, возможность работать по специальности», «национальная идея», «всегда говорить правду».

При схожести ответов по прочим позициям для женщин в большей степени, чем для мужчин, важны факторы международного авторитета России и поддержка руководителя страны. В разрезе возраста следует отметить, что молодежь больше обращает внимание на спортивные достижения и значимость символов, старший возраст – на поддержку лидера, память о Победе в войне, укрепление обороноспособности. В отношении национальностей существенных отличий в ответах респондентов не выявлено.

Третий блок опроса посвящен характеристике межнациональных отношений в стране и республике. Прежде всего отметим, что подавляющее большинство респондентов (86 %)

не придают никакого значения национальности человека при общении с ним, предпочитают не общаться с людьми некоторых национальностей 9 %, общаться с людьми своей национальности – 3 %.

Отношения между людьми различных национальностей в России оценивают как нормальные 43 %, напряженные, с конфликтными ситуациями – 27 %, доброжелательные, способствующие общественному согласию – 21 %, взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения – 2 %, затруднились ответить 8 %. Отношения между людьми различных национальностей в Удмуртии оценивают как нормальные 57 %, доброжелательные, способствующие общественному согласию – 21 %, напряженные, бывают конфликтные ситуации – 15 %, взрывоопасные, способные перейти в открытые столкновения – 0 % (нет таких ответов!), затруднились ответить 7 %.

В оценках сферы межнациональных отношений в России и Удмуртии женщины чаще, чем мужчины, отмечают состояние конфликтности (31 % / 22 % и 17 % / 12 % соответственно); также наличие напряженности и конфликтных ситуаций в стране и особенно в республике чаще отмечает молодежь (37 % и 33 %), чем представители средней (27 % и 14 %) и старшей (21 % и 6 %) возрастных групп. В оценках ситуации в России мнения русских и удмуртов совпадают, а по Удмуртии доля респондентов-русских, указывающих на наличие напряженности (17 %), несколько выше, чем среди удмуртов (6 %). Но, по мнению значительного большинства респондентов (75 %), в Удмуртской Республике не могут или скорее всего не могут произойти межнациональные конфликты, допускают такую возможность 17 %, считают, что такие конфликты уже сейчас происходят 1 %, затруднились ответить 7 %.

Среди причин, способных обострить межнациональные отношения в Удмуртии (вопрос многоответный по предложенному списку), были названы следующие: 1) непродуманные решения региональных и местных органов власти в сфере межнациональных отношений (49 %), 2) вызывающее поведение представителей отдельных национальностей, игнорирующих традиции местных жителей (48 %), 3) неправильное воспитание в семье, исторические традиции проявления национальной нетерпимости в регионе (37 %), 4) ухудшение экономического положения людей, снижение уровня жизни (37 %), 5) прибытие мигрантов из зарубежных стран и других регионов РФ, усиление конкуренции на рынке труда (26 %), 6) выступления в СМИ, провоцирующие межнациональную неприязнь (26 %), 7) деструктивная деятельность организаций экстремистской направленности (22 %), 8) недостаточная работа учреждений образования и культуры по воспитанию культуры межнациональных отношений (21 %), 9) борьба политических сил (партий, организаций) за власть в ходе выборных кампаний (15 %), 10) присоединение республики к соседнему региону (9 %).

При этом мужчины большее значение придают факторам политико-экономическим, женщины – социокультурным; по сравнению с другими возрастными группами молодежь более негативно оценивает такие факторы, как провокации в СМИ, экстремизм и возможность присоединения республики к соседнему региону; более половины респондентов-удмуртов опасаются непродуманных действий органов власти (54 %), вызывающего поведения представителей отдельных национальностей, игнорирования местных традиций (52 %).

За последний год не испытывали никакого негативного отношения к себе из-за языка, национальности или религии 91 % респондентов; среди тех, кто испытывал какой-то негатив, 4 % отметили, что из-за национальности, 2 % – из-за языка, 1 % – из-за религии, затруднились ответить 2 %. В настоящее время никакой враждебности, неприязни к людям других национальностей «определенно не чувствуют» или «скорее не чувствуют» 86 % респондентов, «определенно» или «скорее» испытывают такие чувства 9 %, затруднились ответить 5 %.

Четвертый блок вопросов затрагивал актуальные проблемы современной общественно-политической повестки, направлен на выявление степени заинтересованности, активности и возможного участия респондентов в этнополитических процессах.

Так, принять участие в акциях в поддержку интересов своей этнической группы (своего народа), если они будут организованы активистами национального движения, выразили готов-

ность 19 %, в том числе сами примут участие в организации таких акций 6 % и присоединятся к организованным акциям 13 %. Не готовы в той или иной степени присоединиться к таким акциям большинство респондентов (63 %), затруднились ответить 17 %. Среди молодежи готовность к участиям в акциях заметно выше (35 %), чем у респондентов из средней (18 %) и старшей (11 %) возрастных групп. Готовность к действиям выразили 34 % респондентов-удмуртов (среди русских – 17 %).

К общественно-политическим деятелям, которые бы заявляли, что отстаивают интересы определенной национальности, отнесутся нейтрально 49 %, положительно – 22 %, отрицательно – 17 %, затруднились ответить 11 %. Среди респондентов-удмуртов положительное отношение отметили 38 %, среди русских – 21 %.

Национальность Главы республики не имеет значения для половины респондентов (55 %), в то время как имеет большое (15 %) или определенное (25 %) значение для 40 %, затруднились ответить 6 %. На данный фактор больше внимания обращают респонденты-мужчины, среднего и старшего возрастов, удмурты. В ситуации выборов Главы республики национальность кандидата не будет иметь значения для 49 % респондентов, за кандидата русской национальности предпочли бы проголосовать 18 %, за представителя титульного народа – 17 %, затруднились ответить 12 %. Очевидно, что среди респондентов-удмуртов уровень поддержки кандидата от титульного народа значительно выше (45 %), чем среди русских (7 %), и, наоборот – за русского кандидата отдали бы голоса 25 % русских и 5 % удмуртов. Среди других ответов были, например, такие: «за профессионала, самостоятельного в своих решениях», «справедливого и не вора», «татарина», «за честного и достойного», «который родился в нашей республике и проживает», «кроме южных национальностей», «понимание, инициативность, отстаивание национальных интересов и традиций», «за человека, который знает Республику и готов работать на благо Республики».

К «губернизации» России, т.е. идее преобразовать все национальные республики в области (губернии), например, Удмуртскую Республику в Ижевскую область, отрицательно относятся более половины респондентов (55 %), нейтрально – 24 %, положительно – 6 %, затруднились ответить 12 %. Степень неприятия такой идеи повышается в зависимости от возраста (молодежь – 49 %, средний возраст – 52 %, старший возраст – 64 %) и национальности (русские – 53 %, удмурты – 66 %) респондентов. Среди других ответов присутствуют такие: «лишняя трата денег», «этот вопрос нужно обсуждать в профессиональных кругах, историко-юридических», «это архаизм, бесполезное действие», «очередная трата гос. средств», «зачем?»

По мнению значительной части респондентов (42 %), внимание «национальному вопросу» не уделяет никакая из политических партий России, а среди действующих парламентских партий были названы «Единая Россия» (11 %), КПРФ (6 %), ЛДПР (6 %), Справедливая Россия (1 %), затруднились с ответом 33 %. Представители старших поколений чаще отдают предпочтение «Единой России» и КПРФ, молодежь чаще затруднялась определиться (45 %). Респонденты-удмурты большей частью отмечали, что никакая из партий (57 %, русские – 37 %), а русские затруднялись с ответом (37 %, удмурты – 23 %).

В контексте этнополитической тематики важно было узнать, насколько участники опроса осведомлены о деятельности крупнейших республиканских национально-культурных объединений (НКО)? Так, например, о работе Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш» слышали 54 %, нет – 32 %, затруднились с ответом 14 %; об Обществе русской культуры (ОРК) слышали 33 %, нет – 47 %, затруднились с ответом 20 %; о Татарском общественном центре (ТОЦ) слышали 30 %, нет – 48 %, затруднились с ответом 21 %. В данном блоке вопросов заметны определенные закономерности – чем моложе респонденты, тем менее они осведомлены о существовании и деятельности НКО; значительная часть опрошенных удмуртов (78 %) слышала об «Удмурт кенеш» и степень информированности об этой организации выше даже среди русских (49 %) по сравнению с ОРК (32 %).

Но при не очень высокой общей степени осведомленности, тем не менее, большинство респондентов (62 %) полагают, что национально-культурные объединения должны активно

участвовать в общественно-политической жизни региона, в том числе в выборных кампаниях, не должны – 17 %, затруднились ответить на вопрос 20 %. С необходимостью активной деятельности НКО согласны чаще женщины (65 %), представители старшего возраста (72 %), респонденты-удмурты (77 %). Были высказаны и такие мнения: «в общественной должны, политизировать – нет», «имеют право», «это только приведет к национализму в долгосрочной перспективе».

Пятый блок вопросов включал оценки актуальной в современных реалиях темы миграции и восприятия приезжих местным населением. По мнению большинства респондентов (65 %), массовое прибытие мигрантов из других стран на общественно-политическую ситуацию в России может повлиять отрицательно или скорее отрицательно; противоположную точку зрения – положительно или скорее положительно, разделяют лишь 8 %, но при этом почти треть опрошенных (27 %) затруднились ответить.

Оценивая влияние мигрантов на личную повседневную жизнь, почти половина опрошенных (45 %) склонны полагать, что это не оказывает никакого влияния, 26 % считают, что такое влияние отрицательное, около четверти (23 %) затруднились ответить, а положительные последствия отметили только 2 %. Некоторые респонденты предложили ряд своих суждений по этому поводу: «дешевые ценные строители», «меняется общая картина жизни», «Россия может решить свои задачи без мигрантов», «если много, то отрицательное [влияние]».

На вопрос (многоответный), следует ли ограничить въезд в Россию гражданам ряда стран, большая часть респондентов затруднились ответить (35 %) или отметили, что ограничения не нужны (25 %). Сторонники ограничений отметили, что их возможно ввести для мигрантов из стран Закавказья (Армения, Азербайджан, Грузия) – 25 %, Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан) – 24 %, Украины – 13 %, других стран (Китай, Вьетнам, Турция, США, Африка, Ближний Восток) – 9 %.

В случае, если возникнут пикеты или акции против мигрантов, большинство респондентов (54 %) отметили, что не поддержат их, выразили желание поддержать 9 %, и значительная часть (34 %) затруднились ответить. В ряде случаев (3 %) были даны другие ответы, выражающие осторожность и сомнения: «возможно поддержу», «зависит от вопроса конфликта», «если это усугубит положение граждан», «пикеты ничего не решают», «смотря какая причина», «зависит от причины», «нет, но за событиями буду следить».

Анализ половозрастных и национальных характеристик респондентов показывает, что, например, мужчины более негативно настроены по отношению к мигрантам, чем женщины; подобные взгляды больше распространены среди старшего поколения, чем среди молодежи.

В завершающей части анкета предусматривала возможность дать **комментарии по проблематике исследования**, чем воспользовались лишь 7 %. Тем не менее, и среди немногих высказываний наблюдаются заметные отличия. Одна часть респондентов отнеслась к опросу позитивно, заинтересованно: *«почаще проводить такие опросы», «важная тема», «опрос адекватен и интересен», «актуально», «продуманный, глубокий».* Другая часть негативно, настороженно: *«не понятно, кому интересны эти ответы», «промышленность развивайте, тогда и анкеты такие не нужны будут», «вопрос определения наций очень неоднозначный и провокационный», «вопросы очень странные, вызывают негатив к другим нациям, что совсем не нужно для общества», «национальная тема не удел опросов, а задача грамотного гос. регулирования в гуманных интересах и на благо всего общества», «каков будет итог опроса?».*

Кроме оценочных суждений по поводу самого опроса были высказаны и более развернутые мнения по некоторым проблемам, например, предстоящей переписи: *«Считаю важным выяснение в ходе переписи населения, каков национальный состав республики для поднятия национального самосознания, развития национальной культуры, любви к родине», «В связи с COVID-19: если будут проводить online или на участке – объективный ли будет подсчет?»*; этнополитических процессов: *«Перераспределить страну на губернии, без нац. признака с доминантой титульной (русской) составляющей нации как большинства и государствообразующей», «Стро-*

го ограничить въезд мигрантов в Россию», «Жители коренной национальности должны быть в числе руководителей всех уровней, в т. ч. и районной администрации», «Удмуртия спокойная республика в плане межнациональных отношений. Лично у меня отсутствует чувство неприязни к людям другой национальности, меня раздражают неправильные поступки, а не национальность». В некоторых случаях были даны общие призывы: *«Хотелось бы жить в мире со всеми национальностями бывшего Советского Союза», «Я за мирное существование, уважение коренной культуры и традиции мест, где обитают жители», «Мы за мир!».*

Выводы. Проведенный опрос показал, что, во-первых, можно ожидать активное, заинтересованное участие граждан в предстоящей в 2021 г. переписи населения. Но в общественном сознании пока еще присутствует настороженность в отношении либерализации сведений о национальности и языке, т. е. возможности давать несколько ответов.

Во-вторых, в России продолжается процесс формирования гражданской (политической) нации, принадлежность к которой заметно преобладает над национально-территориальными (региональными) представлениями. Но для дальнейшего укрепления общероссийской идентичности важно учитывать целый ряд факторов, среди которых, безусловно, ведущим является необходимость экономического развития и повышения уровня жизни населения.

В-третьих, опрос показал отсутствие каких-либо широко распространенных предубеждений по национальному признаку. Межнациональные отношения в России и Удмуртии большинство респондентов оценивают как нормальные или доброжелательные, но в республике традиционно отмечается более позитивная картина, чем в целом по стране. Наибольшие опасения среди деструктивных факторов, способных потенциально нарушить стабильную ситуацию, обострить межнациональные отношения, связаны с непродуманными решениями органов власти и действиями представителей отдельных национальностей, игнорирующих местные традиции.

В-четвертых, протестный потенциал, связанный с возможностью защиты интересов своего народа, присутствует, но пока не имеет широкой поддержки, хотя существует определенный запрос на лидеров национального движения. Идея губернизации жителями республики не поддерживается. Национально-культурным объединениям для укрепления своего авторитета и общественно-политического влияния следует продумать стратегии популяризации своей деятельности.

В-пятых, в общественном сознании присутствуют серьезные опасения из-за последствий возможного массового прибытия мигрантов, их влияние на общественно-политическую ситуацию в стране прогнозируется как отрицательное. Вместе с тем, граждане не планируют принимать участие в акциях протеста по этому поводу.

В дальнейшем необходим сравнительный анализ с данными аналогичных опросов, полученных в других регионах ПФО в рамках единой исследовательской программы, а также сопоставление с результатами предшествующих опросов по этнополитической тематике.

ЛИТЕРАТУРА

Воронцов В. С., Черниенко Д. А. Научно-образовательные ресурсы и опыт изучения межэтнических и межконфессиональных отношений // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. Вып. 3. С. 116–126.

Воронцов В. С., Касимов Р. Н., Черниенко Д. А. Итоги большого этнографического диктанта // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 3. С. 176–183.

Воронцов В. С., Поздеев И. Л., Черниенко Д. А. Этносоциальные и демографические процессы в Удмуртии: опыт локально-исторического исследования // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 4. С. 149–162.

Воронцов В. С., Мартыненко А. В., Орлова О. В., Шабаев Ю. П. Проблемы общественного восприятия миграции населением финно-угорских республик России (на материалах Марий Эл, Мордовии, Коми, Удмуртии) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 4. С. 653–663.

Губогло М. Н., Смирнова С. К. и др. Феномен Удмуртии. Т. 3. Идеология и технология этнической мобилизации. Кн. 1–3. М.-Ижевск, 2002–2003.

Губогло М. Н., Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2001. 492 с.

Куликов К. И. Удмуртия – субъект России: проблемы экономики, политики, национальных отношений (1990-е гг.). Ижевск, 1999. 279 с.

Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертные доклады. М.: Оренбург–Ижевск, 2013–2019.

Понимать друг друга: О проблемах межнациональных отношений в Удмуртской АССР / Сост. К. А. Пономарев, Т. С. Томшич. Ижевск: Удмуртия, 1990. 124 с.

Мониторинг реализации государственной национальной политики в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / Ред. В. А. Тишков и др. М.: Оренбург–Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. 128 с.

Национальный вопрос в общественно-политической жизни России / под ред. М. В. Романова и В. В. Степанова. М.: Общественная палата РФ, 2013. 168 с.

Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Т. 4. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.: Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2002. 558 с.

Современные этнополитические процессы и межнациональные отношения в Удмуртии: коллективная монография / В. С. Воронцов, Р. Н. Касимов, Д. А. Черниенко; УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: ООО «Издательство «Шелест», 2020. 364 с.

Удмуртия в годы реформ: 1990–2011 / Учебно-методическое пособие. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2002. 288 с.

Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; науч. ред. А. Е. Загребин. Ижевск, 2012. 288 с.

Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Ижевск, 2009. 768 с.

Этнический фактор и политика. История и современность: Тезисы докладов российской научно-практической конференции (Ижевск, 3-4.03.2000) / Отв. ред. М. Ю. Малышев. Ижевск: ИД «Удмуртский университет», 2000. 154 с.

Языковое и этническое возрождение в Удмуртии: от политики к культурному многообразию. Коллективная монография / Под науч. ред. К. Уильямса и др. Ижевск: УдГУ, 2008. 252 с.

Поступила в редакцию 21.09.2020

Черниенко Денис Аркадьевич,
кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: denis_chernienko@mail.ru
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ Уро РАН
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: denis_chernienko@mail.ru

D. A. Chernienko

ETHNO-POLITICAL VALUES OF THE POPULATION OF UDMURTIA (BASED ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-699-709

The article presents preliminary results of a sociological survey on the subject " Ethnic factor in socio-political life of Russian regions: from ethnopolitical mobilization to civil integration (the Republics of Bashkortostan, Mari El, Mordovia, Udmurtia, Chuvashia)". This issue is an integral part of the Federal program of fundamental and applied scientific research on "Ethnocultural diversity of Russian society and strengthening of national identity" for the period 2020-2022. The survey was aimed at finding out the opinion of citizens on topical issues and problems of modern national policy at the level of a particular region concerning the all-Russian population census, peculiarities of different identities, interethnic relations in the country and the Republic, participation of citizens in ethnopolitical processes, migration and the acceptance of migrants by the local population. According to the preliminary results,

active and motivated participation of citizens in the upcoming 2021 census is expected; positive trends are noted in the process of forming a political civil nation; the population's confidence in maintaining stability and non-conflict in the sphere of multinational relations in Udmurtia is recorded; the population recognizes the important role of national and cultural organizations; at the same time, there are concerns related to the possible mass arrival of foreigners to the region. The results of the study will be used to develop practical recommendations to various levels of government, public organizations, and discuss important socio-political issues in the development of civil society institutions.

Keywords: national policy, identity, interethnic relations, migration, nationality, population census, region, republic, Udmurtia, ethno-policy.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 699–709. In Russian.

REFERENCES

Vorontsov V. S., Chernienko D. A. Nauchno-obrazovatel'nye resursy i opyt izucheniya mezhetnicheskikh i mezhkonfessional'nykh otnoshenii [Scientific and educational resources and experience of studying interethnic and interfaith relations]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. Iss. 3. Izhevsk, 2014. Pp. 116–126. In Russian.

Vorontsov V. S., Kasimov R. N., Chernienko D. A. *Itogi bol'shogo etnograficheskogo diktanta* [The results of the Great ethnographic dictation]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2017. T. 11. Iss. 3. Pp. 176–183. In Russian.

Vorontsov V. S., Pozdeev I. L., Chernienko D. A. Etnosotsial'nye i demograficheskie protsessy v Udmurtii: opyt lokal'no-istoricheskogo issledovaniya [Ethno-social and demographic processes in Udmurtia: the experience of local-historical research]. Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2017. T. 11. Iss. 4. Pp. 149–162. In Russian.

Vorontsov V. S., Martynenko A. V., Orlova O. V., Shabaev Yu. P. *Problemy obshchestvennogo vospriyatiya migratsii naseleniem finno-ugorskikh respublik Rossii (na materialakh Marii El, Mordovii, Komi, Udmurtii)* [Problems of public perception of migration by the population of the Finno-Ugric republics of Russia (based on materials from Mari El, Mordovia, Komi, Udmurtia)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2019. T. 13. Iss. 4. Pp. 653–663. In Russian.

Guboglo M. N., Smirnova S. K. i dr. *Fenomen Udmurtii* [The Phenomenon of Udmurtia]. Vol. 3. Ideologiya i tekhnologiya etnicheskoj mobilizatsii [Ideology and technology of ethnic mobilization]. Books 1–3. M. Izhevsk, 2002–2003. In Russian.

Guboglo M. N., Smirnova S. K. *Fenomen Udmurtii. Paradoksy etnopoliticheskoi transformatsii na iskhode XX veka* [Phenomenon of Udmurtia. Paradoxes of ethno-political transformation at the end of the XX century]. M., 2001. 492 p. In Russian.

Kulikov K. I. *Udmurtiya – sub"ekt Rossii: problemy ekonomiki, politiki, natsional'nykh otnoshenii (1990-e gg.)* [Udmurtia – a subject of Russia: problems of economics, politics, national relations (1990s)]. Izhevsk, 1999. 279 p. In Russian.

Mezhetnicheskie otnosheniya i religioznaya situatsiya v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnye doklady [Interethnic relations and religious situation in the Volga Federal District. Expert reports]. M. Orenburg-Izhevsk, 2013–2019. In Russian.

Ponimat' drug druga: O problemah mezhnatsional'nykh otnoshenij v Udmurtskoj ASSR / Sost. K. A. Ponomarev, T. S. Tomshich [Understanding each other: On the problems of interethnic relations in the Udmurt ASSR / Ed. K. A. Ponomarev, T. S. Tomshich]. Izhevsk: "Udmurtiya" Publ., 1990. 124 p. In Russian.

Monitoring realizatsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad / Red. V. A. Tishkov i dr. [Monitoring the implementation of state ethnic policy in the Volga Federal District. Expert report / Ed. V. A. Tishkov]. M. Orenburg-Izhevsk: "Institute for Computer Research" Publ., 2017. 128 p. In Russian.

Natsional'nyi vopros v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Rossii / pod red. M. V. Romanova i V. V. Stepanova [The national question in the socio-political life of Russia / Ed. *M. V. Romanov, V. V. Stepanov*]. M.: Public Chamber of the Russian Federation, 2013. 168 p. In Russian.

Smirnova S. K. *Fenomen Udmurtii* [The Phenomenon of Udmurtia]. Vol. 4. *Etnopoliticheskoe razvitie v kontekste postsovetskih transformatsii* [Ethnopolitical development in the context of post-Soviet transformations]. M. Izhevsk: "Udmurtiya" Publ., 2002. 558 p. In Russian.

Sovremennye etnopoliticheskie protsessy i mezhnatsional'nye otnosheniya v Udmurtii: kollektivnaya monografiya / V. S. Voroncov, R. N. Kasimov, D. A. Chernienko [Modern ethnopolitical processes and interethnic relations in Udmurtia: collective monograph / V. S. Vorontsov, R. N. Kasimov, D. A. Chernienko]. Izhevsk: "Shelest" Publ., 2020. 364 p. In Russian.

Udmurtiya v gody reform: 1990–2011 / Uchebno-metodicheskoe posobie [Udmurtia during the years of reforms: 1990–2011 / Study guide]. Ekaterinburg: "Sokrat" Publ., 2002. 288 p. In Russian.

Udmurtskaya Respublika: istoriko-etnograficheskie ocherki / UIIYaL UrO RAN; nauch. red. A. E. Zagrebin [Udmurt Republic: Historical and Ethnographic Essays / UIIYaL UB RAS; scientific. ed. A. E. Zagrebin]. Izhevsk, 2012. 288 p. In Russian.

Finno-ugry – slavyane – tyurki: opyt vzaimodejstviya (traditsii i novatsii) [Finno-Ugrians – Slavs – Turks: experience of interaction (traditions and innovations)]. Izhevsk, 2009. 768 p. In Russian.

Etnicheskii faktor i politika. Istoriya i sovremennost': Tezisy dokladov rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Izhevsk, 3-4.03.2000) / Otv. red. M. Yu. Malyshev [Ethnic factor and politics. History and modernity: Abstracts of the Russian scientific-practical conference (Izhevsk, 3-4.03.2000) / Ed. M. Yu. Malyshev]. Izhevsk: "Udmurt universitet" Publ., 2000. 154 p. In Russian.

Yazykovoe i etnicheskoe vozrozhdenie v Udmurtii: ot politiki k kul'turnomu mnogoobraziyu. Kollektivnaya monografiya / Pod nauch. red. K. Uil'yamsa i dr. [Linguistic and Ethnic Revival in Udmurtia: from Politics to Cultural Diversity. Collective monograph / Under scientific. ed. K. Williams and others]. Izhevsk: "UdGU" Publ., 2008. 252 s. In Russian.

Recerved 21.09.2020

Chernienko Denis Arkadievich,
Candidate of Sciences (History), Associate Professor,
Udmurt State University
st. Universitetskaya, Izhevsk, 1426034, Russia
E-mail: denis_chernienko@mail.ru
Candidate of Sciences (History), Senior Researcher,
Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation

УДК 274

А. Н. Кляшев

УДМУРТЫ – АДВЕНТИСТЫ СЕДЬМОГО ДНЯ В СЕЛЕ ЯКШУР-БОДЬЯ: ЭТНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются социально-демографические характеристики и доктринальные особенности членов Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня (ХАСД) с. Якшур-Бодья Удмуртской Республики РФ. Ранее на основании эмпирических материалов автором было выдвинуто теоретическое положение, согласно которому среди полиэтничных протестантов исследованных областей Южного, Среднего и Полярного Урала носителей финно-угорских языков можно охарактеризовать как представителей более традиционной культуры. Материалы полевых исследований, проведенных Институтом этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН в 2015 г. в с. Якшур-Бодья, позволяют скорректировать этот тезис. Ведущий подход к исследованию данной проблемы – индуктивная стратегия; используются также методы анализа и синтеза. Сбор эмпирических материалов осуществлялся методами полевой этнографии и социологии: включенным наблюдением и опросами (анкетированием и интервьюированием). Материалы статьи могут быть полезными для сотрудников государственных органов, специалистов в сфере этноконфессиональных отношений, исследователей религии.

Ключевые слова: финно-угорские народы, удмурты, протестантизм, традиционная культура, Уральский регион.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-710-719

В рамках государственного задания по теме № АААА-А18-118042390021-3 «Религия и духовная жизнь в поликонфессиональном пространстве Южного Урала» Институтом этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленным структурным подразделением Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИЭИ УФИЦ РАН) в 2013–2015 гг. на территории Южного, Среднего и Полярного Урала, а также в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югре были осуществлены исследования протестантских религиозных организаций, а также их членов. Это позволило ввести в научный оборот ряд теоретических и эмпирических положений, согласно которым протестантизм в исследованных районах Уральского региона представлен совокупностью этноконфессиональных групп протестантского вероисповедания, характеризующих такими показателями, как наличие большого количества лиц с высшим или средним специальным образованием, занятостью квалифицированным умственным или физическим трудом и урбанизированностью [Кляшев 2016, 109].

Анализ эмпирических материалов позволил нам выделить в их составе протестантов – носителей финно-угорских, а также самодийских (ненцы-оленеводы) языков, для которых характерны меньший (по сравнению с общим массивом респондентов) уровень образования,

урбанизированности и занятости квалифицированным интеллектуальным и физическим трудом, а также высокая степень реализации семейных ценностей (количество состоящих в браке и многодетных верующих); протестантские церкви инициируют использование национальных, в том числе финно-угорских, языков в ходе осуществления религиозных практик [Лаэте 2013, 258–259, 261–273; Богатова 2019, 170–173]. Данные этнодемографические характеристики позволяют нам рассматривать протестантов – носителей финно-угорских (и самодийских) языков уральской языковой семьи исследованных областей Южного, Среднего и Полярного Урала и ХМАО-Югры как представителей более традиционной этноконфессиональной группы в составе протестантского сообщества [Кляшев 2017, 24;]. Под традиционностью в данной работе мы подразумеваем большее, чем в общей выборке по протестантам изученных регионов Урала, наличие в исследуемой группе элементов культуры, присущих традиционному обществу, в частности: многодетности, брачных отношений, большая занятость неквалифицированным трудом и более низкий уровень образования; большее количество проживающих в сельской местности.

Однако данные теоретические положения, на наш взгляд, требуют коррекции. Принадлежность живущих натуральным хозяйством (в основном охотой и собирательством угроязычных хантов) и представителей самодийской группы уральской языковой семьи – ненцев-оленеводов – к носителям традиционной культуры не вызывает сомнений [Vallikivi 2014; Klyashev 2017, 8–10], в том числе и по причине предпринимаемых протестантскими формированиями действий по возрождению национальных культур и языков у коренных народов Севера [Онищенко 2015, 48–51; Klyashev 2017, 12], удмурты, марийцы и мордва также более «традиционны» по сравнению с общим массивом респондентов-протестантов [Садиков 2016; Садиков, Тулуз 2017; Садиков, 2017; Toulouze, Sadikov, Vallikivi, Niglas, Anisimov 2018, Vol. 72, 73]; в частности, у марийцев, в особенности проживающих в сельской местности, сохранилось и в настоящее время развивается язычество [Филатов 2017, 270]; у мордвы языческие обряды сохранились гораздо лучше, чем у других народов Европы [Филатов 2017, 291]; тяготение к язычеству отмечалось у финнов-ингерманландцев в XIX в. [Каранов 2015, 199–200].

Вопрос, является ли «традиционность» протестантов – носителей финно-угорских и, в более широком смысле, уральских языков, непременным их маркером, некой «константой», – или она обусловлена прежде всего их проживанием в сельских / тундровых / таежных районах, в контексте вопроса о сохранении и адаптации к новым реалиям традиционной культуры финно-угорских/уральских народов требует, на наш взгляд, ответа. Эмпирический материал, полученный ИЭИ УФИЦ РАН в 2015 г. в биэтнической общине христиан-адвентистов седьмого дня с. Якшур-Бодья Удмуртской Республики, позволит на локальном уровне населенного пункта субъекта Российской Федерации реализовать **цель** данного исследования: скорректировать тезис о «традиционности» протестантов – носителей финно-угорских языков. **Задачи** исследования – выявление и сравнительный анализ уровня образования, места жительства, профессионального состава, семейного положения и количества детей у носителей удмуртского и русского языков, являющихся членами общины христиан-адвентистов седьмого дня с. Якшур-Бодья Удмуртской Республики.

Объект исследования – члены общины ХАСД (удмурты и русские) с. Якшур-Бодья Удмуртской Республики; предмет – некоторые их социально-демографические особенности.

Методологическая основа и материалы

Сбор эмпирического материала осуществлялся различными методами: факторы, касающиеся функционирования протестантских религиозных объединений, были выявлены с использованием метода полевой этнографии – включенного наблюдения, а также методом социологии – интервьюированием. Информация о социально-демографических характеристиках членов рели-

гиозного объединения была получена методами социологии: интервьюированием и анкетированием членов протестантских религиозных объединений. Опросы проводились с использованием анкет закрытого и открытого типов. На эмпирическом уровне исследования применялись также общенаучные методы измерения и сравнения. Принципиальным планом исследования была выбрана индуктивная стратегия, предполагающая обобщение эмпирического материала как модели объяснения исследуемого феномена; в целях теоретического обобщения эмпирических данных применялись методы анализа и синтеза.

В работе проводится сопоставление двух этнических групп членов общины ХАСД в с. Якшур-Бодья (удмуртов и русских) между собой и с показателями по общей выборке протестантов исследованных регионов Урала по следующим параметрам (в соответствии с корректируемым теоретическим положением): уровень образования, степень урбанизированности, профессиональный состав, семейное положение, количество детей и возрастной состав.

Исследование основано также на материалах полевых исследований, проведенных отделом религиоведения ИЭИ УНЦ РАН в 35 протестантских религиозных объединениях трех основных направлений – консервативного, позднего и пятидесятнического, функционирующих на территории четырех субъектов Уральского региона: Республики Башкортостан и Оренбургской области (Южный Урал), Удмуртской Республики (Средний Урал) и муниципального образования городского округа Воркута Республики Коми (Полярный Урал) в 2013–2015 гг. (генеральная совокупность – 3150 чел.; выборочная совокупность – 862 чел. (27,3 %) [Кляшев, 2013; Кляшев, 2016; Кляшев, 2017].

Всего на территории Удмуртской Республики ИЭИ УФИЦ РАН в 2015 г. было выявлено 6 общин Христиан-адвентистов седьмого дня общей численностью 350 человек, расположенных в следующих населенных пунктах: Ижевск (2 общины численностью 100 и 50 чел.), Глазов (20 чел.), Сарапул (30 чел.), Воткинск (50 чел.) и с. Якшур-Бодья (100 чел.). Полевые материалы были собраны ИЭИ УФИЦ РАН в общине ХАСД, функционирующей в с. Якшур-Бодья (генеральная совокупность 100 чел.; выборка 36 чел. (36,0 %).

Был выявлен следующий этнический состав выборки: удмурты – 61,1 % (22 респондента), русские – 38,9 % (14 респондентов). Среди удмуртов, как и у всех протестантов по общей выборке Уральского региона, превалируют женщины: их 63,6 % (14 чел.); мужчин – 36,4 % (8 чел.). У респондентов-русских гендерный дисбаланс выражен еще ярче: 78,6 % женщин (11 чел.), 21,4 % мужчин (3 чел.).

Результаты

Уровень образования. Исследования демонстрируют количество лиц с высшим образование у представителей ХАСД – удмуртов (31,8 %), у адвентистов-русских (30,8 %) и у респондентов из общей выборки по протестантам исследованных областей уральского региона (32,4 %) практически одинаково, составляя немного больше 30 %. Незаконченное высшее образование во всех трех группах – менее, чем у 10 % респондентов: у адвентистов-удмуртов их 9,1 %, у адвентистов-русских 7,7 %, у верующих из общей выборки 8,4 %. Респондентов со средним специальным образованием у адвентистов-удмуртов (40,9 %) и у адвентистов-русских (46,2 %) несколько больше, чем у респондентов из общей выборки (36,7 %). Таким образом, доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием среди адвентистов-удмуртов составляет 40,9 %, у адвентистов-русских – 38,5 %, среди респондентов из общей выборки – 40,8 %; доля лиц с образованием выше среднего (в том числе с ученой степенью – 1,3 % респондентов из общей выборки) среди адвентистов-удмуртов составляет 81,8 %, адвентистов-русских – 84,7 %, среди респондентов из общей выборки – 78,8 %. По количеству лиц с образованием выше среднего удмурты ХАСД из с. Якшур-Бодья несколько превосходят (на 3 %) протестантов из общей выборки [таб. 1].

Таблица 1

Уровень образования

Уровень образования	Церковь ХАСД (Удмуртская Республика, с. Якшур-Бодья, 2015, % от числа опрошенных, N=36)		Общие данные по протестантским церквям (Уральский регион, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=862)
	Удмурты	Русские	
Начальное	–	–	1,9
Неполное среднее	4,5	–	5,6
Среднее	13,6	7,7	13,4
Среднее специальное	40,9	46,2	36,7
Незаконченное высшее	9,1	7,7	8,4
Высшее	31,8	30,8	32,4
Ученая степень	–	–	1,3
Другое	–	7,7	0,1
Затрудняюсь ответить	–	–	0,3

Источник: ПМА (Полевые материалы автора), экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми. 2013–2015 гг.

Профессиональный состав. Специалистов, занятых квалифицированным умственным или физическим трудом (руководителями предприятий, работниками государственного аппарата, предпринимателями, специалистами и инженерно-техническими работниками, квалифицированными рабочими, военными и служащими) среди адвентистов-удмуртов 52,3%, среди адвентистов-русских 49,9%, показатели по общей выборке протестантов Уральского региона – 51,7%. По этому показателю удмурты-члены ХАСД с. Якшур-Бодья также незначительно превосходят (на 0,6%) респондентов из общей выборки [таб. 2].

Таблица 2

Профессиональный состав

Профессиональный состав	Церковь ХАСД (Удмуртская Республика, с. Якшур-Бодья, 2015, % от числа опрошенных, N=36)		Общие данные о протестантских церквях (Уральский регион, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=862)
	Удмурты	Русские	
Руководители предприятия, организации	–	–	6,2
Работники государственного аппарата	4,8	–	1,2
Специалисты, инженерно-технические работники	9,5	7,1	10,2
Служащие	9,5	21,4	11,7
Неквалифицированные рабочие	9,5	7,1	3,4
Квалифицированные рабочие	19,0	7,1	12,7
Крестьяне	4,8	–	1,1
Предприниматели	9,5	14,3	9,2

Окончание таблицы 2

Военные	–	–	0,5
Учащиеся	4,8	21,4	8,1
Домохозяйки	–	7,1	7,1
Пенсионеры	19,0	7,1	20,1
Безработные	–	–	2,0
Работающие пенсионеры	4,8	7,1	6,1
Другая группа	4,8	–	0,7

Источник: ПМА (Полевые материалы автора) – экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми. 2013–2015 гг.

Место жительства. Ожидаемо, что члены ХАСД с. Якшур-Бодья – преимущественно сельчане. Жителей села среди удмуртов ХАСД – 86,4 %; среди адвентистов-русских – 85,7 %; среди респондентов из общей выборки жителей села – 12,4 %, соответственно горожан – 87,6 % [таб. 3].

Таблица 3

Место жительства

Место жительства	Церковь ХАСД (Удмуртская Республика, с. Якшур-Бодья, 2015, % от числа опрошенных, N=36)		Общие данные по протестантским церквям (Уральский регион, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=862)
	Удмурты	Русские	
Город	13,6	14,3	87,6
Село	86,4	85,7	12,4

Источник: ПМА (Полевые материалы автора) экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области и Республики Коми. 2013–2015 гг.

Семейное положение. Такая семейная ценность, как брак, у адвентистов-удмуртов реализована в большей степени, чем у адвентистов-русских и у протестантов из общей выборки по Уральскому региону. Состоящих в браке среди удмуртов ХАСД – 81,8 %, среди русских – 69,2 %, среди респондентов из общей выборки женатых (замужних) – 54,6 % [таб. 3].

Таблица 4

Семейное положение

Место жительства	Церковь ХАСД (Удмуртская Республика, с. Якшур-Бодья, 2015, % от числа опрошенных, N=36)		Общие данные по протестантским церквям (Уральский регион, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=862)
	Удмурты	Русские	
Женат (замужем)	81,8	69,2	54,6
Холост (не замужем)	18,2	30,8	45,4

Источник: ПМА – Полевые материалы автора – экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми. 2013–2015 гг.

Количество детей. Еще одна семейная ценность – деторождение – у удмуртов-адвентистов седьмого дня тоже реализована в большей степени, чем у членов ХАСД (русских и респондентов из общей выборки). Многодетными родителями (трое и более детей) являются 40,9 % удмуртов, 21,3 % русских и 17,4 % всех протестантов уральского региона [таб. 5].

Таблица 5

Количество детей

Количество детей	Церковь ХАСД (Удмуртская Республика, с. Якшур-Бодья, 2015, % от числа опрошенных, N=36)		Общие данные о протестантских церквях (Уральский регион, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=862)
	Удмурты	Русские	
Не имею детей	18,2	28,6	27,9
1	9,0	21,4	21,0
2	31,8	28,6	33,6
3	36,4	7,1	11,6
4	4,5	7,1	3,6
5	–	7,1	1,2
6 и больше	–	–	1,0

Источник: ПМА – Полевые материалы автора – экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми. 2013–2015 гг.

Заключение

Приведенные выше результаты обработки полевых материалов демонстрируют, что по количеству лиц с высшим и незаконченном высшим образованием удмурты и русские адвентисты из с. Якшур-Бодья практически идентичны респондентам из общей выборки по Уральскому региону; по числу лиц с образованием выше среднего удмурты ХАСД из с. Якшур-Бодья несколько превосходят (на 3 %) протестантов из общей выборки; у адвентистов-русских этот показатель превышает общий на 5,9 %.

По количеству специалистов, занятых квалифицированным умственным или физическим трудом (руководители предприятий, работники государственного аппарата, предприниматели, специалисты и инженерно-технические работники, квалифицированные рабочие, военные и служащие), удмурты – члены ХАСД с. Якшур-Бодья также незначительно (на 0,6 %) превосходят респондентов из общей выборки; среди адвентистов-русских высококвалифицированных специалистов на 1,8% меньше, чем таковых среди протестантов Уральского региона.

86,4 % удмуртов и 85,7 % русских – членов ХАСД с. Якшур-Бодья –жители села; сельчан среди общей выборки по протестантов Уральского региона – 12,4 %.

Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют, что члены ХАСД с. Якшур-Бодья обеих этнических групп – и удмурты, и русские, будучи в подавляющем большинстве жителями села, по таким показателям, как уровень образования и количество высококвалифицированных специалистов, практически ничем не отличаются от респондентов из общей выборки, среди которых 87,6 % горожан, и даже немного их превосходят.

Однако такие традиционные ценности, как брак и деторождение, у адвентистов с. Якшур-Бодья реализованы в большей степени, чем у протестантов Уральского региона. В выборке по ХАСД с. Якшур-Бодья среди респондентов-удмуртов многодетных и состоящих в браке больше, чем у русских. Так, состоящих в браке среди удмуртов-адвентистов с. Якшур-Бодья 81,8 %, среди русских – членов ХАСД – 69,2 %, среди респондентов из общей выборки женатых (за-

мужних) – 54,6 %. Многодетными родителями (у которых трое и более детей) из респондентов ХАСД являются 40,9 % удмуртов, 21,3 % русских и 17,4 % всех протестантов Уральского региона.

Приведенные выше результаты обработки полевых материалов, на наш взгляд, подтверждают тезис о большей традиционности образа жизни протестантов – носителей финно-угорских языков. Удмурты-адвентисты как в сравнении со своими односельчанами и единоверцами-русскими, так и в сравнении с респондентами из общей выборки по Уральскому региону в большей степени придерживаются традиционного образа жизни, выражающегося в данном случае в реализации брака и деторождения.

Таким образом, удмурты ХАСД с. Якшур-Бодья являются придерживающейся более традиционного образа жизни, хотя и не менее образованной этноконфессиональной группой, в значительной степени представленной высококвалифицированными специалистами и в большей степени реализовавшей семейные ценности. На наш взгляд, это связано с тем, что, как отмечали Г. А. Никитина и Р. Р. Садиков, финно-угорские народы имеют «аграрное происхождение» [Никитина 2015, 195; Садиков 2016, 252] и, по сравнению с ранее и, в следствии этого, более урбанизированными русскими, сохранили характерное для жителей села стремление к созданию крепкой семьи и многодетности [Васина, Никитина, Поздеев 2016, 169–170].

Рис. 1. Церковь Христиан Адвентистов Седьмого Дня в пос. Якшур-Бодья

Рис. 2. Воскресное служение в Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня в пос. Якшур-Бодья

Рис. 3. Анкетирование в Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня в пос. Якшур-Бодья

ЛИТЕРАТУРА

Богатова О. А. Этнизация религии и сакрализация этничности в Мордовии. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2019. № 3. С. 169–179.

Васина Т. А., Никитина Г. А., Поздеев И.Л. Ресурсный потенциал удмуртов в различных социо- и этнокультурных средах. УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2016. С. 169–170.

Каранов Д. П. Евангелическо-лютеранская церковь и этническая идентичность ингерманландских финнов в XIX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 198–217.

Кляшев А. Н. Социально-демографические особенности этнических групп протестантов по материалам полевых исследований в районах Южного и Полярного Урала // Вестник Удмуртского университета. 2016. С. 101–111.

Кляшев А. Н. Социально-демографические особенности протестантов – носителей финно-угорских языков в уральском регионе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017.

Леэте А. «Бог говорит на моем родном языке»: этническая стратегия Коми церкви // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 256–275.

Никитина Г. А. Сельское сообщество Удмуртии в условиях реформ рубежа XX–XXI веков. Ресурсы и опыт адаптации. Ижевск, 2015.

Онищенко А. Г. Просветительская деятельность харизматических церквей среди малочисленных народов Красноярского края. // Межконфессиональная миссия. Миссия конфессий. 2015. № 2 (6). С. 45–52.

Садиков Р. Р. «Языческие» религии в Республике Башкортостан // Известия Уфимского научного центра Российской академии наук. 2016. № 2. С. 101–106.

Садиков Р. Р., Тулуз Е. Преемственность и ревитализация в обрядах общественных жертвоприношений у закамских удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Вып. 4. С. 97–114.

Садиков Р. Р. Современная культовая практика закамских удмуртов (материалы экспедиционного исследования 2016 г.) // Финно-угроведение. 2017. № 1–2. С. 92–104.

Садиков Р. Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа: ООО «Первая типография», 2016.

Филатов С. Б. Национальное движение марийского народа: между язычеством и христианством // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 4. С. 274–275.

Филатов С. Б. Православие мордовских народов перед языческим и протестантским вызовами // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 4. С. 291–302.

Klyashev A. Reindeer Herders and White-Collar Workers: A Descriptive Study of Protestant Ethnic Groups in Urals and Western Siberia. Preprints 2017, 2017110123 (doi: 10.20944/preprints201711.0123.v1).

Toulouze E., Sadikov R., Vallikivi L., Niglas L., Anisimov N. Continuity and revitalisation in sacrificial rituals by the eastern Udmurt. Part I. The collective sacrificial rituals by the Bashkortostan Udmurt: rooted in tradition // Folklore. Electronic Journal of Folklore. 2018. Vol. 72. P. 203–218.

Toulouze E., Sadikov R., Vallikivi L., Niglas L., Anisimov N. Continuity and revitalisation in sacrificial rituals by the eastern Udmurt. Part II. Collective sacrificial rituals by the bashkortostan udmurt: revitalisation and innovation // Folklore. Electronic Journal of Folklore. 2018. Vol. 73. P. 117–144.

Vallikivi L. "On the Edge of Space and Time: Evangelical Missionaries in the Post-Soviet Arctic" Ethnology and Folkloristics. 2014. Vol. 8. № 2. P. 95–120.

Поступила в редакцию 17.09.2020

Кляшев Александр Николаевич,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт этнологических исследований
им. Р. Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение
Федерального государственного бюджетного научного учреждения
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук.
450077, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 6
E-mail: ak1168@mail.ru

A. N. Klyashev

UDMURTS-ADVENTISTS OF THE SEVENTH DAY IN THE VILLAGE OF YAKSHUR-BODYA: ETHNO-DEMOGRAPHIC ANALYSIS

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-710-719

This article discusses the socio-demographic characteristics and doctrinal characteristics of members of the Church of Seventh-day Adventist Christians (HASD) of Yakshur-Bodya rural locality of the Udmurt Republic of the Russian Federation – representatives of the Udmurt and Russian ethnic groups. Earlier, on the basis of empirical materials, the author put forward a theoretical position according to which among the multi-ethnic Protestants of the studied regions of the Southern, Middle and Polar Urals, speakers of Finno-Ugric languages can be described as representatives of a more traditional culture. Materials of fieldworks conducted by the Institute of Ethnological Research. R. G. Kuzeeva UFITs RAS in 2015 in Yakshur-Bodya rural locality, allow us to adjust this thesis. The leading approach to the study of this problem is an inductive strategy; analysis and synthesis methods are also used. The collection of empirical materials was carried out by the methods of field ethnography and sociology: included observation and surveys (questioning and interviewing). Article materials may be useful for employees of state bodies, specialists in the field of ethno-confessional relations, and religious researchers.

Keywords: Finno-Ugric peoples, Udmurts, Protestantism, traditional culture, Ural region.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 710–719. In Russian.

REFERENCES

Bogatova O. A. *Etnizatsiya religii i sakralizaciya etnichnosti v Mordovii* [Ethnicization of religion and sacralization of ethnicity in Mordovia]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad A. S. Pushkin State University]. 2019. № 3. P. 169–179. In Russian.

Vasina T. A., Nikitina G. A., Pozdeev I. L. *Resursnyi potentsial udmurtov v razlichnykh socio- i etnokul'turnykh sredah* [Resource potential of Udmurts in various socio-ethnocultural environments]. UIIYAL UrO RAN. Izhevsk, 2016. P. 169–170. In Russian.

Karanov D. P. E*vangelichesko-lyuteranskaya tserkov' i etnicheskaya identichnost' ingermanlandskih finnov v XIX v.* [Evangelical Lutheran Church and Ethnic Identity of Ingermanland Finns in the 19th Century]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2015. № 2 (33). P. 198–217. In Russian.

Klyashev A. N. *Sotsial'no-demograficheskie osobennosti etnicheskikh grupp protestantov po materialam polevykh issledovanij v raionakh Yuzhnogo i Polyarnogo Urala* [Socio-demographic characteristics of Protestant ethnic groups based on field research in the Southern and Polar Urals]. *Vestnik udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University]. 2016 P. 101–111. In Russian.

Klyashev A. N. S*otsial'no-demograficheskie osobennosti protestantov – nositelei finno-ugorskih yazykov v ural'skom regione* [Socio-demographic features of Protestants – speakers of Finno-Ugric languages in the Ural region]. *Uchenye zapiski petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Uchenye Zapiski Petrozavodsk State University]. 2017. P. 24. In Russian.

Leete A. *"Bog govorit na moem rodnom yazyke": etnicheskaya strategiya Komi tserkvi.* ["God speaks my native language": the ethnic strategy of the Komi Church.]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological forum]. 2013. № 18. P. 256–275. In Russian.

Nikitina G. A. *Sel'skoe soobshchestvo Udmurtii v usloviyah reform rubezha XX–XXI vekov. Resursy i opyt adaptacii* [The rural community of Udmurtia in the context of reforms at the turn of the 20th – 21st centuries. Resources and adaptation experience]. Izhevsk, 2015. P. 195. In Russian.

Onishchenko A. G. *Prosvetitel'skaya deyatel'nost' kharizmaticheskih tserkvei sredi malochislennykh narodov Krasnoyarskogo kraya.* [Educational activities of charismatic churches among the small peoples of the Krasnoyarsk Territory] *Mezhkonfessional'naya missiya. Missiya konfessii* [Interfaith mission. Mission of denominations.]. 2015. № 2 (6). P. 45–52. In Russian.

Sadikov R. R. *"Yazycheskie" religii v Respublike Bashkortostan* ["Pagan" religions in the Republic of Bashkortostan] *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2016, № 2. P. 101–106. In Russian.

Sadikov R. R., Tuluz E. *Preemstvennost' i revitalizaciya v obryadakh obshchestvennykh zhertvoprinoshenii u zakamskikh udmurtov* [Continuity and revitalization in the rites of public sacrifice at the Zakamsk Udmurts]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2017, № 4. P. 97–114. In Russian.

Sadikov R. R. *Sovremennaya kul'tovaya praktika zakamskih udmurtov (materialy ekspedicionnogo issledovaniya 2016 g.)* [Modern cult practice of Zakamsk Udmurts (materials of the expeditionary study 2016)] *Finno-ugrovedenie* [Finno-Ugric studies]. 2017, № 1–2. P. 92–104. In Russian.

Sadikov R. R. *Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan (istoriya, kul'tura, demografiya)* [Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography)]. Ufa: OOO "Pervaya tipografiya", 2016. P. 252. In Russian.

Filatov S. B. *Nacional'noe dvizhenie marijskogo naroda: mezhdu yazychestvom i khristianstvom* [The national movement of the Mari people: between paganism and Christianity]. *Trudy instituta vostokovedeniya RAN* [Transactions of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. 2017, № 4. P. 274–275. In Russian.

Filatov S. B. *Pravoslavie mordovskih narodov pered yazycheskim i protestantskim vyzovami* [Orthodoxy of the Mordovian peoples facing pagan and Protestant challenges]. *Trudy instituta vostokovedeniya RAN* [Transactions of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. 2017, № 4. P. 291–302.

Klyashev, A. Reindeer Herders and White-Collar Workers: A Descriptive Study of Protestant Ethnic Groups in Urals and Western Siberia. Preprints 2017, 2017110123. In English.

Toulouze E., Sadikov R., Vallikivi L., Niglas L., Anisimov N. Continuity and revitalisation in sacrificial rituals by the eastern Udmurt. Part I. The collective sacrificial rituals by the Bashkortostan Udmurt: rooted in tradition. *Folklore. Electronic Journal of Folklore.* (Tartu). 2018. Vol. 72. Pp. 203–218. In English.

T**oulouze E., Sadikov R., Vallikivi L., Niglas L., Anisimov N.** Continuity and revitalisation in sacrificial rituals by the eastern Udmurt. Part II. Collective sacrificial rituals by the bashkortostan udmurt: revitalisation and innovation. *Folklore. Electronic Journal of Folklore.* (Tartu). 2018. Vol. 73. Pp. 117–144. In English.

Vallikivi L. "On the Edge of Space and Time: Evangelical Missionaries in the Post-Soviet Arctic". *Ethnology and Folkloristics* 2014, 8, 2, 95–120. In English.

Received 17.09.2020

Klyashev Alexander Nikolaevich,
Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher,
R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies -
Subdivision of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
6, Karl Marx st., Ufa, 450077, Russian Federation
E-mail: ak1168@mail.ru

УДК 391(=511.1):391(=512.1)

Е. Е. Нечвалода

НАРОДЫ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ФЕДОРА СОЛНЦЕВА[1]

Статья посвящена исследованию изображений народов Волго-Уральского региона в графике художника-акварелиста XIX в. Федора Григорьевича Солнцева, автора многих исторических реконструкций и этнографических зарисовок народного костюма различных губерний России. В галерее образов, созданных художником, изображения народов Волго-Уральского региона: удмуртов, марийцев, мордвы, чувашей, татар. Если многие акварели Ф. Г. Солнцева, запечатлевшие этнографические типажи, были выполнены с натурных зарисовок, то основой его изображения представителей народов Волго-Уральского региона явились иные, визуальные материалы. Так, первоисточниками для Ф. Г. Солнцева выступили гравюры Е. М. Корнеева (при создании образа «вотячки»), фотографии В. Каррика (как основа для некоторых изображений «казанских татар») и картина неизвестного непрофессионального художника конца XVIII – начала XIX вв. (при создании композиций «черемисы»). Вероятно, именно это обстоятельство (использование чужих готовых образцов, а не собственных этнографических зарисовок) привело к появлению некоторых неточностей и в изображениях костюмных комплексов народов Волго-Уральского региона, исполненных Ф. Г. Солнцевым, и в аннотациях к ним. Прототипы изображений марийцев и мордвы Ф. Г. Солнцева пока не найдены; но отсутствие этнической атрибуции в аннотациях к ним, неточности в их географической привязке, ошибки в изображении деталей костюма мордвы, определенное несоответствие поз, в которых они запечатлены; а также ракурсам, характерным для «натурных» этнических типажей Ф. Г. Солнцева, – дают основание предположить, что его образы марийцев и мордвы (на листах «Пензенской» и «Тамбовской губернии») тоже скопированы художником с готовых изображений.

Ключевые слова: традиционный костюм, народы Волго-Уральского региона, визуальные образы, графика XIX в., атрибуция источника, Ф. Г. Солнцев, Е. М. Корнеев, В. Каррик, визуальная антропология.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-720-732

Первые из известных нам графических изображений народов Волго-Уральского региона были созданы в XVI–XVII вв. (С. Герберштейном, А. де Брейном, А. Олеарием, художником посольства А. Мейерберга). В XVIII в. круг визуальных образов народов Урало-Поволжья был значительно расширен работой на территории Российской империи многих исследовательских экспедиций, маршруты которых пролегали через территории проживания этносов обозначенного региона. В отличие от первых одиночных и не очень подробных изображений предыдущих веков, материалы академических экспедиций запечатлели традиционные костюмы всех народов рассматриваемого региона (и даже их варианты: у мордвы – эрзянский и мокшанский; у марийцев – комплекс с шуркой и комплекс с шымакшем; иногда в иллюстрациях к «путеше-

[1] Статья выполнена в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН «Этнические культуры старожильческого населения и переселенцев на Южном Урале в условиях села и города» (АААА-А18-118041290047-7).

ствиям» был представлен не только женский, но и девичий наряд). В ряде случаев на гравюрах XVIII в. этнические типажи изображены в нескольких ракурсах, чтобы полнее отразить особенности их одежд. Как правило, визуальные материалы экспедиций XVIII в. не были отмечены техническим и художественным совершенством; их главная задача – быть максимально информативными в этнографическом плане. Графическим образам XVI–XVIII вв., как источнику по истории традиционного костюма народов Волго-Уральского региона, посвящен ряд статей [Гатина-Шафикова 2014, 2014 а; Мазанов 1982; Нечвалода 2014, 2016, 2019 и др.].

В XIX в. графических материалов, отражающих особенности традиционного костюма народов Урало-Поволжья, становятся еще больше. И среди них появляются работы, интересные не только этнографически, но и в художественном отношении.

С именем Федора Солнцева связана особая страница в истории изобразительных искусств России XIX в. Художник-историк, создавший целую галерею исторических образов, графических реконструкций одежд и доспехов, посвятивший всю жизнь восстановлению историко-культурных памятников и визуальной фиксации исторических артефактов, Федор Солнцев любил и изучал историю Отечества: самобытные национальные традиции в культуре; стремился доступными ему средствами увековечить культурное наследие, принадлежащие не только историческому прошлому, но и этнографической (для него) современности. Федор Солнцев был не только художником-историком и реконструктором; с полным правом его можно назвать художником-этнографом как автора большой серии работ, отразивших особенности традиционного русского костюма различных губерний. Для этнографии они весьма точны и бесценны, т.к. большинство их представляют собою документы «дофотографической» эпохи. Прорисовки исторического костюма и современных ему этнографических типов как представителей разных сословий вошли в подготовленный им альбом «Одежды русского государства» (1869 г.). Интерес к этнографии, крестьянской культуре у Ф. Г. Солнцева не случаен. Он родился в семье крепостного крестьянина, которого вместе с семьей освободили от зависимости благодаря одаренности его сыновей. Федор Солнцев получил образование в Академии художеств, а впоследствии – звание академика. Он был «связан корнями» с крестьянским миром: чувствовал его, ценил традиционный народный костюм во всем его прихотливом многообразии и великолепии. Вероятно, многим выпускникам Академии художеств, воспитывавшимся исключительно на совершенных, но холодных и чужих античных образах, на канонах классицизма, такое видение было недоступно. Среди «этнографических» листов Ф. Г. Солнцева, помимо русских типажей в различных костюмных комплексах, встречается немало изображений представителей иных этносов: поляков, албанцев, «малороссиян» (украинцев), цыган, германштадских крестьян, крымских татар, «киргизок», казанских татар, «черемис» (марийцев), вотячек (удмурток), мордовок, венгерского крестьянина, финляндской невесты, литовца, еврея и др. Данная статья посвящена изображениям представителей народов Волго-Уральского региона в графике Ф. Г. Солнцева: анализу костюмов и аннотаций к ним.

Для этнографов, предполагающих включить эти визуальные образы в список материалов по традиционному костюму народов Волго-Уральского региона, важны ответы на несколько возникающих вопросов. А именно: каковы были обстоятельства создания этих образов (т. е. сделаны ли они на основе натурных зарисовок, набросков, собственных наблюдений и впечатлений или же перерисованы с иных образцов-первоисточников)? Насколько точно они аннотированы? Постараемся на эти вопросы ответить. Анализ и атрибуция визуальных образов, уточнение обстоятельств их создания помогут использовать их в дальнейшем как иллюстративный материал в историко-этнографических исследованиях.

Большая часть «этнографических» листов выполнена в период 1830–1850 гг., когда Ф. Г. Солнцев совершал много поездок по разным городам и губерниям России. Создавая акварели, запечатлевшие комплексы традиционных костюмов, он изображал этнографические типажи чаще в полный рост, иногда объединял фигуры на листе одним сюжетом. Кроме полнофигурных изображений, Ф. Г. Солнцев создал серию «портретных», отображающих особенности только головного убора и комплекса ушных и шейных украшений. В числе таких «портретов» есть две акварели,

а

б

в

г

Рис.1. Акварели Ф. Г. Солнцева «Вотячка. 1838 г.» (а, б)
и гравюры Е.М. Корнеева «Вотячки» (фрагмент) (в),
«Народы, обитающие в Российской империи» (фрагмент) (г)

с аннотациями: «Вотячка» (Рис. 1 а, б), изображающими женщину-удмуртку в традиционном головном уборе – *айшоне*. При том что «вотячка» Ф. Г. Солнцева вписывается в круг его «портретных» образов, выполненных с натуры, и как большинство из них имеет, дату в аннотации, художник выполнил ее не по своему натурному наброску, а скопировал с уже готового изображения: заимствовал у Емельяна Михайловича Корнеева – участника экспедиции 1802 г. по Европейской части России, Сибири и Средней Азии, выполнившего множество этнографических акварельных зарисовок, которые впоследствии стали основой для подготовленного им двухтомного альбома «Народы России» (Париж, 1812 г.) [Les peoples de la Russie … 1812]. На гравюре «Вотячки» из альбома Е. М. Корнеева изображены две фигуры в интерьере: женщина и девочка (Рис. 1 в). Женщина запечатлена в момент прядения: она сидит на лавке, на донце пряхи, в одной её руке – веретено, а другой она вытягивает нить из кудели. Над головой её – полати, на которых спит человек. На женщине-удмуртке верхняя одежда синего цвета, подпоясанная кушаком и украшенная нашивками по подолу и по краю левой полы (в верхней части до талии). На голове

у нее высокий головной убор – *айшон* с покрывалом *сюлык*. *Айшон* чешуйчато зашит монетами, на их фоне выделяются размерами три крупных, две из которых нашиты в верхней части по сторонам, а одна – в центре. Самого покрывала *сюлык*, лежащего на *айшоне*, в этом ракурсе не видно, но с верхних углов *айшона* свисает длинными красными нитями бахрома *сюлыка*, обрамляя лицо и покрывая плечи женщины. Всю композицию Е. М. Корнеева Федор Солнцев не копирует, он воспроизводит фигуру женщины и только до талии, сохраняя при этом многие детали: у «вотячки» Ф. Г. Солнцева, так же, как и у Е. М. Корнеева, рубаха на женщине изображена с маленьким отложным воротником, центральный её разрез обрамлен неширокими желтыми полосками (очевидно, вышивки), под воротничком – две нитки бус из круглых бусин; на кушаке изображены поперечные синие и красные полоски, на фоне чешуйчатой зашивки поверхности *айшона* также выделяются три крупные монеты (расположенные в тех же местах); воспроизводится даже положение правой руки, согнутой в локте. Различия прослеживаются в цветовом решении: у Ф. Г. Солнцева цвета чуть сдержаннее.

Профильное изображение «вотячки» Ф. Г. Солнцев тоже позаимствовал у Е. М. Корнеева. На титульной странице альбома Е. М. Корнеева (1912 г.) помещена гравюра «Народы, обитающие в Российской империи», представляющая «коллективный портрет» народов. На этой гравюре компактной группой изображены представители различных народов: мужские и женские лица в профиль, в анфас и в «три четверти» (этническим маркером выступают различные головные уборы). В композиции присутствует профильное изображение женщины удмуртки. Идентифицировать её помогает *айшон*, высокий головной убор; лица ее почти не разобрать: оно покрыто тенью от бахромы, а в нижней части – головой другого персонажа (Рис. 1 г). Хотя лица удмуртки почти не видно, специфическая форма изображенного Е. М. Корнеевым *айшона* позволяет без труда узнать его на голове у «вотячки» Ф. Г. Солнцева, а именно: у Е. М. Корнеева профильный силуэт *айшона* имеет некий «излом», «ступень» в задней части, точно воспроизведенный Ф. Г. Солнцевым. Убранство изображенных Е. М. Корнеевым и Ф. Г. Солнцевым *айшонов* тоже сходно: головной убор украшен свисающими и пересекающимися нитями бус, множественными подвесками у верхнего края, выделяющимися на фоне бахромы. Есть незначительные различия этих двух профильных изображений. У Е. М. Корнеева изображена только голова (точнее – головной убор), а у Ф. Г. Солнцева (кроме лица) изображена верхняя часть корпуса и прижатые к груди руки в белых варежках; у Е. М. Корнеева взгляд удмуртки обращен на зрителя; у Ф. Г. Солнцева на красивом античном профиле удмуртки глаза кротко опущены вниз.

Продолжить галерею образов финно-угорских народов Волго-Уральского региона, созданных Ф. Г. Солнцевым, должны были два листа, аннотированные как «Черемисы» (Рис. 2 а, б). На одном из них изображены: мужчина, играющий на скрипке; женщина, стоящая спиной, и ребенок с волынкой (пузырем) в руках; а на другом – бытовая сцена: в избе за столом двое мужчин и две женщины; на столе – хлеб, стакан, блюдо. На этих акварелях мужчины и женщины изображены в традиционных одеждах: на женщинах зашитые монетами головные уборы и поясные украшения из трубочек с кистями на концах. Семейная сцена в интерьере за столом, как и музыканты, производят впечатление этнографических зарисовок, но и они сделаны Ф. Г. Солнцевым не с натуры. Основой стали многофигурные картины кон. XVIII – нач. XIX в. кисти неизвестного художника «Черемисы» (хранится в Кунсткамере) и «Чувашский праздник» (этнографический музей Казанского университета), чрезвычайно близкие между собою (Рис. 2г). Так, прообразом «черемиски», стоящей спиной, в композиции с музыкальными инструментами у Ф. Г. Солнцева является крайняя левая фигура на переднем плане картины «Чувашский праздник» – та же поза, тот же головной убор в виде шлема, зашитый монетами, то же поясное украшение, так же спинка рубахи украшена горизонтальной нашивкой красной тесьмы (Рис. 2 в).

Женщины-«черемиски», изображенные Ф. Г. Солнцевым в композиции семейного обеда, одеты в те же одежды, что и женщины на картинах: белые рубахи с такими же поперечными красными нашивками на груди, на голове у них зашитые монетами головные уборы не

а б в г д

Рис. 2. Акварели Ф. Г. Солнцева «Черемисы» и картина неизвестного художника-самоучки конца XVIII – начала XIX в. «Чувашский праздник» (г) и ее фрагменты (в, д).

шлемовидной формы (как у «черемиски» в только что рассмотренной композиции), а в форме цилиндра с лопастью, спадающей на спину; на груди у женщин – украшение прямоугольной формы, зашитое монетами. Одежда мужчин–«черемис» Ф. Г. Солнцева и персонажей картин тоже совпадает в своих характеристиках и деталях: вырез рубахи под горло, разрез по центру до поперечной горизонтальной нашивки, белые штаны, черные онучи и лапти.

Мальчик с волынкой на той же акварели Ф. Г. Солнцева своим прототипом имеет изображение мальчика с подобным же музыкальным инструментом на картине (Рис. 2 д). Оба изображенных Ф. Г. Солнцевым музыкальных инструмента (скрипка и пузырь) есть в сцене народного праздника на рассматриваемой картине. Не вызывает сомнения, что акварели Ф. Г. Солнцева «Черемисы» связаны своим происхождением с рассмотренными картинами. Основой для создания своих акварелей «Черемисы» он, вероятно, использовал хранящуюся в МАЭ (Кунсткамере) картину, написанную маслом («Черемисы», Инв. № 375-5). Внимательный анализ картин и особенностей костюма изображенных персонажей привели Г. Н. Иванова-Оркова к заключению, что на этих картинах изображены не марийцы, а чуваши *анат-енчи* или северной группы *анатри* [Орков 1997, 112]. Аргументы исследователя представляются убедительными: шлемообразная, с заостренной макушкой форма девичьей шапочки *тухья* была характерна для чувашского костюма, вышеупомянутые горизонтальные нашивки на груди – элемент, характерный для декора рубах некоторых групп чувашей [Иванов, Иванов-Орков, Иванов 2002, 262–280]. К тому же, на обороте хранящейся в Казани картины указано: «Чуваши Казанской губ., Цивильского у.» [Орков 1997, 113]. Таким образом, на акварельных листах Ф. Г. Солнцева, аннотированных как «Черемисы», изображены комплексы не марийского, а чувашского народного костюма. Основой для создания

а б

Рис. 3. Акварели Ф.Г. Солнцева «Пензенской губернии» (а, б)

акварелей была картина неизвестного художника-самоучки. Однако, марийская традиционная одежда всё же нашла отражение в творческом наследии Ф. Г. Солнцева.

Среди его работ, посвященных этнографическим типажам, есть листы, в аннотациях к которым указана не этническая атрибуция, а только губернии. На двух интересующих нас листах с изображением людей в традиционной одежде значится «Пензенской губернии» (Рис. 3 а, б). На одном из них – женская фигура в двух ракурсах (лицом и спиной); на другом – группа из трех человек (двое мужчин и женщина). На акварели изображена женщина в белой рубахе, носимой с напуском у пояса, на её голове, к которой сзади крепится головное полотенце, концы которого уложены вдоль спины (две вертикальные красные линии по центру спины у изображенной фигуры – это его края). Сзади из-под пояса виднеется конец приплетаемого к косе украшения. На груди женщины прямоугольные пластины, зашитые монетами; в ушах – украшения из монет, а на ногах – черные онучи с лаптями. Изображенный костюмный комплекс указывает на близость его к традициям верховых чувашей и горных мари, которые, в свою очередь, близки между собой. Однако есть детали, позволяющие определить запечатленный костюм как марийский. В составе украшений изображенной женщины есть свисающий от подбородка на грудь элемент: небольшой прямоугольный нагрудник, зашитый монетами (расположенными в три вертикальных ряда). Подобные украшения известны в составе марийского костюма (например, *«ама», «аршаш», «онйолва»* луговых марийцев) [Молотова 1992, 44; Меджитова 1985, 53, 62, 63; Manninen 1957, 164, Abb 186 b]. Помимо этого, на изображении женских фигур отсутствует передник, тогда как в чувашском женском костюме этот предмет был практически обязательным элементом, к тому же весьма старинным (наиболее древние экспонаты в музейных фондах датируются XVIII в.). В марийский костюм передник проникает сравнительно поздно, по мнению Т. Л. Молотовой, «не раньше второй половины XIX века» [Молотова 1992, 33]. На фотографиях нач. XX в. марийки (девушки-подростки, женщины) не всегда в фартуках. Тот факт, что марийцы не проживали в Пензенской губ., а чуваши стали расселяться в тех местах уже в XVIII в., не доказывает принадлежности изображенного костюма чувашам. Одежда чувашей Пензенской губ. относится к костюмному комплексу саратовских чувашей [Иванов-Орков 2002, 218]. Пензенские чуваши имели яркий самобытный костюм, разительно отличавшийся от изображенного [Иванов-Орков 2005]. Вероятнее всего, Ф. Г. Солнцев изобразил горномарийский костюм (головная повязка *нашмак* и головное полотенце, которое закрывает шею и спускается по спине *шарпан*, ушные украшения, на груди пластина,

Рис. 4. Акварель Ф. Г. Солнцева «Тамбовской губернии»

зашитая монетами – *ширкама*). Аннотация под акварелью «Пензенской губернии», очевидно, для изображенного комплекса одежды ошибочна, что в географической привязке и в отсутствии этнической атрибуции, вероятно, стало следствием того, что и это изображение не было сделано Солнцевым с собственного натурного рисунка.

На другом листе художника, подписанном тоже без этнической атрибуции персонажей с указанием «Тамбовской губернии» (Рис. 4), изображены две женщины, по одежде которых в них несложно узнать мордву-эрзю. Но в Тамбовской губ. проживала преимущественно мордва-мокша; лишь на северо-западе в Темниковском уезде Тамбовской губ. существовала группа мордвы-эрзи, со своими специфическими чертами в одежде и в ее отделке, не позволяющие соотнести ее с изображенными костюмами.

На мордовке – высокий головной убор с каркасом из луба *панго* [Белицер1973, 148–149; Прокина, Сурина 1990, 48; Heikel 1899, T. CXV]. На красном фоне в центральной части убора можно рассмотреть (очевидно, вышитый) орнамент – прямой крест с развилками на концах (эрзянский *панго* украшался вышивкой). Поверх *панго* накинуты красный распущенный платок или фата. Женщина мордовка изображена в верхней одежде *руця*. *Руця* у эрзянки Ф. Г. Солнцева подпоясана кушаком, длинные, свисающие концы которого украшены контрастным геометрическим орнаментом из крупных ромбов. Поверх *руци* эрзянки носили передник *икельгапаця*, украшенный подобными узорами [Белицер 1973, 181; Прокина, Сурина 1990, 42]. Вероятно, художник ошибся, приняв передник на изображении, которое послужило основой для создания его акварели, за узорные концы кушака. Грудь изображенной мордовской женщины украшают белые и красные бусы, на нити бус – крупный крест. У мордвы существовала традиция носить гайтаны (ожерелья с крестом) *хрёст ведьме* [Белицер 1973, 124].

Вероятнее всего, на акварели Ф. Г. Солнцева изображена невеста или молодуха. По традиции невеста должна была быть в *руце*. *Руця* – праздничная, ритуальная одежда. У праздничной *руци* подол богато декорировали (как на акварели Ф. Г. Солнцева). Подвенечная *руця* (*венчама руця*) отличалась богатством украшений и вышивок. Головной убор *панго* впервые надевали на свадьбе или спустя некоторое время после нее [Белицер 1973, 149], местами «было принято покрывать невесту поверх панго распущенным платком или фатой» [Белицер 1973, 149], как изображено у Ф. Г. Солнцева.

Анализ изображенного на невесте-эрзянке костюма показывает, что он принадлежит восточной группе эрзи [Белицер 1973, 179–181; Прокина, Сурина 1990, 36-49; Heikel 1899, T. CXV, CXVIII]. Для этого комплекса были характерны и высокий каркасный головной убор *панго*, и *руця*, по своим характеристикам относящаяся к 1 типу (по В. Н. Белицер): ее рукава «не имели продольной вышивки, только на концах была довольно широкая вышивка того же типа, что и на груди», и «имела богатый «наряд» (*петькс*) на подоле из лент, полосок бархата, блесток и мишуры» [Белицер 1973, 83–84]. Этот тип бытовал на территории б. Симбирской губ. (восточных и юго-восточных районов Мордовской АССР и Чувашской АССР). Праздничная *руця* могла там подпоясываться широким красным кушаком (как и на акварели), а ее грудь могла украшать вышивка вдоль пол с небольшими темными квадратными ячейками (как на изображении Ф. Г. Солнцева) [Прокина Сурина1990, 50–51, 54]. Ее носили с передником, который украшали широкие полосы с контрастным (красно-белым) геометрическим орнаментом, в основе которого – крупные ромбы [Прокина, Сурина 1990, 43, 59]. Перечисленные особенности находят соответствия также в рассматриваемом изображении.

а

б

в

г

Рис. 5. Акварели Ф. Г. Солнцева «Казанские татары. 1862 г.» (а), «Борьба татар» (б) и фотографии татар-мишарей Симбирской губернии В. Каррика (в, г – фрагмент)

Рядом с невестой-эрзянкой на акварели Ф. Г. Солнцева – женская фигура в красном платке, в белой рубахе и в набедренном украшении *пулай* (*пулагай*), которое эрзянские девушки и женщины носили поверх рубахи. У этого украшения очень длинная черная бахрома, напоминающая украшения, бытовавшие у восточной группы эрзи [Прокина, Сурина 1990, 56; Heikel 1899, CXVII (3)], т.е. костюм изображенной справа женщины относится к тому же костюмному комплексу, что и костюм «невесты».

Среди этнографических типов, запечатленных Ф. Г. Солнцевым, есть изображения татар. На листах, датированных 1830 г., аннотированных как «Татары» («татарин», «татарская девушка», «татарская женщина»), запечатлены образы крымских татар. На одном листе Ф. Г. Солнцев указывает первоисточник созданного им образа: «Татарин. С чертежа Д:Т:С:А:Н Оленина. 1831 г.». Только 4 листа Ф. Г. Солнцева имеют аннотацию «Казанские татары». На одном из них изображена группа из трех стоящих мужчин (Рис. 5 а). На боковых фигурах – повседневные светлые одежды: длинная широкая рубаха и штаны, верхняя одежда с запáхом, шапочка *тубәтәй*. На их фоне центральная фигура словно выпадает из группы и смотрится чужой, не органичной: комплект ее одежды вызывает ассоциации не с казанскими татарами, а с крымскими. Такое соединение в одной группе людей в различных костюмных комплексах было возможно, если эта композиция является не натурной зарисовкой, а комбинацией готовых обра-

зов. Их поиск дал несколько неожиданный результат. Ф. Г. Солнцев в своей акварели воспроизвел группу из трех мужчин, заимствованную у Вильяма Каррика – фотографа, сделавшего много фотографий русских крестьян, мордвы, чувашей и татар во время своего путешествия по Симбирской губ. [Вильям Каррик… 2010, 142] (Рис. 5 в). Художник их воспроизвел, но в зеркальном отражении и с заменой центральной фигуры (в оригинале в центре – пожилой мужчина с тюбетейкой на голове, одетый, так же, как и рядом стоящие мужчины, в длинную широкую рубаху). На другой акварели Ф. Г. Солнцева, посвященной казанским татарам, изображен традиционный вид мужской борьбы тюркских народов – *куреш*: борющиеся мужчины, держащие друг друга за пояс (Рис. 5 б). Борец слева своей позой и силуэтом чрезвычайно близко соответствует фигуре татарина, облокотившегося на низкую перекладину с другой фотографии В. Каррика [Вильям Каррик… 2010, 143] (Рис. 5 г). Ф. Г. Солнцев незначительно отредактировал оригинал, а именно: чуть изменил положение ног (в оригинале видна лишь одна нога) и добавил кушак. Соперник борца – почти полное его отражение. Женский костюм татар мы можем увидеть в композиции «Казанские татарки» (Рис. 6 б): Ф. Г. Солнцев изобразил двух женщин в полотенчатых головных уборах *тастар* и в длинных, широких рубахах: одну из них – в длинном камзоле и кожаной обуви, другую – в лаптях. В центре композиции – мальчик. Ведущий специалист по традиционному костюму татар С. В. Суслова определила изображенный Ф. Г. Солнцевым комплекс как мишарский, отнеся его к западному культурному ареалу (центральной зоне). Географически эта зона охватывала уезды Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и частично Симбирской губерний с компактным проживанием чокающих мишарей [Суслова 2018, 171, 174, 176]. Женские образы в подобных одеждах также можно увидеть

а б

Рис. 6. Акварели Ф. Г. Солнцева «Казанский татарин» (а), «Казанские татарки» (б)

на фотографиях Вильяма Каррика, но ни одна из опубликованных фотографий не имела точных соответствий этой акварели Ф. Г. Солнцева и не могла служить основой для ее создания.

Акварель «Казанский татарин» представляет собой фигуру в традиционном интерьере (Рис. 6 а). Мужчина в белой шляпе и в лаптях одет в длинную белую рубаху и в застегнутый на все пуговицы темный (в тонкую светлую полоску) длинный камзол с рукавами до локтей. Из деталей интерьера в «кадр» попадают: край окна (слева), на заднем плане – угол печи (справа) и клетчатый (очевидно, пестрядинный) занавес *шаршау*. Между печью и занавесом видна сидящая женская фигура. Ее лицо от висков обрамляет монетное украшение. Очень похоже, что в этой композиции изображен тот же комплекс татарского костюма. Прообразы типажей этой акварели мне не известны, возможно, что первоисточниками служили тоже фотографии.

а б

Рис. 7. Акварели Ф. Г. Солнцева «Киргизские девицы. 1836 г.» (а), «Киргизская женщина. 1836 г.» (б)

Признание в качестве основы для двух, по крайней мере, изображений Ф. Г. Солнцева («Борьба татар» и «Казанские татары. 1862 г.») фотографий В. Каррика позволяет уточнить место создания оригинала и, соответственно, точно определить изображенный комплекс. На фотографиях В. Каррика, а следом – на акварелях Ф. Г. Солнцева изображен комплекс одежды симбирских мишарей. Фотограф В. Каррик путешествовал и работал в Симбирской губ. в 1871, 1875 г. В свете сказанного вызывает большое недоумение дата «1862 г.», указанная в аннотации к акварели Ф. Г. Солнцева и выполненной на основе фотографии В. Каррика.

Среди работ художника можно встретить также изображения татарского женского костюма к. XVIII – нач. XIX в., заимствованные у А. Е. Мартынова, но неверно аннотированные как «Киргизские девицы. 1836 г.», «Киргизская женщина. 1836 г.» [Суслова 2018, 73, 51] (Рис. 7 а, б).

Сравнивая рассмотренные акварели Ф. Г. Солнцева с другими его этнографическими типажами, можно заметить их некоторые отличия. «Этнографические» его листы почти всегда датированы (иногда на листе присутствуют две даты, как, например, ряд типажей из Тверской губ. в аннотации имеют 1830 и 1833 годы; возможно, одна указывает время создания натурной зарисовки, а другая – год создания белового рисунка). Среди изображений традиционных костюмов народов Волго-Уральского региона даты присутствуют не на всех листах (лишь на 5 из 13): на листах с портретом «вотячки» (удмуртки) в аннотации присутствует дата (1838 г.), на листах с «киргизскими» девушками – дата (1836 г.), на акварели «Казанские татары» указана дата (1862 г.), не соответствующая ни времени создания фотографии-оригинала, ни тем более прорисовки с нее.

Ф. Г. Солнцев, фиксируя особенности традиционного костюма, изображал человеческую фигуру в полный рост и очень часто в двух или трех ракурсах (лицом и спиной / лицом, спиной и в профиль), как настоящий этнограф. Ни один из костюмных комплексов народов Волго-Уральского региона не показан им в трех ракурсах, поскольку он копировал готовые визуальные образы, их одежду, позы. Вероятным следствием того, что его акварели, изображающие костюмы народов региона, были созданы не на основе собственных натурных зарисовок, а в результате копирования иных материалов (картин, гравюр и фотографий), явилось большое количество неточностей в аннотациях и самих изображениях. Например, как мы уже отмечали, неверно была указана географическая привязка (Пензенская, Тамбовская губернии), этническая принад-

лежность (чуваши обозначены как «черемисы» (марийцы), татарские женщины как «киргизские» (казахские), компанию мишарям в одной из композиций составил крымский татарин, в костюме мордвы-эрзи передник с крупным орнаментом превращен в узорные концы кушака.

Проведенное исследование показало, что в творчестве известного русского художника-историка, этнографа Ф. Г. Солнцева нашли отражение этнические традиции многих народов Волго-Уральского региона: удмуртов, марийцев (горных), мордвы (эрзи), чувашей (средненизовых), татар (мишарей). Акварели Ф. Г. Солнцева, запечатлевшие традиционный костюм народов Волго-Уральского региона, – не первоисточник, но его весьма близкая к оригиналу копия и, приняв во внимание все уточнения к аннотациям его акварелей, все поправки в этническую атрибуцию, их можно использовать как иллюстрации в исследованиях традиционного костюма.

ЛИТЕРАТУРА

Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып. III. Труды ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, том 101. М: Наука, 1973. 215 с.

Гатина-Шафикова Д. Ф. Визуальный образ татарского костюма в работах XVI–XVII вв. как историко-этнографический источник // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 52–55.

Иванов-Орков Г. Н. Народный костюм пензенских чувашей // Народный костюм Пензенской губернии конца XIX – начала XX века. СПб: Пеликан, 2005. С. 308–331.

Каррик В. Картины русской жизни. Каталог выставки. СПб: СПБОО «А-Я», 2010. 218 с.

Мазанов А. А. Одежда татар XVI-XVII вв. (по старинным рисункам и гравюрам) // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982. С. 62–73.

Меджитова Э. М. Марийское народное искусство. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1985. 269 с.

Молотова Т. Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1992. 112 с.

Мухамедова Р. Г. Татарская народная одежда. Казань, 1997. 224 с.

Нечвалода Е. Е. Башкирские украшения конца XVIII в. по изобразительным материалам больших академических экспедиций // Этногенез. История. Культура. II Юсуповские чтения. Уфа, 2014. С. 189–197.

Нечвалода Е. Е. Изображение удмуртки и марийки в альбоме Августина Мейерберга (историко-этнографический анализ графического источника) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 1. Вып. 2. С. 125–140.

Нечвалода Е. Е. Традиционная женская одежда удмуртов в материалах экспедиции Шапп де'Отроша // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. Вып. 1. С. 101–108.

Николаев В. В., Иванов-Орков Г. Н., Иванов В. П. Чувашский костюм от древности до современности. Москва-Чебоксары-Оренбург, 2002. 400 с.

Орков Г. Н. Изобразительные материалы по чувашскому народному костюму. (Графика и живопись XVIII – начала XIX вв.) // Материалы по этнографии и антропологии чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. С. 88–117.

Прокина Т. П., Сурина М. И. Мордовский народный костюм. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. 384 с.

Суслова С. В., Мухамедова Р. Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фән, 2000. 312 с.

Суслова С. В. Татарский костюм: историко-этнологическое исследование. Казань: Татар. кн. изд-во, 2018. 239 с.

Heikel A. O. Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors, 1899. 630 s.

Lehtinen I. Tscheremissischer Schmuck. Ethnograpische Untersuchung. Helsinki, 1994. 372 s.

Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie, accompagnee de figures colones. Paris, D. Colas, 1812-1813. 2 v.

Manninen I. Die Kleidung // Kansatieteellinen Arkisto. B.13. Helsinki, 1957. S. 53–190.

Поступила в редакцию 17.09.2020

Нечвалода Елена Евгеньевна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева –
обособленное структурное подразделение Федерального
государственного бюджетного научного учреждения
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук.
6450077, Россия, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 6
E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru

E. E. Nechvaloda
PEOPLES OF THE VOLGA-URAL REGION IN FEDOR SOLNTSEV'S CREATIVE HERITAGE

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-720-732

This paper is devoted to studying the images of the peoples of the Volga-Ural region in the graphics created by Fedor G. Solntsev, famous Russian aquarelle artist of the 19th century, the author of many historical reconstructions and ethnographic drawings of folk costumes made in different provinces of the Russian Empire and among different social classes. His gallery of images also includes the peoples of the Volga-Ural region. These are the Udmurts, Mountain Maris, Erzya Mordvins, Middle Lower Chuvashs and Mishar Tatars. Many Solntsev's watercolours that embody ethnographic characteristic types were drawn from nature. However, his images of the peoples of the Volga-Ural region are just the copies from other visual sources (pictures, gravures, photographs). As primary sources Solntsev used Emelyan Korneev's gravures (to create the image of a "Votyak woman"), William Carrick's photographs (as the basis for some images of "Kazan Tatars") and the picture of an unknown amateur artist dated back to the late 18th or early 19th centuries (to create the "Cheremis" compositions). It is not improbable that the use of other's ready-made examples and not his own ethnographic drawings resulted in some inaccuracies both in the images of the peoples of the Volga-Ural region and their annotations. There are still no prototypes found for Solntsev's images of Maris and Mordvins, but the absence of ethnic attribution in the annotations, inaccuracies in their geographical references, errors in depicting the details of the Mordvins' garments and a disconnect between their poses and the angles characteristic of Solntsev's ethnic types make it possible to suggest that the images of Maris and Mordvins in the sheets of the Penza and Tambov Provinces were also copied from ready-made pictures.

Keywords: Traditional costume, peoples of the Volga-Ural region, visual images, graphics of the 19th century, source attribution, Fedor Solntsev, Emelyan Korneev, William Carrick, visual anthropology.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 720–732. In Russian.

REFERENCES

Belitser V. N. *Narodnaya odezhda mordvy. Trudy mordovskoi etnograficheskoi ekspeditsii* [Folk clothing of the Mordovians. Proceedings of the Mordovian ethnographic expedition]. *Trudy in-ta ehtnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya* [Works of the N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnography. New Series], vol. 101, no. 3. Moscow: Nauka, 1973. 215 p. In Russian.

William Carrick. *Kartiny russkoi zhizni. Katalog vystavki* [Pictures of Russian Life. Exhibition Catalogue]. St. Petersburg: A-Ya, 2010. 218 p. In Russian.

Gatina-Shafikova D. F. *Vizualnyi obraz tatarskogo kostyuma v rabotakh XVI – XVII vekov kak istoriko-ehtnograficheskii istochnik* [Visual image of the Tatar costume in the works of the XVI–XVII centuries as a historical and ethnographic source]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice, 2014, no. 4 (42), part 1, pp. 52–55. In Russian.

Ivanov-Orkov G. N. *Narodnyi kostyum penzenskikh chuvashei* [Folk costume of the Penza Chuvash people]. *Narodnyi kostyum Penzenskoi gubernii kontsa XIX – nachala XX veka* [Folk costume of the Penza province of the late 19th and early 20th centuries]. St. Petersburg: Pelikan, 2005, pp. 308–331. In Russian.

Mazanov A. A. *Odezhda tatar XVI–XVII vv. (po starinnym risunkam i gravyuram)* [Clothing of the Tatars of the 16th and 17th centuries (based on old drawings and engravings)]. *Novoe v arkheologii i etnografii Tatarii* [New in the archeology and ethnography of Tatarstan]. Kazan, 1982, pp. 62–73. In Russian.

Medzhitova E. M. *Mariyskoe narodnoe iskusstvo* [Mari folk art]. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatelstvo, 1985. 269 p. In Russian.

Molotova T. L. *Mariyskii narodnyi kostyum* [Mari folk costume]. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatelstvo, 1992. 112 p. In Russian.

Mukhamedova R. G. *Tatarskaya narodnaya odezhda* [Tatar national clothes.]. Kazan, 1997. 224 p. In Russian.

Nechvaloda E. E. *Bashkirskie ukrasheniya kontsa XVIII v. po izobrazitelnym materialam bolshikh akademicheskikh ekspeditsii* [Bashkir jewelry of the late 18th century based on visual materials of large academic expeditions]. E*htnogenez. Istoriya. Kultura. II Yusupovskie chteniya* [Ethnogenesis. History. Culture. 2nd Yusupov Readings]. Ufa, 2014, pp. 189–197. In Russian.

Nechvaloda E. E. *Izobrazhenie udmurtki i mariyki v albome Avgustina Meierberga (istoriko-ehtnograficheskii analiz graficheskogo istochnika)* [The image of the Udmurt and Mari women in the album of Augustin Meyerberg (historical and ethnographic analysis of the graphic source)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, vol. 10, no. 2, pp. 125–140. In Russian.

Nechvoloda E. E. *Traditsionnaya zhenskaya odezhda udmurtov v materialakh ekspeditsii Shapp de Otrosha* [Traditional women's clothing of the Udmurts in the materials of the expedition of Chappe d'Auteroch]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019, vol. 13, no. 1, pp. 101–108. In Russian.

Nikolaev V. V., Ivanov-Orkov G. N., Ivanov V. P. *Chuvashskii kostyum ot drevnosti do sovremennosti* [Chuvash costume from antiquity to modernity]. Moscow-Cheboksary-Orenburg, 2002. 400 p. In Russian.

Orkov G. N. *Izobrazitelnye materialy po chuvashskomu narodnomu kostyumu. (Grafika i zhivopis XVIII – nachala XIX vv.)* [Visual materials on the Chuvash folk costume. (Graphics and paintings of the 18th and early 19th centuries)]. *Materialy po ehtnografii i antropologii chuvashey* [Materials on ethnography and anthropology of the Chuvash people]. Cheboksary, 1997, pp. 88–117. In Russian.

Prokina T. P., Surina M. I. *Mordovskii narodnyi kostyum* [Mordovian national costume]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatelstvo, 1990. 384 p. In Russian.

Suslova S. V., Mukhamedova R. G. *Narodnyi kostyum tatar Povolzhya i Urala (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [Tatars' folk costume of the Volga region and the Urals (mid-19th – early 20th centuries)]. *Istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda* [Historical and ethnographic atlas of the Tatar people]. Kazan: Fen, 2000. 312 p. In Russian.

Suslova S. V. *Tatarskii kostyum: istoriko-ehtnologicheskoe issledovanie* [Tatar costume: Historical and ethnological research]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo, 2018. 239 p. In Russian.

Heikel A. O. Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors. 1899. 630 s. In German.

Lehtinen I. Tscheremissischer Schmuck. Ethnograpische Untersuchung. Helsinki, 1994. 372 s. In German.

Les peuples de la Russie ou description des moeurs, usages et costumes des diverses nations de l'Empire de Russie, accompagnee de figures colones. Paris, D. Colas, 1812-1813. 2 v. In French.

Manninen I. Die Kleidung. Kansatieteellinen Arkisto. B. 13. Helsinki, 957. S. 53–190. In German.

Received 17.09.2020

Nechvaloda Elena Evgenievna,
Candidate of Sciences (History), Senior Researcher,
R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies,
Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
6, Karl Marx St., 6450077, Russian Federation, Ufa, 6
E-mail: pishi-nikonor@yandex.ru

УДК 94(470.4)“11/12”:39

Д. В. Пузанов

ПИСЬМЕННЫЕ ИЗВЕСТИЯ О КАЗНЯХ ПЛЕННЫХ В ПОТЕСТАРНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИБАЛТИКИ КОНЦА XII – СЕРЕДИНЫ XIII в.[1]

Подробно рассматриваются зафиксированные в письменных источниках обычаи ритуальной казни пленных врагов у эстов, ливов и «мордванов». Конкретные формы казни сопоставляются с обычаями соседних народов, сказочным европейским фольклором и исторически засвидетельствованными обычаями племенных коллективов. Существующее сходство в обрядовых практиках, запечатленных в различных письменных источниках, объясняется исходя из современных археологических и текстологических открытий, теоретических наработок, палеоэтнографических реконструкций. Некоторым письменным свидетельствам были найдены соответствия в археологическом материале. Раскрываются литературные и фольклорные традиции, которые могли повлиять на описание «чужого» народа хронистами.
Отмечено семантическое сходство казней через сжигание и разрубание. Эти способы разрушения тела были связаны с опасением, что покойный способен отомстить убийце, если не предпринять соответствующих мер. Проанализированы случаи сходства таких расправ с казнью – реактуализацией космогонии. Отмечено воздействие внешних условий на формирование местных ритуальных традиций, которые в немалой степени испытывали влияние мировых религий, агрессивное наступление которых актуализирует необходимость убийств и влияет на их ритуальное осмысление. Вследствие этого расправы могли приобретать особенно причудливые формы. Для постороннего наблюдателя они были тем более необычны. Средневековые авторы не всегда понимали смысл наблюдаемых ими действий, и на их восприятие в немалой степени должны были влиять существовавшие у рассказчика предрассудки и стереотипы.

Ключевые слова: Генрих Латвийский, монах Юлиан, записка Рихарда, «мордваны», ливы, эсты, казни, жертвоприношения, средневековая письменность, фольклор.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-733-744

В XII–XIII вв. мир подходит к кульминационной стадии в развитии межрегиональных связей [Abu-Lughod 1993, 76]. Большую часть Европы к тому времени уже составляли «вторичные» или «реактивные» государства[2]. Но в Восточной Европе все еще продолжается процесс наступления государственных образований на племенную периферию. Общества, пытающиеся отстоять свою политическую независимость, в таких условиях нередко приобретали облик военизированных потестарных образований. Такая ситуация, естественно, актуализировала необходимость расправ над противником. Важными источниками сведений о военной культуре

[1] Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, проект № 18-6-6-38.

[2] «Вторичное» («реактивное») государство – государство, развивающееся «во взаимодействии с другими государствами». В отличие от «первичного» («изначального») государства, формирующегося без подобных контактов (например, первые цивилизации Месопотамии и Мезоамерики) [Chase-Dunn, Hall 1997, 45].

племенных объединений того времени являются сообщения Юлиана о «мордванах»[3] и Генриха об эстах и ливах.

Оба источника давно обращали на себя внимание исследователей как памятники, содержащие ценную и уникальную информацию. В то же время способы расправ в Средние века сложно рассматривать в отрыве от военных обычаев европейских народов в целом. Сообщения Юлиана и Генриха о расправах обычно исследовали как часть письменных свидетельств об определенной группе этносов [напр. Мокшин 1993], либо эти свидетельства привлекались как дополнительный источник сведений о культуре умерщвления, распространенной в Европе [напр. Лушин 2015]. В обоих случаях информация о казнях не подвергалась детальному анализу. Такой подход препятствовал успешному выявлению мифологем, которые влияли как на описание книжниками подробностей расправ, так и на логику поведения языческих племен.

В рамках данной работы была предпринята попытка рассмотреть сообщения о способах уничтожения пленных у мордван, эстов и ливов, описанных в таких уникальных памятниках, как свидетельства Юлиана и хроника Генриха. Для сравнения были выбраны эти три этноса, потому что информация о способах осуществляемых ими расправ наиболее подробно описана в указанных источниках. Сообщения хронистов сопоставлены с современными представлениями о ритуальных расправах в Европе и мире, а также с данными фольклора и археологии. Были подняты вопросы достоверности описываемых хронистами сюжетов.

Монах Юлиан свидетельствует об обычаях «мордванов» следующее: «тот человек, кто не убил многих людей, ни за что не считается; и когда кто-либо едет по дороге, то перед ним несут головы всех убитых им людей, и чем больше голов перед ним несут, тем выше он ценится. А из голов человеческих они делают чаши и особенно охотно пьют из них» [О существовании… 1940, 82]. Если при транспортировке головы насаживались на копье или шест, то данному обычаю можно было бы подыскать множество параллелей [См. напр.: Сланов, Бурков 2013, 49]. О посажении отрубленной головы на кол упоминается в мокшанском фольклоре [Устно-поэтическое творчество… 1966, 179–182].

Но Юлиан ничего не сообщает о способе транспортировки. Как отражение обычая использовать головы в качестве трофея некоторые исследователи интерпретируют отдельные захоронения голов (без туловища) и туловищ (без головы), распространенные в Камско-Бельско-Икском междуречье эпохи раннего железного века [Зубов 2016, 33]. Захоронения одних черепов зафиксированы и в Окско-Сурском междуречье XI–XIII вв. [Осипова 2006, 68]. В то же время само по себе погребение голов ни о чем не говорит. Некоторые народы хоронили голову отдельно в случае, если не было возможности предать земле все тело [Фодор 2003, 375–376]. В некоторых культурах обезглавливанием могли проводить «обезвреживание». Имели место и другие мотивы лишения тела головы.

Изготовление чаши из головы врага также находит параллели в соседних культурах. Чаще всего (но далеко не всегда) письменные источники локализуют эту традицию в кочевой среде [Лушин 2015, 5]. В то же время ряд исследователей с сомнением относится к некоторым письменным свидетельствам об изготовлении из черепа чаш в восточноевропейских степях [Данилевский 2004, 124, 165; Литвина, Успенский 2018, 72–125]. А. Литвина и Ф. Успенский отмечают, что описания изготовления чаши из черепа в византийской, древнерусской и античной литературе встречаются в поразительно сходных сюжетах. При этом источник и описанные в нем события разделяет значительный временной промежуток. Исключением является сообщение Геродота об изготовлении чаш из черепов современными ему скифами. При этом, в отличие от других авторов, Геродот внимателен к деталям и технологии изготовления чаш [Литвина, Успенский 2018, 104–105]. Интересно, что наибольшая часть специально обработанных человеком черепов, которые археологи интерпретируют как чаши, находят на территории современной Украины в различных археологических культу-

[3] Народность в Поволжье, обычно отождествляемая с мордвой [См. напр.: Мокшин 1993, 8–9].

рах энеолита – раннего железного века [Лушин 2015, 8]. Но для хронотопа юлиановых «мордванов» нет точных археологических аналогий. Следует особо подчеркнуть, что археологи могут лишь подтвердить факт искусственной обработки черепа, но не определить точно назначение таких манипуляций.

Как справедливо отметил В. Г. Лушин, сообщение Юлиана «одно из наименее информативных известий», из которого «неясно, использовались ли мордвой черепа поверженных врагов, как большей частью народов, у которых этот обычай отмечен древними авторами, или черепа соплеменников и даже родственников» [Лушин 2015, 7]. Чаши из черепов также могли быть связаны с культом плодородия и репродуктивной магией [Там же, 6]. Однако обстоятельства их использования (если оно и имело место в действительности) у «мордванов» реконструировать теперь едва ли возможно.

В то же время еще в позднеантичной письменной традиции сообщения об изготовлении чаш из черепа и других вариантах использования человеческого тела в качестве трофея превращаются в литературный шаблон, «указывающий на крайнюю варварскую дикость и жестокость» определенного племени [Литвина, Успенский 2018, 109]. Известие Юлиана об эксцентричных обычаях «мордванов» дошло до нас в записи Рихарда. Анализ текста не позволяет установить, непосредственные это наблюдения Юлиана или вторичная передача информации. Эпизод с описанием «дикости» «мордванов» мог иметь и идеологический смысл. Ведь после него повествуется о том, как «мордваны» от своих пророков узнали, что им необходимо принять христианство. Они отправили с этой целью послов к князю Владимирской земли, но «тот ответил: “Не мне надлежит это делать, а папе римскому. Ведь близко время, когда все мы должны принять веру римской церкви и подчиниться ее власти”» [О существовании… 1940, 82]. На такой ноте и завершается запись Рихарда. Не только русским и «мордванам» Юлиан приписывает желание принять христианство католического образца, но и жителям Великой Болгарии [Там же, 80–81]. И даже самое «дикое» и «кровожадное» племя – «мордваны», как следует из завершения записки, находится на пути подчинения власти Святого Престола.

Стремление языческих народов, находящихся в непосредственной близости к миссии Юлиана, принять христианство иррационально. Жителям Великой Болгарии будто бы стать католиками предрекли некие мудрецы, но день, когда это произойдет, не назвали [Там же, 80–81] (как тут не вспомнить апокалиптические пророчества о проповеди Евангелия по всему миру перед концом света, дня и часа которого «никто не знает» (Мф. 24:36)). Схожим образом мотивировано поведение мордванов, которые узнали о том, что им предстоит креститься также «от своих пророков» [Там же, 82]. Поведение русского князя, который должен был быть заинтересован в укреплении связей с мордванами в противовес Волжской Булгарии, тем более нелогично. Неужели среди православных христиан тоже бытовало какое-то пророчество? Не много ли совпадений?

Не вяжется с идеей о желании народов Восточной Европы перейти в католичество и сообщение Юлиана, согласно которому Русь и язычники, находящиеся между двумя венгриями, могут препятствовать обращению венгров-язычников в христианство из опасений, что, объединившись, венгры покорят находящиеся между ними земли [Там же, 82]. В другом сообщении Юлиана, записанном по результатам путешествия во время стремительного и победоносного наступления монгольских войск, суздальский князь препятствует обращению в христианство части разбитых татарами венгров-язычников и их отбытию в Панонию [Там же, 89].

Исследователи обычно доверяют запискам Юлиана на том основании, что это элемент внутренней дипломатической переписки закрытого делового характера [Храпачевский 2005, 424]. В то же время иногда в этих записях находят отражение мифологических конструктов (например, «пророчества о “царе Давиде, внуке пресвитера Иоанна”» [Почекаев 2007, 80]). В нашем случае следует отметить, что, отчитываясь о результатах первого похода, Юлиан был заинтересован в продолжении экспедиций. Миссию брат бросает, в том числе, и потому, что было необходимо сообщить венграм-христианам путь к своим поволжским родичам [О суще-

ствовании… 1940, 82]. Показать полную безальтернативность путешествий на восток явно не входило в планы монаха. Продвижение татаро-монгольских войск изменило ситуацию. Юлиан узнал об опустошении захватчиком Восточной Европы, о его победоносном шествии. Теперь надо было предупредить Венгрию о грозящей опасности [см. напр. Храпачевский 2005, 424].

Интересно, что пересекший на век раньше ту же местность ал-Гарнати не заметил особо эксцентричной военной культуры местных племенных объединений, хотя и пробыл там достаточное время [Путешествие… 1971, 37]. В то же время свидетельство Юлиана об изготовлении чаш из черепов – одно из немногих подобных сообщений о современных рассказчику обычаях.

Более информативные сообщения о способах казни пленных содержатся в Хронике Ливонии Генриха. Точность сведений этого источника оценить достаточно сложно. С одной стороны, исследователи говорят об обилии достоверных сведений, содержащихся в памятнике [Генрих… 1938, 65]. С другой, бесспорна идеологическая ангажированность хрониста. Когда речь заходит об описании языческих племен, в хронике довольно часто возникают библейские образы. Иногда враги христиан даже говорят языком ветхозаветных врагов Господа [Подберезкин 2013, 108][4].

Согласно источнику, ливы, совершая казнь над католическим духовенством, как и вообще над христианами, обычно прибегают к разным способам расчленения тела [Генрих… 1938, 77, 97–98]. Анализ хроники позволяет сделать вывод, что расчлененные тела убитых оставляли без погребения: после того, как жители Гольма (вероятно, ливы) порубили священника Иоанна на куски, духовенство собрало «тело его и кости» и предало земле в Риге [Там же, 98].

Схожим образом могли поступать с пленными и эсты. Чаще всего они предавали казнимых огню [Там же, 120, 135, 170–171, 225]. Если верить Генриху, казни у эстов были довольно сложными и комбинировали несколько вариантов расправы. В двух таких случаях использовались и разные способы расчленения. Например, священника цистерцианского ордена Фредерика и его ученика эсты после истязаний стали мучить огнем, а затем разрубили. Тела жертв были оставлены без погребения [Там же, 167–168]. У судьи Гебба и других пленных саккальцы будто бы вырывали внутренности. У Гебба вырвали сердце, зажарили и съели, чтобы обрести силы в борьбе с христианами. Тела оставили без погребения [Там же, 225]. Надо сказать, что оба сообщения подверглись явной идеологической обработке. В них присутствуют цитаты из Псалтыри, посвященные борьбе Израиля и Сиона с язычниками. В другом месте Генрих сообщает, как саккальцы (эсты) «тела убитых (представителей духовенства – Д.П.) бросили в поле на съедение собакам» [Там же]. О способе убийства хронист не сообщает, но факт того, что убитых было некому похоронить, снова заставляет Генриха вспомнить строки из Псалтыри: «оставив... трупы рабов твоих пищею птицам небесным, а тело святых твоих зверям земным, пролили кровь их, как воду, и некому было хоронить» [Там же].

О тесной связи разрубания/разрывания и оставления трупов на открытом воздухе свидетельствуют обычаи и соседних средневековых народов. Погребения князя Игоря, возможно, добивались киевляне во время противоборства с древлянами в 945 году. Во всяком случае, если верить летописной легенде, Ольга требует допустить ее не к могиле, а ко гробу (тело не кремировали?) мужа, и просит своих людей соорудить большую могилу [Лаврентьевская летопись… 1997, 57][5]. Согласно наблюдениям И. В. Лисюченко, в русском фольклоре «отрицательных персонажей... разрывают надвое, чтобы отдать их тело на съедение воронам и сорокам» [Лисюченко 2009]. Однако тут возможна и обратная логика: врага рубили на части потому, что непогребенный мертвец не мог найти упокоение в загробном мире среди своих родственников. Он оставался на земле, превращался в злого духа, а значит, был способен отомстить обидчи-

[4] В данном случае правда непонятно, чьи именно слова, по представлениям книжника, дословно воспроизводит прямая речь в тексте: старейшины ливов Дабрела, или его речь просто была похожа на речь филистимлян, которая и цитируется [Генрих… 1938, 101].

[5] Изображение княжеского гроба и процесса возведения могилы-кургана присутствует в Радзивиловской летописи [Радзивиловская летопись… 1994, 29].

ку. При этом могли опасаться как непосредственно неразложившегося тела умершего [Флёров 1993, 44], так и остающейся в теле врага вредоносной силы [Лавлин 1981, 37–38].

Описанный Генрихом обычай поедания сердца как будто воспроизводит стандартную картину ритуальной антропофагии. По версии хрониста, эсты провели этот обряд, «чтобы стать сильными в борьбе против христиан» [Генрих… 1938, 225]. Исследователи обычно описывают религиозное людоедство как «человеческие жертвоприношения, которые представляются угодными божеству и сопровождаются вкушением всем племенем жертвенного мяса» [Жирмунский 1965, 10] (ср.: «вырвали сердце из груди у еще живого Гебба, зажарили на огне и, разделив между собой, съели» [Генрих… 1938, 225]). «Такое вкушение является средством симпатической магии, чтобы приобщиться (“причаститься”) силе убитого врага; некоторые части тела, например, сердце, печень и др., имеют при этом особенно важное значение как место пребывания души убитого» [Жирмунский 1965, 10]. Однако Генрих ничего не сообщает ни о составе людей, причастных к сакральной трапезе, ни о посвящении ее богам. В то же время гервенский судья Гебб не просто враг. Вероятно, он воспринимался как представитель вражеской знати, а расправа над ним имела, очевидно, коллективный характер. Можно предположить также, что Гебб был принесен в жертву дружинному богу (Тааре?), подобно тому, как в прошлом германцы приносили вражеских военачальников в жертву Тюру или Вотану отдельно от рядовых воинов [Картамышева 2006, 59].

В то же время есть серьезные причины сомневаться в достоверности сообщения Генриха о поедании эстами сердца. Мотив поедания сердца у человека, животного или чудовища широко распространен в фольклоре народов мира, в письменных источниках и научной литературе, но найти таким сообщениям реальные обрядовые соответствия не так-то просто. Широко распространен мотив поедания человеческого сердца и в сказочном фольклоре европейских народов (например, сюжет о том, как мужчина похищает сердце повешенного и скармливает его жене AT 366 [The types… 1961, 127], или торговец хочет убить чудесного мальчика, чтобы съесть его сердце и получить мудрость убитого AT 671 E [Ibid, 235]). Реальные охотничьи традиции, в которых употребление крови, сердца и печени недавно убитого животного имеет сакральный смысл, и мифологизация этих представлений [Жирмунский 1965, 10] могли являться дополнительным источником возникновения рассказов об аналогичных действиях с органами человека. В. Аренс, критически рассмотревший сообщения об антропофагии, пришел к выводу, что при широком распространении представлений о людоедах (как в разного рода сказаниях, так и в трудах профессиональных этнографов), нет ни одного удовлетворительного описания акта каннибализма в качестве одобряемой обществом традиции [Arens 1980]. Это в полной мере можно сказать и о сообщении Генриха. Не совсем понятно, откуда хронист узнал такие подробные детали расправы. Пленников в данном случае эсты убили в своем замке. Тело Гебба, у которого отсутствовало сердце (вырезание сердца могло проводиться в целях обезвреживания, добычи военного трофея и т.д.), могло стать причиной слухов о том, что этот орган послужил пищей для врагов. Детальное же соответствие сюжета о вырывании сердца у Гебба классическим представлениям о человеческом жертвоприношении может свидетельствовать либо о широком распространении подобных обычаев в средневековой Европе, либо о широком распространении мифологем, описывающих подобные действия.

Как дополнительный элемент расправы, а иногда для самостоятельной казни, эсты, согласно Генриху, использовали свойства огня. Смысл подобного действия в целом должен быть аналогичен разрыванию: необходимо было уничтожить останки человека, чтобы он потерял способность мстить. Кроме того, огонь обладал очистительными свойствами. Интересно, что монголы, активно практиковавшие отрубание голов, разрубание и сожжение по отношению к представителям непокорных социумов, считали расчленение более жестокой казнью, чем обезглавливание (с последующим сооружением из голов пирамид). А самой крайней мерой было сожжение, которое оставляет менее всего останков от врага [Чебаненко 2017, 120]. Интересно, что в волшебных сказках разных финно-угорских народов, включая эстонцев, отрицательных героев нередко уни-

чтожают при помощи огня [Пузанов 2018, 196]. При этом верили, что неразвеянный пепел может приносить вред врагам сожженного [Там же, 202].

Смысл разрубания и сжигания, возможно, не сводился к желанию полностью уничтожить противника. Например, Т. Н. Дмитриева писала, что казнь через разрубание имела значение «“реактуализации” космогонии» [Дмитриева 2000, 12; 2012, 35]. Эти действия, по ее мнению, повторяли отраженные в мифах разных народов мотивы сотворения мира из расчлененного первосущества или создание природных объектов из частей расчлененного человека (например, девушки, нарушившей табу) [Дмитриева 2012, 36–37]. В таких формах расправы, как считает Т. Н. Дмитриева, расчленение было обязательным [Дмитриева 2000, 13]. В то же время многие описанные выше казни пленных через разрубание едва ли являлись «реактуализацией» космогонии, которая воспроизводится перед «каким бы то ни было значимым началом» [Дмитриева 2012, 36].

Мифы о возникновении разного рода объектов из расчлененных существ широко распространены у народов мира. При этом создающаяся из убитых новая материя может быть не только полезной, но и вредоносной. В сказках народов Восточной Европы можно найти сюжеты казни отрицательного персонажа, в которых части его распадающегося тела (например, от того, что его привязали к жеребцу и пустили вскачь) превращаются в дерн, скалу, болото и т. д. Но наибольший интерес представляют ситуации, когда в легендах о возникновении природных объектов используется не разрывание, а сжигание. Например, согласно сказаниям двух дальнородственных народов – карел и нганасан, из пепла сожженного вредителя возникает «всякий гнус, мучающий человека» [Ступак; Мифологические сказки… 1976, 58; Сказки народов… 1980, 19]. Описанный вид сказок, кажется, несколько поясняет семантику разрывания и сжигания врага. Возможно, это производили с целью ослабить способность убитого мстить. Ведь останки умершего, вплоть до пепла, в верованиях язычников могли продолжать ассоциироваться с личностью покойника.

Таким образом, смысл во многих отношениях сопоставимых по своей символике казней разрубанием и сжиганием в той или иной степени заключен в разрушении человеческого тела, его полном уничтожении, или наоборот, в создании новых, менее вредоносных объектов. Конкретное значение каждого обряда могло варьироваться в зависимости от ситуации, особенностей культуры каждого общества, его представлений о смерти. Различия между способами казни у достаточно близких в культурном отношении эстов и ливов, кажется, обусловлены, в том числе, и тем, что ингумация (при стандартном погребении) у ливов (во времена Генриха ливы уже давно не применяли трупосожжение) [Спиргис 2016, 377] вытеснила кремацию намного раньше, чем это произошло у эстов [Седов 1987, 17–18] (не потому ли казни последних изощреннее?).

Интересно, что ритуалы, являющиеся повторением «мифического убийства», по мнению Т. Н. Дмитриевой, стадиально ограничены «обществами периода формирования ранних цивилизаций» [Дмитриева 2012, 38]. На большей части средневековой Европы политогенез явно носил черты зависимого развития. Ранние государства здесь образуются в тесном взаимодействии с уже развитыми цивилизациями, оставившими свидетельства о нравах наиболее активных потестарных образований, явно формировавшихся военным путем. Появление сильного в военном и идеологическом отношении противника порождало экстремальные формы ответа на этот вызов. При этом в условиях господства родо-племенного и языческого мировоззрения новые явления осмысливались в границах мифо-ритуального мышления. Этим, вероятно, и обусловливалось то обстоятельство, что насилие приобретало необычные для постороннего наблюдателя формы.

Сочетание «нового» и «старого» явно прослеживается в одной из ритуальных расправ эстов, описанных Генрихом. Захватив пленных в числе ста человек из тевтонов, ливов и лэттов, эсты отобрали четырнадцать человек, из которых часть предали огню, у других вырезали знак креста на спине и удавили. Оставшиеся были просто убиты [Генрих… 1938, 135]. Само по себе удушение, которое сопровождалось нанесением ран, было хорошо известно в регионе

у разных народов[6]. Однако, если Генрих верно описывал обряд вырезания именно креста, то таковой должен был возникнуть недавно и быть тесно связанным с противостоянием агрессии христианской цивилизации, противостоянием, у которого, в силу его религиозного характера, появились новые символы[7].

Ситуация, в которой оказались военизированные потестарные общества, зажатые между наступавшими государственными образованиями, естественно актуализировала насилие. Здесь велась война за определенную идентичность, а значит, в определенной мере это была война на выживание. В то же время варварские общества, в которых война играла важнейшую роль в формировании иерархии, могли казаться необычными человеку из более развитого социума. Поэтому стоит учитывать, что средневековые хронисты, даже в том случае, если они описывали не своих непосредственных врагов (как в случае с Юлианом), должны были преувеличивать масштабы жестокости и военной экзотики подобных обществ. И что немаловажно, далеко не всегда понимали смысл описываемых ими обрядов.

С определенными оговорками можно доверять сюжетам, в которых местные племена рубят врагов на части или предают огню. Эти простые действия имеют широкое распространение. К тому же в языческой культуре мертвое тело продолжало ассоциироваться с личностью убитого: поэтому его останки следовало уничтожить либо преобразовать в менее вредоносную материю. Сообщение же Юлиана о хранении голов в качестве трофея и изготовлении чаш из черепов напоминает сложившийся к тому времени топос описания особенно дикого и жестокого, с точки зрения книжника, общества. Это описание, вкупе с идеей о намерении ряда народов Восточной Европы принять христианство, могло иметь идеологическое значение. Не следует доверять и подробной информации о ритуальной антропофагии у эстов, содержащейся в Хронике Ливонии, на которую могли повлиять распространенные в Европе мифологемы образа врага. Не развеивают сомнения и археологические свидетельства. Они редко позволяют определить конкретный смысл тех или иных манипуляций с останками человека.

ЛИТЕРАТУРА

Гельмольд из Босау. Славянская хроника // *Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский.* Славянские хроники / Ред.-сост. И. А. Настенко. М.: СПСЛ; Русская панорама, 2011. С. 151–304.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского, предисл. В. А. Быстрянского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. XV, 610 с.

Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект–Пресс, 2004. 370 с.

Дмитриева Т. Н. Жертвоприношение: поиски истоков // Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 11–22.

Дмитриева Т. Н. О неоднозначности понятия «жертвоприношение» // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель: Сборник научных трудов семинара «Теория и методология архаики» / Под ред. М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинова. СПб., 2012. Вып. 5. С. 33–42.

Жирмунский В. М. «Пир Атрея» и родственные этнографические сюжеты в фольклоре и литературе // Советская этнография. 1965. № 6. С. 3–22.

Зубов С. Э. Декапитация и воинские трофеи в погребальной обрядности памятников раннего железного века Волго-Уралья. К постановке проблемы // Поволжские финны и их соседи в древности и средние века, IV Всероссийская науч. конф. (2016; Саранск) / Отв. ред. В. В. Гришаков. Саранск, 2016. С. 28–36.

Картамышева Е. П. Почитание предков в древнескандинавской дохристианской культуре: Дис. канд. ист. наук. М., 2006. 298 с.

Лафлин У. С. Алеутские мумии: их значение для исследования продолжительности жизни и изучения культуры // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. Труды советско-

[6] Например, у северных германцев [Негреев 2012, 133], балтов [Новиков 2012, 118] и славян [Чебаненко 2014, 168].

[7] См. например, как славяне, согласно Гельмольду из Босау, вырезали пленным священникам крест на голове, вскрыли мозг, и «так водили исповедников Божьих по всем славянским городам, пока они не умерли» [Гельмольд… 2011, С. 173].

американской группы по сотрудничеству в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки / Отв ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1981. С. 33–50.

Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Т. 1). М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.

Лисюченко И. В. Сакральность княжеской власти у восточных славян и ритуальные убийства правителей // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 12-2. С. 52–58.

Литвина А., Успенский Ф. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда… Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 192 с.

Лушин В. Г. Чаши из человеческих черепов // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики / Гл. ред. Е. П. Токарева. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2015. С. 5–13.

Мифологические сказки и исторические предания нганасан / Зап., подг. текстов, введ. и коммент. Б. О. Долгих. М.: Наука, 1976. 341 с.

Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1993. 240 с.

Негреев И. О. Древнескандинавский образ мирового Древа Иггдрасиль: функции и значение // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 2. С. 131–138.

Новиков А. С. Казнь Генриха Монте и мотив «двойной смерти» у пруссов // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2012. № 6. С. 118–122.

О существовании Великой Венгрии, обнаруженном братом Рихардом во время господина Папы Григория Девятого // Исторический архив. М; Л: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 3. С. 77–82.

Осипова Т. В. Погребения с разрушенными костяками в средневековых могильниках Окско-Сурского междуречья: Дис. канд. ист. наук. Пенза, 2006. 250 с.

Подберезкин Ф. Д. Меченосцы и божественное провидение: библейские аллегории в Хронике Генриха Латвийского // Актуальные проблемы источниковедения : Мат. междунар. науч.-практ. конф. к 135-летию В. И. Пичеты. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. С. 107–109.

Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ; СПб.: Евразия, 2007. 350 с.

Пузанов Д. В. Природные явления в сакральной картине мира народов Восточной Европы. Древняя Русь и ее соседи: IX–XIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 480 с.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Пер. с араб. вступ. ст. и примеч. О. Г. Большакова, историч. коммент. А. Л. Монгайта. М.: Наука, 1971. 188 с.

Радзивиловская летопись: в 2 т. СПб.; М.: Глаголь; Искусство, 1994. Кн. 1: Факсимильное воспроизведение рукописи. 253 л.

Седов В. В. Эсты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М., 1987. С. 13–23.

Сказки народов сибирского севера. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. 194 с.

Сланов А. А., Бурков С. Б. Значение обрядов обезглавливания и скальпирования в скифской военной культуре // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2013. № 3. С. 49–54.

Спиргис Р. Археологические свидетельства распространения христианства на землях даугавских ливов в XI–XII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2013. № 28 (58). С. 370–459.

Ступак А. С. Карельская Сюоятар и коми Ёма: общее фольклорных образов // Лаборатория фольклористики РГГУ. URL: ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Stupak04.htm (дата обращения 04.04.2019).

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1966. Т.3. Ч.1. Мокшанские сказки / Сост., предисл., примеч. А. И. Маскаева. Под общ. ред. В. Я. Евсеева. 386 с.

Флёров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник). Волгоград: Перемена, ВГПИ, 1993. 144 с.

Фодор И. К вопросу о дохристианской религии древних венгров // Этнос – Культура – Человек: Сб. мат. междунар. науч. конф., посв. 60-летию В. Е. Владыкина / Глав. ред. В. А. Журавлев; отв. ред. Т. Г. Владыкина. Ижевск: АНК, 2003. С. 373–384.

Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. 557 с.

Чебаненко С. Б. Казнь князей Игоревичей в Галиче: правовой и ритуальный аспекты // Русин. 2014. № 2 (36). С. 162–181.

Чебаненко С. Б. Расправы монгольских завоевателей или обычаи восточных славян: находки пробитых гвоздями черепов // Исторический формат. 2017. № 1–2. С. 115–126.

Abu-Lughod J. L. The World System in the Thirteenth Century: Dead-End or Precursor? // Islamic & European Expansion: the forging of a global order / Edited by Adas M. Philadelphia: Temple university press, 1993. P. 75–102.

Arens W. The man-eating myth : Anthropology & anthropophagy. Oxford, New York, Toronto, Melbourne: Oxford univ. press, 1980. VIII, 212 p.

Chase-Dunn C., Hall T. D. Rise and Demice. Comparing World-Systems. Boulder; Cumnor Hill: Westview Press, 1997. XII, 322 p.

The types of the folktale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypes (FF Communications № 3) / Translated end Enlarged by S. Thompson. Second Revision. Helsinki, 1961. 588 p.

Поступила в редакцию 07.09.2020

Пузанов Даниил Викторович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка
и литературы УдмФИЦ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: lpdmor@gmail.com

D. V. Puzanov

WRITTEN SOURCES ABOUT EXECUTIONS OF PRISONERS IN POTESTARY SOCIETIES OF THE VOLGA REGION AND THE BALTIC STATES OF THE END OF THE XII – THE MIDDLE OF THE XIII CENTURIES

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-733-744

The article describes in detail the customs of ritual execution of captured enemies of the Aests, Livs and the «Mordvans» described by written sources. Specific forms of execution are compared with the customs of neighboring peoples, fabulous European folklore and customs of tribal collectives. The parallels in the description of ritual practices by various written sources are explained on the basis of the modern archaeological and textual discoveries, theoretical developments, and reconstructions. Some written testimonies have been found to match the archaeological material. Literary and folklore traditions, which could influence the description of «alien» people by chroniclers, are revealed.

Semantic similarity of executions through burning and chopping is noted. Such methods of destruction of the body were associated with the fear that the deceased could take revenge on the killer, if the appropriate measures are not taken. Analyzed similarities of such reprisals with the execution-re-actualization of cosmogony. The influence of external conditions on the formation of local ritual traditions is noted. The pressure of world religions contributed to the contrast between new and old phenomena. Because of this contrast, reprisals could take on particularly bizarre forms. For an outside observer, they were even more unusual. Medieval authors did not always understand the meaning of the actions they observed. And their description to a considerable degree should have been influenced by the prejudices and stereotypes inherent to the narrator.

Keywords: Henry of Latvia, Friar Julian, Richard's note, Mordvans, Livs, Aests, executions, sacrifices, beheading, dismemberment, burning, medieval writing, folklore.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 4, pp. 733–744. In Russian.

REFERENCE

Gel'mol'd iz Bosau. Slavyanskaya khronika [Helmold of Bosau. Slavic Chronicle]. *Adam Bremenskii, Gel'mol'd iz Bosau, Arnol'd Liubekskii. Slavianskie khroniki* [Adam of Bremen, Helmold of Bosau, Arnold of Lübeck. Slavonic Chronicles]. Moscow, SPSL, Russ-kaia panorama Publ., 2011, pp. 151–304. In Russian.

Genrikh Latviiskii. Khronika Livonii [The Livonian Chronicle of Henry]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1938. XV, 610 p. In Russian.

Danilevskii I. N. *Povest' vremennykh let: germenevticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov* [Tale of Bygone Years: the hermeneutical foundations of the source study of chronicle texts]. Moscow, Aspekt–Press Publ., 2004. 370 p. In Russian.

Dmitrieva T. N. Zhertvoprinoshenie: poiski istokov [Sacrifice: the search for origins]. *Zhertvoprinoshenie: Ritual v kul'ture i iskusstve ot drevnosti do nashikh dnei* [Sacrifice: ritual in culture and art from antiquity to the present day]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 11–22. In Russian.

Dmitrieva T. N. O neodnoznachnosti ponyatiya «zhertvoprinoshenie» [On the ambiguity of the concept "sacrifice"]. *Zhertvoprinoshenie v arkhaike: atributsiya, naznachenie, tsel': Sbornik nauchnykh trudov seminara «Teoriya i metodologiya arkhaiki»* [Sacrifice in archaic: attribution, purpose, goals: Collection of scientific works of the seminar "Theory and methodology of archaic"]. Saint Petersburg, 2012, is. 5, pp. 33–42. In Russian.

Zhirmunskii V. M. «Pir Atreya» i rodstvennye etnograficheskie syuzhety v fol'klore i literature ["Feast of Atreus" and related ethnographic themes in folklore and literature]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1965, no 6, pp. 3–22. In Russian.

Zubov S. E. Dekapitatsiya i voinskie trofei v pogrebal'noi obryadnosti pamyatnikov rannego zheleznogo veka Volgo-Ural'ya. K postanovke problem [Decapitation and military trophies in the funeral rites of the monuments of the early Iron Age Volga-Ural. To the problem statement]. *Povolzhskie finny i ikh sosedi v drevnosti i srednie veka, IV Vserossiiskaya nauch. konf. (2016; Saransk)* [Volga Finns and their neighbors in antiquity and the Middle Ages, IV All-Russian Scientific. conf. (2016; Saransk)]. Saransk, 2016, pp. 28–36. In Russian.

Kartamysheva E. P. *Pochitanie predkov v drevneskandinavskoi dokhristianskoi kul'ture: Dis. kand. ist. nauk* [Ancestors honoring in Old Norse Pre-Christian Culture: Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2006, 298 p. In Russian.

Laflin U. S. Aleutskie mumii: ikh znachenie dlya issledovaniya prodolzhitel'nosti zhizni i izucheniya kul'tury [Aleut mummies: their importance for the study of life expectancy and the study of culture]. *Traditsionnye kul'tury Severnoi Sibiri i Severnoi Ameriki. Trudy sovetsko-amerikanskoi gruppy po sotrudnichestvu v oblasti izucheniya vzaimodeistviya aborigennykh narodov i kul'tur Severnoi Sibiri i Severnoi Ameriki* [Traditional cultures of Northern Siberia and North America. Proceedings of the Soviet-American Group for Cooperation in the Study of the Interaction between Aboriginal Peoples and Cultures of Northern Siberia and North America]. Moscow, Nauka, 1981, pp. 33–50. In Russian.

Lavrent'evskaia letopis' (Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 1). [Laurentian Codex (Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 1)]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. 496 p. In Russian.

Lisyuchenko I. V. Sakral'nost' knyazheskoi vlasti u vostochnykh slavyan i ritual'nye ubiistva pravitelei [Sacrality of princely power for East Slavs and ritual murders of rulers]. Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanii [Scientific problems of humanitarian studies], 2009, no 12-2, pp. 52–58. In Russian.

Litvina A., Uspenskii F. *Pokhvala shchedrosti, chasha iz cherepa, zolotaya luda… Kontury russko-varyazhskogo kul'turnogo vzaimodeistviya* [A Praise to Generosity, a Skull Bowl, and Varangians]. Moscow, Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2018 p. In Russian.

Lushin V. G. Chashi iz chelovecheskikh cherepov [Human Skull-Cups]. *Drevnie kul'ty, obryady, ritualy: pamyatniki i praktiki* [Ancient cults centers and ritual practices]. Zimovniki, Zimovnikovskii kraevedcheskii muzei Publ., 2015, pp. 5–13. In Russian.

Mifologicheskie skazki i istoricheskie predaniya nganasan [Mythological tales and historical legends of the Nganasans]. Moscow, Nauka, 1976. 341 p. In Russian.

Mokshin N. F. *Mordva glazami zarubezhnykh i rossiiskikh puteshestvennikov* [Mordva through the eyes of foreign and Russian travelers]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo, 1993. 240 p. In Russian.

Negreev I. O. Drevneskandinavskii obraz mirovogo Dreva Iggdrasil': funktsii i znachenie [The Norse Image of the World Tree Yggdrasil of Function and Meaning]. *Evraziya: dukhovnye traditsii narodov* [Eurasia: Spiritual Traditions of Nations], 2012, no 2, pp. 131–138. In Russian.

Novikov A. S. Kazn' Genrikha Monte i motiv «dvoinoi smerti» u prussov [The execution of Henry Monte and the Prussian motif of "double death"]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [IKBFU's Vestnik. Ser. The humanities and social science], 2012, no 6, pp. 118–122. In Russian.

O sushchestvovanii Velikoi Vengrii, obnaruzhennom bratom Rikhardom vo vremya gospodina Papy Grigoriya Devyatogo [On the existence of Great Hungary, discovered by Brother Richard during Mr. Pope Gregory the Ninth]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical archive]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1940. vol. 3, pp. 77–82. In Russian.

Osipova T. V. *Pogrebeniya s razrushennymi kostyakami v srednevekovykh mogil'nikakh Oksko-Surskogo mezhdurech'ya: Dis. kand. ist. nauk* [Burials with destroyed bones in the medieval burial grounds of the Oka-Sursk interfluve: Cand. hist. sci. diss.]. Penza, 2006. 250 p. In Russian.

Podberezkin F. D. Mechenoscy i bozhestvennoe providenie: biblejskie allegorii v Hronike Genriha Latvijskogo [Swordsmen and Divine Providence: Biblical Allegories in the Chronicle of Henry of Latvia]. *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: mat. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. k 135-letiyu V. I. Pichety* [Actual Problems of Source Studies: Mat. Int. scientific-practical conf. to the 135th anniversary of V. I. Picheta]. Vitebsk, VGU imeni P. M. Masherova Publ., 2013, pp. 107–109. In Russian.

Pochekaev R. Yu. *Batyj. Han, kotoryj ne byl hanom* [Batu. A khan who was not a khan]. Moscow, Saint Petersburg, AST Publ., Evraziya Publ., 2007. 350 p. In Russian.

Puzanov D. V. *Prirodnye javlenija v sakralnoj kartine mira narodov Vostochnoj Evro-py. Drevnjaja Rus i ee sosedi: IX–XIII vv.* [Natural phenomena in the sacral world view of the peoples of Eastern Europe. Old Rus and its neighbors: IX–XIII centuries]. Saint Petersburg, Izdatelstvo Olega Abyshko Publ., 2018. 480 p. In Russian.

Puteshestvie Abu Khamida al-Gharnati v Vostochnuiu i Tsentral'nuiu Evropu (1131–1153 gg.) [The journey of Abu Hamid al-Gharnati in Eastern and Central Europe (1131–1153)]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 188 p. In Russian.

Radzivilovskaya letopis': v 2 t. [Radziwill Chronicle: in 2 vol.]. Saint Petersburg, Moscow, Glagol', Iskusstvo Publ., 1994. Vol. 1: Faksimil'noe vosproizvedenie rukopisi [Facsimile reproduction of a manuscript]. 253 l. In Russian.

Sedov V. V. Esty [Aests]. *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya* [Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 13–23. In Russian.

Skazki narodov sibirskogo severa [Tales of the peoples of the Siberian north]. Tomsk, Tomskogo un-ta Publ., 1980. 194 p. In Russian.

Slanov A. A., Burkov S. B. Znachenie obryadov obezglavlivaniya i skal'pirovaniya v skifskoi voennoi kul'ture [The significance of beheading and scalping ceremonies in Scythian military culture]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki* [Vestnik of North Ossetian State University after K.L. Khetagurov. Social sciences], 2013, no. 3, pp. 49–54. In Russian.

Spirgis R. Arkheologicheskie svidetel'stva rasprostraneniya khristianstva na zemlyakh daugavskikh livov v XI–XII vv. [The spread of Christianity among the Livs of the lower Daugava river in the XI–XII cc.]. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli* [Archeology and history of Pskov and Pskov land], 2013, no. 28 (58), pp. 370–459. In Russian.

Stupak A. S. Karel'skaya Syuoyatar i komi Ema: obshchee fol'klornykh obrazov [Karelian Sujodar and Komi Yema: a common folklore image]. *Laboratoriya fol'kloristiki RGGU* [Laboratory of Folklore Studies of the RSUH]. URL: ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Stupak04.htm (accessed 4 April 2019). In Russian.

Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [Oral poetry creativity of the Mordovian people]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe Publ., 1966. Vol. 3. Part 1: Mokshanskie skazki [Moksha tales]. 386 p. In Russian.

Flyorov V. S. Pogrebal'nye obriady na severe Khazarii (Maiatskii mogil'nik) [Funeral rites in the north of Khazaria (Mayatsky burial ground)]. Volgograd, Peremena, VGPI Publ., 1993. 144 p. In Russian.

Fodor I. K voprosu o dokhristianskoi religii drevnikh vengrov [On the issue of the pre-Christian religion of the ancient Hungarians]. *Etnos – Kul'tura – Chelovek: Sb. mat. mezhdunar. nauch. konf., posv. 60-letiyu V. E. Vladykina* [Ethnos – Culture – People: collection of materials international scientific conf. the 60th anniversary of V. E. Vladykin]. Izhevsk, ANK Publ., 2003, pp. 373–384. In Russian.

Hrapachevskij R. P. *Voennaya derzhava Chingiskhana* [Military power of Genghis Khan]. Moscow, AST: LYUKS Publ., 2005, 557 p. In Russian.

Chebanenko S. B. Kazn' knyazei Igorevichei v Galiche: pravovoi i ritual'nyi aspekty [The execution of Igorevichi Princes in Galich: juridical and rite aspects of the event]. *Rusin* [Rusin], 2014, no. 2 (36), pp. 162–181. In Russian.

Chebanenko S. B. Raspravy mongol'skikh zavoevatelei ili obychai vostochnykh slavyan: nakhodki probitykh gvozdyami cherepov [Archaeological findings of the nail-pierced Human skulls: executions by mongolian invaders or east slavs' customs?]. *Istoricheskii format* [Historical format], 2017, no. 1-2. pp. 115–126. In Russian.

Abu-Lughod J. L. The World System in the Thirteenth Century: Dead-End or Precursor? *Islamic & European Expansion: the forging of a global order.* Philadelphia, Temple university press, 1993, pp. 75–102.

Arens W. *The man-eating myth : Anthropology & anthropophagy*. Oxford, New York, Toronto, Melbourne, Oxford univ. press, 1980. VIII, 212 p.

Chase-Dunn C., Hall T. D. *Rise and Demice. Comparing World-Systems.* Boulder, Cumnor Hill, Westview Press, 1997. XII, 322 p.

The types of the folktale. A classification and bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypes (FF Communications № 3). Helsinki, 1961. 588 p.

Received 07.09.2020

Puzanov Daniil Viktorovich,
Candidate of Sciences (History), Researcher,
Udmurt Institute of History, Language and Literature UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
E-mail: lpdmor@gmail.com

УДК 159.928.235 (045)

В. Ю. Хотинец, Ю. Р. Сабрекова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЛОГИЧЕСКОГО И ИНТУИТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

В работе анализируются результаты экспериментального исследования предпочтения логического и интуитивного мышления удмуртских и русских студентов (всего 121 чел.). При логическом мышлении происходит выделение объекта из его контекста, назначение объекта категориям на основе необходимых и достаточных функций при предпочтительном использовании правил, в том числе правил формальной логики. Интуитивное мышление, основанное на жизненном опыте, отличается целостностью и контекстуальностью с диалектическим разрешением очевидных противоречий.

Программа исследования, разработанная на основе концептуальной модели категоризации, состояла из фазы тренировки и фазы эксперимента. В компьютерной программе категоризация «по правилу» осуществлялась путем определения того, насколько новый объект удовлетворяет правилу, определяющему категории по своим необходимым и достаточным характеристикам; категоризация «по образцу» – через сходство нового объекта с имеющимися образцами. В эксперименте был создан когнитивный конфликт между мыслительными стратегиями.

По результатам эксперимента установлено, что при положительных и отрицательных совпадениях характеристик русские студенты в большей мере предпочитают классифицировать объекты «по правилу», а удмуртские – «по образцу». Значимых межкультурных различий между показателями отрицательных совпадений (когда образы «по правилу» очень похожи на тренировочный образец из противоположной категории) не выявлено. Объяснение полученных данных осуществлялось в сопоставлении с «картинами мира», с их когнитивным содержанием о способах познания окружающего мира, воплощенных в традиционных ценностях народов.

Ключевые слова: кросскультурный анализ, этническая картина мира, социо-когнитивные системы, логическое мышление, интуитивное мышление, удмурты, русские.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-745-753

1. Теоретическое обоснование проблемы

Известная метафора *bricolage* К. Леви-Стросса [Lévi-Strauss 1962] задает понимание того, как человек, уподобленный *bricoleurs* – мастеровому, в повседневной жизни использует свои базовые когнитивные процессы как инструментальные способы решения задач, вариативность комбинирования которых в применении имеет культурную обусловленность.

В культурах по-разному конструируются и используются сложные когнитивные инструменты из более элементарных, входящих в базовый универсальный набор. Различаются обстоятельства, способствующие преимущественному использованию того или иного когнитивного процесса, нормативные стандарты мыслительной деятельности. Представители разных культур отличаются мерой и компетентностью применения базовых когнитивных процессов [Nisbett 2003].

Р. Нисбетт с коллегами, указывая на сомнительность укоренившихся представлений о базовых и универсальных когнитивных процессах, показал, как на базе разных культурных практик возникают различные системы мышления. Так, представители Восточной Азии, обладая *холистическим* мышлением, принимают во внимание целостное поле и приписывают причины событий именно ему. Сравнительно мало используются категории и формальная логика с опорой на «диалектическое» мышление. Представители Западных культур с *аналитическим* мышлением преимущественно сосредоточены на конкретном объекте и на тех категориях, к которым он относится. В объяснении проявлений объекта они чаще всего опираются на правила формальной логики [Nisbett, Peng, Choi, Norenzayan 2001].

В исследовании преференций формального и интуитивного мышления среди студентов из стран Восточной Азии, американцев азиатского и европейского происхождения установлено, что американцы европейского происхождения, больше, чем китайцы и корейцы, используют интуицию в противовес формальным рассуждениям. В свою очередь, китайцы и корейцы полагаются на интуитивные стратегии больше, чем американцы европейского происхождения. Рассуждения азиатских американцев либо идентичны рассуждениям европейских американцев, либо являются промежуточными [Norenzayan et al. 2002, 653–684].

Как показывают результаты современных кросскультурных исследований, связь между стилями мышления и особенностями природного, социокультурного взаимодействия людей становится очевидной (об этом подробнее см.: [Bender, Beller 2016; Atran, Medin 2008; Bang, Medin, Atran 2007; Dehaene, Izard, Spelke, Pica, 2008; Norenzayan A. et al., 2002; Nisbett, Peng, Choi, Norenzayan, 2001; Schaller, Norenzayan, Heine, Yamagishi, Kameda, 2010; Schwartz, Glass, Bolla, et al., 2004] и др.), что позволяет утверждать культурные различия в мыслительных стилях и манифестировать социо-когнитивные системы [Nisbett 2003].

В данной работе ставится ***проблема***, существуют ли культурные различия в логических и интуитивных системах рассуждений представителей финно-угорского и славянского народов. **Гипотезы исследования:** 1) особенности этнической картины мира удмуртского народа с целостностью существования человека с природой, социокультурной контекстуальностью согласуются с предпочтительностью стиля мышления, обеспечивающего осознание сложности связей факторов (целостности) в объяснении происходящих событий; 2) аналитический способ мышления на основе формальной логики, распространенный среди западных культур, предпочтителен в русскоязычной культуре. **Цель** исследования – выявление предпочтений в использовании логического и интуитивного мышления студентами удмуртского и русского происхождения в ходе решения элементарных задач повседневной практики.

2. Методы

В экспериментальном исследовании участвовали 121 человек в возрасте от 17 до 21 года (M=19 лет); среди них 61 чел. (27 юношей, 34 девушки, 62 % – селяне, 38 % – в первом поколении горожане; образование родителей: 22 % – высшее, 33 % – среднее профессиональное, 32 % – среднее (полное), 13 % – среднее (основное); социальный статус семьи: 48 % – рабочие, 15 % – ИТР, служащие, 12 % – предприниматели, бизнесмены, 25 % – неработающие, пенсионеры), причисляющих себя и своих родителей к удмуртскому народу, свободно говорящих на удмуртском языке; 60 чел. (26 юношей, 34 девушки, 48 % – селяне, 35 % – в первом поколении горожане, 17 % – во втором поколении горожане; образование родителей: 38 % – высшее, 45 % – среднее профессиональное, 13 % – среднее (полное), 4 % – среднее (основное); социальный статус семьи: 40 % – рабочие, 28 % – ИТР, служащие, 23 % – предприниматели, бизнесмены, 9 % – неработающие, пенсионеры), причисляющих себя и своих родителей к русскому народу и говорящих только на русском языке. Все участники – это студенты 1-2 курсов, обучающиеся по направлению подготовки «Филология» с различными языковыми профилями: удмуртский язык и литература, русский язык и литература. Выбор студентов для участия в эксперименте был преднамеренным, соблюдающим гомогенность выборочной со-

вокупности по познавательным способностям (средний бал ЕГЭ при поступлении в университет в удмуртской группе – 70,5; в русской группе – 71,9).

Для выявления различий между двумя независимыми выборками использовался непараметрический критерий U-Манна-Уитни.

Компьютерная программа эксперимента была разработана [Norenzayan et al. 2002] на основе концептуальной модели категоризации [Allen, Brooks 1991, 3–19; Regehr, Brooks 1993, 92–114; Smith, Patalano, Jonides 1998, 167–196]. Категоризация «по правилу» осуществляется определением того, насколько новый объект удовлетворяет правилу, определяющему категории по своим необходимым и достаточным характеристикам. Напротив, категоризация «по образцу» отражает сходство нового объекта с ранее сохраненными образцами, извлеченными из памяти. Чем больше новый объект схож с извлеченными из памяти образцами, тем больше вероятность того, что новый объект относится к той же категории, что и образцы.

При логическом способе мышления объект выделяется из своего контекста и назначается категориям на основе необходимых и достаточных функций при предпочтительном использовании правил, включая правила формальной логики, для объяснения и прогнозирования поведения объекта. Интуитивное мышление, основанное на жизненном опыте, отличается целостностью и контекстуальностью с диалектическим разрешением очевидных противоречий.

Исследование проходило в два этапа: I – фаза тренировки, II – фаза эксперимента; условия классификации: 1) по правилу, 2) по образцу. Все инструкции и материалы компьютерной программы были разработаны на родном языке участников эксперимента (удмуртском и русском). На экране компьютера (рис. 3) предъявлялись несуществующие животные (рис. 1, 2) для классификации их в соответствии с условной принадлежностью к планетам Венера или Сатурн. Как диагностические признаки рассматривались уши, хвост, длина шеи, рот и ступни. Животное определялось с Венеры, если оно удовлетворяло, по крайней мере, трем из пяти диагностических признаков; в противном же случае оно относилось к Сатурну. Каждый участник принимал решение, нажимая на кнопку клавиатуры и получая обратную связь с указанием о правильности или неправильности. Затем нужно было нажать другую назначенную кнопку, чтобы перейти к следующему стимулу. Каждый раз осуществлялся выбор с нажатием на обозначенный символ на экране. В общей сложности были представлены четыре раза 10 разных животных.

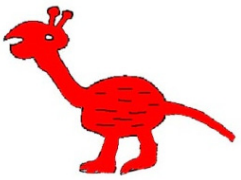


Рис. 1. Животное с Венеры

Рис. 2. Животное с Сатурна

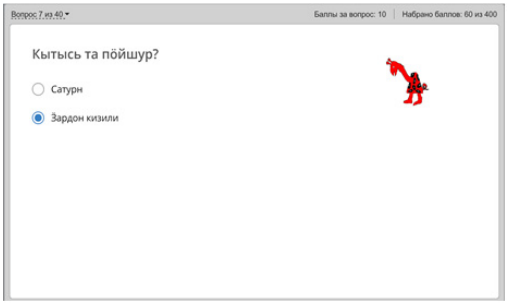


Рис. 3. Пример классификации животного на экране компьютера участниками из удмуртской группы

Участников из двух этнокультурных групп (удмурты и русские) случайным образом распределили по экспериментальным (30 удмуртов, 30 русских) и контрольным (31 удмурт, 30 русских) группам. На первом этапе *тренировки* экспериментальная группа училась классифицировать животных на основе определенного правила (по конкретным признакам). Звучало оно так: «Животное обитает на Венере, если оно имеет, по крайней мере, три из следующих черт: копыта, изогнутый хвост, длинные лапы, уши антеннами – и красный окрас. Во всех остальных случаях животное обитает на Сатурне» (рис. 3). Контрольная группа осуществляла классификацию вне правил с помощью проб и ошибок.

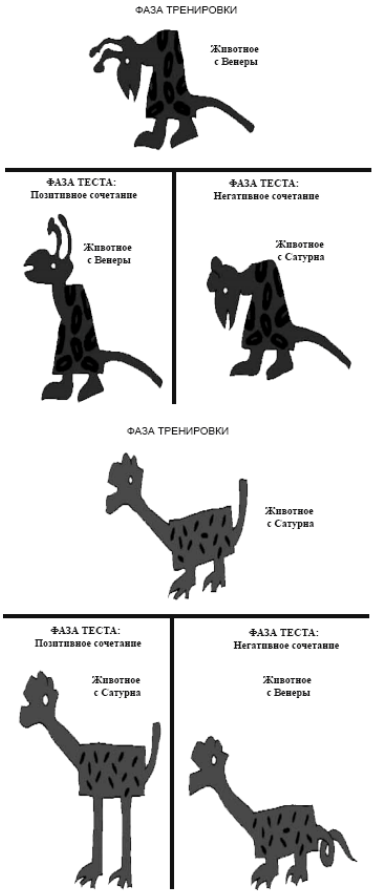


Рис. 4. Образцы стимульного материала для фаз тренировки и эксперимента по позитивному и негативному сочетанию [Norenzayan A. et al. 2002]

На втором этапе *тестирования* всем участникам были предъявлены 20 новых животных, чтобы классифицировать на основе трех из пяти определенных признаков. «По правилу», у половины животных были *положительные совпадения*: они принадлежали к одной категории и были очень похожи на тренировочный образец из той же категории. Другая половина животных имела *отрицательные совпадения*: они принадлежали к одной категории «по правилу», но были очень похожи на тренировочный образец из категории противоположной (рис. 4). Как видно на рис. 4, образы для позитивного сочетания очень похожи на образцы из фазы тренировки, отличаясь лишь одной несущественной чертой: голова направлена вверх или вниз. В противоположность этому, образы негативного сочетания были тоже очень схожи с образцами из фазы тренировки того же типа, но при этом отличались чертой, относившей животное «по правилу» (например, антенна и обыкновенные уши). Таким образом, животные с отрицательным совпадением, в отличие от животных с совпадением положительным, создавали когнитивный конфликт между классификациями «по правилу» и «по образцу».

Если экспериментальная группа умела классифицировать по правилу, то контрольная без тренировки продолжала интуитивно определять принадлежность животного соответственно имеющимся образцам. Условие «по образцу» служило контролем для выяснения, связаны ли ожидаемые культурные различия классификации на основе правил с различиями с явной тенденцией полагаться только на образец.

3. Результаты эксперимента в фазе тренировки в удмуртской и русской группах

Результаты эксперимента в фазе тренировки представлены в таблицах 1, 2.

Таблица 1

Фаза тренировки в удмуртской группе

	инструкция	N	Среднее значение	Стандартное отклонение	Средне-квадратичная ошибка	min	max
ошибки	По правилу	30	15,93	18,29	3,34	0,00	65,00
	По образцу	31	28,47	18,42	3,31	**2,50**	77,50
время	По правилу	30	155,73	102,55	18,72	61,00	517,00
	По образцу	31	**133,06**	60,73	10,91	68,00	356,00

Примечание: здесь и далее жирным шрифтом выделены наиболее значимые показатели.

Таблица 2

Фаза тренировки в русской группе

	инструкция	N	Среднее значение	Стандартное отклонение	Средне-квадратичная ошибка	min	max
ошибки	По правилу	30	14,92	10,18	1,85	0,00	**45,00**
	По образцу	30	21,58	15,82	2,89	5,00	90,00
время	По правилу	30	**151,47**	71,41	13,04	54,00	325,00
	По образцу	30	157,37	66,48	12,14	61,00	270,00

Как видим, участники эксперимента вне зависимости от этнической принадлежности в фазе тренировки при классификации «по правилу» сделали меньше ошибок. Следует заметить, что испытуемые-русские, умея работать по правилу, потратили меньше времени с наименьшим диапазоном ошибочных результатов. Тогда как удмурты в условиях работы «по образцу» быстрее классифицировали животных с минимальным показателем ошибки.

4. Результаты эксперимента в фазе теста «по правилу» в удмуртской и русской группах

Ознакомленные с правилами участники из экспериментальных групп продолжили классифицировать новых животных. В условиях работы «по правилу» измерялись количество ошибок при классификации и время реакции при ответе (рис. 5). По результатам применения критерия U-Манна-Уитни [Наследов 2004] выявлены значимые различия (U=328, p=0,048) между показателями количества ошибок в удмуртской и русской группах. Значит, русские студенты совершили меньше ошибок в условиях работы «по правилу». По показателям времени реакций при ответах значимых различий между группами не выявлено.

«По правилу» образы для позитивного сочетания были очень похожи на образцы в фазе тренировки, отличаясь только одной несущественной чертой: голова направлена вверх или вниз. Как видно на рис. 6, с применением критерия U-Манна-Уитни в экспериментальной группе русских зафиксировано больше положительных совпадений «по правилу» (U=309, p=0,022). Значимых межкультурных различий между показателями отрицательных совпадений, когда образы «по правилу» были очень похожи на тренировочный образец из противоположной категории, не выявлено.

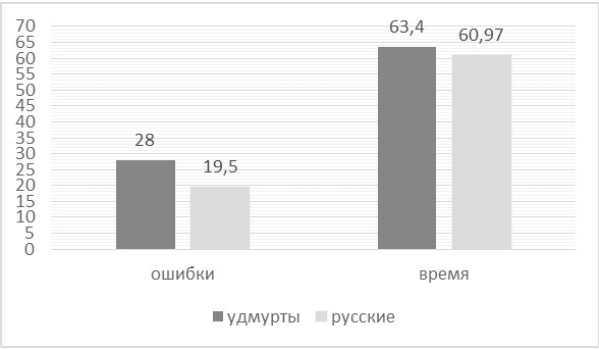


Рис. 5. Процент ошибок и время на выполнение теста «по правилу» в удмуртской и русской группах

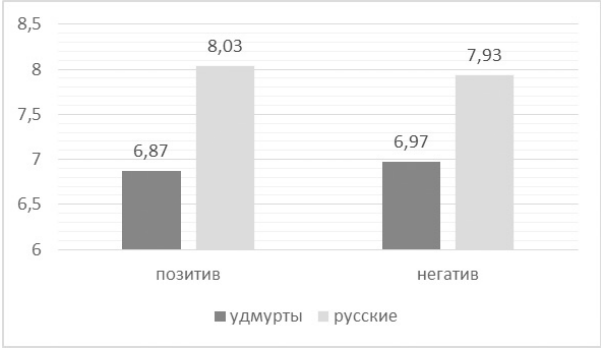


Рис. 6. Позитивное и негативное сочетания по правилу в удмуртской и русской группах

5. Результаты эксперимента в фазе теста «по образцу» в удмуртской и русской группах

Непосвященные в правилах участники из контрольных групп, которые тренировались классифицировать животных интуитивно на основе проб и ошибок, выполняли классифика-

цию новоявленных животных. Результаты количества ошибок и времени реакции при ответах представлены на рис. 7. Обнаружено меньше ошибок при классификации «по образцу» у участников из удмуртской группы (U=308, p = 0,020). Не выявлено значимых различий по показателям времени реакций при ответах испытуемых.

Групповое сравнение позитивных и негативных сочетаний показало (рис. 8), что у испытуемых из удмуртской группы позитивных совпадений «по образцу» больше (U=244, p= 0,001). Результаты сравнения негативных соответствий не получили значимых различий.

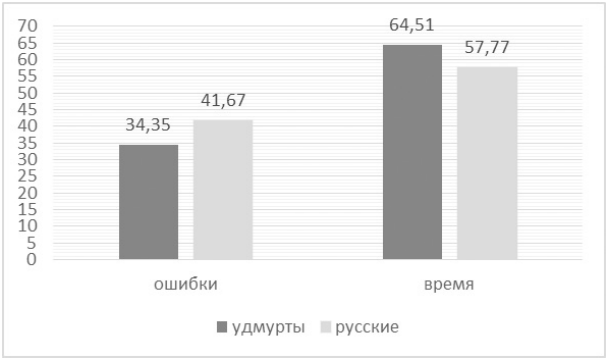


Рис. 7. Процент ошибок и время на выполнение теста «по образцу» в удмуртской и русской группах

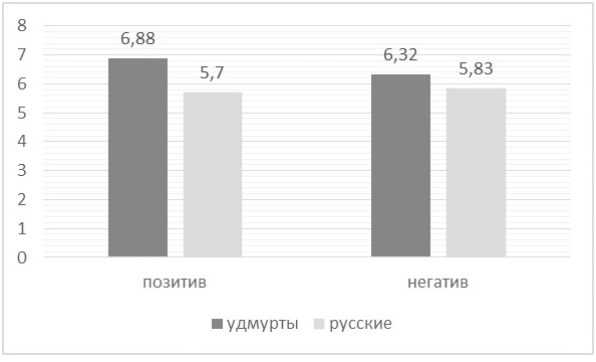


Рис. 8. Позитивное и негативное сочетания «по образцу» в удмуртской и русской группах

При сравнении позитивных и негативных совпадений в условиях работы «по правилу» и «по образцу» в каждой группе испытуемых получены данные о том, что участники из русской группы фиксируют позитивные совпадения преимущественно «по правилам» (U=93, p=0,0001), разрешая когнитивный конфликт при негативном совпадении признаков в большей мере в пользу правил (U=136, p=0,0001).

6. Обсуждение результатов

Чтобы разобраться в системах мышления представителей разных культур, необходимо проникнуть в концепции «картины мира» с их когнитивным содержанием о способах познания окружающего мира, воплощенных в традиционных ценностях [Хотинец 2008; 2011]. Исследователи в описании образа мира тех или иных народов чаще всего обращаются к результатам этого познания, анализируя космологические, онтологические, эсхатологические и др. системы [Лурье 1997, 88].

Итак, по результатам проведенного эксперимента установлено, что при положительных и отрицательных совпадениях русские студенты в большей мере предпочитают классифицировать объекты «по правилу». Как известно, рационализм – это стиль мышления западного человека со свойственными ему установками на разумность, естественную упорядоченность и внутреннюю логику [Nisbett, Peng, Choi, Norenzayan 2001]. Убежденность в способностях разума постигать мир позволяют человеку мыслить по установленным правилам, чтобы устроить мир на разумных основаниях. Правила и категории считаются основой картины мира западного человека.

В свою очередь, в эксперименте установлен факт приверженности студентов-удмуртов к соотнесенности объектов с имеющимися в ментальном плане образами, т.е. «по образцу». Допускаем, что удмурты во взаимодействии с социокультурным миром по большей части ориентируются на контекстуальные отношения между объектами и на их внешние сходства. «Онтология. Удмуртское мышление моделирует локальную причинно-следственную цепь внутри всеобщего и локальный статистический процесс – выборки рекурсивного характера, то есть конкретные функции» [Гагаев, Гагаев, Леткина 2017, 41]. Целостная картина мира удмуртов интегрируется на основе тесных взаимосвязей между ее элементами по принципу единства и встроенности друг в друга, структурного самоподобия, со снятием противоречий и противоборства между ними. «Космологический принцип удмурта: Мир прост и сложен; мир одного и разного рода и есть процесс; мир самосогласован

и не самосогласован; мир системен, локален и уникален; мир процесс, который неизменен и изменяется, эволюционирует, историчен в формах сразу регресса, прогресса, трансгресса» [там же]. Интуитивные системы рассуждений удмуртов, основанные на опыте, эмпирическом знании [Русских 2020], порождаются на основе рефлексии гетерархии локально-общих причин, оформления целостного видения мира и удержания этой целостности.

Интересен тот факт, что полученные данные соотносятся с результатами подобных исследований с участием обучающихся в США студентов из Восточной Азии и Европы, установившими, что восточные азиаты в собственных представлениях об устройстве мира меньше ориентируются на правила и категории и больше опираются на внешнее сходство и отношения между объектами. В свою очередь европейские американцы охотнее используют и легче обучаются категориям, основанным на правилах [Norenzayan A. et al. 2002].

Без сомнения, Россия – уникальная страна на стыке западной и восточной культур с самобытными картинами мира ее народов. В этих сложных конструкциях мироздания заложены способы познания человеком мира, географически сотворенного между Востоком и Западом. Эти способы встраиваются в когнитивную сферу как наиболее доступные, надежные и полезные возможности взаимодействия человека с окружающим его миром.

Наше исследование не претендует на исчерпывающую полноту поставленной проблемы о социо-когнитивных системах финно-угорских народов. Чтобы ответить на вопрос, легко ли обучать представителей одной культуры инструментами мысли другой культуры без понимания того, что это разные возможности, необходимы дальнейшие кросскультурные исследования на широкой выборочной совокупности.

ЛИТЕРАТУРА

Гагаев А. А., Гагаев П. А., Леткина Н. В. Удмуртский космо-психо-логос в антропологическом сравнении мокши, эрзи, удмурта. // Социосфера. № 4. 2017. С. 40–47.

Лурье С. В. Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 1997. 448 с.

Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2004. 392 с.

Русских Т. Н. Коммуникативное поведение современных женщин-удмурток в рамках семейно-брачных отношений // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Том 14. № 1. С. 103–114.

Хотинец В. Ю. Ценности язычества и удмуртская ментальность // Этнокультурная личность и конкурентоспособность. Сборник статей / Под ред. В. Ю. Хотинец, Э. Р. Хакимова. Ижевск: ГОУ ВПО «УдГУ». 2008. С. 7–22.

Хотинец В. Ю. Моделирование ментальности на основе религиозно-мифологических представлений и культурных ценностей удмуртов // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 99–108.

Allen S. W., Brooks L. R. Specializing in the operation of an explicit rule. Journal of Experimental Psychology: General. 1991. № 120. P. 3–19.

Atran S., Medin D. L. The native mind and the cultural construction of nature. Massachusetts : MIT Press, 2008. 333 p.

Bang M., Medin D. L., Atran S. Cultural mosaics and mental models of nature. PNAS: Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2007. Vol. 104. № 35. P. 13868–13874.

Bender A., Beller S. Current Perspectives on Cognitive Diversity. Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 7, № 509. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.00509/full (дата обращения 10 декабря 2019).

Dehaene S., Izard V., Spelke E., Pica P. Log or linear? Distinct intuitions of the number scale in Western and Amazonian indigene cultures. HAL Author Manuscripts. 2008. Vol. 320. № 5880. P. 1217–1220.

Lévi-Strauss C. La Pensée sauvage. Paris: Plon, 1962. 397 p.

Nisbett R. E. The Geography of Thought. How Asians and Westerners Think Differently… and Why. New York et al.: The Free Press, 2003. P.12–16.

Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Culture and Systems of Thought: Holistic versus Analytic Cognition. Psychological Review. 2001. № 108. P. 291–310.

Norenzayan A., Smith E. E., Kim B. J., Nisbett R. E. Cultural preferences for formal versus intuitive reasoning. Cognitive Science. 2002. № 26. P. 653–684.

Regehr G., Brooks L. R. Perceptual manifestations of an analytic structure: The priority of holistic individuation. Journal of Experimental Psychology: General. 1993. № 122. P. 92–114.

Schaller M., Norenzayan A., Heine S. J., Yamagishi T., Kameda T. (Eds.). Evolution, Culture, and the Human Mind. New York, NY: Psychology Press, 2010.

Schwartz B., Glass T., Bolla K. Disparities in cognitive functioning by race/ethnicity in the Baltimore Memory Study. Environ Health Perspect. 2004. Vol. 112. № 3. P. 314–320.

Smith E. E., Patalano A. L., Jonides J. Alternative strategies of categorization. Cognition. 1998. № 65. P. 167–196.

Поступила в редакцию 10.09.2020

Хотинец Вера Юрьевна,
доктор психологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: khotinets@mail.ru

Сабрекова Юлия Раисовна,
магистрант,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
426034, Россия, Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: julia.sabr@gmail.com

V. Yu. Khotinets, Yu. R. Sabrekova
ETHNOCULTURAL PREFERENCES OF LOGIC AND INTUITIVE THINKING

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-745-753

The paper analyzes the results of an experimental study of the preferences of logical and intuitive thinking of Udmurt and Russian students (a total of 121 people). In logical thinking, an object is selected from its context and assigned to categories based on necessary and sufficient functions, with the preferred use of rules, including rules of formal logic. Intuitive thinking based on life experience is characterized by integrity and contextuality with a dialectical resolution of obvious contradictions.

The research program, developed on the basis of a conceptual categorization model, consisted of a training phase and an experiment phase. In the computer program, categorization "by rule" was performed by determining how much a new object satisfies a rule that defines categories by their necessary and sufficient characteristics; categorization "by pattern" – by similarity of the new object with existing samples. The experiment created a cognitive conflict between thought strategies.

The experiment results show that Russian students prefer to classify objects "by rule" in case of positive and negative matches of characteristics, while Udmurt students prefer "by pattern" There were no significant cross-cultural differences between negative match indicators, when the images "according to the rule" were very similar to the training sample from the opposite category. The explanation of the obtained data was carried out in comparison with the "world pictures", with their cognitive content about the ways of cognition of the surrounding world, embodied in the traditional values of peoples.

Keywords: cross-cultural analysis, ethnic picture of the world, socio-cognitive systems, logical thinking "by the rule", intuitive thinking "by the pattern".

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol., issue, pp. 745–753. In Russian.

REFERENCES

Gagaev A. A., Gagaev P. A., Letkina N. V. Udmurtskii kosmo-psikho-logos v antropologicheskom sravnenii mokshi, erzi, udmurta [Udmurt cosmo-psycho-logos in an anthropological comparison of moksha, erzi, udmurta]. *Sotsiosfera*, 2017, no. 4, pp. 40–47. In Russian.

Lur'e S. V. Istoricheskaya etnologiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov [Historical Ethnology: Textbook for High Schools]. Moscow, Aspekt Press, 1997. 448 p. In Russian.

Nasledov A. D. Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh [Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data]. Saint Peterburg, Rech', 2004. 392 p. In Russian.

Russkikh T. N. Kommunikativnoe povedenie sovremennyh zhenshchin-udmurtok v ramkah semejno-brachnyh otnoshenij [Communicative behavior of modern udmurt women: scenarios, strategies, practices]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2020. Vol. 14 (1). pp. 103–114. In Russian.

Khotinets V. Yu. Tsennosti yazychestva i udmurtskaya mental'nost'. Etnokul'turnaya lichnost' i konkurentosposobnost'. Sbornik statei [The values of paganism and the Udmurt mentality]. *Ethnocultural personality and competitiveness*. Collection of articles. Ed. V. Yu. Khotinets, E. R. Khakimov. Izhevsk: GOU VPO «UdGU», 2008, pp. 7–22. In Russian.

Khotinets V. Yu. Modelirovanie mental'nosti na osnove religiozno-mifologicheskikh predstavlenii i kul'turnykh tsennostei udmurtov. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Modeling of mentality on the basis of religious-mythological representations and cultural values of the Udmurts]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies], 2011, no. 2, pp. 99–108. In Russian.

Allen S. W., Brooks L. R. Specializing in the operation of an explicit rule. *Journal of Experimental Psychology:* General, 1991, no. 120, pp. 3–19. In English.

Atran S., Medin D. L. The native mind and the cultural construction of nature. Massachusetts : MIT Press, 2008. 333 p. In English.

Bang M., Medin D. L., Atran S. Cultural mosaics and mental models of nature. *PNAS: Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2007, vol. 104, no. 35, pp. 13868–13874. In English.

Bender A., Beller S. Current Perspectives on Cognitive Diversity. Frontiers in Psychology, 2016, vol. 7, no. 509. URL: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2016.00509/full (accessed 10 Dec 2019). In English.

Dehaene S., Izard V., Spelke E., Pica P. Log or linear? Distinct intuitions of the number scale in Western and Amazonian indigene cultures. *HAL Author Manuscripts*, 2008, vol. 320, no. 5880, pp. 1217–1220. In English.

Lévi-Strauss C. La Pensée sauvage. Paris: Plon, 1962. 397 p. In French.

Nisbett R. E. The Geography of Thought. How Asians and Westerners Think Differently… and Why. New York et al.: The Free Press. 2003. pp. 12–16.

Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Culture and Systems of Thought: Holistic versus Analytic Cognition. *Psychological Review*, 2001, no. 108, pp. 291–310. In English.

Norenzayan A., Smith E. E., Kim B. J., Nisbett R. E. Cultural preferences for formal versus intuitive reasoning. *Cognitive Science*, 2002, no. 26, pp. 653–684. In English.

Regehr G., Brooks L. R. Perceptual manifestations of an analytic structure: The priority of holistic individuation. *Journal of Experimental Psychology:* General, 1993, no. 122, pp. 92–114. In English.

Schaller M., Norenzayan A., Heine S. J., Yamagishi T., Kameda T. (Eds.). Evolution, Culture, and the Human Mind. New York, NY: Psychology Press, 2010. In English.

Schwartz B., Glass T., Bolla K. Disparities in cognitive functioning by race/ethnicity in the Baltimore Memory Study. Environ Health Perspect, 2004, vol. 112, no. 3, pp. 314–320. In English.

Smith E. E., Patalano A. L., Jonides J. Alternative strategies of categorization. *Cognition*, 1998, no. 65, pp. 167–196. In English.

Received 10.09.2020

Khotinets Vera Yuryevna,
Professor, Doctor of Science (Psychology),
Udmurt State University,
Universitetskaya,1/6-104, Izhevsk, Russia,426034
E-mail: khotinets@mail.ru

Sabrekova Yulia Raisovna,
Undergraduate,
Udmurt State University,
Universitetskaya,1/6-104, Izhevsk, Russia,426034
E-mail: julia.sabr@gmail.com

ЮБИЛЕИ

УДК 811.511. 131(092)

Л. Л. Карпова

ТАЙНЫ ТОПОНИМИЧЕСКОГО ЗВУЧАНИЯ (К ЮБИЛЕЮ Л. Е. КИРИЛЛОВОЙ)

Статья посвящена юбилею удмуртского лингвиста, заслуженного деятеля науки, кандидата филологических наук Людмилы Евгеньевны Кирилловой. Рассматривается ее научная и творческая деятельность, освещается вклад ученого в развитие удмуртского языкознания, прежде всего в изучение удмуртской ономастики. Ее научные труды востребованы не только среди академического сообщества и преподавателей высшей школы, но и всеми, кто интересуется традиционной культурой. Ею проведено большое количество топонимических и фольклорно-диалектологических экспедиций, ареал которых, помимо Удмуртской Республики, охватывает Республику Татарстан и Кировскую область. Имя удмуртского лингвиста известно не только в российском масштабе, но и за его пределами. Л. Е. Кириллова – неоднократный участник международных конференций и конгрессов.

Ключевые слова: финно-угроведение, удмуртский язык, ономастика, топонимика, юбилей, Л. Е. Кириллова.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-754-760

Людмила Евгеньевна Кириллова – одна из видных и талантливых деятелей науки, известный финно-угровед, ведущий специалист в области удмуртской ономастики и топонимики, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН. Научная деятельность ученого получила высокую оценку как среди отечественных финно-угроведов, так и за рубежом. Её добросовестный труд отмечен многими наградами: Почетной грамотой Профсоюза работников РАН (1999), Почетной грамотой Госсовета Удмуртской Республики (2001), Почетной грамотой Удмуртской Республики (2014), Почетной грамотой МарНИИ языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (2006), Почетной грамотой Удмуртской

республиканской организации профсоюза работников народного образования и науки РФ (2006), Почетной грамотой Министерства национальной политики УР (2011) и др. За значительный вклад в удмуртскую филологическую науку ей присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Удмуртской Республики» (2005).

Родилась Л. Е. Кириллова (Зверева) в д. Якшур Завьяловского района Удмуртской АССР. Окончив Якшурскую среднюю школу, в 1972 г. поступила в Удмуртский государственный университет на удмуртское отделение филологического факультета, который она успешно завершила в 1977 г. В университете она слушала лекции по родному языку у таких авторитетных ученых, как И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков, сыгравших, безусловно, немаловажную роль в определении ее научных интересов. В студенческие годы она еще крепче полюбила родной язык, показала себя способным исследователем. В вузе активно включилась в жизнь факультета: была членом академкомиссии и членом профкома, старостой лингвистического кружка (рук. В. К. Кельмаков). В 1979 г., будучи студенткой II курса, участвовала в работе студенческой научной конференции в Тартуском государственном университете (Эстония). После окончания университета перед Л. Е. Кирилловой открылись две реальные возможности: 1) посвятить себя профессиональной деятельности учителя или 2) стать одним из исследователей финно-угорских языков. Она выбирает вторую и в 1977 г. по распределению приходит в сектор языка Удмуртского научно-исследовательского института. После года работы в должности младшего научного сотрудника ее направили на стажировку в Институт языкознания АН СССР, в сектор финно-угорских языков. Работала по теме «Микротопонимия бассейна реки Иж Удмуртской АССР» под научным руководством известного удмуртского исследователя, кандидата филологических наук Т. И. Тепляшиной.

В этом же институте в 1980–1983 гг. обучалась в аспирантуре под руководством видного и авторитетного ученого с мировым именем, доктора филологических наук, члена-корреспондента АН СССР Б. А. Серебренникова. За время учебы в аспирантуре Л. Е. Кириллова прошла хорошую научную школу, овладев методикой лингвистических исследований и освоив лучшие традиции отечественного и зарубежного финно-угроведения. По объективным причинам тему диссертационной работы ей пришлось поменять, и она стала исследовать микротопонимию бассейна реки Валы.

После окончания аспирантуры молодой ученый возвращается в Удмуртский научно-исследовательский институт, заняв должность сначала младшего научного сотрудника, а затем научного сотрудника сектора языка. И уже около 40 лет она трудится в стенах этого научного учреждения.

В октябре 1993 г. Л. Е. Кириллова успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении)», впервые в удмуртском языкознании в монографическом плане описав микротопонимию бассейна реки Валы. В работе представлены основные закономерности формирования удмуртской топонимической системы и теоретические основы для ее изучения.

Почти 20 лет (1994–2014 гг.) Л. Е. Кириллова заведовала сначала отделом языкознания, затем отделом филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (сейчас Институт является структурным подразделением Удмуртского Федерального исследовательского центра УрО РАН).

Одно из ведущих направлений в научной деятельности юбиляра – удмуртская ономастика. Без преувеличения можно сказать, что своими топонимическими исследованиями она создала новое направление в удмуртском языкознании. На основе анализа большого корпуса архивных и полевых лингвистических материалов, собранных в различных районах Удмуртии и за ее пределами, ею опубликовано свыше 140 научных работ. В их числе особо отметим две авторские монографии, одну коллективную монографию, методические и учебные пособия для вузов и школ, разделы в обобщающих трудах, статьи в энциклопедических изданиях, центральных и зарубежных журналах.

В монографии «Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении)»[1], изданной в 1992 г., впервые с помощью традиционных методов подробно рассматриваются лексико-семантические и структурные типы микротопонимов 80 населенных пунктов Вавожского, Можгинского и Увинского районов Удмуртии в сопоставлении с географическими названиями других регионов Удмуртии и России в целом. Особое внимание в работе уделено роли апеллятивной лексики в образовании удмуртских топонимов и микротопонимов. Все аппелятивы, входящие в состав микротопонимов бассейна Валы, автором подвергнуты этимологическому анализу и по характеру описываемой реалии разделены на 8 семантических групп. С точки зрения лексико-семантических признаков в системе микротопонимии Валы названия, образованные от нарицательной лексики, составляют 47,05 % от общей доли микротопонимов, названия, образованные от собственных имен, – 51,36 %, а названия, этимология которых выяснена недостаточно, – 1,57 %. В структурном отношении наиболее распространенными являются сложные наименования (85,41 %). Доля простых микротопонимов составляет 7,66 %, эллиптированных – 6,92 %. Исследователем выявлен ряд особенностей удмуртской микротопонимии, сводимых, по ее определению, к следующему: «а) самый распространенный тип образования – сочетание определяющего слова с определяемым, в роли которого выступает, как правило, аппелятив, обозначающий вид географического объекта; б) наличие сочетаний существительного с послелогом; 3) наличие глагольных конструкций»[2].

Продолжением разрабатываемой Л. Е. Кирилловой темы «Топонимия Удмуртии», начало которой было положено в предыдущей книге, стала монография «Микротопонимия бассейна Кильмези»[3], опубликованная в 2002 г. Она написана на основе богатого фактического материала, который был собран автором в 134 населенных пунктах Селтинского, Сюмсинского, Игринского, Красногорского и Якшур-Бодьинского районов, расположенных в бассейне Кильмези. В данной работе названия географических объектов представлены в виде словаря, включающего в себя 5425 наименований, каждое из которых подвергнуто этимологическому анализу. Достаточно подробно автором представлена лексико-семантическая характеристика и структурно-словообразовательный анализ микротопонимов. Фронтальное изучение микротопонимии любого региона дает гораздо обширный материал для решения вопроса об употреблении аппелятивов в географических названиях, способствует выявлению новых географических терминов, не встречающихся в других регионах. В частности, в микротопонимах бассейна Кильмези Л. Е. Кирилловой выявлены специфические аппелятивы типа *бӧмыр* ‘небольшой подлесок округлой формы посреди поля’, *вал'эс* ‘расчищенный из-под леса под пашню или покос участок земли’, *йыраӟ* ‘изголовье; верхняя часть, начало (чего-л.)’, *залка* ‘переулок’, *л'ипэто* ‘крытый зерноток’, *пӧз'ис' ~ пӧз'ыс'* ‘ключ, родник’ и др. Как подчеркивает исследователь, «микротопонимы бассейна Кильмези почти не отличаются от типов географических названий, относящихся к другим регионам Удмуртии, что объясняется одинаковыми географическими условиями и природной средой, спецификой материальной и духовной культуры, языка, которому они принадлежат, и отражают особенности удмуртской микротопонимии в целом. Существенные изменения, происходящие в названиях рассматриваемого нами региона, являются характерными для всей удмуртской топонимической системы»[4] .

Монографии юбиляра получили высокую оценку не только ученых-лингвистов, но и преподавателей вузов. Они широко используются в качестве учебных пособий студентами Удмуртского госуниверситета.

Л. Е. Кириллова входит в число соавторов коллективной монографии «Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона»[5], изданной в 2009 г. и представляющей собой ком-

[1] *Кириллова Л. Е.* Микротопонимия бассейна Валы (в типологическом освещении). Ижевск, 1992 б. 320 с.

[2] Там же. С. 198.

[3] *Кириллова Л. Е.* Микротопонимия бассейна Кильмези. Ижевск, 2002. 571 с.

[4] Там же. С. 421.

[5] *Шутова Н. И., Капитонов В. И., Кириллова Л. Е., Останина Т. И.* Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона. Ижевск, 2009. 244 с.

плексное исследование отдельных микрорайонов Камско-Вятского региона с целью выявления особенностей культурного ландшафта в разные исторические эпохи. Широкое привлечение топонимических материалов совместно с археологическими, фольклорно-этнографическими, географическими, экологическими, биологическими и другими данными позволило ярко представить историко-культурный ландшафт таких территорий, как окрестности д. Кузебаево Алнашского р-на Удмуртии, д. Старая Уча, сел Старая Юмья и Нырья Кукморского р-на Татарстана.

В соавторстве с известным топонимистом М. А. Самаровой в 2016 г. юбиляр подготовила и издала учебное пособие «Удмуртская онимия I. Онимы реальной действительности»[6]. Книга состоит из двух частей. В первой рассматриваются общие вопросы теории ономастики, определяется статус ономастики как раздела языкознания, ее объект и предмет изучения, также освещаются вопросы связи ономастики с другими науками. Кроме того, внимание уделяется истории изучения удмуртской ономастики, приводятся сведения об исследователях удмуртской ономастики. Вторая часть учебного пособия посвящена ономастическому пространству, где освещаются вопросы антропонимики, топонимики, а также анализируются космонимы, фитонимы и зоонимы удмуртского языка. Важно отметить, что до настоящего времени последние три типа онимов не были предметом специального изучения в удмуртской ономастике. В учебном пособии представлены приложение с основными ономастическими терминами, а также программа-вопросник, нацеленная на сбор ономастического материала. Таким образом, данное издание представляет собой оригинальную концепцию системно-образной организации ономастического пространства удмуртского языка, выявляющую его специфику и количественную динамику в языковой картине мира.

Большая работа проведена Л. Е. Кирилловой при подготовке географической карты Удмуртской Республики[7], где впервые, наряду с русскими названиями, обозначены и удмуртские названия населенных пунктов, рек и некоторых других объектов. Список удмуртских названий составлен Людмилой Евгеньевной. Карта была издана в 2009 г. при финансовой поддержке Общества М. А. Кастрена (Финляндия).

Значительное место в научном творчестве Л. Е. Кирилловой занимают работы, связанные с изданием памятников письменности удмуртского языка. В частности, в рамках серии «Памятники культуры Удмуртии» ею подготовлены и опубликованы рукописные памятники удмуртской письменности XVIII в.: «Русско-удмуртский словарь» З. Кротова[8] и «Грамматика М. Могилина»[9] (Мышкина)[10], более 200 лет лежавших в рукописном виде в архивах библиотек Санкт-Петербурга. Обе книги предваряют вступительные статьи Л. Е. Кирилловой, знакомящие читателя с особенностями подготовки этих изданий. Немалый вклад внесла Людмила Евгеньевна и в издание лингвистического наследия выдающегося просветителя, первого удмуртского ученого, педагога Г. Е. Верещагина. Совместно с коллегой Л. Л. Карповой она подготовила к публикации первую книгу четвертого тома Собрания сочинений Г. Е. Верещагина[11],

---

[6] *Самарова М. А., Кириллова Л. Е.* Удмуртская онимия I. Онимы реальной действительности: учебное пособие. Ижевск: Изд. центр «Удм. университет», 2016. 196 с.

[7] Удмуртская Республика: карта = Удмурт Элькунлэн мутусэз: Административной мутус / Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН; ФГУП «Уралаэрогеодезия». Екатеринбург, 2009.

[8] *Кротов З.* Удмуртско-русский словарь: около 5000 слов [= Краткой Вотской словарь съ россїйскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарїею Кротовымъ, 1785 г.]. Ижевск, 1995. 286 с. (Памятники культуры Удмуртии).

[9] *Могилин М.* Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики. Ижевск, 1998. 203 с. (Памятники культуры Удмуртии: Лингвистическое наследие).

[10] По более поздним исследованиям автором рукописи «Краткой отяцкія Грамматики опытъ» является М. А. Мышкин (подробнее об этом см.: *Чураков В. С.* Об авторе рукописи «Краткой отяцкой грамматики опыт» // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Ижевск, 2015. С. 342–345).

[11] *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 1 (Труды по языкознанию). Ижевск, 2002. 291 с. (Памятники культуры).

в которую вошли опубликованная и рукописная грамматики удмуртского языка («Руководство к изучению вотского языка» (Ижевск, 1924) и «Удмурт грамматика: кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын») и изданная работа «О книгахъ на вотскомъ языкѣ» (Вятка, 1895).

Л. Е. Кириллова является ответственным редактором ряда крупных коллективных работ, монографических исследований, материалов международных и региональных форумов, сборников научных статей. В частности, под ее руководством и при непосредственном участии подготовлен к изданию академический «Удмуртско-русский словарь»[12]. Словарь включает также удмуртско-русский и русско-удмуртский указатели географических названий – названия населенных пунктов и рек, составителем которого является юбиляр. Кроме того, Л. Е. Кириллова является одним из авторов фундаментального лексикографического труда «Русско-удмуртский словарь»[13], увидевшего свет в 2019 г. Эти академические словари являются нормативными двуязычными лексикографическими трудами и служат справочными изданиями для широких кругов населения республики. В 2012 г. совместно с В. П. Осотовой ею опубликован «Русско-удмуртский и удмуртско-русский медицинский словарь»[14], являющийся первым опытом составления подобного типа отраслевого словаря. Издание включает в себя также краткий разговорник и перечень медицинских терминов с толкованием на русском языке.

Признания заслуживает активная деятельность юбиляра в сохранении и развитии удмуртского языка. В течение ряда лет она является членом Республиканской термино-орфографической комиссии при Министерстве по делам национальностей Удмуртской Республики, основной задачей которой является развитие удмуртского литературного языка, упорядочение терминотворчества, орфографии и топонимии. Она проявила себя и как переводчик с русского на удмуртский язык нормативных документов органов государственной власти Удмуртской Республики.

Людмила Евгеньевна активно сотрудничает с зарубежными финно-угорскими научными центрами. В частности, она участвует в международном проекте «Onomastica Uralica», в рамках которого подготовила и опубликовала серию работ по удмуртской ономастике. Также при непосредственном ее участии между Удмуртским институтом истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН и Институтом языкознания Венгерской академии наук разрабатывалась исследовательская тема «Финно-угорское и удмуртское языкознание». В течение многих лет совместно с научным сотрудником Института языкознания Венгерской академии наук Жужанной Шаланки она выезжала в лингвистические экспедиции в различные районы Удмуртской Республики, в результате чего был собран большой, во многом оригинальный материал.

Высокий рейтинг популярности трудов Л. Е. Кирилловой достигается и благодаря вовлечению богатого материала полевых практик, в которых она продолжает принимать самое непосредственное участие. Экспедиционная деятельность Людмилы Евгеньевны началась с первых же дней ее работы в Институте. География ее топонимических и фольклорно-диалектологических поездок не ограничивается Удмуртской Республикой. Фронтально обследованы ею микротопонимы населенных пунктов, расположенных в бассейнах Валы, Кильмези и Ижа; совершались поездки и в другие удмуртские регионы, в частности в Глазовский, Дебесский и Кизнерский районы Удмуртии, а также в Агрызский и Менделеевский р-ны Татарстана и в Кильмезский р-н Кировской области. Ею проведено более 70 экспедиций, в результате которых собраны уникальные образцы лингвистического, этнографического и фольклорного материала. Особую ценность представляют выявленная микротопонимия исчезнувших деревень, а также антропонимия, космонимия, позволяющая воссоздать прошлое и настоящее деревень, языковую картину мира удмуртов, отражающая географическую среду, на которой развивается культура удмуртского народа во всех ее разновидностях: материальной, социальной и духовной.

[12] Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов / Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.

[13] Русско-удмуртский словарь: В 2 т. Более 55 000 слов. Т. 1 (А–О) / Отв. ред. Л. М. Ившин. Ижевск, 2019. 936 с.; Русско-удмуртский словарь: В 2 т. Более 55 000 слов. Т. 2 (П–Я) / Отв. ред. Л. М. Ившин. Ижевск, 2019. 1016 с.

[14] Русско-удмуртский и удмуртско-русский медицинский словарь / Сост. В. П. Осотова, Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2012. 246 с.

Ученый поддерживает тесные связи с вузами и школами республики. На протяжении ряда лет она вела занятия на географическом факультете, также на факультете удмуртской филологии (ныне Институт удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики) Удмуртского государственного университета; руководила курсовыми и дипломными работами студентов. Юбиляром подготовлены материалы для школьного учебного пособия по краеведению «Удмуртское краеведение» (Ижевск, 1992; 1999), «Отчий край» (Ижевск, 1993; 2000). Кроме того, Людмила Евгеньевна неоднократно выступала с лекциями перед учителями в Институте повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики, перед учителями и школьниками в Республиканском центре учащейся молодежи, на семинарах библиотекарей. Многократно оппонировала кандидатские диссертации, готовила отзывы ведущей организации на кандидатские и докторские диссертации.

Л. Е. Кириллова – участник ряда всесоюзных, всероссийских, зональных, республиканских и других конференций, а также международных конгрессов и симпозиумов по финно-угроведению в России и за рубежом. В ее содержательных докладах и выступлениях на международных научных конгрессах в Сыктывкаре (1985), Ювяскюля (1995), Тарту (2000), Йошкар-Ола (2005), Пилишчаба (2010) рассматриваются актуальные вопросы удмуртской и пермской ономастики.

Много делает юбиляр для лингвистического воспитания носителей языка. В ее научных и публицистических трудах, в выступлениях по радио и телевидению подчеркивается мысль о необходимости бережного отношения к родному языку и его традициям, к сохранению родной речи, национально-культурных ценностей, поскольку судьба любого народа органично сплетена с судьбой его языка.

Наряду с научной деятельностью, Л. Е. Кириллова ведет большую общественную работу. С 1994 г. она является координатором Общества М. А. Кастрена (Финляндия) по Удмуртской Республике; активно участвовала в работе Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш» и в Обществе удмуртских женщин «Удмурт нылкышно кенеш». В 2003–2007 гг. работала ученым секретарем специализированного совета по защите кандидатских диссертаций по специальности 10.01.09 – фольклористика.

Людмила Евгеньевна пользуется большим авторитетом среди коллег. Она честный и бескомпромиссный в науке человек, талантливый ученый, энергичный и неутомимый труженик. Исследовательский дар и преданность отличают ее, наделенную талантом и выносливостью, в выполнении любого дела, к которому она относится ответственно и со всей отдачей.

Дорогая Людмила Евгеньевна! Мы, коллеги и друзья, от всей души поздравляем Вас с замечательным юбилеем! Желаем крепкого здоровья, неиссякаемой жизненной энергии и оптимизма, новых творческих достижений, плодотворной научной деятельности, душевной молодости и успехов в реализации новых идей и проектов!

Поступила в редакцию 27.10.2020

Карпова Людмила Леонидовна,
доктор филологических наук, старший научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, Ижевск, Университетская, 1
E-mail: karpovalud@rambler.ru

L. L. Karpova

SECRETS OF TOPONYMIC SOUND (TO THE ANNIVERSARY OF L. E. KIRILLOVA)

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-754-760

The article is devoted to the anniversary of Ljudmila Jevgenjevna Kirillova, an Udmurt linguist, Honored scientist, Candidate of Philology. The author focuses on her scientific and creative activity and analyzes her contribution to the development of Udmurt linguistics, in particular considering her publications in onomastics. Her works are in demand not only among the academic community and teachers of higher education, but also of all those who are interested in traditional culture. During her activities she conducted a large number of toponymic and folklore-dialectological expeditions, the geography of which, in addition to the Udmurt Republic, covers the Republic of Tatarstan, the Kirov region. The name of the Udmurt linguist is known not only on a Russian scale, but also outside of it. L. E. Kirillova is a returning participant in international conferences, congresses.

Keywords: Finno-Ugrian studies, the Udmurt language, onomastics, toponymy, anniversary, L. E. Kirillova.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol., issue, pp. 754–760. In Russian.

Received 27.10.2020

Karpova Ludmila Leonidovna,
Doctor of Philology, Senior Research Associate
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
T. Baramzinoy st., 34, Izhevsk, Russian Federation, 426067
Udmurt State University
Universitetskaya st., ½, Izhevsk, Russian Federation, 426034
E-mail: karpovalud@rambler.ru

IN MEMORIAM

УДК 7.07-05

А. П. Сидорова, В. Б. Кошаев, Е. И. Ковычева

ПАМЯТИ РАФХАТА МУХАМЕТОВИЧА КАРИМОВА (1946–2020)

В статье, посвященной памяти безвременно ушедшего из жизни руководителя сети Домов ремесел Удмуртской Республики Р. М. Каримова, прослежены этапы работы известного деятеля культуры, организатора многих значительных проектов. Отмечены качества Р. М. Каримова как гражданина, руководителя, как яркой творческой личности. Дана оценка его вкладу в возрождение технологии утраченных ремесел, в дело сохранения и развития традиционной материальной культуры народов Удмуртии. Раскрыто значение деятельности Р. М. Каримова для культуры республики, региона, Российской Федерации, финно-угорского мира.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, ремесла, культура Удмуртии.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-761-764

Ушел из жизни Рафхат Мухаметович Каримов, заслуженный работник культуры Российской Федерации и Удмуртской Республики, лауреат Государственных премий Правительства Российской Федерации и Удмуртской Республики в области культуры, экс-директор Национального центра декоративно-прикладного искусства и ремёсел (далее НЦДПИиР) – головного учреждения двадцати трех муниципальных Центров ремесел Министерства культуры Удмуртской Республики.

Будучи уроженцем Удмуртии (родился на станции Люга Можгинского района УАССР), прекрасно зная её быт и культуру, пройдя отличную школу организатора сложнейшего производства на Ижевском электро-механическом заводе, Рафхат Мухаметович проявил редкое качество руководителя – умение определять перспективы развития сети культурных учреждений на основе изучения технологий традиционной культуры. За сравнительно небольшой период им была выстроена уникальная система деятельности по возрождению и развитию народного декоративно-прикладного искусства. Он

неуклонно и последовательно развивал концептуальную идею создания этнически узнаваемых высокохудожественных произведений, постоянно обращая внимание на необходимость воспитания кадров для данной сферы. Во многом благодаря руководству Р. М. Каримова сегодня в республике развиваются двадцать два вида народного декоративно-прикладного искусства; восстановлены утраченные технологии народного ткачества, вышивки, лоскутного шитья, изготовления национальных музыкальных инструментов и костюмов отдельных народов и этнических групп; возрождены художественная резьба по кости и дереву, токарное и бондарное искусство, художественная обработка бересты, плетение из растительных материалов.

С 2002 г. Р. М. Каримов руководил новым для Удмуртии проектом, цель которого – развитие садово-парковой скульптуры в республике. В результате реализации этого проекта большинство городов, сел, музейных комплексов и санаторных учреждений Удмуртии получило монументально-декоративные доминантные планировочные зоны высокого смыслового содержания. В 2006 г. группа руководителей Центров и Домов ремёсел была удостоена звания лауреатов Государственной премии Удмуртской Республики в области литературы, искусства и образования «За создание эффективно действующей системы декоративно-прикладного искусства и ремёсел в Удмуртской Республике». В составе награжденных наряду с Р. М. Каримовым – директора Домов ремесел: Игринского (А. В. Кардапольцев), Дебесского (М. П. Николаев), Узей-Туклинского (Г. Е. Сидоров), Старо-Моньинского (Н. М. Тарасов).

Интеграция Национального центра и всей системы в российскую и мировую художественную культуру достигается участием в международных, российских и межрегиональных фестивалях и выставках. В 2009 г. А. В. Ядыгарова, ведущий методист по ткачеству НЦДПИиР, удостоена премии правительства Российской Федерации «Душа России» в области народного творчества. Р. М. Каримов способствовал созданию для мастеров комфортных условий для изучения и постижения художественного мастерства; сотрудничал с вузами республики и колледжем культуры, главами администраций районов Удмуртии, домами ремесел Уральского региона, Сибири, Севера России. Также Рафхата Мухаметовича знают в странах Европы. Когда надо было решать какую-либо проблему, никто не мог отказать Каримову, не было никаких шансов что-то противопоставить его удивительной искренности и заинтересованности. И если он брал слово и говорил, неважно – с первыми лицами или коллегами, учеными и художниками – с обезоруживающей простотой излагал сложнейшие вещи, и создавалось впечатление, что сложное и нерешаемое оказывалось абсолютно простым и возможным. Он понимал цену духовному началу в человеке, но знал также, что устроить быт, достойную жизнь для семьи художника не менее важно, что это создает новые стимулы для творчества.

Особенное уважение Рафхат Мухаметович испытывал к мастерам и к директорам Центров ремесел, которых он весьма мудро удерживал от излишней самоуверенности в текущих успехах, хотя было чем возгордиться: слава районных Центров ремесел разносилась далеко, поскольку в них существовали мастера, представляющие весь спектр видов декоративно-прикладного искусства.

Р. М. Каримов с мудростью политика отечественной культуры объединял вокруг себя гуманитариев: специалистов в области истории, археологии, искусствоведения. Привлекая научный потенциал республики, он наладил систему работы художественно-экспертного совета при НЦДПИиР: в его состав входят видные ученые УР – этнографы, археологи и искусствоведы. В 2011 г. творческий коллектив учёных и работников культуры (Р. М. Каримов, В. Б.Кошаев, К. И. Куликов, М. Г. Иванова, В. Е. Владыкин, Н. М. Собина) удостоен звания лауреатов премии Правительства Российской Федерации в области культуры за научную и практическую работу по воссозданию ранее утраченных технологий удмуртского ткачества. Совместно с Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН были опубликованы книги «Возрожденная древность», «Узорное ткачество удмуртов». Произведения мастеров Домов ремесел представлены в альбомах «Декоративно-прикладное искусство Удмуртии», «Секреты удмуртских мастеров», выпущенных издательством «Удмуртия»; в целях продвижения народного искусства созданы просветительские фильмы «Семья мастеровая» и «Возрождённая древность».

Деятельность Р. М. Каримова высоко оценена Министерством культуры РФ, регионами России. Перенимать опыт работы по развитию народного декоративно-прикладного искусства в Удмуртию не раз приезжали делегации из Екатеринбурга, Тюмени, Салехарда, Нижнего Новгорода, Москвы, Самары, Ханты-Мансийска, Венгрии, Эстонии и др. С 1996 по 2002 гг. Р. М. Каримов возглавлял совет директоров Центров ремесел Координационного Совета по культуре и искусству в Уральском регионе «Большой Урал». За бесспорные заслуги он награжден Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Российского профсоюза работников культуры, Почетной грамотой и международным серебряным знаком «Культура Ямала».

Этих свершений и достижений, вместившихся в семнадцать лет руководства Рафхата Мухаметовича Каримова Национальным Центром декоративно-прикладного искусства и ремесел, хватило бы на многих руководителей. Честное существование, без оглядки на сложности времени, позволило сделать очень многое и вписать свое имя в историю культуры Удмуртии и России. Жизнь этого замечательного человека была наполнена радостью созидания; благодарная память о нем осталась и в сердцах людей, судьбы которых состоялись благодаря его мудрой поддержке.

Р. М. Каримов был настоящим профессионалом своего дела, увлеченным и уважаемым человеком. Вся его жизнь – яркий пример беззаветного служения Отечеству, избранному делу, верности своим идеалам и убеждениям. Рафхат Мухаметович навсегда останется в нашей памяти, а достижения созданной при его участии системы – в памяти наших потомков.

ЛИТЕРАТУРА

Возрожденная древность. Народное декоративно-прикладное искусство Удмуртии: альбом / К. И. Куликов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005.

Декоративно-прикладное искусство Удмуртии: книга-альбом. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2013.

Секреты удмуртских мастеров : книга-альбом. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2019.

Узорное ткачество удмуртов (по экспедиционным материалам В.Н. Белицер): альбом; УИИЯЛ Уро РАН; АУК УР НЦДПИиР, Ижевск, 2013.

Прислано в редакцию 17.11.2020

Сидорова Анетта Петровна,
специалист отдела междисциплинарных и прикладных исследований
Удмуртский институт истории, языка
и литературы УДМФИЦ УрО РАН
426034, Россия, Ижевск, Ломоносова,4
E-mail: sidorovaap@list.ru

Кошаев Владимир Борисович,
доктор искусствоведения,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова»
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1
E-mail: koshaev@gmail.ru

Ковычева Елена Ивановна,
доктор искусствоведения,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, Ижевск, Университетская, д.1
E-mail: el_kovich@mail.ru

A. P. Sidorova, V. B. Koshaev, E. I. Kovycheva

IN MEMORY OF RAFKHAT MUKHAMETOVICH KARIMOV (1946-2020)

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-4-761-764

The article on the untimely death of the head of the system of craft houses of the Udmurt Republic R. M. Karimov analyzes the stages of the life of a famous cultural figure, organizer of many significant projects. Biographical sources of R. M. Karimov's achievements, personal qualities of a citizen, a leader, and a bright creative personality are noted. The contribution to the development of the revival of technologies of lost crafts, preservation and development of traditional material culture of the peoples of Udmurtia is evaluated. The significance of merit for the culture of the Republic, the region, the Russian Federation, and the Finno-Ugric world is revealed.

Keywords: decorative and applied arts, crafts, culture of Udmurtia.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol., issue, pp. 761–764. In Russian.

REFERENCES:

Revived antiquity. Folk decorative and applied art of Udmurtia: album / K. I. Kulikov. Izhevsk: WIEL Uro RAN, 2005.

Decorative and applied art of Udmurtia: book-album. Izhevsk: Udmurtia publishing House, 2013.

Secrets of the Udmurt masters: book-album. Izhevsk: Udmurtia publishing House, 2019.

Patterned weaving Udmurts (for forwarding materials V. N. Belitser): album; Feil, Ural branch, Russian Academy of Sciences; AUC Ncdpi UR, Izhevsk, 2013.

Reseived 17.11.2020

Sidorova Anetta Petrovna,
specialist of the Department of interdisciplinary and applied research
Udmurt Institute of History, Language
and Literature UdmFRC UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
E-mail: sidorovaap@list.ru

Koshaev Vladimir Borisovich,
Doctor of Science (Art),
Moscow state University
named after M. V. Lomonosov
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
E-mail: koshaev@gmail.ru

Kovycheva Elena Ivanovna,
Doctor of Science (Art),
Udmurt State University
1, Universitetskaya St., Izhevsk, 426034, Russia
E-mail: el_kovich@mail.ru

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2020 ГОДУ В «ЕЖЕГОДНИКЕ ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

	Вып.	Стр.
Я З Ы К О З Н А Н И Е		
Эрцикова Г. А. Графико-орфографические особенности Евангелия 1821 года на марийском (горном) языке	1	6
Сафин Ф. Г., Мухтасарова Э. А., Халиулина А. И. Школьное образование как фактор сохранения родного языка в многонациональном регионе (на примере обучения на удмуртском языке в Башкортостане)	1	14
Некрасова Г. А. Варьирование падежных суффиксов в современном удмуртском языке	1	25
Купп-Сазонов С. Кто такие загадочные мы в русском и эстонском языках? (О переносном употреблении форм 1-го лица множественного числа)	1	34
Тимерханова Н. Н., Кашин А. А., Кудрявцев А. Ф. Ойконимы как отражение месторазвития удмуртского этноса	1	45
Динисламова О. Ю. Фразеосемантическое поле «здоровье человека» в мансийском и русском языках: сопоставительный аспект	1	55
Ившин Л. М. О рукописи «Матеріалы для сравнительнаго словаря…»	2	184
Иванова Г. С. Реляционная парадигматика отрицательных местоимений в мокшанском языке (на примере инсарского диалекта)	2	191
Карпова Л. Л. Реализация категории времени глагола в диалектах северного наречия удмуртского язык	2	199
Муллонен И. И., Пашкова Т. В. Семантическая модель «усердный» в прибалтийско-финских языка	2	214
Козмач И. О типологической классификации глаголов движения в финно-угорских языках	2	222
Тот Ш. Я. Влияние венгерского языка на использование словацкого в билингвальной среде (на англ. яз.)	2	227
Некрасова О. И., Пунегова Г. В. Репрезентация образа дома в коми языке	2	236
Боброва М. В. Коми-пермяцкая лексика растительного мира в этнолингвистическом аспекте (на материале современных прозвищ)	3	384
Гуськова А. П. К вопросу о сопоставительном изучении частей речи в венгерском и русском языках	3	395
Загребин А. Е., Садыкова М. А. «Культурные слова» Августа Альквиста: из истории финно-угорского языкознания 1860–1880 гг	3	405
Гал А. Изучение использования венгерского языка в словацких средних школах (на англ. яз.)	3	411
Андуганова М. Ю. Специфика графической лингвостилистики в сакральных текстах ханты «Песни Пелымского Торума»	4	582
Касаткина Т. Ю. Ассоциативное поле как модель анализа значения слова	4	589
Максимов С. А. Тюркско-удмуртские лексические метаморфозы II: о происхождении слов *ИТАЛМАС* ‘купальница европейская’, *КОНЬЫ* ‘белка’, *АТТА* ‘всё время, постоянно’	4	604
Ванчо И., Ефремов Д. А. Ревитализация саамского языка через призму образования в Финляндии (на англ. языке)	4	617
Норманская Ю. В. Коми-язьвинский – диалект коми-пермяцкого или отдельный язык?	4	628

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Шаронов А. М., Шаронова Е. А. «Масторава» и «Дорвыжы»: поэтические параллели..... 1 65
Низовцева С. Г. Семантика пространства в загадках коми: жилище..... 2 246
Ключева М. А. Персонаж вувер в марийских народных играх..... 2 259
Мальцев Г. И. Поминки и поминовения умерших не своей смертью у коми-пермяков..... 2 279
Пчеловодова И. В., Анисимов Н. В. Исполнитель и традиция: феномен личности в сохранении и передаче культурного наследия удмуртов..... 3 418
Рогачев В. И., Ваганова Е. Н., Карабанова Н. В. Пространственно-временные маркеры в фольклоре и языке мордвы-эрзи (на примере материалов с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия)..... 3 434
Панина Т. И. Прескрипции о снах и сновидениях в удмуртской традиционной культуре..... 4 642

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Зверева Т. В. В поисках мифа: Сальвадор Дали в контексте удмуртской культуры..... 1 75
Камитова А. В. Особенности стихотворений-песен удмуртского поэта Айво Иви..... 1 82
Федосеева Н. А. Периодическая печать и марийская литература первой половины XX века... 1 88
Остапова Е. В. Особенности репрезентации стихотворений коми поэта А. Лужикова в переводах на русский язык..... 2 284
Братчикова Н. С. Финляндская модель полиязычного культурно-образовательного пространства эпохи просвещения (первая половина XVIII в.)..... 2 293
Душенкова Т. Р., Федорова Л. П. Поэтика воспоминаний литературы нон-фикшн: проблема прошлого и настоящего в книге М. Атаманова «Улон-вылон дауркае: Тодэ ваёнъёс..... 3 445
Федосеева Н. А. «Тангыра» Михаила Атаманова и «Югорно» Анатолия Спиридонова: сравнительно-типологический аспект..... 3 454
Камитова А. В., Зайцева Т. И. Художественное освоение мира в очерковой прозе М. Г. Атаманова (на материале книги «Я – удмурт. Отчего мне больно?»..... 3 459
Созина Е. К. «Между Европой и Азией». Ориенталистские нарративы Александры Фукс: риторика письма и позиция автора..... 3 465
Зверева Т. В. «Сумерки богов» в поэтической книге Сергея Стратановского «Оживление бубна»..... 4 651
Шэнкар П. Венгерский и Словацкий вопрос в текстах Лайоша Хаана на фоне культурологии и литературоведения..... 4 659

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

Котов П. П. Вопросы переселения в коми край в конце XIX – начале XX века и экспедиция П. И. Соколова..... 1 94
Русских Т. Н. Коммуникативное поведение современных женщин-удмурток в рамках семейно-брачных отношений..... 1 103
Головнева Е. В., Головнев И. А. Визуальные репрезентации этнокультурных сообществ Севера в документальном кино (на примере фильма «Месторождение»)..... 1 115
Салмин А. К. Первые грамматики языков народов Урало-Поволжья..... 1 124
Молчанова Л. А. Удмуртская одежда в народных обрядах..... 1 131
Рыжкова Н. В. Историко-архитектурные особенности городских кинотеатров Удмуртии начала XX века в материалах Центрального Государственного архива Кировской области (ЦГАКО г. Киров)..... 1 138
Голдина Р. Д. Расселение финно-пермян на Средней Каме в VIII в. до н.э. – II в. н.э..... 2 304

Кулагин О. И. Ресурсная модель развития финно-угорского региона в XX в.: основа для устойчивого развития или путь в тупик? (на примере Республики Карелия)..... 2 324

Галиева Ф. Г. Финно-угорско-тюркская этнокультурная общность в погребальной обрядности башкир..... 2 336

Атаманов М. Г. О процессах исламизации и тюркизации удмуртов в середине XIX – начале XX вв..... 3 476

Воронцов В. С. «Дело глубокой темноты»: священнослужители об обстоятельствах Мултанского дел..... 3 484

Шутова Н. И. Обряды и верования удмуртов-калмезов Унинского района Кировской области..... 3 491

Загора М. Г. «Нахожу основание русского журнала в Финляндии совершенно излишним»: русская газета в Гельсингфорсе в 70-е гг. XIX в. 3 505

Надь З. «Вечность пахнет нефтью». Нефть и ханты: противодействие или приспособление? (на англ. яз.)..... 3 516

Чибисов Б. И. Этнический состав населения северо-западных погостов Новгородской земли в конце XV в..... 3 528

Винокурова И. Ю. События, связанные с обновлением иконы, в приходской жизни вепсов Шимозерья (по материалам рукописей К. А. Силакова..... 3 540

Потемкина М. Н., Пашковская Т. Г. Эстонцы в советской эвакуации на Южном Урале в годы второй мировой войны..... 4 675

Бахарев Д. С. Этнический ландшафт Пермской губернии в начале XX в.: картография контактных зон..... 4 688

Черниенко Д. А. Этнополитические установки населения Удмуртии (по материалам социологического исследования)..... 4 699

Кляшев А. Н. Удмурты – адвентисты Седьмого Дня в селе Якшур-Бодья: этно-демографический анализ..... 4 710

Нечвалода Е. Е. Народы Волго-Уральского региона в творческом наследии Федора Солнцева..... 4 720

Пузанов Д. В. Письменные известия о казнях пленных в потестарных образованиях Поволжья и Прибалтики конца XII – середины XIII в..... 4 733

Хотинец В. Ю., Сабрекова Ю. Р. Этнокультурные предпочтения логического и интуитивного мышления..... 4 745

ИННОВАЦИИ, ТЕХНОЛОГИИ

Култашева О. М., Никитина О. Н. Этнокультурные направления в деятельности культурно-досуговых учреждений г. Ижевска (на примере МБУК ДК «Восточный»)..... 2 346

Безенова М. П., Григорьев Г. Л. Роль программы проверки удмуртской орфографии в пополнении национального корпуса удмуртского языка..... 3 549

РЕЦЕНЗИИ

Шарапов В. Э. Рецензия на: Карм Светлана. Финно-угорский дискурс в эстонской этнологии (на примере исследования удмуртской культуры); [научный руководитель: Ph.D, профессор этнологии Леэте Арт ; Институт исследований культуры Факультета гуманитарных наук и искусств Тартуского университета]. – Tartu: University of Tartu Press, 2019. – 217 с. (Dissertationes ethnologiae Universitatis Tartuensis, 9)..... 2 357

Алексеева Л. В. Рецензия на: Кирилюк Д. В. Развитие школьного образования в Югре (1945–1991 гг.). Курган: ООО «Курганский Дом печати», 2019. 400 с..... 2 366

Арзамазов А. А. Художник, создавший эпос. Отзыв на эпос «Масторава» А. М. Шаронова..... 3 557

ЮБИЛЕИ

Кондратьева Н. В. Счастье не ищут, его в труде обретают..... 1 161
Тот С. Научное наследие выдающегося эстонского языковеда Мати Хинта..... 1 165
Аннук М., Вальдберг А., Ефремов Д. К юбилею Силарда Тибора Тота..... 2 369
Кондратьева Н. В., Зайцева Т. И. Наши дарованные богом напевы – пусть они будут в веках слышны..... 3 560
Карпова Л. Л. Тайны топонимического звучания (к юбилею Л. Е. Кирилловой)..... 4 754

IN MEMORIAM

Памяти профессора Николая Ильича Леонова (16.01.1957–03.01.2020)..... 1 171
Тот С. Памяти основоположника марийской национальной картографии и преподавателя Тартуского университета Юрия Гордеева (1973–2020)..... 3 565
Сидорова А. П., Кошаев В. Б., Ковычева Е. И. Памяти Рафхата Мухаметовича Каримова (1946–2020)..... 4 761

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании
«Ежегодника финно-угорских исследований»

В «**Ежегодник**» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Филологические науки
Языкознание
Литературоведение
Фольклористика
II. Исторические науки
История, археология и этнография
Этнология
III. Рецензии, отзывы, научная информация

Статьи, опубликованные в «Ежегоднике финно-угорских исследований», включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и размещаются в Научной **электронной библиотеке (eLibrary.ru).**

В журнале публикуются статьи на русском и на английском языке.

Лицензионный договор

Авторами подписывается договор о согласии на использование статьи в открытой печати. Авторы гарантируют, что статья является оригинальным произведением, и они обладают исключительными авторскими правами на нее. Форма Лицензионного договора находится на сайте журнала http://journals.udsu.ru/finno-ugric/finno-ugry.ru

Редакция журнала обращает внимание авторов на правила оформления и требования к рукописям статей. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье, объемом 0,5–1 печатного листа (30000–40000 знаков), для литературного редактирования – шрифт 14, интервал 1,5. Шрифт Times New Roman. Переносы в словах не допускаются. Текстовой файл должен быть сохранен в формате doc и обязательно pdf, назван по ФИО (например, Иванов И.И.doc).

Список литературы должен содержать не менее 15–20 научно-исследовательских источников (научные статьи, монографии) и располагаться в алфавитном порядке, в т. ч. не менее 30 % зарубежных источников. Источники на иностранных языках следует располагать за источниками на русском языке. Ссылки на источники в тексте оформляются в квадратных скобках с указанием автора, года издания и цитированных страниц. Например: [Иванов 1999, 56–58] или [Материалы к словарю… 1999, 67].

Список литературы должен соответствовать ГОСТу Р 7.0.5–2008, без нумерации, включаются только те издания, ссылки на которые есть в тексте статьи.

Порядок расположения частей статьи

Классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация статьи (200–250 слов), ключевые слова (15–17 слов), текст статьи, литература, reference, поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска), инициалы и фамилия автора на английском языке, название статьи на английском языке, аннотация на английском языке, ключевые слова на английском языке, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, должность, место и адрес работы, e-mail).

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок. В рукописи указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т. п. Все сокращения должны быть расшифрованы,

за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. Пример: Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно — УдГУ, в Гербарии УдГУ и т. д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи. За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Пример оформления литературы и источников

Отрывок из статьи:

Богатые и бедные едят одно и то же: хлеб и рыбу, пьют квас, водку и кофе. Образ жизни походит на жизнь аскетов, у которых богатство не существует или не демонстрируется [Вихавайнен 2012, 35–40].

Литература

Алексеев Э. Е. Раннефольклорное интонирование: Звуковысотный аспект. Москва, 1986. 240 с.

Алдошина И. А., Приттс Р. Музыкальная акустика. СПб., 2006. 720 с.

Вихавайнен Т. Столетия соседства: Размышления о финско-русской границе / пер. А. И. Рупасова. СПб.: Нестор-История, 2012. 248 с.

Список источников на русском языке дублируется на английском языке, транслитерируется и озаглавливается **References**, который следует сразу за списком источников на русском языке. При транслитерации рекомендуется использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Для транслитерации текста в соответствии со стандартом **BSI** можно воспользоваться ссылкой **http://translit.net** (транслит. по-русски).

1. Описание русскоязычной книги одного или нескольких авторов

Автор/авторы (транслит., жирн.). *Название книги* (транслит., курсив) [Перевод названия на англ. яз.]. Город (на англ. полностью), Издательство (транслит.+Publ.), год публикации. Кол-во стр. Язык оригинала на англ.

Пример:

Petrukhin V. Ya. *Mify finno-ugrov* [Myths of Finno-Ugric peoples]. Moscow, Astrel Publ., 2005. 464 p. In Russian.

2. Описание статьи из русскоязычных журналов, сборников

Авторы (транслит., жирн.). Название статьи (транслит.) [Перевод названия статьи на англ. яз.]. *Название русскоязычного журнала* (транслит., курсив) [Перевод названия журнала, сборника], год издания, том журнала, номер выпуска, диапазон страниц в статье. Язык оригинала на англ.

Пример:

Vladykina T. G., Panina T. I. Obrazy lesnykh dukhov v udmurtskoi mifologii i fol'klore: II. Palesmurt (polovinchatyi chelovek) [Forest beings in the Udmurt mythology and folklore: 2. Palesmurt (Half-Human Creature)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2015, no. 4, pp. 59–67. In Russian.

3. Описание многотомного издания

Авторы (транслит., жирн.). *Название издания* (транслит., курс.) [Перевод названия на англ. яз.]. Город (на англ. яз. полностью), Издательство (транслит.+Publ.), год издания. Название тома (транслит.). Кол-во стр. Язык оригинала на англ.

Пример:

Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenii*: V 6 t. [Collected Works: in 6 vol.]. Izhevsk, 1995. Vol. 1: Votjaki Sosnovskogo kraya [The Votyaks of Sosnovka Area]. 260 p. In Russian.

4. Описание материалов конференций

Автор (транслит., жирн.). Название статьи (транслит.) [Перевод названия статьи на анг. яз.]. *Название сборника конференции* (транслит., курсив) [Перевод названия сборника]. Город (на англ. яз. полностью), год издания, том журнала, номер выпуска, диапазон страниц в статье. Язык оригинала на англ.

Пример:

Vladykina T. G. Obrazy lesnykh dukhov v udmurtskoi mifologii i fol'klore: I. Nyulesmurt (lesnojch-elovek/leshii) [Forest Beings in the Udmurt Mythology and Folklore: 1. Nyulesmurt (Wood Spirit)]. *Traditsionnaya kul'tura v izmenyayushhemsya mire: Materialy VIII Mezhdunarodnoi shkoly molodogo fol'klorista «Traditsionnayakul'tura v izmenyayushhemsya mire» i seminara «Permistika: yazyk i stil' fol'klora»* [Traditional culture in the changing world: Proc. 8th Int. School of young folklorist "Traditional culture in the changing world" and seminar "Permistika: the language and style of folklore"]. Izhevsk, 2009, pp. 24–30. In Russian.

5. Описание диссертации или автореферата диссертации

Автор (транслит., жирн.). *Название диссертации или автореферата* (транслит., курсив) [Перевод названия на английский]. Город (на англ. яз. полностью), год издания. Общее число страниц. Язык оригинала на англ.

Пример:

Zaitseva E. N. *Narodnaya meditsina udmurtov v kontse XIX – pervoi treti XX v.: Dis. kand. ist. nauk* [Udmurt folk medicine in the late 19th – the early 20th century. Cand. hist. sci. diss.]. Izhevsk, 2004. 196 p. In Russian.

Zaitseva E. N. *Narodnaya meditsina udmurtov v kontse XIX – pervoi treti XX v.: Avtoref. dis. kand. ist. nauk* [Udmurt folk medicine in the late 19th – the early 20th century. Extended abstract of Cand. hist. sci. diss.]. Izhevsk, 2004. 24 p. In Russian.

6. Описание статьи из электронного журнала

Авторы (транслит., жирн.). Название статьи (транслит.) [Перевод на английский заглавия статьи]. *Название журнала* (транслитерация курсивом) – название журнала на английском языке (если есть официально зарегистрированное), год, том (vol.), номер (no.), страницы (pp.). Режим доступа (URL: http://www...) дата обращения (accessed).

Пример:

Sidorov S. V. Innovatsii v razvitii sel'skoy shkoly v Rossii vtoroy poloviny XVIII – nachala XX veka [Innovation in development of rural school in Russia of the second half of the 18th – the beginning of the 20th century]. *Pedagogika. Psychologiya* [Pedagogy and Psychology], 2010, no. 2. In Russian. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/2/Sidorov_Innovations/ (accessed 25 June 2010).

7. Описание англоязычных книг

Roper J. English Verbal Charms. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2005. 242 p.

8. Описание статьи из англоязычных журналов

Raal A., Sõukand R. Classification of Remedies and Medical Plants of Estonian Etnopharmacology. Trames – Journal of the Humanities and Social Sciences, 2005, vol. 9, no. 3, pp. 259–267.

Дополнительная информация:
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, УдГУ, корп. 6, к. 003
тел./факс: 8 (3412) 66 34 66
E-mail: rvkir@mail.ru
Роза Владимировна Кириллова (отв. редактор)

Dear Colleagues!

You are welcome to submit your manuscripts to be published
in **"Yearbook of Finno-Ugric Studies"**

The journal welcomes manuscripts in the following areas of interest:

I. Philological sciences
Linguistics
Literary studies
Folklore studies

II. Historical sciences
History, archaeology and ethnography
Ethnology

III. Reviews, comments, and news in brief

The articles published in the "Yearbook of Finno-Ugric Studies" will be included into the Russian Science Citation Index (RSCI) and registered in the Scientific Electronic Library (eLibrary.ru).

Reference list preparation guideline.

The editorial team requests authors to follow manuscript preparation guidelines. Manuscripts should meet internationally accepted requirements for academic papers. The length of the manuscript submitted should be about 4000–8000 words. Lettering in Times New Roman font size 14 pt with 1,5 line spacing is preferable. Font -Times New Roman. No automatic hyphenation. Please upload your manuscript both in *.doc and *.pdf formats, titled according to an author's name (for example, Ivanov_I.doc, Ivanov_I.pdf).

A reference list should comprise more than 15 researches (articles, monographs) including foreign ones and arranged in alphabetical order. Sources in foreign languages should be listed after sources in Russian language. In a text, references should be given in square brackets and should include an author's last name, date of publication and page number(s) where appropriate, for example . If the source has no identified author, cite the first few words of its title, date of publication and page number(s) where appropriate, for example [Material for the dictionary… 1999, 67].

The reference list should not be numbered and should comprise only sources mentioned in the paper.

Articles in Russian or English are submitted.

Manuscripts should be presented in the following order

Universal Decimal Classification No, the author's initials and surname, the title of the article, abstract (200–250 words), keywords (15–17 words), the body of the article, references, the date of submission (the date is set by the executive editor), the author's initials and surname in English, the title of the article in English, the abstract in English, keywords in English, information about the author (the author's full name, Scientific degree, position, the place of employment, Country, City, e-mail).

Manuscripts should be carefully checked and edited.

The author is held responsible for the correctness and completeness of bibliographic data.

Examples of citations in a reference list

Book

Roper J. English Verbal Charms. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2005. 242 p.

Chapter of a Book

Bergquist J. M. German Americans. In J. D. Buenker & L. A. Ratner (Eds.), Multiculturalism in the United States: A comparative guide to acculturation and ethnicity. New York, NY: Greenwood, 1992. pp. 53–76.